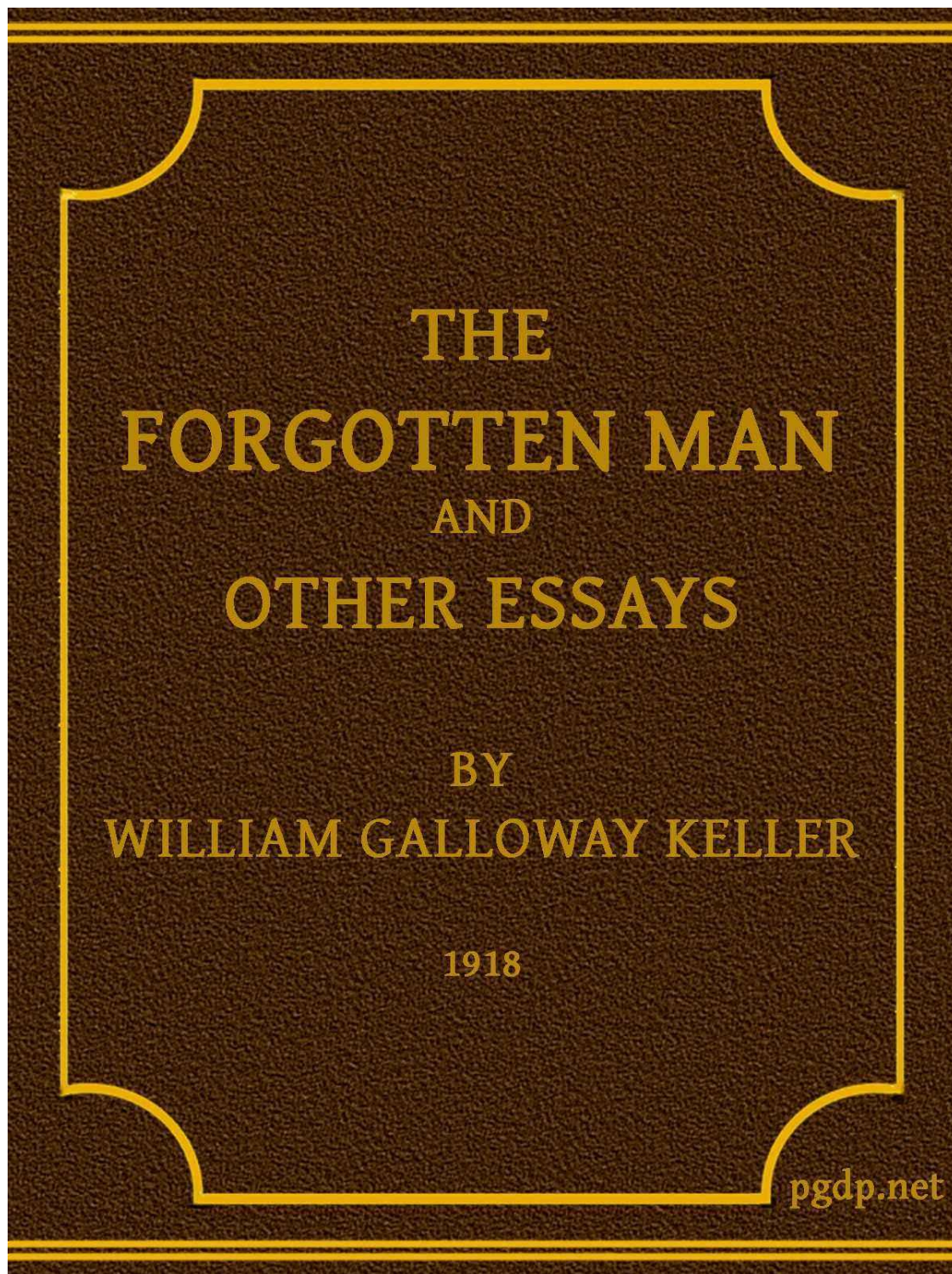

Забывтый человек и другие эссе

Уильям Грэм Самнер

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Забытом человеке и другие эссе

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Забытый человек и другие эссе

Автор: Уильям Грэм Самнер

Редактор: Альберт Гэллоуэй Келлер

Дата выхода: 25 июня 2021 г. [Электронная книга № 65693]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Тимом Линделлом, Чарли Ховардом и командой онлайн-корректоров (<https://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА"ЗАБЫТЫЙ ЧЕЛОВЕК И ДРУГИЕ ЭССЕ"

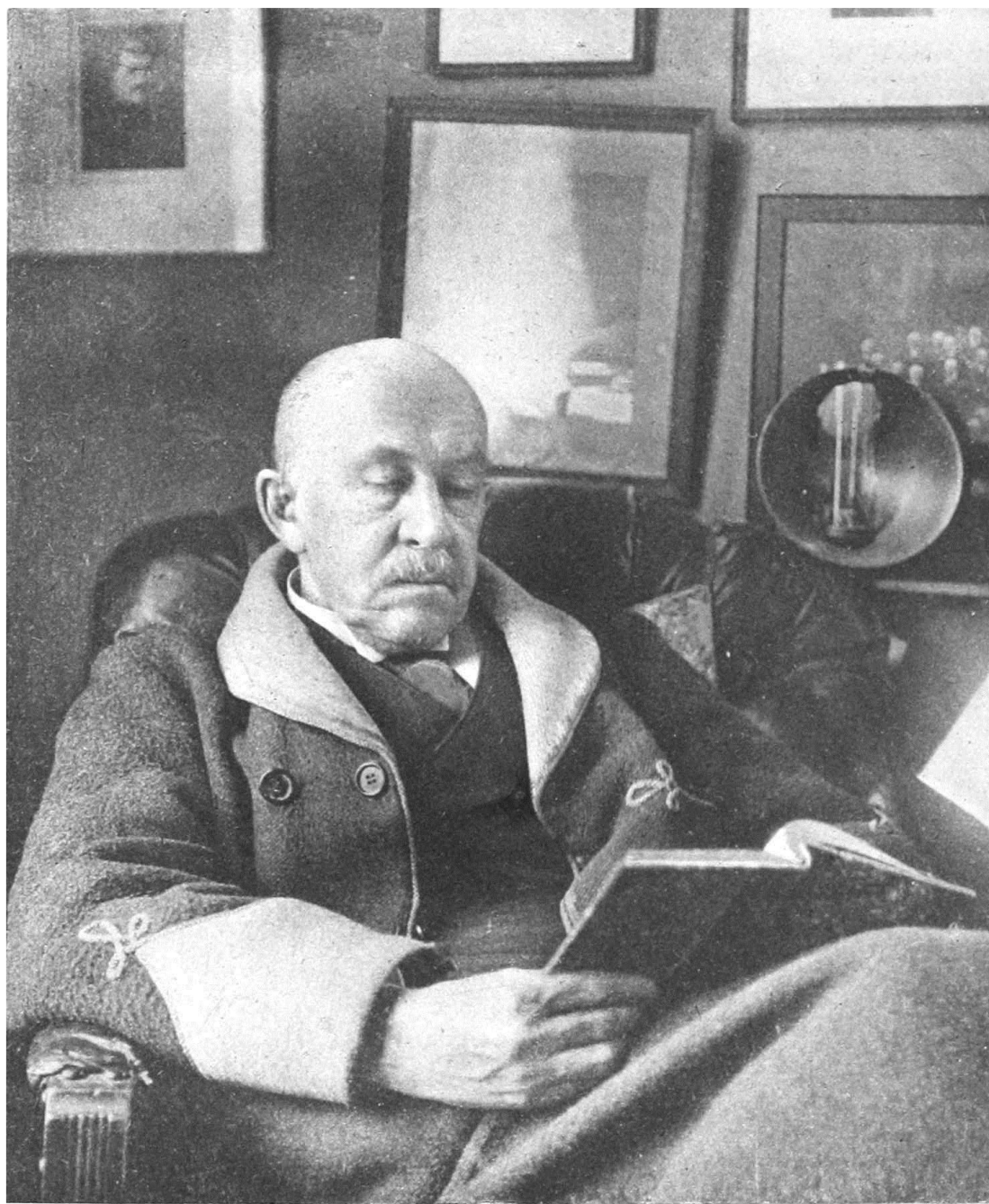
Электронная книга проекта Гутенберга "Забытый человек и другие эссе" Уильяма Грэма Самнера под редакцией Альберта Гэллоуэя Келлера

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив. См. <https://archive.org/details/forgottenmanothe00sumn>

Примечание переписчика

Увеличенные версии иллюстраций можно просмотреть, щелкнув по ним правой кнопкой мыши и выбрав опцию для просмотра их отдельно, или дважды нажав и / или растянув их.

Обложка создана автором и размещена в общественном достоянии.

Уильям Грэм Самнер
[1907]

ЗАБЫТЫЙ ЧЕЛОВЕК И ДРУГИЕ ЭССЕ

УИЛЬЯМ ГРЭМ САМНЕР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ АЛЬБЕРТА ГЭЛЛОУЭЯ КЕЛЛЕРА

НЬЮ-ХЕЙВЕН
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЙЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛОНДОН: ХАМФРИ МИЛФОРД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
MDCCCCXVIII

Авторское право, 1919,
Издательство Йельского университета

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящим сборником публикация эссе Самнера подходит к концу. Первоначальный проект издателей и редактора предусматривал выпуск всего одного тома — “Война и другие очерки” - и они соответственно снабдили этот том библиографией, которая была настолько полной, насколько они тогда могли это сделать. Но когда позже стало известно о других материалах, и особенно после обнаружения ряда неопубликованных рукописей, обнадеживающий прием, оказанный первому предприятию, побудил нас опубликовать второй, а затем и третий сборник: “Голод на земле и другие очерки” и “Вызов фактам и другие очерки”. Именно во время подготовки последнего из них, около пяти лет назад, покойный профессор Каллендер выразил редактору сожаление по поводу пропуска некоторых эссе Самнера по политической экономии, в частности тех, которые касаются свободной торговли и надежных денег. Рецензенты предыдущих сборников напомнили нам, и достаточно справедливо, что должна быть более полная библиография, а также указатель, охватывающий все эссе.

В этом последнем томе мы постарались учесть эти несколько предложений и критических замечаний. И теперь целью издателей является формирование из этих отдельно выпущенных томов набора из четырех, пронумерованных в порядке их выпуска. Поскольку серия не могла быть запланирована как таковая с самого начала, эта цель носит характер запоздалого обдумывания; и поэтому нет общей организации или систематической классификации по томам. Насколько классификация возможна в данных обстоятельствах, она производится с помощью индекса. Это и библиография являются работой доктора М. Р. Дэви; и являются лишь частью услуги, которую он оказал в интересах интеллектуального учителя, которого он мог узнать только через печатное слово и через посредство другого человека.

Доминирующий интерес Самнера к политической экономии, о чем свидетельствует его преподавание и письменные работы, проявился в отважной защите “свободной торговли и твердых денег” и включал в себя неустанное разоблачение протекционизма и схем обесценивания валюты. Чтобы передать его оценку протекционизма, вполне уместно, что его небольшая книга “Теория, которая учит, что расточительство создает богатство” была вызволена из мрака, которого она не заслуживает; она типична для самого энергичного периода творчества автора и свидетельствует об остроте прежней проблемы, которая может повториться. За неимением единой, всеобъемлющей статьи в области финансов, которая представляла бы интерес для чтения, было необходимо ограничить выбор несколькими довольно краткими статьями, большинство из которых датируется кампанией 1896 года. При выборе всех экономических эссе я руководствовался советом моего коллеги, профессора Ф. Р. Фэйрчайлда, сокурсника Самнера и поклонника его характера и карьеры. Профессор С. Л. Мимс также был щедр в своей помощи. Мне не нужно благодарить ни одного из этих людей, ибо то, что они сделали, было трудом благодарности и любви.

Заглавие “Эссе” вы найдете в конце тома. Это некогда знаменитая лекция о “Забытом человеке”, и здесь она печатается впервые. Когда готовилась “Война и другие очерки”, мы не знали о существовании этой рукописи лекции; и, чтобы включить в то, что, как мы предполагали, должно было стать однотомным собранием, это создание характера Самнером, на которое часто ссылаются в современных работах, мы перепечатали две главы из книги “Чем социальные классы обязаны друг другу”. Это было признано невыполнимым в более поздних переизданиях Vol. Я бы заменил эти главы более полным эссе; и поэтому мы решили

воспроизвести последнее, несмотря на определенную степень повторения, а не исключать его из серии. Ввиду того факта, что Самнер был, возможно, более широко известен как создатель и защитник “Забытого человека”, чем как автор любых других своих работ, мы озаглавили этот том “Забытый человек и другие эссе”.

Несколько эссе не экономического характера были включены, потому что они стали мне известны за последние несколько лет и, как мне показалось, призывают к сохранению. Практически невозможно установить даты таких рукописных эссе, поскольку не во всех случаях мне удавалось получить информацию от лиц, которые могли бы определить время и повод для публикации. И остается большое количество статей и рукописей, опубликованных или неопубликованных, которые могут быть лишь упомянуты со словом характеристики в библиографии.

Здесь следует упомянуть о большом количестве рукописных рукописей, оставленных Самнером и представляющих собой работу нескольких лет — с 1899 по 1905 год или около того — над систематическим трактатом “Наука об обществе”. Напечатанная в том виде, в каком она была оставлена, частично и неровно дополненная, со множеством мелких и несколько обширных пропусков, эта рукопись составила бы несколько солидных томов. Это памятник промышленности, включающий в себя, как это и было, сбор в течение многих лет тысяч заметок и меморандумов и извлечение из них, путем своего рода *демонстрации силы*, обобщений, предназначенных для изложения, при поддержке многочисленных свидетельств, в форме обзора эволюции и жизни человеческого общества. Эти рукописи в том виде, в каком они остались, представляют собой не более чем предварительный обзор широкой области вместе с более тщательно проработанными схемами участков этой области. Автор планировал переписать все целиком в свете “Народных обычаев”. Продолжение, модификация и завершение этого предприятия в чем-то приближающемся к форме, задуманной его автором, должно быть, если это вообще возможно, длительной задачей.

Когда рассматриваешь с помощью этих томов эссе различные этапы научной и литературной деятельности их автора, а затем вспоминаешь преподавание, как обширное, так и интенсивное, проводимое им с такой неустанной преданностью тому, что он считал своим первым долгом, — и когда снова думаешь о его трудах в администрации колледжей и университетов, в Совете по образованию штата Коннектикут и в других областях, — трудно понять, откуда у одного человека нашлось время, при всех его способностях и энергии, для выполнения всего этого. При виде свидетельств такого непрерывного и непоколебимого трудолюбия, едва прерванного ухудшением здоровья, постигшим Самнера примерно в возрасте пятидесяти лет, обычный человек испытывает чувство подавленности и растерянности и почти готов согласиться со старой, безнадежной традицией о том, что “в те дни были гиганты”.

При подготовке этого набора книг редактора постоянно поддерживал интерес и сочувствие женщины, которая всю жизнь была рядом с автором и для которой все, что имело отношение к сохранению памяти о нем, было справедливым, совершенным и в целом достойным похвалы. Выполнение этого редакторского задания принесло бы больше удовлетворения, если бы она все еще была среди нас и получила окончательное предложение.

А. Г. Келлер.

Содержание

	СТРАНИЦА
Предисловия	3
Протекционизм, теория, согласно которой расточительство создает богатство (1885)	9
Тарифная реформа (1888)	115
Что такое свободная торговля? (1886)	123
Протекционизм двадцать лет спустя (1906)	131
Процветание, задушенное золотом (1896)	141
Причина и лекарство от трудных времен (1896)	149
Схема свободной чеканки невыполнима на каждом этапе (1896)	157
Заблуждение должников (1896)	165
Преступление 1873 (1896) года	173
Одновременное обращение золота и серебра (1878)	183
Влияние коммерческих кризисов на мнения об экономических доктринах (1879)	213
Философия забастовок (1883)	239
Забастовки и промышленная организация (1887)	249
Тресты и профсоюзы (1888)	257
Старый “Трест” (1889)	265
Должны ли американцы владеть кораблями? (1881)	273
Политика в Америке, 1776-1876 (1876)	285
Администрация Эндрю Джексона (1880)	337
Коммерческий кризис 1837 (1877 Или 1878) года	371
Наука социология (1882)	401
Честность в образовании	409
Дисциплина	423
Содружество сотрудничества	441
Забытый человек (1883)	465
Библиография	499
Указатель	521

ПРОТЕКЦИОНИЗМ

- ИЗМ, КОТОРЫЙ УЧИТ, ЧТО РАСТОЧИТЕЛЬНОСТЬ СОЗДАЕТ БОГАТСТВО [1885]

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние пятнадцать лет нам предстояло обсудить два важных вопроса: восстановление валюты и реформу государственной службы. Ни один из этих вопросов еще не нашел удовлетворительного решения, но оба находятся на пути к такому результату. Следующая большая попытка устранить зло, навлекаемое на нас Гражданской войной, будет состоять в отмене тех налогов, которые один человек имел возможность взимать с другого, под прикрытием налогов, которые правительству пришлось установить для ведения войны. Я принял участие в обсуждении первых двух вопросов и рассчитываю принять участие в обсуждении третьего.

Я написал эту книгу как вклад в массовую агитацию. Я не стремился сохранить или поступиться научным или профессиональным достоинством. Я постарался изложить свою точку зрения настолько прямо и эффективно, насколько мог, для читателей, к которым я обращаюсь, а именно, для интеллигентных избирателей всех уровней общей культуры, которым необходимо, чтобы им объяснили, что такое протекционизм и как он работает. Поэтому я продвигал полемику так сильно, как только мог, и использовал простой язык, как я всегда делал раньше в том, что я писал на эту тему. Поэтому я должен отказаться от надежды на то, что сейчас я доставил сторонникам протекционизма больше удовольствия, чем раньше.

Протекционизм, как мне кажется, заслуживает только презрения, сатиры и насмешек. Это настолько вопиющий образец экономического шарлатанства, и оно маскируется под такое притворство учености и философии, что к нему следует относиться так же, как относятся к другим шарлатанствам. Тем не менее, из уважения к его силе в традициях и недостатку информации у многих людей, я здесь предпринял терпеливое и серьезное изложение этого. Сатира и высмеивание остаются прибегаемыми для догматичных протекционистов и сентиментальных протекционистов; обывательских протекционистов и тех, кто владеет ключом ко всем знаниям; протекционистов глупой добросовестности и тех, кто знает, что их догма - это обман, и поэтому раздражаются при ее разоблачении; протекционистов по рождению и усыновлению; протекционистов по найму и тех, кто избирается; протекционистов по партийной платформе и тех, кто публикуется в любимой газете; протекционистов по "непобедимому невежеству" и тех, кто принимает обеты и рукоположение; протекционистов по "непреодолимому невежеству". протекционисты, управляющие колледжами, и те, кто хочет сжечь колледжи дотла; защитники инвестиций и те, кто грешит против света; отчаявшиеся, которые действительно верят в британское золото и боятся Кобден-клуба, и нечестные, которые кричат об этих вещах, не веря в них; те, кому могут не ответить, когда они вступают в дискуссию, потому что они "великие" люди, или потому что они "старички", или потому что у них акции определенных газет, или потому что они попечители определенных колледжей. Все они

удостоили меня лично, в этой полемике, более или менее особого внимания. Признаюсь, мне стоило немалых усилий не принимать во внимание их дела, но заниматься ими было бы делом развлекательным, а не полезным.

Протекционизм вызывает у меня моральное возмущение. Это тонкое, жестокое и несправедливое посягательство на права одного человека со стороны другого. Это делается силой закона. Это одновременно социальное насилие, экономическая ошибка и политическое зло. Моральное возмущение, которое это вызывает, является мотивом, отвлекающим меня от научных занятий, составляющих мое настоящее занятие, и вынуждающим меня принимать участие в массовой агитации. Доктрина "призвания" применима в таком случае, и каждый человек обязан взять на себя именно ту большую долю, которая выпадет на его пути. Вот почему я уделил популярным лекциям на эту тему больше времени, чем мог себе позволить, и именно поэтому сейчас я изложил суть этих лекций в этой книге.

W. G. S.

Глава I

ОПРЕДЕЛЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА, ПОДЛЕЖАЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЮ

А) Система, Защита Которой является Средством выживания.

1. Государственные деятели восемнадцатого века полагали, что их бизнес - это искусство национального процветания. Их процедура состояла в том, чтобы сформировать идеалы политического величия и гражданского процветания, с одной стороны, и развить из их собственного сознания великие догмы о человеческом счастье и социальном благополучии, с другой стороны. Затем они попытались изобрести конкретные средства для соединения этих двух понятий друг с другом. Их идеалы политического величия включали в качестве преобладающих элементов блестящий двор, утонченную и элегантную аристократию, хорошо развитое изобразительное искусство и художественную литературу, мощную армию и флот, а также мирное, послушное и трудолюбивое крестьянство и класс ремесленников, которые платили налоги и поддерживали другую часть политической структуры. В соответствии с этим идеалом низшие чины платили по возрастающей, а высшие чины благословляли по убыванию, и все были счастливы вместе. Великие политические и социальные догмы того периода были экзотическими и неуместными. Они были заимствованы или приняты у классических авторитетов. Конечно, догм в основном придерживались и преподавали философы, но по мере того, как столетие шло своим чередом, они проникли в класс государственных деятелей. Государственный деятель, у которого не было другой цели, кроме служения "величию" короля или увековечения династии, уступил место государственным деятелям, у которых были сильные национальные чувства и национальные идеалы, и которые страстно искали средства для реализации своих идеалов. Не имея еще определенного представления, основанного на фактах наблюдения и опыта, о том, что такое человеческое общество или нация, и не имея адекватных знаний о природе и действии социальных сил, они были вынуждены прибегать к эмпирическим процессам, которые они не могли проверить, или измерить, или верифицировать. Они нагромождали устройство за устройством и отказ за отказом. Когда одно устройство не соответствовало своему назначению и порождало непредвиденное зло, они изобретали новое устройство, чтобы предотвратить новое зло. Новое устройство снова не смогло предотвратить и стало причиной нового вреда, и так до бесконечности.

2. Среди устройств для промышленного процветания были (1) налоги на экспорт сырья, чтобы сделать сырье в изобилии и дешево на дому; (2) субсидий на экспорт готовой продукции, чтобы сделать экспорт целом; (3) налоги на импортируемые товары, чтобы сделать импорт малых, и, таким образом, с № 2, чтобы принять “торговый баланс” благоприятный, и для обеспечения завоза вид; (4) налог или запрет на экспорт машин, так как не пускать иностранцев есть преимущество отечественных изобретений; (5) запрет на эмиграцию квалифицированных рабочих, дабы они не должны нести с иностранными конкурентами знание отечественного искусства; (6) монополий, поощрение предпринимательства; (7) навигационные законы для стимулирования судостроения или морская торговля, и, чтобы обеспечить морякам на флоте; (8) колониальная система, чтобы добиться политических сил самого торговля, где другие устройства уже уничтожены вмешательства в экономику; (9) законы для установления заработной платы и цен, чтобы подавить борьбу не класс капиталистов, чтобы сохранить себя в социальных пресс; (10) плохие законы, чтобы уменьшить борьба другую розетку; (11) экстравагантных уголовных законов, чтобы попытаться подавить другого развития этой борьбе с помощью террора; и так далее, и так далее.

В) Старые и новые концепции государства.

3. Здесь мы имеем полную иллюстрацию одного из способов рассмотрения человеческого общества или государства. Такое общество, с этой точки зрения, является искусственным или механическим продуктом. Это объект, который нужно отлить в форму, изготовить с помощью изобретения. Как и любой продукт, который создается путем достижения идеала вместо того, чтобы исходить из предшествующей истины и факта, продукт здесь случайный, гротескный, фальшивый. Как и любой другой продукт, который создается путем работы по линиям, установленным *априорными* предположениями, это сатира на человеческое предвидение и на то, что мы называем здравым смыслом. Такое состояние подобно карточному домику, с тревогой возводимому один на другой, готовому рухнуть при малейшем вздохе, которому приписывают самое большее наивную надежду и глупую самоуверенность; или это похоже на долгое и утомительное изобретение озорного школьника ради цели, которая была совершенно недооценена и считалась желанной, когда это следовало бы считать безумием; или это похоже на музей алхимика, наполненный образцами его неудач, памятниками ошибочного труда и свидетельствами ошибочного метода; или это похоже на музей алхимика, наполненный образцами его неудач. неуклюжий продукт неопытного изобретателя, который вместо того, чтобы спросить: “Какими средствами я располагаю и чему они будут служить?”, спрашивает: “Чего бы я хотел достичь?” и стремится выиграть этапы, добавляя больше рычагов и шестеренок, увеличивая трение и все дальше отодвигая решение.

4. Конечно, такое представление о государстве противоречит представлению о государстве как о средоточии изначальных сил, с которыми нужно постоянно считаться; как об организме, жизнь которого все равно будет продолжаться, каким бы извращенным, болезненным, извращенным она ни была из-за препятствий или принуждения; как о средоточии жизни, в котором никогда ничего не теряется, но каждый предшествующий фактор сочетается со всеми другими и вносит свой вклад в непосредственный результат, а затем снова в следующий результат, и так далее до бесконечности; как о сфере деятельности, столь обширной, что они должны приводить в ужас любого, кто осмеливается вмешиваться в них; инстинкты настолько тонкие и самосохраняющие, что для мудрейшего человека было бы только бесконечным наслаждением видеть, как они вступают в игру, и его славы было бы достаточно, чтобы оказать

им небольшую разумную помощь. Если бы государство хорошо выполняло свои функции по обеспечению мира, порядка и безопасности как *условий*, при которых люди могли бы жить и работать, самым гордым доказательством его триумфального успеха было бы то, что ему нечего было делать — что все шло так гладко, что ему оставалось только наблюдать и никто не призывал вмешиваться; точно так же, как для хорошего бизнесмена проверкой является то, что его бизнес протекает гладко и процветает, пока его не беспокоят и не торопят. Люди, которые думают, что вмешательство и “суэта” являются доказательством предприимчивости, могут полагать, что хорошее государство будет постоянно вмешиваться и регулировать, и они могут рассматривать государства другого типа как “негосударственные”. Государство может сделать гораздо больше, чем просто выполнять полицейские функции. Если оно будет *следовать* обычаю и росту социальной структуры для удовлетворения новых социальных потребностей, оно может сильно помочь созданию структуры, установив направления совместных действий, где не требуется ничего, кроме *некоторых* совместных действий по общепринятым направлениям; или оно может систематизировать ряд договоренностей, которые не приносят максимальной пользы из-за отсутствия согласованности; или оно может санкционировать новые права, которые постоянно создаются новыми отношениями в рамках новых социальных организаций, и так далее.

5. Последняя идея государства только начала завоевывать популярность. Вся история и социология свидетельствуют о ее сравнительной истинности, по крайней мере, по сравнению с первой. Согласно новой концепции государства, конечно, свобода означает разрыв оков, которые выковала “мудрость” прошлого, и *laissez-faire*, или “не обращать внимания”, становится кардинальной максимой государственного управления, потому что это означает: “Прекратите эмпирический процесс. Организуйте научный процесс. Позвольте этому состоянию вернуться к нормальному состоянию здоровья и активности, чтобы вы могли изучать его, узнать что-то о нем из наблюдения за его явлениями, а затем регулировать свои действия в отношении него с помощью разумного знания”. Государственные деятели, подходящие для этого последнего типа государства, пока не выдвинулись в большом количестве. Новые радикальные государственные деятели не проявляют склонности оставлять своих соседей в покое. Они думают, что пришли к власти только потому, что знают, что должны были сделать с ними их соседи. Государственным деятелям старого типа, которые говорили людям, что они знают, как сделать всех счастливыми, и что они собираются это сделать, всегда платили гораздо больше, чем любому из представителей нового типа, и их неудачи также никогда не стоили им общественного доверия. Мы устали от королей, священников, дворян и солдат не потому, что они не смогли сделать всех нас счастливыми, а потому, что наши *априорные* догмы изменили моду. Мы передали управление государством в руки юристов, редакторов, *литераторов* и профессиональных политиков, и они ни в коем случае не расположены отказываться от функций своих предшественников или отказываться от практики искусства национального процветания. Главное отличие состоит в том, что, в то время как старые государственные деятели привыкли ограничивать практику своего искусства заботой об интересах королей и аристократии, которые привели их к власти, новые государственные деятели чувствуют себя обязанными служить тем слоям населения, которые поставили их там, где они есть.

6. Некоторые из перечисленных выше старых устройств (§2), однако, устарели или становятся устаревшими. ¹Номер 3, налоги на импорт не для фискальных целей, не входит в это число. Только сейчас такие налоги, похоже, возвращаются в моду или переживают определенное

оживление. Признаком несовершенства нашей социологии по сравнению с другими нашими науками является то, что такое явление могло быть представлено в последней четверти девятнадцатого века как определенное возрождение веры в эффективность налогов на импорт как средства обеспечения национального процветания. Ни одно из одиннадцати упомянутых выше мер, включая налоги на экспорт оборудования и запреты на эмиграцию, не является столь рациональным и обоснованным, как налоги на импорт.

Теперь я предлагаю проанализировать и раскритиковать протекционизм.

(С) Определение протекционизма — Определение “Теории”.

7. Под протекционизмом я подразумеваю доктрину защитных налогов как инструмента, который следует использовать в искусстве национального процветания. Протекционисты любят представлять себя “практиками”, а свободных торговцев - “теоретиками”. “Теория” действительно является одним из самых употребляемых слов в этом языке, и отчасти в этом виноваты ученые. Они позволили этому слову войти в употребление, даже между собой, для *предположительного объяснения, или умозрительной гипотезы, или рабочей гипотезы, или проекта, который еще не был проверен экспериментально, или правдоподобной и безвредной теоремы о трансцендентальных отношениях, или о том, как люди будут действовать под влиянием определенных мотивов.* Газеты, кажется, часто используют слово “теоретический”, как будто они подразумевают под ним воображаемый или фиктивный. Однако я использую слово “теория” не в отличие от факта, а в том смысле, который я понимаю как правильное научное употребление этого слова, для обозначения *рационального описания группы согласованных фактов в их последовательности и отношениях.* Теория может для определенной цели описывать только определенные черты фактов и игнорировать другие. Следовательно, “на практике”, когда факты проявляют себя во всей их сложности, тот, кто небрежно пренебрег пределами своей теории, может быть удивлен явлениями, которые проявляются сами по себе; но его удивление будет вызвано грубой ошибкой с его стороны и не будет вменением теории.

8. Итак, свободная торговля - это не теория ни в каком смысле этого слова. *Это всего лишь способ свободы;* одна из форм нападения (и, следовательно, негативного), которое растущий интеллект настоящего совершает на препятствия, унаследованные им от прошлого. Внутри Соединенных Штатов существует абсолютная свобода торговли на всем континенте. Никто об этом не думает и не осознает. Никто этого не “чувствует”. Мы ощущаем только стеснение и угнетение. Если мы получаем свободу, мы размышляем о ней только до тех пор, пока сохраняется память об ограничении. Я снова и снова наблюдал изумление, с которым люди осознавали тот факт, когда им представляли, что они всю свою жизнь жили в условиях свободной торговли и никогда не задумывались об этом. Когда весь мир получит свободу торговли и будет пользоваться ею, об этом больше нечего будет говорить; это исчезнет из обсуждения и размышлений; это исчезнет из учебников политической экономии, как исчезают главы о рабстве; для людей будет так же странно думать, что у них может не быть свободной торговли, как сейчас для американца было бы думать, что он не может путешествовать по этой стране без паспорта, или что когда-либо существовал шанс, что почва наших западных штатов может быть почвой рабов, а не свободной почвой. Было бы столь же разумно применять слово “теория” к протестантской реформации, или к правовой реформе, или к борьбе с рабством, или к отделению церкви от государства, или к народным правам, или к любой другой кампании в

великой борьбе, которую мы называем свободой и прогрессом, как применять его к свободной торговле. Сторонники рабства раньше действительно применяли его к отмене рабства, и с полным основанием, если его использование, которое я когда-либо критиковал, было правильным; ибо для любого человека, выросшего в рабстве, требовалась огромная сила воображения, позволяющая представить результаты социальных изменений, и огромная сила, позволяющая следовать абстрактным рассуждениям и доверять им, чтобы осознать, до начала эксперимента, социальную и экономическую выгоду, которую можно получить — *больше всего для белых* — путем освобождения. Теперь людям, не имеющим опыта отделения церкви от государства, требуется большая сила “теоретической концепции”, чтобы осознать его пользу и справедливость. Аналогичные наблюдения справедливы для всех подобных реформ. Свободная торговля - это бунт, конфликт, реформа, реакция и оздоровление политического организма, точно так же, как были свобода совести, свободное богослужение, свобода слова, свободная пресса и свободная земля. Это ни в коем случае не теория.

9. Протекционизм не является теорией в правильном смысле этого термина, но он подпадает под некоторые популярные и неправильные варианты использования этого слова. Это чисто догматично и *априорно*. Желательно достичь определенной цели — богатства и национального процветания. В качестве средства предлагаются защитные налоги. Следует предположить, что существует некая связь между защитными налогами и национальным процветанием, некая причинно-следственная связь, некая последовательность затраченной энергии и реализованного продукта, между защитными налогами и национальным богатством. Если, таким образом, под теорией мы подразумеваем спекулятивную гипотезу относительно оккультных связей, которые не были и не могут быть прослежены в опыте, защита была бы отличным примером. Другой и параллельный пример дала астрология, которая предполагала причинно-следственную связь между движениями планет и судьбами людей и создала на этом предположении настоящее искусство предсказания. Другим примером, параллельным протекционизму в другом аспекте, была алхимия, которая, принимая как неоспоримую идею о том, что мы хотим превратить свинец в золото, если сможем, предположила, что существует философский камень, и принялась за его поиск с помощью столетий повторения метода “проб и неудач”.

10. Таким образом, *Протекционизм - это ИЗМ*; то есть это доктрина или система доктрин, которая не предлагает доказательств и не основывается ни на каких фактах, но призывает к вере на основании своей *априорной* разумности или правдоподобности, с которой она может быть изложена. Конечно, если мужчина скажет: “Я выступаю за защитные налоги, потому что они приносят мне прибыль. Это все, что меня интересует о них, и я добьюсь, чтобы они сохранялись так долго, как смогу” — понять его нетрудно, и спорить с ним бесполезно. Что касается него, единственное, что можно сделать, это найти его жертв и объяснить им суть дела. Единственное, что можно обсудить, - это доктрину национального богатства с помощью защитных налогов. Это учение имеет формы экономической теории. Оно соперничает с учением о труде и капитале как части науки о производстве. Его общепризнанная цель безлична и бескорыстна — фактически та же, что и у политической экономии. В отличие от свободной торговли, это не просто негативная позиция по отношению к унаследованной системе, к которой приводит изучение политической экономии. Это разновидность политической экономии, нацеленная на трон

самой науки. Если это верно, то это не следствие, а постулат, на котором должна строиться вся политическая экономия.

11. Но затем, о чудо! если сформулировать догму, составляющую протекционизм, — *национальное богатство может быть создано за счет защитных налогов и не может быть произведено без них*, — то вместо того, чтобы перейти к основанной на ней науке политической экономии, наука рухнет замертво на месте. Что можно сказать о производстве, населении, земле, деньгах, обмене, рабочей силе и всем остальном? Чему может научиться экономист или что он может сделать? Какую функцию выполняет университет или школа? Ничего не остается, как обратиться к искусству законодательства и заставить законодателя ввести налоги. Единственные вопросы, которые могут возникнуть, — это количество, разнообразие, размер и пропорция налогов. Что касается этих вопросов, то экономист ничего не может прояснить. У него нет метода их исследования. Он не может вывести никаких принципов, установить никаких законов в отношении них. Законодатель должен продолжать в темноте и экспериментировать. Если его налоги не дают требуемого результата, если в принятом им тарифе обнаруживаются “змейки”, он должен изменить его. Если результат по-прежнему не дает результата, измените его снова. Протекционизм закрывает науку политической экономии догмой, и единственный процесс искусства управления государством, к которому он ведет, — это вечные испытания и неудачи — процесс алхимика и изобретателя вечного двигателя.

D) Определение свободной торговли и защитной пошлины.

12. Что же тогда представляет собой защитный налог? Чтобы как можно более непосредственно присоединиться к проблеме, я процитирую определения, данные ведущим протекционистским журналом,² как свободной торговли, так и протекционизма. “Термин ‘свободная торговля’, хотя и широко обсуждается, редко имеет правильное определение. Это не означает упразднения таможен. Это также не означает замену прямого налогообложения косвенным, как предполагали несколько американских последователей этой школы. Это означает такую корректировку налогов на импорт, которая не вызовет отвлечения капитала из любого канала, по которому он мог бы течь в противном случае, в любой канал, открытый или благоприятствуемый законодательством, вводящим таможенную пошлину в действие. Страна может собирать весь свой доход за счет пошлин на импорт и все же быть страной с полностью свободной торговлей, при условии, что она не устанавливает эти пошлины таким образом, чтобы побудить кого-либо заняться какой-либо работой или сделать какие-либо инвестиции, которых он избежал бы в отсутствие таких пошлин: таким образом, таможенные пошлины, взимаемые Англией, — за очень немногими исключениями — не противоречат ее профессии страны, которая верит в свободную торговлю. Это либо пошлины на изделия, произведенные не в Англии, либо они в точности эквивалентны акцизным сборам, взимаемым с тех же изделий, если они произведены дома. Они не побуждают никого вкладывать свои деньги в домашнее производство товара, потому что они не делают дискриминации в пользу домашнего производителя”.

13. “С другой стороны, охранительная пошлина имеет своей целью отвлечение части капитала и труда людей из каналов, по которым они могли бы течь в противном случае, в каналы, одобренные или созданные законом”.

Я не знаю ни одного определения этих двух вещей, которые когда-либо были сделаны кем-либо, которое было бы более правильным, чем это. Я принимаю их и присоединяюсь к их обсуждению.

(E) Протекционизм порождает чисто внутренние противоречия.

14. Следует отметить, что данное определение защитной пошлины ничего не говорит ни об иностранцах, ни об импорте. Согласно этому определению, защитная пошлина - это механизм для осуществления преобразований в нашей собственной отрасли. Если в порту ввоза взимается налог на иностранный товар, который фактически импортируется, налог уплачивается в казну и приносит доход. Защитный налог - это налог, который призван препятствовать ввозу иностранных товаров. Он не действует защитно, если только не действует как барьер, и является не налогом на импорт, а препятствием для импорта. Следовательно, защитная пошлина - это стена, ограждающая отечественного производителя и потребителя и препятствующая последнему иметь доступ к любому другому источнику поставок для своих нужд в обмен на свою продукцию, кроме того, который контролирует отечественный производитель. Цель и план устройства состоит в том, чтобы позволить отечественному производителю взимать с внутреннего потребителя налоги, которые правительство установило в качестве барьера, но не взимало в порту въезда. При таком устройстве правительство говорит: "Мне не нужен доход, но я установлю налог, чтобы вы, избранный и пользующийся благосклонностью производитель, могли его собирать". "Мне не нужно облагать налогом потребителя для себя, но я буду удерживать его для вас, пока вы будете облагать его налогом".

(F) "Защитная пошлина не является налогом".

15. Некоторые говорят, что "тариф - это не налог", или, как сказал один из них перед Комитетом Конгресса: "Нам не нравится это так называть!" Это, безусловно, самый забавный момент в тарифном споре. Если тариф не является налогом, то что это такое? К какой категории он относится? Ни один протекционист еще не сказал об этом. Они, похоже, думают об этом как о чем-то само по себе, о Силе, своего рода Мумбо-юмбо, особая функция которого заключается в обеспечении национального процветания. Они, по-видимому, недостаточно проанализировали это или дали себе отчет в этом, чтобы знать, что это за вещь и как она действует. Любой, кто говорит, что это не налог, должен предположить, что это ничего не стоит, что это дает эффект без затрат энергии. Похоже, они действительно думают, что если Конгресс скажет: "Пусть налог в размере ... процента будет наложен на статью А", и если ничего не будет импортировано, и, следовательно, налог на таможенные не будет уплачен, национальная промышленность получит выгоду и богатство будет обеспечено, и что не будет никаких затрат или издержек. Если это так, то тариф волшебный. Мы нашли философский камень. Наши конгрессмены взмахивают волшебной палочкой над страной и говорят: "Не предусмотрено иное, на сто пятьдесят процентов", и вуаля! вот оно, наше богатство. И снова они говорят: "Пятьдесят центов за ярд и пятьдесят процентов *адвальной* платы"; и вот оно, наше процветание! Если бы мы построили стену вдоль побережья, чтобы не пускать иностранцев и их товары, это было бы кое-чего стоить. Если бы мы содержали военно-морской флот для блокады нашего собственного побережья с той же целью, это бы чего-нибудь стоило. Однако считается, что если мы сделаем то же самое с помощью налога, это ничего не будет стоить.

16. Это фундаментальная ошибочность защиты, к которой анализ будет возвращать нас снова и снова. С научной точки зрения, это означает, что *протекционизм грешит против сохранения*

энергии. Проще говоря, это то, что *протекционист либо никогда не видит, либо не сообщает другой стороне дела цену, затраченную на выгоды, которые он получает от защиты, и что, когда они изучаются и взвешиваются, они, несомненно, значительно превышают выгоды, если бы выгоды были реальными, даже без учета вреда для национального роста, который наносят ограничения и вмешательство.*

17. Есть только три способа, которыми человек может расстаться со своим продуктом, и различные виды налогов подпадают под различные способы отчуждения своих товаров. Во-первых, он может обменять свой продукт на продукт других. Затем он добровольно расстается со своей собственностью и получает ее эквивалент. Налоги, которые выплачиваются за мир, порядок и безопасность, подпадают под эту статью. Во-вторых, он может отдать свой продукт. Затем он добровольно расстается с ним без эквивалента. Налоги, которые добровольно уплачиваются за школы, библиотеки, парки и т.д., подпадают под эту статью. В-третьих, его могут лишить этого. Тогда он расстается с этим непроизвольно и без эквивалента. Налоги, которые носят защитный характер, подпадают под эту статью. Анализ является исчерпывающим, и для них нет другого места. Защитные налоги - это те, которые человек платит своему соседу, чтобы нанять его (соседа) для ведения собственного бизнеса. Первый человек не получает эквивалента (§ 108). Следовательно, любой, кто говорит, что тариф не является налогом, должен был бы отнести его к какой-то такой категории, как дань, грабеж или разбоем. Итак, чтобы не давать повода даже для несправедливого обвинения в использовании грубых слов, давайте вернемся назад и назовем это налогом.

18. В любом случае ясно, что *перед нами случай двух американцев.* Протекционисты, которые пытаются обсуждать этот предмет, всегда переходят к обсуждению английской политики и истории, или Ирландии, или Индии, или Турции. Я не буду за ними следовать. Я рассмотрю случай между двумя американцами, который является единственным случаем, который существует. Нравится ли англичанам наш тариф или нет, не имеет значения. На самом деле, англичане, похоже, пришли к мнению, что если американцы возьмут в качестве своей доли свой собственный внутренний рынок и будут держаться в стороне от мирового рынка, они (англичане) согласятся с таким соглашением; но неважно, согласятся они или разозлятся. Единственный вопрос для нас: что это за соглашение, по которому один американец облагает налогом другого американца? Как это работает? Кто от этого выигрывает? Как это влияет на наше национальное процветание? Это и только это те вопросы, которые я намерен обсудить.

19. Я использую *две разные линии расследования.* Во-первых, я рассмотрю протекционизм с точки зрения его собственных требований, принимая его доктрины и притязания за истинные, и прослежу за ними, чтобы увидеть, приведут ли они к обещанным результатам; и, во-вторых, я буду критиковать протекционизм негативно и противоречиво. Если кто-либо предлагает устройство для общественного блага, он имеет право на искреннее и терпеливое внимание, но он также обязан показать, как он ожидает, что его схема сработает, какие силы она задействует, как он будет их использовать и т.д. Акционерный принцип, кредитные учреждения, кооперация и все подобные механизмы должны быть проанализированы, и объяснение их преимуществ, если они предлагают какие-либо, следует искать в принципах, которые они воплощают, силах, которые они используют, пригодности их аппарата. Мы не должны доверять какому-либо устройству (например, биметаллизму, социализму), если его авторы не предложат его объяснение, которое выдержит жесткую и безжалостную проверку; ибо, если это надежное устройство, такое изучение только приведет к все более и более основательному убеждению в

его достоинствах. Поэтому я сначала рассмотрю протекционизм в том виде, в каком он предлагается, и протестирую его, как это мог бы сделать любой искренний исследователь, чтобы увидеть, имеет ли он какие-либо претензии на доверие в том виде, в каком его представляют его защитники.

Глава II

ПРОТЕКЦИОНИЗМ, РАССМАТРИВАЕМЫЙ НА ЕГО СОБСТВЕННЫХ ОСНОВАНИЯХ

20. Особая ирония всех эмпирических приемов в социальных науках заключается в том, что они не только не дают ожидаемого от них эффекта, но и приводят к прямо противоположному. Ожидается, что бумажные деньги помогут некапиталисту и должнику и оживят бизнес. Они разоряют некапиталистов и должников и останавливают промышленность и торговлю. Ожидается, что социалистические устройства приведут к равенству и всеобщему счастью. Они порождают деспотизм, фаворитизм, неравенство и всеобщую нищету. В своем действии эти устройства верны самим себе. Они действуют именно так, как непредвзятое изучение их должно было заставить любого ожидать, что они будут действовать, или просто так, как ограниченный опыт показал, что они должны действовать. Если протекционизм - это всего лишь еще один случай того же рода, то рассмотрение его на его собственных основаниях должно выявить тот факт, что он приведет к разрушению промышленности, уменьшению капитала и снижению среднего уровня комфорта. Давайте посмотрим.

А) Допущения протекционизма.

21. Очевидно, что доктрина включает в себя два допущения. Первая заключается в том, что если мы будем предоставлены самим себе, каждый будет свободно выбирать свое направление производственной деятельности и использовать свой труд и капитал в соответствии с условиями страны как можно лучше, мы лишимся нашего наивысшего процветания. Во-вторых, если Конгресс только обложит нас налогами (должным образом), мы сможем достичь более высокого благосостояния. Следовательно, сразу очевидно, что свободная торговля и защита здесь не на одном уровне. Ни один свободный торговец не станет утверждать, что у него есть средство, способное сделать страну богатой или спасти ее от трудных времен, так же как уважаемый врач не скажет нам, что он может дать нам конкретные рекомендации и профилактические средства для поддержания нашего здоровья. Напротив, пока люди живы, они будут совершать глупости, и им придется понести наказание; но если они будут свободны, они будут совершать только те глупости, которые являются их собственными, и они понесут наказание только за них. Протекционист начинает с предпосылки, что мы будем совершать ошибки, и именно поэтому он, который знает, как заставить нас идти правильно, предлагает взять нас в свои руки. Он подобен врачу, который может дать нам именно ту таблетку, которая нам нужна, чтобы "очистить нашу кровь" и "отогнать озноб". *Следовательно, либо процветание в стране свободной торговли, либо бедствие в протекционистской стране фатальны для протекционизма*, в то время как бедствие в стране свободной торговли или процветание в протекционистской стране ничего не доказывают против свободной торговли. Следовательно, ошибочность всех писем мистера Р. П. Портера очевидна. (§§ 52, 92, 102, 154.)

22. Способ, с помощью которого мы должны стать лучше самих себя, состоит в том, чтобы отобрать некоторых из нас, которые, безусловно, не являются лучшими бизнесменами среди нас, поехать в Вашингтон, а там развернуться и обложить себя налогами вслепую, или, если не

вслепую, хитро и эгоистично. Несомненно, это было бы торжеством глупости и невежества над разумными знаниями, предприимчивостью и энергией. Мотивом, который управлял бы каждым из нас, будь мы свободны, была бы надежда на величайшую выгоду. Мы должны приложить трудолюбие, благоразумие, экономию и предприимчивость в нашем бизнесе. Если мы потерпим неудачу, это произойдет по ошибке. Как должно действовать вмешательство конгресса? Как это - встретить и исправить нашу ошибку? Она не может апеллировать ни к какому другому мотиву, кроме желания наживы, и может предложить нам прибыль там, где ее раньше не было, только в том случае, если мы перейдем из выбранной нами отрасли в ту, которую мы не знаем. Там она предлагает большую прибыль только за счет того, что берет у кого-то другого и где-то еще. Или вмешательство конгресса направлено на то, чтобы исправить ошибки Джона, Джеймса и Уильяма и сделать праздных, трудолюбивых и экстравагантных благоразумными? Любой, кто верит в это, должен верить, что благополучие человечества зависит не от разума и совести самих заинтересованных лиц, а от капризов грубого невежества, воплощенного в немногих избранных, или от обмана лоббистов, действующих безлично и на расстоянии.

(В) Необходимые условия успешного применения защитного законодательства.

23. Предположим, однако, что было бы правдой, если бы Конгресс обладал властью (посредством некоторого осуществления налоговой функции) благоприятно влиять на промышленное развитие страны: разве это не правда, что здравомыслящие люди потребовали бы удовлетворения по следующим трем пунктам?

24. (а) Если Конгресс может это сделать и собирается попробовать, *не должен ли он, чтобы добиться успеха, иметь четкое представление о том, к чему он стремится и что предлагает делать?* Кто мог бы доверять человеку, который должен был возглавить предприятие и который не удовлетворял этому условию? Выполнял ли Конгресс его когда-либо? Никогда. У них никогда не было никакого плана или цели в их тарифном законодательстве. Конгресс просто предоставил себя в распоряжение заинтересованных сторон, и продукт его тарифного законодательства был просто результатом борьбы заинтересованных клик друг с другом и выгодных комбинаций, которые они были вынуждены заключать между собой. В 1882 году Конгресс действительно проявил некоторое уважение, реальное или притворное, к очевидному факту, что он был обязан, если он использовал эту могущественную власть и ответственность, предоставить некоторые разведданные для этого, и он назначил Тарифную комиссию, которая потратила несколько месяцев на сбор доказательств. Эта Комиссия состояла, за одним исключением, из протекционистов. Он рекомендовал снизить тариф на двадцать пять процентов и сказал: “В начале своих обсуждений Комиссия пришла к убеждению, что существенного снижения тарифных пошлин требует не простой огульный общественный шум, а лучшее консервативное мнение страны”. “Чрезмерные пошлины положительно вредят интересам, которым они, как предполагается, служат. Они поощряют вложение капитала в производственные предприятия опрометчивыми и неквалифицированными спекулянтами, за которыми следуют бедствия для авантюристов и их служащих и изобилие товаров, которое подрывает деятельность квалифицированных и осмотрительных предприятий”. (§ 111.) Этот отчет был полностью отброшен в сторону, и Конгресс, полностью проигнорировав его, начал все заново в точности по-старому. Закон 1883 года даже не был разработан Конгрессом. Это было сделано втемную, в комитете конференции,³ где в законопроект были внесены новые и грубые нарушения под прикрытием

многого пересмотра и сокращения. Когда законопроект о тарифах находится на рассмотрении Конгресса, первый проект начинается с определенной ставки по определенной статье, скажем, двадцати процентов. Она повышается поправкой до пятидесяти, статья объединяется, и ставка повышается до восьмидесяти процентов; законопроект направляется в другую палату, и ставка по этой статье снова снижается до сорока процентов; на совещании между двумя палатами ставка устанавливается на уровне шестидесяти процентов. Тот, кто верит в протекционистскую доктрину, должен, если он посмотрит на этот процесс, поверить, что процветание страны попирается по залу Конгресса, во власти шансов, которые, наконец, определяют, с каким процентом налогов будут облагаться эти статьи. И что определяет, с каким налогом будет выпущена та или иная статья? Какие-нибудь разумные знания отрасли? Ни слова об этом. Ничего в случае с данным налогом по данной статье, но только вот что: “Кто за этим стоит?” История тарифного законодательства Конгресса Соединенных Штатов проливает свет на протекционистскую доктрину, которая отчасти гротескна, а отчасти отвратительна.

25. (b) Если Конгресс может оказывать предполагаемое благотворное влияние на промышленность, *разве Конгресс не должен понимать силу, которую он предлагает использовать?* Разве в нем не должны быть какие-то нормы защитного законодательства, чтобы знать, в каких случаях, в каких пределах, при каких условиях устройство может быть эффективно использовано? Разве это не было бы разумным требованием к любому человеку, который предложил бы устройство для какой-либо цели? Конгресс никогда ничего не знал о том, каким образом принятые им налоги должны были выполнять эту благотворную работу. У него никогда не было и, похоже, никогда не возникало мысли о том, что ему необходимо получить какие-либо знания о режиме действия защитных налогов. Он платит налоги, настолько большие, насколько позволяют конфликтующие интересы, и возвращается домой, довольный тем, что спас страну. Как жаль, что философы, экономисты, мудрецы и моралисты потратили так много времени на выяснение условий и законов человеческого процветания! Налоги могут сделать все это.

26. (c) Если Конгресс может сделать то, что утверждается, и собирается попробовать это, разве не часть здравого смысла потребовать, чтобы через несколько лет к эксперименту были применены некоторые тесты, чтобы увидеть, действительно ли он работает так, как ожидалось? Во время предвыборной кампании 1880 года говорилось, что если Хэнкок будет избран, у нас будет свободная торговля, заработная плата упадет, фабрики закроются и т.д. Хэнкок не был избран, мы не добились никакой реформы тарифов, и все же в 1884 году заработная плата падала, фабрики закрывались, и все другие ужасные последствия, которыми грозили, сбылись. Зимой 1884-1885 годов Брэдстрит провел расследования, которые показали, что 316 000 рабочих, тринадцать процентов от числа занятых в обрабатывающей промышленности в 1880 году, остались без работы, 17 550 бастовали, и что заработная плата упала с 1882 года с десяти до сорока процентов, особенно в ведущих отраслях производства, которые защищены. Что же тогда доказывали все эти бедствия? Если бы у нас был какой-либо пересмотр тарифа, разве нам не следовало бы снова и снова заявлять об этих вещах как о результатах этого? Разве они не доказали в данном случае глупость защиты? О, нет! это было бы нападением на священную догму, а священная догма - это вопрос веры, так что, поскольку у нее никогда не было никакого фактического обоснования или доказательств, после провала эксперимента их остается столько же, сколько и до его проведения.

27. Если бы сейчас было возможно разработать систему законодательства, которая, согласно протекционистским идеям, должна была бы стать подходящей формой налогообложения для сегодняшней страны, *на какой срок она бы подошла?* Ни недели. Здесь живут миллионы людей на трех с половиной миллионах квадратных миль земли. Каждый день открываются новые линии связи, делаются новые открытия, производятся новые изобретения, применяются новые процессы, и, как следствие, промышленная система находится в постоянном движении и изменениях. Как, если бы правильная система защитных налогов была практически осуществима в любой данный момент, мог бы Конгресс идти в ногу с изменениями и реадaptациями, которые потребовались бы? Идея абсурдна, и это чудовищно, даже с точки зрения протекционистской гипотезы, что мы живем в условиях защитной системы, которая была создана в 1864 году. Еженедельные тарифные решения министерства финансов можно рассматривать как постоянные попытки приспособить старую систему к нынешним обстоятельствам, и, поскольку невозможно, чтобы новые ткани, новые составы и новые процессы нашли место в графиках, которые были составлены за двадцать лет до их изобретения, эти решения несут с собой судьбу десятков новых отраслей промышленности, которые не фигурируют ни в одной переписи и не принимаются во внимание ни одним конгрессменом. Следовательно, даже если бы мы верили, что защитная доктрина была разумной и что какая-то защитная система была полезной, и что та, которая у нас есть, была правильной, когда ее создавали, мы должны были бы прийти к выводу, что та, которой двадцать лет, несомненно, вредна сегодня.

28. Таким образом, в законодательном механизме, с помощью которого должен устанавливаться тариф, нет ничего такого, что было бы рассчитано на то, чтобы завоевать доверие здравомыслящего человека, а все наоборот; и проведенные эксперименты с таким законодательством не дали ничего, кроме предупреждений против этого устройства. Вместо того чтобы предлагать какие-либо разумные основания для веры в то, что наши ошибки будут исправлены и наши производственные мощности возрастут, рассмотрение тарифа как законодательного акта не предлагает нам ничего, кроме бремени, которое должно подрвать любую экономическую мощь, которой мы обладаем.

(С) изучение предлагаемых средств, а именно налогов.

29. Каждый налог - это бремя, и по сути дела не может быть ничем иным. На математическом языке каждый налог - это величина, на которую влияет знак минус. Если оно добивается мира и безопасности, то есть если оно подавляет преступность и несправедливость и предотвращает раздоры, которые были бы экономически разрушительными, тогда это меньшая отрицательная величина, чем та, которая была бы в противном случае, и это выигрыш хорошего правительства. Следовательно, как и любые другие расходы, которые мы производим, налоги должны контролироваться законом экономики — получать лучшее и максимально возможное при наименьших затратах. Вместо того чтобы небрежно относиться к государственным расходам, мы должны ревниво следить за ними. Вместо того чтобы рассматривать налогообложение как якобы благо, а уж точно не как зло, мы должны рассматривать каждый налог как средство защиты, а каждый цент налога - как нуждающийся в обосновании. Если государственный деятель требует больше, чем необходимо для оплаты хорошего экономического управления государством, он некомпетентен и не справляется со своими обязанностями. Последние пятнадцать лет я изучал почти исключительно политическую экономию, и когда я оглядываюсь назад на этот период и спрашиваю себя, какое наиболее заметное влияние, которое я могу

заметить на мое собственное мнение или на мою точку зрения по социальным вопросам, я нахожу, что оно заключается в следующем: я убежден, что никто еще не понимает многократных и сложных последствий, которые производит налогообложение. Я нахожусь под самым глубоким впечатлением от вреда, который наносит налогообложение, достигая, таким образом, каждого обеденного стола и каждого камина. *Последствия налогообложения меняются с каждым изменением промышленной системы и статуса отрасли*, и они настолько сложны, что их невозможно проследить, проанализировать и систематизировать; но из изучения предмета возникает твердое убеждение: налогообложение наносит ущерб, сокращает, урезает все время, снова и снова.

30. Предположим, что человек имеет доход в тысячу долларов, из которых он откладывал сто долларов в год без уплаты налогов. Теперь с него требуют налог в размере десяти долларов, независимо от того, какого рода налог или как он установлен. Должен ли он получить налог с расходов в девятьсот долларов или с сбережений в сто долларов? Если первое, то он должен сократить свой рацион питания, или свою одежду, или свое жилье в доме, то есть снизить свой уровень комфорта. Если последнее, то он должен уменьшить свое накопление капитала, то есть свои резервы на будущее. В любом случае, его благосостояние снижается, и на него нельзя повлиять иным образом, и в результате общего эффекта налог снижает благосостояние общества. Конечно, несущественно, что он может не знать фактов. Последствия те же. При таком взгляде на дело становится ясно, какой вред приносят налоги, которые взимаются для покупки парков, библиотек и всякого рода грандиозных вещей. Налоговик не обеспечивает общественный порядок. Он тратит на них заработки других людей. Он решает, что у его соседа должно быть меньше одежды и больше библиотеки или парка. Но когда мы переходим к защитным налогам, злоупотребления становятся чудовищными. Законодатель, в руках которого находится эта налоговая власть, использует ее, чтобы заявить, что у одного гражданина должно быть меньше одежды, чтобы он мог вносить свой вклад в прибыль частного бизнеса другого гражданина.

31. Следовательно, если мы посмотрим на природу налогообложения и если мы исследуем протекционизм с его собственной точки зрения, исходя из предположения, что он верен, то вместо того, чтобы найти какое-либо подтверждение его предположениям в природе средств, которые он предлагает использовать, мы обнаружим обратное. Допуская, что люди совершают ошибки и лишаются наивысшего благосостояния, которого они могли бы добиться, действуя свободно, мы ясно видим, что увеличение налогов не может помочь поднять их или исправить их ошибки; напротив, *любое налогообложение, сверх того, что необходимо для экономического управления при хорошем правительстве, является либо роскошным, либо расточительным*, и если бы такое налогообложение могло способствовать обогащению, расточительство создало бы богатство.

(D) рассмотрение Плана взаимного налогообложения.

32. Предположим тогда, что все отрасли и секции начинают облагать друг друга налогами, как мы видим, они делают в условиях протекционизма. Разве не ясно, что операция по налогообложению не может делать ничего, кроме *передачи* продуктов, ни при какой возможности не создавая их? Цель защитных налогов состоит в том, чтобы “осуществить отвлечение части капитала и рабочей силы страны из каналов, по которым они текли бы в противном случае”. Для этого он должен найти точку опоры или точку реагирования, иначе он

не сможет применить силу для достижения желаемого эффекта. Точку опоры предоставляют те, кто платит налог. Возьмем пример. Пенсильвания облагает налогом Новую Англию за каждую тонну железа и угля, используемых в ее промышленности. Огайо облагает налогом Новую Англию на всю шерсть, получаемую из этого штата для своей промышленности.⁴ Новая Англия взимает налоги с Огайо и Пенсильвании на весь хлопок и шерсть, которые она им продает. Каков чистый конечный результат? Математически достоверно, что единственным результатом может быть то, что (1) Новая Англия вернет только все, что она заплатила (в этом случае система равна нулю, за исключением затрат на процесс и ограничений, которые он налагает на отрасль в целом), или (2) что Новая Англия не вернет столько, сколько она заплатила (в этом случае она является данником других), или (3) что она вернет больше, чем заплатила (в этом случае она взимает с них дань). Тем не менее, с точки зрения протекционистов, эта система, распространенная на все слои населения и охватывающая все отрасли промышленности, является средством обеспечения национального процветания. Когда все это будет сделано, к чему это приведет, кроме того, что *все американцы должны поддерживать всех американцев*? Как они могут сделать это лучше, чем обеспечить каждого в меру своих возможностей? Тогда, однако, все предположения о протекционизме должны быть отброшены как ложные.

33. В 1676 году король Карл II даровал своему незаконному сыну, герцогу Ричмонду, налог в размере шиллинга за чашку на весь уголь, экспортируемый с Тайна. Мы рассматриваем такой грант как возмутительное злоупотребление налоговыми полномочиями. Однако это очень интересный случай, потому что владелец шахты и налогоплательщик были двумя разными лицами, и налог можно рассматривать во всей его раздельной неправомерности. Если, как я полагаю, это имело место, долина Тайн обладала такими превосходными возможностями по добыче угля, что обладала квалифицированной монополией, налог падал на владельца угольной шахты (землевладельца); то есть король передавал своему сыну часть собственности, которая принадлежала владельцам Tyne coal. С этой точки зрения, дело может привлечь внимание некоторых наших протекционистов, чего не было бы, если бы налог лег на потребителей. Если бы Конгресс отправил генерала Гранта на пенсию, выделив ему семьдесят пять центов за тонну всего угля, добываемого в долине Лихай, какие протесты мы услышали бы от владельцев угольных угодий в этом округе! Однако, если бы сын короля владел угольными шахтами и сам разрабатывал их, и если бы король сказал: “Я разрешаю вам поднять цену на ваш уголь на шиллинг за кубышку, и, чтобы дать вам возможность это сделать, я сам обложу налогом весь уголь, кроме вашего, на шиллинг за кубышку”, тогда механизм был бы современным, просвещенным и американским. Мы сделали именно это с наждаком, медью и никелем. Тогда налог взимается с потребителя. Тогда, по мнению протекциониста, это не вредно, а является ключом к национальному процветанию, тем, что исправляет ошибки нашего некомпетентного своеволия и ведет нас к лучшей организации нашей промышленности, чем мы, по нашей неуправляемой глупости, могли бы сделать.

(Е) рассмотрение предложения о “Создании отрасли”.

34. Однако протекционист заявляет, что он собирается создать промышленность. Давайте рассмотрим это понятие также с его точки зрения, предполагая истинность его доктрины, и посмотрим, сможем ли мы найти что-нибудь, заслуживающее доверия. Покровительственный налог, согласно определению протекциониста (§13), “имеет своей целью осуществление отвлечения части труда и капитала людей ... в каналы, одобренные или созданные законом.”

Если мы последуем этому предложению, мы увидим, что это за каналы, и убедимся, таковы ли они, чтобы заставить нас поверить, что защитные налоги могут увеличить богатство.

35. *Что такое отрасль?* Некоторые люди ответят: это предприятие, которое обеспечивает занятость. Протекционисты, похоже, придерживаются этой точки зрения, и они утверждают, что “дают работу” рабочим, когда создают отрасль. Исходя из этого, мы живем, чтобы работать; мы не работаем, чтобы жить. Но мы не хотим работать. У нас слишком много работы. Мы хотим зарабатывать на жизнь; и работа - это неизбежная, но неприятная цена, которую мы должны платить. Следовательно, мы хотим как можно больше жить за как можно меньшую цену. Мы увидим, что протекционист действительно “заставляет работать” в смысле уменьшения уровня жизни и повышения цен. Но если мы хотим зарабатывать на жизнь, нам нужен капитал. Если отрасль должна выплачивать заработную плату, она должна быть подкреплена капиталом. Следовательно, защитные налоги, если бы они увеличивали средства к существованию, должны были бы увеличивать капитал. Как налоги могут увеличивать капитал? Защитные налоги берут у А только для того, чтобы отдавать Б. Следовательно, если Б благодаря такому соглашению может расширить свою отрасль и “дать больше рабочих мест”, возможности А делать то же самое уменьшаются по крайней мере в равной степени. Следовательно, даже при таком ошибочном определении отрасли у протекционистов нет надежды.

36. *Промышленность - это организация труда и капитала для удовлетворения некоторых потребностей общества.* Это не самоцель. Это нехорошо иметь само по себе. Это не игрушка и не украшение. Если бы мы могли удовлетворять наши потребности без этого, нам было бы лучше, а не хуже. Как же тогда мы можем создавать отрасли промышленности?

37. Если кто-либо найдет в почве какого-либо района какую-либо новую силу для удовлетворения человеческих потребностей, он может наделить этот район новой промышленностью. Если он изобретет способ обработки какого-нибудь природного месторождения, например, руды или глины, чтобы создать инструмент или посуду, которые были бы дешевле и удобнее того, что используется, он может создать промышленность. Если он найдет какой-нибудь новый и лучший способ выращивать скот или овощи, чему, возможно, благоприятствует климат, он сможет сделать то же самое. Если он изобретает какую-то новую обработку шерсти, или хлопка, или шелка, или кожи, или создает новую комбинацию, которая дает более удобную или привлекательную ткань, он может сделать то же самое. Телефонная промышленность - это новая отрасль. Чем измеряется выгода от нее? Является ли это “занятостью” определенных лиц в телефонных офисах и около них? Выигрыш заключается в удовлетворении потребности в общении между людьми с меньшими затратами времени и труда. Бесплезно множить примеры. Можно видеть, что такое “создать индустрию”. Для этого нужны мозги и энергия. Как налоги могут этого добиться?

38. Предположим, что мы создадим индустрию даже в этом смысле —*Какая от этого выгода?* Жители Коннектикута в настоящее время зарабатывают себе на жизнь, применяя свой труд и капитал в определенных частях промышленной организации. Они меняли свои “отрасли” очень много раз. Если обнаружится, что у них появился новый и лучший шанс, до сих пор неразвитый, они все могут воспользоваться им. Для этого они должны отказаться от того, что делают сейчас. Они не изменились бы до тех пор, пока выгоды, которые можно было бы получить в новой отрасли, не были бы больше. Следовательно, выигрыш - это *разница* только между прибылью старого и прибылью нового. Однако протекционисты, когда они говорят о “создании отрасли”,

похоже, полагают, что общая прибыль отрасли (а некоторые из них, похоже, думают, что общая сумма затрат капитала) измеряет их хорошую работу. Таким образом, в любом случае, даже при истинном и законном увеличении промышленной мощи и возможностей единственным выигрышем была бы маржа. Но, по нашему определению, “охранительная пошлина имеет своей целью осуществление отвлечения части капитала и труда людей из каналов, по которым она в противном случае текла бы”. Очевидно, что этот прием предполагает принуждение. Людям не нужно было бы принуждения, чтобы перейти в новую отрасль, которая имела естественное происхождение в виде новой промышленной мощи или возможностей. Не требуется принуждения, чтобы заставить людей покупать доллары по девяносто восемь центов за штуку. Случай принуждения - это когда желательно заставить их покупать доллары по сто один цент за штуку. Здесь нужен государственный деятель с его налоговой властью, который может что-то сделать. Что? Он может сказать: “Если вы купите доллар по сто один цент, я могу обложить налогом Джона вон там на два цента в вашу пользу; один - чтобы возместить ваши убытки, а другой - чтобы принести вам прибыль”. Следовательно, *согласно собственной доктрине протекциониста*, его устройство не нужно и не может быть использовано, когда создается новая отрасль в истинном и единственно разумном смысле этих слов, *нотолько тогда, когда и потому, что он полон решимости использовать труд и капитал страны в невыгодных и расточительных целях.*

39. Более того, очевидно, что протекционист, вместо “создания новой отрасли”, *просто взял одну отрасль и превратил ее в паразита, живущего за счет другой.* Трудолюбие само по себе награда. Соседи не должны платить человеку премию за то, что он сам зарабатывает себе на жизнь. Фабрику, сумасшедший дом, школу, церковь, богадельню и тюрьму нельзя отнести к одной и той же экономической категории. Мы знаем, что общество должно облагаться налогом на содержание приютов для умалишенных, богаделен и тюрем. Когда мы сталкиваемся с такими учреждениями, мы смотрим на них с сожалением. Они растрачивают капитал. Мы знаем, что повсюду трудлюбивые люди, которые трудятся и производят, должны расстаться с частью своих заработков, чтобы восполнить растрату и убытки этих учреждений. Следовательно, *чем они больше, тем они печальнее.*

40. Что касается школ и церквей, мы знаем, что общество должно оплачивать и поддерживать свои собственные консервативные институты. Они стоят капитала и не окупают его напрямую, хотя окупают косвенно и с течением времени способами, которые мы могли бы отследить и проверить, если бы это было нашей темой. Таким образом, здесь мы имеем дело со вторым классом учреждений.

41. Но фабрики, фермы и литейные цеха являются производственными институтами, которые должны обеспечивать поддержку этих институтов потребления. Если фабрики и т.д. ставят себя в один ряд с богадельнями или даже со школами, то на что тогда поддерживать их, да и все остальное тоже? За ними ничего нет. Если в какой-либо мере или способом они превращаются в бремя, объекты заботы и защиты, они могут явно сделать это, только обратившись частью к другой части, и этой последней части придется нести бремя всех институтов потребления, *включая отрасли потребления.* Ибо защищенная фабрика - это не производственная отрасль. *Это индустрия потребления!* Если фабрика является (как утверждает протекционист) триумфом тарифа, то есть если бы ее не было, если бы не тариф (а в остальном он не имеет к этому никакого отношения), то она не производит; она потребляет. Это бремя, которое нужно нести. *Чем оно больше, тем печальнее.*

42. Если протекционист показывает мне шерстяную фабрику и заставляет меня отрицать, что это великая и ценная отрасль промышленности, я спрашиваю его, связано ли это с тарифами. Если он скажет “нет”, тогда я предположу, что это независимое и прибыльное учреждение, но в таком случае это не обсуждается в такой же степени, как ферма или врачебная практика. Если он скажет “да”, тогда я отвечу, что фабрика вообще не является отраслью промышленности. Мы платим шестидесятипроцентный налог на ткань *просто для того, чтобы эта фабрика могла существовать*. Это не учреждение для того, чтобы доставать нам ткань, потому что, если бы мы пошли на рынок с теми же продуктами, которые мы покупаем там сейчас, и если бы там не было шерстяной фабрики, мы бы получили столько ткани, сколько хотим. Фабрика - это просто *учреждение по производству ткани, ярд которой обходится нам на шестьдесят процентов дороже, чем в противном случае*. Это единственная функция, которую завод своим существованием привнес в ситуацию. Я назвал такой завод “помехой”. Против этого слова были высказаны возражения. Слово не имеет значения. Тот, кто, вступая в спор, начинает ныть и плакать, как только удары становятся острыми, должен научиться держаться в стороне. Я имел в виду вот что: неприятность - это нечто, что своим существованием и присутствием в обществе приносит убытки и ущерб обществу — работает против общих интересов, а не в его пользу. Фабрика, которая стоит на пути и мешает нам достичь комфорта, который мы все пытаемся получить, — которая усложняет условия приобретения, когда мы все время боремся с помощью наших искусств и наук за то, чтобы облегчить эти условия, — это вредная вещь, наносящая вред общим интересам.

43. Следовательно, еще раз, отталкиваясь от гипотезы протекциониста и принимая его собственную доктрину, мы обнаруживаем, что он не может создать промышленность. Он всего лишь паразитирует на одной отрасли промышленности на другой, и так же верно, как то, что он вообще вмешался в это дело, так же верно то, что он заставил труд и капитал найти менее выгодное применение, чем они искали бы, если бы он оставил их в покое. Когда мы спрашиваем, какие это “каналы”, которые должны быть “одобрены или созданы законом”, мы обнаруживаем, что, согласно гипотезе и всей логике протекционистской системы, это *отрасли, которые не платят*. Протекционисты предлагают сделать страну богатой с помощью законов, которые будут благоприятствовать или создавать эти отрасли промышленности, но эти отрасли могут только растрачивать капитал, так что, если они являются источником богатства, *расточительство является источником богатства*. Следовательно, предположение протекциониста о том, что с помощью своей системы он мог бы исправить наши ошибки и привести нас к большему процветанию, чем мы получили бы при свободе, снова потерпело неудачу, и мы обнаруживаем, что он растрчивает ту власть, которой мы обладаем.

(F) рассмотрение Предложения по разработке наших природных ресурсов.

44. “Но, ” говорит протекционист, - не хотите ли вы сказать, что, если у нас в почве есть месторождение железа, с нашей стороны неразумно открывать его и разрабатывать?” “Вы, без сомнения, имеете в виду, - отвечаю я, - открыть и разрабатывать его *при защитной помощи и стимулах*; ибо, если там и есть месторождение железа, Соединенные Штаты им не владеют. Им владеет какой-то человек. Если он хочет открыть его и работать с ним, нам ничего не остается, как пожелать ему Удачи”. “Очень хорошо, - говорит он, - поймите, что ему нужна защита”. Давайте рассмотрим этот случай, и все же мы сделаем это, исходя из истинности протекционистской доктрины. Давайте посмотрим, к чему мы придем.

Человек, который открыл железо (согласно доктрине протекционизма), когда нет налогов, не собирает инструменты и рабочих и не идет на работу. Он едет в Вашингтон. Он навещает государственного деятеля, и происходит диалог.

Железный человек. — “Мистер Государственный деятель, я нашел месторождение железа на своей ферме”.

Государственный деятель.— “Неужели? Это хорошая новость. Наша страна богаче на один новый природный ресурс, чем мы предполагали”.

Железный человек. — “Да, и теперь я хочу начать добычу железа”.

Государственный деятель. — “Очень хорошо, продолжайте. Мы будем рады услышать, что вы преуспеваете и богатеете”.

Железный человек. — “Да, конечно. Но сейчас я зарабатываю себе на жизнь обработкой поверхности земли, и боюсь, что в горнодобывающей промышленности я не смогу зарабатывать столько же, сколько в сельском хозяйстве”.

Государственный деятель. — “Это действительно другой вопрос. Внимательно изучите это и не оставляйте лучшую отрасль ради худшей”.

Железный человек. — “Но я хочу добывать это железо. Кажется неправильным оставлять его в земле, когда мы постоянно импортируем железо, но я не вижу в нем такой хорошей прибыли при нынешних ценах на импортное железо, какую я получаю от того, что добываю на поверхности. Я подумал, что, возможно, вы введете налог на все импортируемое железо, чтобы я мог получать больше за свое. Тогда я смог бы найти способ бросить фермерство и заняться добычей полезных ископаемых”.

Государственный деятель.— “Вы не думаете о том, о чем просите. Это разрешило бы вам облагать налогом ваших соседей и взвалило бы на них риск разработки вашей шахты, которой вы боитесь заняться сами”.

Железный человек (в сторону).— “Я говорил с этим человеком не на том диалекте. Я должен начать все сначала. (вслух.) Господин государственный деятель, природные ресурсы этого континента должны быть освоены. Американская промышленность должна быть защищена. Американский рабочий не должен быть вынужден конкурировать с нищим трудом Европы”.

Государственный деятель.—“Теперь я вас понимаю. Теперь вы говорите о бизнесе. Почему вы не сказали этого раньше? Сколько налогов вы хотите?”

В следующий раз, когда покупатель чугуна отправится за ним на рынок, он обнаружит, что тонна его стоит тридцать бушелей пшеницы вместо двадцати.

“Что случилось с чугуном?” - спрашивает он.

“О! разве вы не слышали?” - звучит ответ. “В Пенсильвании обнаружен новый рудник. У нас появился новый ”природный ресурс”.

“У меня нет нового ’природного ресурса”, - говорит он. “Для меня это так же плохо, как если бы кузнечики съели треть моего урожая”.

45. Именно в этом и заключается значение нового ресурса о протекционистской доктрине. Мы имели несчастье найти здесь эмери. Сразу же на него был наложен налог, из-за которого фунт пшеницы, хлопка, табака, нефти или личных услуг стоил дороже, чем когда-либо прежде. Новое бедствие постигло нас, когда мы обнаружили на нашей территории богатейшие медные рудники в мире. С тех пор это обходилось нам на пять (сейчас на четыре) цента дороже, чем раньше. фунт. В результате другой катастрофы мы обнаружили никелевый рудник — тридцать центов (сейчас пятнадцать) налога с фунта! До этого времени у нас было столько олова, сколько мы хотели над землей, потому что благодетельная природа воздерживалась от того, чтобы класть что-либо под землю на нашей территории. В перечне металлов, где металлы, которыми мы, к сожалению, обладаем, облагаются налогом от сорока до шестидесяти процентов, только олово является бесплатным. Время от времени появляются сообщения о том, что найдено олово. До сих пор все эти сообщения, к счастью, оказывались ложными. Теперь говорят, что олово было найдено в Западной Вирджинии и Дакоте. У нас есть основания искренне надеяться, что это может оказаться ложью, поскольку, если это окажется правдой, без сомнения, следующим шагом будет введение сорокапроцентного налога на олово. Владельцы шахт говорят, что хотят эксплуатировать шахту. Они этого не делают. Они хотят использовать шахту в качестве предлога для эксплуатации налогоплательщиков.

46. Поэтому, когда протекционист спрашивает, не должны ли мы с помощью защитных налогов форсировать разработку наших собственных железных рудников, ответ заключается в том, что, основываясь на своей собственной доктрине, он разработал новую, доселе неизвестную философию, согласно которой “природные ресурсы” становятся национальным бедствием, и чем больше природа наделила страну, тем хуже ей живется. Конечно, если мудрая философия заключается не в том, чтобы просто использовать с энергией и осмотрительностью все природные возможности, которыми мы обладаем, а в поиске “каналов, одобренных или созданных законом”, то такой взгляд на природные ресурсы полностью согласуется с этой философией, поскольку он просто повторяет, что *расточительство - ключ к богатству*.

(G) рассмотрение предложения о повышении заработной платы.

47. “Но, ” снова говорит он, “ мы хотим повысить заработную плату и оказать поддержку бедному рабочему человеку”. “Вы хотите сказать, ” отвечаю я, “ что защитные налоги повышают заработную плату - что это их регулярный и неизменный эффект?” “Да, ” отвечает он, “ именно это они и делают, и именно поэтому мы им благоволим. Мы друзья бедняка. Вы, свободные торговцы, хотите низвести его до уровня нищих рабочих Европы”. “Но здесь, в доказательствах, представленных на последнем обсуждении тарифов в Конгрессе, все работодатели заявили, что они хотели, чтобы налоги защитили их, *потому что* им приходилось платить такую высокую заработную плату”. “Ну, так они и делают”. “Ну тогда, если они добиваются повышения налогов, чтобы помочь себе, когда им нужно платить высокую заработную плату, то как налоги помогут им вообще, если только они не *снижат* заработную плату? Но вы только что сказали, что налоги повышают заработную плату. Следовательно, если работодатель добьется повышения налогов, он не успеет вернуться домой из Вашингтона, как обнаружит, что те самые налоги, которые он только что получил, повысили заработную плату. Затем он должен вернуться в Вашингтон, чтобы добиться повышения налогов, чтобы компенсировать этот аванс, и когда он снова вернется домой, то обнаружит, что только еще больше повысил заработную плату, и так до бесконечности. Вы пытаетесь научить человека подниматься с помощью ремней на ботинках. Два ваших предложения, собранные вместе, съедают друг друга ”.

48. Однако мы немного подробнее остановимся на протекционистской доктрине заработной платы. Совершенно неверно, что защитные налоги повышают заработную плату. Как я покажу далее (§91 и далее), защитные налоги снижают заработную плату. Однако сейчас я все время придерживаюсь собственных предпосылок и доктрин протекциониста. Он говорит, что его система повышает заработную плату. Давайте посмотрим на некоторых представителей класса наемных работников и получим некоторые доказательства по этому вопросу. Мы возьмем трех наемных рабочих: сапожника, шляпника и торговца тканями. Сначала мы спрашиваем продавца: “Выигрываете ли вы что-нибудь по этому тарифу?” “Да, - говорит он, “ я понимаю, что выигрываю”. “Каким образом?” “Ну, они объясняют мне это так: когда кому-то нужны ботинки, он идет к моему боссу, платит ему больше из-за налога, и мой босс отдает мне часть этого”. “Хорошо! Значит, ваши товарищи, шляпник и суконщик, платят этот налог, в котором вы участвуете?” “ Да, я полагаю, что так. Я никогда раньше об этом не думал. Я предполагал, что богатые люди платят налоги, но я полагаю, что когда они покупают ботинки, они тоже должны это делать ”. “И когда вам нужна шляпа, вы идете и платите налог на шляпы, часть которого (как вы объясняете систему) идет вашему другу шляпнику; а когда вам нужна ткань, вы платите налог, который идет в пользу вашего друга суконщика?” “Я полагаю, что это должно быть так”. Затем мы идем к продавцу шляп и ведем с ним тот же разговор, и мы идем к продавцу тканей и ведем с ним тот же разговор. Затем каждый из них получает два налога и платит два подходящих налога. Три человека иллюстрируют весь случай. Если бы мы взяли тысячу человек в тысяче отраслей промышленности, мы обнаружили бы, что каждый платил девятьсот девяносто девять налогов и каждый получал девятьсот девяносто девять налогов, если бы система работала так, как о ней говорят. Каков итог всего этого? Либо все они рассчитываются по уплаченным и полученным налогам, *либо некоторые из получателей заработной платы выигрывают что-то у других получателей заработной платы в чистый ущерб всему классу.* Если каждый человек является кредитором по девятьсот девяносто девяти налогам, и каждый должник по девятьсот девяносто девяти налогам, и если система “универсальна и равна”, мы можем избежать проблем, если каждый направит кредиторам девятьсот девяносто девять предписаний платить самим себе налоги, и мы можем создать расчетную палату, чтобы стереть все счета. Затем мы приходим к тому, что как чистый результат системы, когда она “универсальна и равна”, *что каждый человек как потребитель платит налоги самому себе как производителю.* Это то, что должно сделать нас всех богатыми. Мы можем сделать это так же хорошо и гораздо легче, когда встаем утром, перекладывая наши наличные деньги из одного кармана в другой.

49. Однако следует обратить внимание на один момент, самый важный из всех. Как насчет тысячного налога? Как это, когда сапожник хочет сапоги, и шляпник шляпы, и суконщик тряпки? Он должен пойти в магазин на улице и купить у своего собственного босса по рыночной цене (с учетом налога) те самые вещи, которые он сам сделал в магазине. Затем он платит налог своему собственному работодателю, и работодатель, согласно доктрине, “делится” им с ним. Где происходит зачет той части, которую работодатель оставляет себе? Ее нет. Класс наемных работников, даже по протекционистскому объяснению, может давать или брать друг у друга, но своим собственным работодателям они ничего не дают и не берут. Во время выборов босс вызывает их к себе и говорит, что они должны проголосовать за защиту, или он должен закрыть лавочку, и что они должны проголосовать за защиту, потому что это повышает их заработную плату. Если, таким образом, они верят в систему, именно так, как их учат, они должны верить, что это заставляет его платить им большую заработную плату, из которой они возвращают ему большие налоги, из которых он возвращает им часть обратно, и что, если бы не это соглашение,

бизнес вообще не мог бы продолжаться. Небольшое размышление показывает, что это просто поднимает вопрос перед наемным работником: *сколько я могу позволить себе заплатить своему боссу за то, что он нанял меня?* или, опять же, что то же самое, другими словами: *Каково чистое снижение моей заработной платы ниже рыночной ставки в условиях свободы, которое является результатом этой системы?* (См . § 65.)

50. Пусть не забывают, что этот результат достигается принятием протекционизма и рассуждениями, исходящими из его доктрин и в соответствии с его принципами. По правде говоря, сотрудники не получают никакой доли в налогах, которые босс взимает с них и других (см. §91 и далее, чтобы узнать правду о заработной плате). Конечно, когда этот или любой другой предмет тщательно анализируется, не имеет значения, с чего мы начинаем и какой линии следуем, мы всегда приходим к одному и тому же результату, если результат правильный. Если мы примем собственное объяснение протекциониста о том, каким образом протекционистская защита повышает заработную плату, мы обнаружим, что это доказывает, что протекционизм снижает заработную плату.

(H) рассмотрение предложения о предотвращении конкуренции со стороны иностранной рабочей силы для бедных.

51. Сторонник протекционизма говорит, что он не хочет, чтобы американский рабочий конкурировал с иностранным “нищим рабочим” (см. § 99). Он предполагает, что если иностранный рабочий занимается производством шерсти, то единственный американец, которому, возможно, придется конкурировать с ним, - это местный производитель шерсти. Его прием спасения наших работников от предполагаемой конкуренции состоит в том, чтобы обложить налогом американского производителя хлопка или пшеницы за одежду, которую он носит, чтобы компенсировать производителю шерсти невыгодные условия, в которых он работает. Если бы тогда дело было правдой, как утверждает протекционист, и если бы его средство защиты было правильным, он бы, закончив свою операцию, просто позволил американскому производителю шерсти сбежать, передав американскому производителю хлопка или пшеницы пагубные результаты конкуренции с “иностранной рабочей силой для бедных”.

(I) рассмотрение предложения о повышении уровня общественного комфорта.

52. Но протекционист повторяет, что он хочет сделать наш народ богатым и способствовать всеобщему процветанию, и он говорит, что его система делает это. Он говорит, что страна процветала под защитой и благодаря этому. Он приводит данные переписи населения о росте благосостояния страны и, не говоря уже о незначительных ошибках, делает вывод, что мы преуспели больше, чем должны были бы при свободной торговле, что он и должен доказать, не замечая, что второй член сравнения отсутствует и недостижим. Точно так же я однажды слышал, как человек приводил доводы статистики, которая показала по небольшим потерям города от пожаров, что его пожарная служба обходится слишком дорого. Я спросил его, есть ли у него какие-либо статистические данные о пожарах, которые у нас были бы, если бы не пожарная служба (см. § 102).

53. Народ Соединенных Штатов унаследовал нетронутый континент. Ныне живущее поколение занимается земледелием на плодородной почве прерий, которая никогда не приносила

урожая. Население составляет всего пятнадцать человек на квадратную милю. Население Англии и Уэльса составляет четыреста сорок шесть человек на квадратную милю; население Британских островов - двести девяносто; Бельгии - четыреста восемьдесят один; Франции - сто восемьдесят; Германии - двести шестнадцать. Бейтман⁵ подсчитал, что в лучшей части Англии или Уэльса крестьянину-собственнику потребовалось бы от четырех с половиной до шести акров, а в худшей части - от девяти до сорока пяти акров, чтобы прокормить "здоровую семью". Земля Англии и Уэльса, поровну разделенная между тамошними семьями, дала бы всего по семь акров на каждую. Земля Соединенных Штатов, поровну разделенная между тамошними семьями, дала бы по двести пятнадцать акров каждой. Эти древние нации дают нам другой термин для сравнения, с помощью которого мы измеряем наше процветание. У них плотная популяция на почве, которая использовалась в течение тысячелетий; у нас чрезвычайно редкая популяция на девственной почве. У нас превосходный климат, горы, полные угля и руды, естественные магистрали на реках и озерах, а также побережье, изрезанное звуками, заливами и одними из лучших гаваней в мире. У нас также есть население с хорошим национальным характером, особенно в том, что касается экономических и промышленных достоинств. У нас высоко развиты науки и искусства, а наши институты являются лучшими для развития экономической мощи. По сравнению со старыми нациями мы процветаем. Теперь выступает государственный деятель-протекционист и говорит: "Вещи, которые вы перечислили, не являются причинами нашего сравнительного процветания. Все это напрасно. Наше процветание не благодаря им. Я добился этого за счет своих налогов".

54. (a) Во-первых, факт заключается в том, что мы превосходим по процветанию те страны, которые больше всего похожи на нас по своим налоговым системам, а те, по сравнению с которыми наше процветание наименее заметно, - это те, которые благодаря свободной торговле максимально компенсировали недостаток возраста и плотности населения. Поскольку, таким образом, мы обнаруживаем наибольшую разницу в процветании при наименьшей разнице в налогах и наименьшую разницу в процветании при наибольшей разнице в налогах, мы не можем рассматривать налоги как причину процветания, а как препятствие к процветанию, которое должно быть преодолено какой-то более сильной причиной. То, что это так, бросается в глаза фактам. Процветание, которым мы наслаждаемся, - это процветание, дарованное нам Богом и природой *за вычетом того, что отнял у него законодатель*.

55. (b) Мы процветали благодаря рабству точно так же, как мы процветали благодаря защите. Аргумент о том, что первое было причиной, был бы столь же веским, как и аргумент о том, что причиной является латте.

56. (c) Протекционисты ставят себе в заслугу весь прогресс в искусстве за последние двадцать пять лет, потому что они не полностью компенсировали и не уничтожили его.

57. (d) Протекционисты утверждают, что они увеличили наше богатство. Все производимое богатство должно быть произведено трудом и капиталом, вложенными в землю. Люди трудились и производили. Сборщик налогов только кое-что вычел. Использовал ли он то, что взял, хорошо или плохо, он вычитал. Он не мог делать ничего другого. Следовательно, какое бы богатство мы ни видели вокруг себя и какое бы богатство ни фигурировало в переписи, это то, что произвели люди, *за вычетом того, что извлек из этого сборщик налогов*.

58. (e) Если члены Конгресса могут установить для себя некий идеал уровня комфорта, которым должен наслаждаться средний американский гражданин, а затем просто получить это для него,

то до сих пор они использовали свою власть очень нищенским образом. Ибо, хотя средний статус наших людей высок по сравнению с другими людьми на земном шаре, тем не менее, по сравнению с любым стандартом идеального комфорта он оставляет желать лучшего. Если Конгресс обладает предполагаемой властью, он, конечно, не должен измерять ее использование тем, что делает нас только богаче европейцев.

59. (f) Во время последней президентской кампании ораторы-протекционисты уверяли людей, что они намерены сделать всех обеспеченными, что они желают, чтобы наш народ был процветающим, довольным и т.д. Я тоже этого желаю. Я желаю, чтобы все мои читатели стали миллионерами. Я свободно и искренне делюсь с ними всеми своими добрыми пожеланиями. Из-за этого они не найдут больше ни цента в своих карманах. Конгрессмены не имеют права благословлять моих читателей, которого нет у меня, за исключением одного, а именно права облагать их налогами.

60. (g.) Если конгрессмены полны решимости повысить комфорт населения за счет налогообложения населения, то каждый новый корабль с иммигрантами следует рассматривать как новую группу людей, которых мы должны “повысить” за счет налогов, которые мы должны платить. Говорят, что один ирландец утверждал, что за доллар в Америке в Ирландии можно купить не больше шиллинга. Его спросили, почему тогда он не остался в Ирландии. Он ответил, что это потому, что он не смог достать там шиллинг. Это хорошая история, только она заканчивается именно там, где должна была начаться. Следующий вопрос: как он получает доллар, когда приезжает в Америку? Протекционист хочет, чтобы мы предположили, что он получает его благодаря тарифу. Если это так, то он вытягивает это из тех, кто был здесь до его прихода. Но очевидно, что это неправда. Он получает это, зарабатывая это, и он добавляет два доллара к богатству страны, зарабатывая это. Единственное, что тариф делает в отношении этого, - это снижает покупательную способность доллара, если он расходуется на промышленные товары, до семидесяти центов.

61. Таким образом, здесь мы снова обнаруживаем, что протекционистские налоги, если они делают именно то, о чем говорит протекционист, производят эффекты, прямо противоположные тем, которые, по его словам, они производят. Они уменьшают богатство, процветание, средний уровень комфорта и уровень жизни. (См. § 30.)

Глава III

ПРОТЕКЦИОНИЗМ, РАССМОТРЕННЫЙ ОТРИЦАТЕЛЬНО

62. До сих пор я рассматривал протекционизм как философию национального богатства, предполагая и принимая его собственные доктрины и следуя им, чтобы посмотреть, оправдаются ли они так, как утверждается. Мы обнаружили, что это не так, но что протекционизм, исходя из его собственных доктрин, приводит к обнищанию нации и неспособности делать то, на что он претендует. Напротив, детальное изучение его средств, методов, целей и планов показывает, что оно должно приводить к расточительству и потерям, так что, *если бы это было правдой, мы должны были бы поверить, что расточительство и потери являются средствами обогащения*. Теперь я собираюсь атаковать его лицом к лицу, по открытому вопросу, ибо, если какой-либо проект, который отстаивается, после свободного и беспристрастного рассмотрения оказывается основанным на фактических ошибках и доктрине,

он становится опасностью и злом, которые необходимо разоблачать и бороться с ними, и истина факта и доктрины должна быть противопоставлена ему.

1. ПРОТЕКЦИОНИЗМ ВКЛЮЧАЕТ В СЕБЯ ВРАЖДЕБНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТОРГОВЛЕ Или, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ПОДОЗРЕНИЕ В ОТНОШЕНИИ ТОРГОВЛИ И ОБЯЗАТЕЛЬНО ВЛЕЧЕТ ЗА СОБОЙ ЭТО

(А) Правила, позволяющие определить, когда торговля безопасна.

63. Каждый сторонник протекционизма вынужден рассматривать торговлю как вредное или, по крайней мере, сомнительное явление. Протекционисты даже пытались сформулировать правила для определения того, когда торговля выгодна, а когда вредна.

64. Было сказано, что мы должны торговать только по меридианам долготы, а не по параллелям широты.

65. Было подтверждено, что мы не можем безопасно торговать, если у нас нет налогов, которые в точности компенсировали бы более низкую заработную плату в зарубежных странах. Но ясно, что если дело обстоит так, что американский работодатель говорит: “Я нахожусь в невыгодном положении по сравнению с моим иностранным конкурентом, потому что он платит меньшую заработную плату, чем я”, — то, по той же причине, американский рабочий скажет: “Я нахожусь в невыгодном положении по сравнению с моим иностранным товарищем, потому что я получаю лучшую заработную плату, чем он”. Если закон вмешивается в положение вещей таким образом, что работодатель может сказать: “Я теперь нахожусь в менее невыгодном положении в конкуренции с моим иностранным конкурентом, потому что мне теперь не нужно платить ему намного большую заработную плату, чем раньше”. затем, по той же причине, американский рабочий должен сказать: “Сейчас я не в таком лучшем положении, как раньше, чем мой иностранный товарищ, потому что теперь я получаю не намного больше, чем он, — эмигрировать в эту страну сейчас не так выгодно, как раньше”. Следовательно, всякий раз, когда налоги просто компенсируют разницу в заработной плате, *они просто отнимают у американского рабочего все его превосходство над иностранцами* лишают его всякой причины стремиться приехать в эту страну. Вот и все для чернорабочего. Но работодатель, если он приостановил иммиграцию, перекрыл один из источников предложения рабочей силы, стремясь повысить заработную плату, и снова находится в состоянии войны с самим собой (§47).

66. Было сказано, что две страны не могут торговать, *если процентная ставка в них отличается на два процента*. Процентная ставка в Атлантических Штатах и в долине Миссисипи всегда отличалась на два процента, однако они вели торговлю в условиях абсолютной свободы торговли, и долине Миссисипи пришлось зародиться в дикой местности и вырасти до высочайшего уровня цивилизации, несмотря на такое положение вещей.

67. Было сказано, что мы должны *торговать только с низшими нациями*. Соединенные Штаты не торгуют ни с какой другой страной, за исключением случаев, когда они покупают территорию. А в Соединенных Штатах торгует с В в какой-либо другой стране. Если я хочу каучук, я хочу торговать с дикарем в лесах Южной Америки. Если я хочу красное дерево, я хочу торговать с человеком в Гондурасе. Если я хочу сахар, я хочу торговать с человеком на Кубе. Если я хочу чай, я хочу торговать с человеком в Китае. Если я хочу шелк или шампанское, я хочу торговать с человеком во Франции. Если я хочу бритву, я хочу обменять ее у человека в Англии. Я

хочу обменять ее у человека, у которого есть вещь, которая мне нужна, самого лучшего качества и по самому низкому курсу обмена на мои товары. Каково определение или критерий “низшей нации”, и какое это имеет отношение к торговле в большей степени, чем к расе, языку, цвету кожи или религии человека, у которого есть товар?

68. Если бы торговля была объектом подозрений и страха, тогда действительно у нас должны были бы быть *правила для отличия безопасной и выгодной торговли* от вредной торговли, но эти попытки определить и дискриминировать только обнажают безумие подозрений. Мы находим, что первобытные люди, жившие в пещерах в ледниковую эпоху, занимались торговлей. Самые ранние дикари прокладывали тропинки через леса для передвижения и торговли, получая таким образом взаимные преимущества. Они обнаружили, что могут удовлетворить больше потребностей с меньшими усилиями с помощью торговли, которая давала им долю естественных преимуществ и приобретенных навыков других. Они обучали выючных животных, улучшали дороги, изобрели повозки и лодки - и все это для того, чтобы расширить и облегчить торговлю. Они были достаточно глупы, чтобы думать, что выигрывают от этого, *и не знали, что им нужен защитный тариф, чтобы не разориться*. Или, почему какой-нибудь социолог-протекционист не скажет нам, на каком этапе цивилизации торговля перестает быть выгодной и начинает нуждаться в ограничении и регулировании?

(В) Экономические единицы, не являющиеся национальными единицами.

69. Протекционисты говорят, что их система продвигает цивилизацию внутри государства и делает его великим, но все факты говорят против них (см. § 136 и далее). Именно благодаря торговле цивилизация распространилась по всей земле. Именно через торговые контакты более цивилизованные нации передали другим алфавит, меры и весы, знания астрономии, деление времени, инструменты и оружие, чеканку денег, системы счисления, обработку металлов, кож и шерсти и все другие достижения знания и изобретения, составляющие основу нашей цивилизации. С другой стороны, страны, которые замкнулись в себе и развили независимую и самодостаточную цивилизацию (Китай и Япония), представляют нам типы остановленной цивилизации и стереотипный социальный статус. Это наказание за изоляцию и отказ от отдачи и взятия, которые должным образом связывают всю человеческую расу воедино, что даже такие умные и высокоодаренные люди, как китайцы, обнаруживают, что их высокая активность ограничена узкими рамками со всех сторон. Они изобретают монету, но никогда не выходят за рамки отлитой медной монеты. Они изобретают порох, но не могут сделать ружье. Они изобретают подвижные шрифты, но только самую элементарную книгу. Они открывают для себя компас моряка, но никогда не проходят зачаточный этап кораблестроения.

70. Таким образом, факт таков, что *торговля была служанкой цивилизации*. Он преодолел национальные границы и постепенно, с совершенствованием транспортного искусства, вовлек человечество в более тесные отношения и с более гармоничными интересами. Торговые контакты постепенно разрушают старые национальные предрассудки и религиозную или расовую ненависть. Зависть, которая была увековечена расстоянием и невежеством, не может устоять перед контактом и знанием. Остановить торговлю - значит остановить эту благотворную работу, разделить человечество на части и фракции и способствовать раздору, зависти и войне.

71. Таково действие протекционизма. Протекционисты много делают из своего мнимого “национализма”, и они пытаются обосновать какую-то взаимосвязь между масштабом экономических сил и границами существующих наций. Аргументация фатально нарушается на

первом же этапе. Они не показывают того, что могли бы показать, а именно, что масштабы экономических сил на любой данной стадии искусства действительно образуют экономические единицы. Столетие назад такой единицей было английское графство. Я сомневаюсь, что что-либо меньшее, чем вся земля, может считаться таковым сегодня, когда шерсть Австралии, шкуры Южной Америки, хлопок Алабамы, пшеница Манитобы и мясо Техаса встречаются с рабочими Манчестера и Шеффилда и встретились бы с рабочими Лоуэлла и Патерсона, если бы барьеры были устранены. Но что национал-протекционисту нужно было бы показать, так это то, что экономическая единица совпадает с политической единицей. Ему пришлось бы подтвердить, что Мэн и Техас входят в одну экономическую единицу, а Мэн и Нью-Брансуик - нет; или что Массачусетс и Миннесота входят в одну экономическую единицу, но Массачусетс и Манитоба - нет. Каждый существующий штат является результатом исторических случайностей. Мистер Джефферсон намеревался купить город Новый Орлеан. Однажды утром он проснулся и обнаружил, что купил западную половину долины Миссисипи. Поскольку это оказалось так, протекционисты считают, что Миссури и Иллинойс процветают, торгуя в условиях полной свободы.⁶ Если бы этого не произошло, для них было бы очень вредно торговать совершенно свободно. Новая Шотландия не присоединилась к восстанию наших тринадцати колоний. Следовательно, считается разорительным позволять углю и картофелю свободно поступать из Новой Шотландии. Если бы она восстала против нас, всем в этом союзе было бы выгодно торговать с ней так же свободно, как мы сейчас торгуем с Мэном. Мы пытались завоевать Канаду в 1812-1813 годах и потерпели неудачу. Следовательно, канадцы теперь взимают налоги с нашего угля, нефти и пшеницы, а мы взимаем налоги с их древесины, в которой нуждаются наша угольная и нефтяная промышленность. Мы аннексировали Техас ценой войны в 1845 году. Следовательно, сейчас мы торгуем с Техасом абсолютно свободно, но если мы будем торговать с Мексикой, то только очень осторожно и со строгими ограничениями. Мудрость ли это, или все это чистая глупость и безрассудство, из-за которых люди, хвастающиеся своим умом, упускают свои собственные шансы?⁷

72. Торговля - благодетельная вещь. Она не нуждается в каком-либо регулировании или ограничении. Нет такого момента, когда она начинает быть опасной. Это взаимовыгодно. Если это перестанет быть таковым, то прекратится полностью, потому что тот, кто больше не выигрывает от этого, больше не будет продолжать это. (См. § 125.)

2. ПРОТЕКЦИОНИЗМ НАХОДИТСЯ В СОСТОЯНИИ ВОЙНЫ С СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕМ.

73. Города Японии построены из очень горючих материалов, и когда начинается пожар, его редко удастся остановить до тех пор, пока город не будет разрушен. Было высказано предположение, что паровая пожарная машина там достигнет своей максимальной полезности. Одна из них была импортирована и несколько раз доказала свою полезность. После этого плотники обратились к правительству с петицией об отправке пожарной машины, потому что она разрушила их бизнес.

74. Этот пример гротескен и преувеличен, но он строго соответствует принципу протекционизма. Столетие назад южные графства Англии протестовали против открытия большой северной магистрали, потому что это привело бы товары северных графств на лондонский рынок, монополией на который южные графства владели. После открытия туннеля Сен-Готард жители южной Германии обратились к правительству с петицией о повышении налогов на итальянские товары, чтобы компенсировать дешевизну, вызванную строительством

туннеля. В 1837 году два первых парохода, когда-либо совершавших коммерческие рейсы через Атлантику, прибыли в одно и то же время. В Нью-Йорке был устроен грандиозный праздник. Глупые люди радовались, как будто было завоевано новое благословение. Человек одержал новую победу над природой. В чем заключалась его выгода? Она заключалась в том, что он мог удовлетворять свои потребности с меньшими затратами труда, чем раньше; или, говоря простым языком, получать вещи дешевле. Но в 1842 году в Нью-Йорке состоялся съезд домашней промышленности, на котором в качестве главной причины необходимости повышения налогов утверждалось, что паровой транспорт удешевил здесь все.⁸ Налоги были необходимы, чтобы нейтрализовать улучшение ситуации.

(А) Налоги для компенсации удешевления перевозок.

75. За последние двадцать пять лет, если не углубляться в прошлое, мы изобрели множество изобретений, облегчающих транспортировку. Океанские кабели, усовершенствованные судовые двигатели и винтовые пароходы были лишь усовершенствованными средствами для более полного удовлетворения потребностей людей на двух континентах продуктами друг друга. Научные журналы и ежедневные газеты хвастаются каждым шагом в этом развитии как предметом гордости и ликования, но в то же время законодатели по обе стороны океана усердно работают над тем, чтобы нейтрализовать его с помощью налогообложения. Мы, в Соединенных Штатах, увеличили чудовищные налоги на все то, что производят другие и чего хотим мы, чтобы предотвратить их приток к нам. Государственные деятели европейского континента взимают налоги с нашего мяса и пшеницы, чтобы они не доставлялись их народу. Искусство сближает нас; налоги нужны, чтобы держать нас порознь. Во Франции, например, земледелец жалуется на американскую конкуренцию — не на “нищенский труд”, а на дармовую почву и солнечный свет. Он не хочет, чтобы французский ремесленник пользовался плодородием нашей степной почвы. Правительство идет ему навстречу и облагает налогом наше мясо и пшеницу. Это повышает цены на хлеб в Париже, где реконструкция города собрала большое количество ремесленников. Затем правительство оказывается вынужденным установить цены на хлеб в Париже, чтобы удержать их на низком уровне. Но реконструкция города была завершена за счет огромных долгов, что означает высокие налоги. Эти налоги вытесняют население в пригороды. По крайней мере, один владелец городской собственности высказался за то, чтобы обложить жителей пригородов налогом, чтобы заставить их вернуться в город,⁹ и не позволить им избежать усилий городского арендодателя перекладывать на них свои налоги. С другой стороны, Франция субсидировала суда, и когда возник вопрос о возобновлении субсидии, утверждалось, что суда, субсидируемые за счет французского налогоплательщика, снизили фрахт на пшеницу и сделали пшеницу дешевой; то есть, как кто-то справедливо ответил, причинили тот самый вред, против которого только что потребовали повышения налога на пшеницу. Следовательно, налогоплательщик был обложен налогом сначала для того, чтобы сделать пшеницу дешевой, а затем снова для того, чтобы сделать ее дорогой.

76. Обложите налогом А в пользу В. Если А подаст жалобу, обложите налогом С, чтобы возместить ущерб А. Если С подаст жалобу, обложите налогом В в пользу С. Если кто-то из них все еще жалуется, начните все сначала. Облагайте их налогом до тех пор, пока кто-то жалуется

или кто-то чего-то хочет. Такова государственная мудрость последней четверти девятнадцатого века.

77. Бисмарк тоже собирается заняться бизнесом. Ему приходится править народом, который живет на бедной земле и вынужден терпеть сокрушительную военную систему. Следствием этого является сокращение населения. Эмиграция превышает естественный прирост. Лекарство Бисмарка от этого - введение защитных налогов на американскую свинину, пшеницу и рожь. Это защитит немецкого агронома. Если это еще больше снизит комфорт покупателей продовольствия и выгонит больше из них из страны, тогда он пойдет покупать колонии или бороться за них за счет немецких земледельцев, которых он только что “защитил”, хотя избыточное население Германии вывозило само себя в течение тридцати лет, не прося помощи и не создавая проблем. Что может выиграть Германия, направляя своих эмигрантов в свою собственную колонию, если только она не намерена вернуть трудоспособных мужчин для участия в ее битвах? Если она это имеет в виду, то эмигранты не поедут в ее колонию.

78. Франция также возрождает старую колониальную политику с дискриминационными льготами и компенсационными ограничениями. У нее уже есть владения в Алжире, которые являются лучшим примером колонии ради колонии. Во французской палате было заявлено, что каждая французская семья, находящаяся сейчас в Алжире, обошлась правительству (то есть французскому налогоплательщику) в 25 000 франков.¹⁰ Стремление этих стран к “колониям” подобно стремлению негритянского денди к трости или высокой шляпе, чтобы быть похожим на белых джентльменов.

(В) Сладкие Баунти.

79. Однако хуже всего обстоит дело с сахаром. Протекционисты долгое время хвастались свекловичным сахаром как триумфом своей системы. В настоящее время это отрасль, в которую на Континенте инвестируется огромное количество капитала, но дешевая транспортировка тростникового сахара и усовершенствования в обработке последнего постоянно угрожают ей. В журнале Bradstreet's от 28 июня 1885 года упоминается об очень важном усовершенствовании в обработке тростью, которое только что было изобретено в Берлине. В Германии действует акцизный налог на свекловичный сахар, но при экспорте допускается его снижение, превышающее налог. Это действует как вознаграждение, выплачиваемое немецким налогоплательщиком при экспорте. Следовательно, свекловичный сахар появился даже на нашем рынке. Однако основным рынком сбыта для него является Англия. Следствием этого является то, что сахар, который стоит девять центов за фунт в Германии и семь центов за фунт здесь, равен пяти центам за фунт в Англии, и что ежегодное потребление сахара на душу населения в трех странах¹¹ является следующим: Англия - шестьдесят семь с половиной фунтов; Соединенные Штаты - пятьдесят один фунт; Германия - двенадцать фунтов. Иногда мне трудно объяснить людям разницу между желанием иметь “индустрию” и желанием иметь товары, но в данном случае это различие должно быть ясным. Очевидно, *что у немцев есть промышленность, а у англичан - сахар.*

80. Однако, как только Германия получит свою экспортную прибыль в надлежащем рабочем состоянии, австрийские сахарозаводчики начнут осаждать свое правительство, требуя ответа, должна ли Германия обладать монополией на поставку сахара англичанам.¹² Они получают

награду и соревнуются за эту привилегию. Затем французские переработчики говорят, что они не могут конкурировать и должны иметь возможность конкурировать в поставках сахара англичанам. Я считаю, что их дело находится на благоприятном рассмотрении.

80а. Я обнаружил, что получить записанную информацию о торговле и промышленности нашей собственной страны труднее (как это обычно бывает), чем о торговле и промышленности иностранных государств. Однако и мы, хотя и не выращиваем свекловичный сахар, тоже участвуем в этом безумии щедрости, как видно из следующего заявления, которое попадает под руку как раз вовремя, чтобы послужить моей цели. 13 “Экспорт рафинированного сахара [из Соединенных Штатов] полностью ограничивается твердыми сахарами, или, если быть более точным, батонами, дроблеными и гранулированными. Это связано с тем, что недостаток этого класса сахара настолько велик, что переработчики имеют возможность продавать его дешевле себестоимости. Максимальная сборная пошлина при тестировании сахара с температурой до 99 ° составляет всего 2,36, но недостаток при тестировании гранулированного продукта тот же, а в случае дробленого сахара и батона меньше, составляет 2,82, что на 1% меньше. Это ровно на 43 цента за сто фунтов больше, чем правительство получает в виде пошлины. Но редко случается, чтобы сахар-сырец импортировался с температурой 99 °, и никогда для целей рафинирования. В следующей таблице приведены ставки пошлины на средние сорта, используемые при рафинировании:

	Испытание на честную очистку в	степенях
пошлины	89	1.96
Испытание на честную очистку	90	2.00
Центробежное испытание	96	2.28
Испытание на свекловичный сахар	88	1.92

Из приведенных выше цифр ясно видно, что при чистом снижении цен на твердый сахар в размере 2,79 наши переработчики могут продавать иностранцам сахар дешевле себестоимости при содействии нашего Казначейства. Возьмем, к примеру, чистую цену центробежного испытания всего 97° и недостаток гранулированного продукта за вычетом чистой цены:

Центробежное испытание сахара-сырца при 97°	6,00	
Меньше пошлины	2,28	
Нетто		3,72
Гранулированный рафинированный тест при 99°	6.37½	
Меньше недостатков	2,71	
Нетто		3.66½

Ничто не могло бы продемонстрировать абсурдность нынешнего уровня дефицита более четко, чем вышесказанное. Переработчик платит на 6½ цента за сотку больше за сахар-сырец, испытывая на 2 ° меньше сахара, чем он продает за рафинад. Однако не американским потребителям, а иностранцам. После оплаты расходов, необходимых для переработки, за счет

субсидии в размере около 50 центов на сто фунтов стерлингов, нашим крупным сахарным монополистам правительство помогает повысить стоимость сахара для американских потребителей. Одна фирма контролирует почти всю торговлю востока; во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что торговля всей страны контролируется тремя фирмами, и Казначейство помогает этой монополии поддерживать цены вопреки интересам страны в целом. На сегодняшний день экспорт рафинированного сахара составил 83 340 тонн, что при цене 50 центов за сотню обошлось казне более чем в 830 000 долларов. Возможно, все это не попало в карманы переработчиков, поскольку судовладельцы получили свою долю, но факт остается фактом: Казначейство проиграло в этой сумме. Кроме того, эта награда сильно давит на потребителей. Они не только должны платить налог, но и во время позднего повышения цен они были вынуждены платить за свой сахар больше, чем они сделали бы в противном случае, если бы экспортный спрос, вызванный продажей сахара иностранцам дешевле себестоимости, при этом Казначейство оплачивало разницу, не повысил цены. В то время как с американского потребителя взимается плата в размере 6 с половиной центов за гранулированный продукт, иностранные покупатели, благодаря щедрости нашего правительства, могут купить его по цене в 3 с половиной цента. Конечно, настало время министру финансов обратиться в комиссию по сахару с просьбой начать всеобъемлющее и беспристрастное расследование”.

81. Конечно, история была бы неполной, если бы английские нефтеперерабатывающие заводы не требовали от своего правительства уплаты налога, чтобы не допустить этот пагубный дар иностранных налогоплательщиков. Это, говорят они, не свободная торговля. Это защита, повернутая наоборот. Мы могли бы отстаивать свои права на равных, но мы не можем бороться с субсидируемой отраслью. Поверхностный мыслитель мог бы сказать, что этот протест был убедительным. Английское правительство начало расследование, но не в отношении переработки сахара, а в отношении *тех других интересов, которые были под угрозой быть забытыми*. Было проведено расследование тарифов, которое чего-то стоило и было достойно просвещенного правительства. Было обнаружено, что потребители сахара получили больше, чем вся заработная плата, выплачиваемая при переработке сахара. Но со стороны производителей было обнаружено, что в окрестностях Лондона занято 6000 человек и ежегодно используется 45 000 тонн сахара для производства джема и кондитерских изделий. В Шотландии насчитывается восемьдесят предприятий, на которых занято более 4000 человек и которые используют 35 000 тонн сахара в год в аналогичных отраслях. Во всем Соединенном Королевстве в этих отраслях используется 100 000 тонн сахара и занято 12 000 человек, что в три раза больше, чем в сахарной промышленности. За двадцать лет торговля кондитерскими изделиями в Шотландии выросла в четыре раза, а торговля консервами — джемом и мармеладом - практически зародилась. Кроме того, рафинированный сахар является сырьем для производства печенья и минеральных вод, а 50 000 тонн используется в пивоварении и дистилляции. Следовательно, Экономист утверждает (и эта точка зрения, по-видимому, повлияла на принятие решения): “Возможно, выгода, которую мы в настоящее время получаем от щедрот, окажется непродолжительной, поскольку невозможно поверить, что иностранные государства будут продолжать облагать себя налогами в размере нескольких миллионов долларов в год, чтобы поставлять нам и другим сахар по цене ниже его справедливой, но это не причина отказываться пользоваться их щедростью, пока она сохраняется”.¹⁴ (См. § 83, примечание.)

82. В этом случае не следует упускать из виду один момент. Если бы английское правительство, не задумываясь, уступило сахарным заводам, все эти мелкие отрасли, которые упоминаются и

которые в своей совокупности так важны, были бы уничтожены. Десять лет спустя о них забыли бы. Именно на таком примере нужно научиться выносить суждение о *влиянии наших тарифов на разрушение отраслей*, которые сейчас утрачены и исчезли, и их нельзя даже вспомнить в целях полемики, но которые могли бы возникнуть снова, если бы отмена налогов дала им шанс.

83. С нашей стороны были предприняты усилия по вовлечению нас в борьбу за сахар с помощью предлагаемых торговых соглашений с Испанией и Англией, которые фактически расширили бы наши защитные тарифы на кубинский и английский вест-индский сахар.¹⁵ Потребители сахара в Соединенных Штатах должны были выплатить кубинским плантаторам доход в размере двадцати пяти миллионов долларов, который они сейчас платят в казну за кубинский сахар, при условии, что кубинцы вернут часть этого дохода и потратят его среди наших производителей. Это было новое расширение плана обложить налогом одних из нас в интересах других. Следует также отметить, что, когда это соответствовало их целям, протекционисты были готовы пожертвовать сахарной промышленностью Луизианы без малейшего беспокойства. В течение двадцати пяти лет мы пытались обезопасить внутренний рынок и не впускать в него всех остальных. *Как только мы плотно закрываем ее, чтобы никто другой не мог войти, мы обнаруживаем, что выбраться самим для нас - вопрос жизни и смерти.* Следующий способ - обложить американцев налогом, чтобы они могли пойти и купить часть иностранного рынка. На последней сессии Конгресса сенатор Кэмерон предложил допустить изъятие сырья, используемого в экспортируемых продуктах. Согласно этому плану, у американского производителя было бы две издержки производства: одна, когда он работал на внутренний рынок, и другая, гораздо более низкая, когда он работал на внешний рынок. Как и сейчас, экспорт промышленных товаров, о которых слышно так много хвастовства, по большей части состоит из товаров, которые продаются за границей дешевле, чем здесь, чтобы не разрушать внутренний монопольный рынок. Предлагаемый план превратил бы это в систему, и мы должны были бы делать больше подарков иностранцам.

84. Возвращаясь к сахару, наш договор с Сандвичевыми островами привел к аномальным и пагубным результатам на тихоокеанском побережье. В южной части Тихого океана Новая Зеландия только приступает к реализации плана щедрот и защиты сахара.¹⁶ Поэтому было бы не очень смело предсказывать всемирную катастрофу в сахарной промышленности в течение пяти лет.

85. Итак, для чего все это? Что все это значит? Наполеон Бонапарт начал это в деспотическом порыве, когда он решил форсировать производство свекловичного сахара, чтобы показать, что его не волнует господство Англии на море, которое отрезало его от сахарных островов. Чтобы не потерять капитал, задействованный в отрасли, защита была продолжена. Но это привело к вложению в нее большего капитала и дальнейшей потребности в защите. Проблема мучила финансистов на протяжении семидесяти пяти лет. Есть два натуральных продукта, из которых тростниковый намного богаче сахаром. Но процессы в свеклосахарной промышленности до недавнего времени совершенствовались гораздо быстрее, чем в тростниковой промышленности. Тогда переработка представляет отдельный интерес. Если, таким образом, у страны есть колонии по производству тростникового сахара, которые она хочет защитить от других колоний, и свеклосахарная промышленность, которую она хочет защитить от соседей, производящих свекловичный сахар, и нефтеперерабатывающие предприятия, которые должны быть защищены от иностранных переработчиков, и если отношения ее собственных колониальных производителей тростникового сахара с ее собственными отечественными

производителями свекловичного сахара должны поддерживаться в удовлетворительном состоянии, несмотря на изменения в процессах, транспортировке и налогообложении, и если она хочет получать доход от сахара и использовать колониальную торговлю для развития своего судоходства, и если у нее есть два или три коммерческих договора, в которых сахар является важным товаром. важный пункт: у государственного деятеля этой страны есть задача, подобная задаче жонглера, едущего верхом на нескольких лошадях и приводящего в движение несколько мячей. Сахар - это товар, на котором влияние всемирной торговли, созданной современными изобретениями, наиболее очевидно, и это товар, с помощью которого все старые протекционистские антикоммерческие доктрины будут подвергнуты самому решительному испытанию.

(С) Заставил международные отношения Регулировать Улучшение, которому больше нельзя противостоять.

86. Если мы еще раз вернемся к нашему собственному случаю, то отметим усиление в 1883-1884 годах политики торговых договоров и “энергичной внешней политики”. В течение многих лет “национальная политика” для нас означала “обеспечение безопасности внутреннего рынка”. Совершенство этой политики привело к изоляции и демонстративному отходу от космополитических интересов. Я могу сказать, что пишу не из каких-либо симпатий к расплывчатому гуманизму или космополитическим настроениям. Мне кажется, что локальные группировки обладают большой естественной силой и очевидной полезностью до тех пор, пока они являются подразделениями более высокой организации человеческой расы, или до тех пор, пока они формируются свободно и их отношения друг с другом развиваются естественным образом. Но теперь внезапно возникает беспричинный спрос на “национальную политику”, которая означает, что мы должны вырваться из нашей налоговой изоляции дипломатией или войной. Усилия, однако, должны быть тщательно и произвольно ограничены западным полушарием, и мы с тревогой отрешиваемся от какой-либо роли в регулировании Конго, хотя, несомненно, когда-нибудь мы пожелаем получить свою долю в торговле этого региона. Однако наши государственные деятели, если они собираются позволить нам вести какую-либо внешнюю торговлю, не могут позволить нам отправиться туда, где мы больше всего на этом заработаем. Они должны провести для этого *априорные* границы. Они обложили нас налогами, чтобы запереть дома. Это убило транзитную торговлю, потому что, если бы мы решили не торговать, что могли бы сделать грузоотправители? Затем погибло кораблестроение, ибо если не было транзитной торговли, зачем было строить корабли, особенно когда налоги для защиты мануфактур сокрушали корабли и торговлю? (§ 101.) Затем военно-морской флот пришел в упадок, поскольку без защиты торговли на море нам не нужен военно-морской флот. Затем мы потеряли интерес, который проявляли тридцать лет назад к каналу через перешеек, потому что теперь, в соответствии с политикой запрета торговли, он нам не нужен. Затем дипломатия стала синекурой, поскольку у нас нет международных отношений.

87. Теперь появляется “национальная политика”, но не потому, что она необходима, а как искусственная и раздутая политическая напыщенность. Мы должны активизировать нашу дипломатию, заключая торговые договоры и вмешиваясь в иностранные распри. Без сомнения, это быстро сделает необходимым военно-морской флот. Фактически, предлагаемая нами “американская политика” - это всего лишь старая, отброшенная политика Джона Булля восемнадцатого века, которая вынудила Англию содержать большую армию, большой флот, большие долги, высокие налоги и постоянную череду мелких войн. Следовательно, с нас будут

взимать еще немного налога на содержание военно-морского флота. Затем предлагается обложить нас еще немного налогом на оплату каналов, по которым может ходить военно-морской флот. Затем нас еще немного облагают налогом, чтобы субсидировать прохождение торговых судов через канал. Затем нас еще немного облагают налогом, чтобы субсидировать рейсы, то есть транзитную торговлю. Тогда с нас будут взимать еще больше налогов за обеспечение судов грузами (§ 83).

88. Все это время вся торговля Вест-Индии, Мексики, Центральной и Южной Америки будет принадлежать нам, если мы только отойдем в сторону и позволим ей развиваться. Она принадлежит нам по всем географическим и коммерческим преимуществам и была бы нашей с 1825 года, если бы мы только сняли барьеры. Вместо этого мы предлагаем обложить себя еще некоторыми налогами, чтобы преодолеть барьеры. Снимите налоги с товаров, позвольте обмену продолжаться, и как следствие, возникнет транзитная торговля. Если у нас есть товары для перевозки, мы построим или купим корабли, на которых будем их перевозить. Если у нас будут торговые суда, нам понадобится соответствующий военно-морской флот. Если нам понадобятся каналы, мы их построим, поскольку, фактически, частный капитал сейчас строит один и рискует этим. Если нам нужна дипломатия, мы будем учиться и практиковать дипломатию демократического, мирного и коммерческого типа.

89. Таким образом, в соответствии с философией протекционизма, то же самое, если оно приходит к нам свободно в результате расширения торговли и прогресса, воспринимается с ужасом, в то время как, если мы можем сначала запретить это, а затем впустить лишь малую часть с большими затратами и страданиями, за это стоит бороться. Такова ошибочность всех коммерческих договоров. Основная критика всех дебатов в Вашингтоне в 1884-1885 годах заключалась в следующем: *Определились ли эти участники дебатов с каким-либо стандартом, по которому можно оценивать то, что вы получаете и что отдаете в соответствии с торговым договором?* Было ясно, что они этого не сделали. Поколение протекционизма отняло знание о том, что такое торговля (§ § 125, 139) и откуда берутся ее выгоды, и породило подозрение к торговле (§ § 63 и далее). Следовательно, когда наши общественные деятели пришли сравнивать то, что мы должны получать, и то, что мы должны отдавать, они начали измерять это вещами, которые были совершенно чужды торговле. Едва ли двое из них согласились относительно стандартов, с помощью которых это можно измерить. Некоторые думали, что это количество людей в одной стране по сравнению с количеством в другой. Другие считали, что это сумма, проданная в сравнении с суммой, купленной в данной стране. Другие считали, что речь идет о сумме дохода, которой мы должны пожертвовать, по сравнению с суммой, которой пожертвовала бы другая сторона. Если кто-либо попытается установить стандарт, с помощью которого можно было бы измерить выгоду от такого договора для той или иной стороны, он убедится в ошибочности всей процедуры. Наибольшей выгодой для обоих было бы, если бы торговля была совершенно свободной. Если ей препятствуют в большей или меньшей степени, это вред, который необходимо исправить как можно скорее. Если затем какая-либо из сторон снизит свои собственные налоги, это будет выигрышем и движением к желаемому положению вещей. Ни одно государство не нуждается в чем-либо разрешении, чтобы снизить свои собственные налоги, и сложности, которые подорвали бы его финансовую независимость, стали бы новым вредом. 17

90. Следовательно, протекционизм находится в состоянии войны с улучшениями. Полезно только аннулировать и нивелировать последствия тех самых улучшений, которыми мы хвалимся. Со временем усовершенствования приобретают такую силу, что протекционизм не может противостоять им. *Тогда он разворачивается и пытается контролировать и регулировать их с большими затратами с помощью дипломатии или войны.* Чем масштабнее и шире распространяются по всему миру эти улучшения, тем многочисленнее предпринимаются усилия в различных частях мира по возрождению или расширению защиты. Несомненно, изменения, к которым приводят улучшения, сопряжены с потерями и неудобствами. Примечательным случаем являются потери и неудобства рабочего, когда машина впервые внедряется, чтобы заменить его. Ему уже давно проповедовали терпеливую выдержку и надежду, уверенность в том, что в конце концов ему станет лучше. Это правда, что ему будет лучше; но почему бы не применить ту же доктрину в связи с другими неудобствами улучшения, где это в равной степени верно?

3. ЗАЩИТА СНИЖАЕТ ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ.

91. При системе чистой заработной платы, то есть там, где есть класс, не имеющий капитала и земли, заработная плата определяется спросом и предложением рабочей силы. Спрос на рабочую силу измеряется имеющимся в наличии капиталом для ее оплаты точно так же, как спрос на что-либо другое измеряется предложением товаров, предлагаемых в обмен на нее. Выражаясь языком Кобдена: “Когда два человека охотятся за одним начальником, заработная плата низкая; когда два начальника охотятся за одним человеком, заработная плата высокая”.

(А) В Соединенных Штатах нет настоящего класса заработной платы.

92. Однако Соединенные Штаты никогда еще не переходили на чистую систему заработной платы, потому что нет класса, у которого не было бы земли или который не мог бы ее получить. Фактически, происходящее удешевление транспорта делает землю этого континента, Австралии и Африки доступной для рабочих Европы, и разрушает там систему заработной платы. Это истинная причина подъема пролетариата и расширения демократии, которые обычно объясняются метафизическими, сентиментальными или политическими причинами. Человек, у которого нет капитала и земли, не может жить изо дня в день, кроме как получая долю в капитале других людей в обмен на оказанные услуги. В старом обществе или при высокой плотности населения возникает такой класс. У нее нет резервов; нет других шансов; нет других ресурсов. В новой стране такого класса не существует. Для того, чтобы отправиться в нее, нужно иметь землю. На стадии сельского хозяйства, которая уже существует, необходимо очень мало капитала и очень мало разделения труда. Следовательно, тот, у кого есть только неквалифицированная физическая сила, может добыть землю и использовать ее, и он может получить от нее обильный запас грубых первичных удобств существования для себя и своей семьи. Если сделать так, чтобы добраться из старых населенных пунктов на новую землю было так дешево и легко, что рабочие низшего класса смогут накопить достаточно, чтобы оплатить проезд, то эффект достигнет и рынка труда старых стран. Таков теперь факт.

93. Слабость истинно наемного класса заключается в том факте, что у них нет другого шанса. Очевидно, однако, *что благополучие человека в этом мире пропорционально шансам, которыми он может воспользоваться.* Преимущество образования в том, что оно увеличивает

шансы человека. У *наших* некапиталистов есть еще один шанс на земле, и этот шанс близок, его легко ухватить и использовать. Необязательно, чтобы им пользовались все или какое-либо число. Каждый, кто им пользуется, оставляет за собой больше места, уменьшает предложение рабочей силы и конкуренцию за нее и помогает своему классу как классу. Другой шанс, которым обладает рабочий, также является *хорошим* и, следовательно, устанавливает высокий минимум заработной платы неквалифицированного работника. Здесь мы сталкиваемся с причиной высокой заработной платы в новой стране.

94. Взаимосвязь вещей была отчетливо видна в первые колониальные дни. Уинтроп рассказывает, как Суд общей юрисдикции в Массачусетском заливе пытался законодательно установить заработную плату ремесленников. Очевидно, что ремесленники пользовались большим спросом для строительства домов, и что они не стали бы заниматься своим ремеслом, если бы заработная плата не позволяла им жить так же хорошо, как фермеры могут добывать из земли, поскольку эти ремесленники могли бы пойти и занять землю и тоже стать фермерами. Единственным следствием закона было то, что ремесленники «ушли на Запад», в долину реки Коннектикут, и закон стал мертвой буквой. С тех пор сохраняется такое же равновесие между доходами от новых земель и заработной платой ремесленников и черноработчих.

95. В 1884 году была предпринята попытка объединить Восточную и Западную металлургические ассоциации для общих усилий во имя повышения заработной платы. Профсоюз не мог быть создан, потому что Восточная и Западная ассоциации *никогда не имели одинакового уровня заработной платы*. Последние, находясь дальше на запад, где предложение рабочей силы меньше, а земля ближе, получили более высокую заработную плату. Возможно, здесь стоит немного забежать вперед, чтобы указать на то, что эта разница в заработной плате не помешала росту промышленности на Западе и не сделала невозможной конкуренцию на общем рынке.¹⁸ Этот факт имеет первостепенное значение для опровержения нынешнего предположения протекционистов. Они говорят, что отрасль не может существовать в одном месте, если заработная плата там выше, чем должна выплачиваться кем-либо в той же отрасли в другом месте. Это предположение фактически вообще не имеет под собой никаких оснований. Рабочие на фермах в Айове получают в три раза больше, чем рабочие на фермах в Англии. Продукты первых оплачивают перевозку за 5000 миль, а затем вывозят продукты вторых. Заработная плата - это лишь один элемент, и часто она далеко не самый важный элемент в экономике производства. *Заработная плата, выплачиваемая людям, производящим изделие, не имеет ничего общего с ценой или ценностью этого изделия*. Я знаю, что это утверждение производит поразительный эффект на людей, придерживающихся монашеских представлений о политической экономии, но это всего лишь частный случай теоремы о том, что *“Прошедший труд не влияет на стоимость”*, которая является истинным краеугольным камнем любой здоровой политической экономии. Заработная плата определяется спросом и предложением рабочей силы. Стоимость определяется спросом и предложением товара. Эти две вещи не имеют никакой связи. Заработная плата является одним из элементов затрат капиталиста на производство. Если общие затраты в одной производственной линии по сравнению с доходностью, полученной в этой линии, не столь выгодны, как общие затраты в другой линии по сравнению с доходностью, доступной во второй линии, то капитал изымается из первой линии и переводится во вторую; но уровень заработной платы в любом случае является рыночной ставкой, определяемой спросом и предложением рабочей силы, поскольку это то, что работодатели должны платить, если им нужны работники, независимо от того, получают они какую-либо прибыль или нет.

96. Факты и экономические принципы, только что изложенные выше, ясно показывают, почему заработная плата высока, и ярко освещают утверждение протекционистов о том, что их устройство делает заработную плату высокой (§47), то есть выше, чем она была бы в противном случае, или выше здесь, чем в Европе. Заработная плата не является произвольной. Ее нельзя повышать и понижать по чьей-либо прихоти. Она контролируется конечными причинами. Если нет, то что привело к их падению за последние восемнадцать месяцев на десять-сорок процентов, больше всего в наиболее защищенных отраслях (§ 26)? Почему они самые высокие в наименее защищенных и незащищенных отраслях, например, в строительстве? Недавно в Нью-Йорке перевозчики объявили забастовку по цене три доллара за девять часов работы. Какое отношение тариф имеет к их делу? *Почему тариф не предотвращает падение заработной платы?* Все это есть, и сейчас самое время ввести это в действие, если это позволит поддерживать заработную плату на высоком уровне. Сейчас это необходимо. Когда заработная плата на рынке была высокой, и в ней не было необходимости, она требовала кредита. Теперь, когда они падают, а она нужна, она бессильна.

97. Заработная плата - это капитал. Если я обещаю выплачивать заработную плату, я должен где-то найти капитал для выполнения моего контракта. Если тариф заставляет меня платить больше, чем я заплатил бы в противном случае, откуда берется излишек? Игнорируя деньги лишь как промежуточный фактор, заработная плата человека — это его средства к существованию: еда, одежда, арендная плата за дом, топливо, свет, мебель и т.д. Если тарифная система заставляет его получать за десятичасовую работу в магазине больше, чем он получал бы без тарифа, *откуда берется это “больше”?* Ничто, кроме труда и капитала, не может производить пищу, одежду и т.д. Либо налог должен создавать их из ничего, либо он может получить их, только отняв у тех, кто их создал, то есть вычтя из заработной платы кого-то другого. Принимая во внимание весь класс заработной платы, тогда налог вряд ли может увеличиться, но обязательно приведет к расточительству и потерям, снижающим заработную плату.

(В) Как налоги влияют на заработную плату.

98. Если мы хотим повысить заработную плату, налоги должны взиматься не с товаров, а с людей. Пусть товаров будет в избытке, а людей мало. Тогда средняя заработная плата будет высокой, поскольку предложение рабочей силы будет небольшим, а спрос большим. Если мы будем облагать налогом товары, а не людей, предложение рабочей силы будет большим, спрос ограниченным, а заработная плата низкой. Здесь мы видим, почему работодатели рабочей силы хотят ввести тариф. Ибо это очевидная непоследовательность и самая гротескная сатира, когда одни и те же люди говорят рабочим дома, что тариф делает заработную плату высокой, и должны ехать в Вашингтон и говорить Конгрессу, что они хотят введения тарифа, потому что заработная плата слишком высока. Мы обнаружили, что высокая заработная плата американских рабочих имеет независимые причины и гарантии, выходящие за рамки законодательства. Они обеспечиваются и поддерживаются экономическими условиями страны. Это противоречит интересам тех, кто хочет нанять рабочих. Ни одно устройство не может служить их интересам, если оно не снижает заработную плату. С точки зрения работодателя, счастливые обстоятельства работника становятся препятствием, которое необходимо преодолеть (§ 65). Рабочий слишком обеспечен. Ничто не может принести пользы, если не сделает его менее обеспеченным. Конкуренция, которая беспокоит работодателя, - это не “бедный труд” Европы.

99. “Труд нищих” имел значение в первой половине этого столетия в Англии, когда надзиратели за беднотой передавали младшую часть обитателей богаделен владельцам новых хлопчатобумажных фабрик по контрактам обучать их ремеслу и платить им гроши. Конечно, с этой договоренностью было связано шокирующее зло, но это была переходная договоренность. Дети “нищих чернорабочих” через поколение стали независимыми чернорабочими; система устарела сама собой, и “нищий чернорабочий” теперь бессмысленный звон.

100. Конкуренция, которой боятся работодатели , - *это конкуренция тех отраслей в Америке, которые могут платить высокую заработную плату и которые поддерживают ее на высоком уровне, потому что они действительно ее платят.* Это отвлекает работника. Это дает ему еще один шанс. Если бы у него не было другого способа зарабатывать больше, чем он зарабатывает, было бы бесполезно требовать большего. Причина, по которой он требует большего и получает это, заключается в том, что он знает, где он может это получить, если он не может получить это там, где он находится. Таким образом, если он должен быть свергнут, единственный способ сделать это - *уничтожить или принизить ценность его другого шанса.* Это именно то, что делает тариф.

101. Налоги, которые взимаются для защиты, должны исходить от кого-то. Как я показал (§§32 и далее), защищенные интересы дают и забирают друг у друга, но, если они как группа что-то выигрывают, они должны выиграть у другой группы, и этой другой группой должны быть отрасли, которые не защищены и не могут быть защищены. В Англии раньше это были промышленные товары, и в соответствии с законами о зерне они облагались налогом в интересах сельского хозяйства. В Соединенных Штатах, конечно, ситуация должна быть взаимодополняющей и противоположной. Мы облагаем налогом сельское хозяйство и торговлю в интересах производителей. Коммерция, то есть судостроение и транспортная торговля, была подавлена этим бременем (§ 86). Но бремя, возложенное таким образом на сельское хозяйство и торговлю, снижает прибыль этих отраслей, снижает их привлекательность для рабочего, снижает ценность другого шанса рабочего, уменьшает конкуренцию других американских отраслей с обрабатывающей промышленностью, и таким образом, лишая благословения, которое Бог и природа дали американскому рабочему, позволяют человеку, который хочет нанять его услуги, получать их по более низкой цене. Эффект от налогов точно такой же, как от такого процента, взимаемого с плодородия почвы, превосходства климата, мощности орудий труда или трудолюбивых привычек людей. Следовательно, это снижает средний комфорт и благосостояние населения, а вместе с этим средним комфортом снижает заработную плату тех людей, которые работают за заработную плату.

(С) Опасности статистики, особенно заработной платы.

102. Любой изучающий статистику, несомненно, будет питать к статистике гораздо меньше доверия, чем полагают непосвященные. Бухгалтеры научили нас, что цифры не лгут, но что они будут рассказывать очень странные истории. Статистика не будет лгать, но она сыграет замечательную шутку с человеком, который не понимает их диалекта. Неискушенному читателю трудно, когда ему предлагают столбец статистических данных, удержаться от впечатления, что они должны *что-то* доказывать. Факт в том, что столбец статистики вряд ли когда-либо что-либо доказывает. Распространено мнение, что любой может использовать или понимать статистику. Дело в том, что требуется особый и высокий уровень квалификации, чтобы оценить

влияние сопутствующих обстоятельств, при которых были получены статистические данные, оценить пределы их применения и интерпретировать их значимость. Статистические данные, которые используются для доказательства национального процветания, являются иллюстрацией этого, поскольку они используются в качестве абсолютных показателей, когда ясно, что от них нет никакой пользы, кроме как для сравнения. Иногда другой член сравнения найти невозможно, и он всегда игнорируется (§52).

103. Зимой 1883-1884 годов комитет конгресса, занимавшийся тарифами, провел перепись населения и приступил к подсчету заработной платы в производстве стали путем суммирования всей заработной платы на железном руднике. Затем они взяли прутковый прокат и снова сложили всю заработную плату снизу вверх, чтобы определить важность элемента заработной платы в этом, и так далее на каждом этапе черной металлургии. Они собирались увеличить ту же зарплату в шесть или восемь раз.

104. Публикуемая статистика сравнительной заработной платы вообще не представляет никакой ценности.¹⁹ Неизвестно, как, кем или из каких отдельных случаев они были собраны. Неизвестно, насколько обширной, или как длинной, или насколько тщательной была запись, из которой они были взяты. Факты о различных классификациях труда в разделении труда, о скорости, с которой работает оборудование, или о надбавках того или иного вида, которые варьируются от завода к заводу и от города к городу, вообще редко уточняются. Защищенные работодатели охотно сообщают о заработной плате, которую они выплачивают за день или неделю, что не имеет никакого значения. Единственными статистическими данными, которые могли бы быть полезны для проводимого сравнения, были бы такие, которые показывают соотношение заработной платы к общим затратам на единицу продукции. Даже это сравнение не имело бы той силы, которая приписывается другому. Следовательно, предлагаемые статистические данные бесполезны или вводят в заблуждение. По сути дела, получить такую статистику чрезвычайно сложно. Если работодателям подается заявление, запрос касается их частного бизнеса. Они не заинтересованы в ответе. Они не могут ответить, не потратив большого труда на свои книги (если запрос охватывает определенный период), или не передав свои книги кому-то другому, если они позволят ему выполнить эту работу. Если проводится опрос этих людей, он становится долгим, утомительным и полным неопределенностей. Берут ли на себя консулы Соединенных Штатов хлопоты, связанные с таким опросом? Есть ли у них подготовка, необходимая для успешного проведения этого мероприятия?

105. Общеизвестен и не оспаривается тот факт, что заработная плата здесь выше, чем в Европе. Наибольшая разница наблюдается в самой низкой категории труда — ручном, неквалифицированном. Разница меньше в более высоких классах труда. Для тех, кого англичане называют “инженерами”, людьми, обладающими личной ловкостью и творческой силой, разница в другом, если мы сравним Соединенные Штаты и Англию. Результаты иммиграции в точности отражают эти различия (примечание, §122). Основную массу иммигрантов составляют фермеры и чернорабочие. “Квалифицированные рабочие” — сравнительно небольшой класс, и, если бы претензии отдельных лиц на то, что они себя называют, были проверены английскими или немецкими торговыми стандартами, их число было бы действительно очень небольшим. Инженеры эмигрируют из Германии в Англию. Люди этого класса редко приезжают в эту страну, а если и приезжают, то по специальным контрактам, или вскоре возвращаются. Каждая страна, несмотря на все налоги и другие приспособления, получает тот класс людей, для которого ее промышленное состояние дает наилучшие шансы.

Единственное, что делает тариф в этом вопросе, - это отнимает у тех, кто имеет здесь преимущество, часть этого преимущества.

4. ПРОТЕКЦИОНИЗМ - ЭТО СОЦИАЛИЗМ

106. Просто придать протекционизму дурную славу значило бы добиться очень немногого. Когда я говорю, что протекционизм - это социализм, я имею в виду классифицировать его и подвести не только под соответствующий заголовок, но и в соответствие с его истинными особенностями. *Социализм - это любое устройство или доктрина, целью которых является спасение людей от любых трудностей борьбы за существование и жизненной конкуренции путем вмешательства "государства"*. Поскольку "Государство" никогда не было и не может быть ничем иным, кроме как какими-то другими людьми, социализм - это устройство для того, чтобы заставить одних людей вести борьбу за существование за других. За устройствами всегда стоит доктрина, цель которой - показать, почему это *должно* быть сделано.

107. Защищаемые интересы требуют, чтобы они были избавлены от проблем и раздражения деловой конкуренции и чтобы им была гарантирована прибыль от их предприятий "государством", то есть за счет их сограждан. Если это не социализм, то такого понятия не существует. Если работодатели могут требовать, чтобы "государство" гарантировало им прибыль, почему работники не могут требовать, чтобы "Государство" гарантировало им заработную плату? Если нас облагают налогом для получения прибыли, почему бы нам не облагаться налогом на общественные мастерские, на страхование рабочих или на любые другие устройства, которые будут обеспечивать заработную плату и спасать работника от жизненных невзгод, риска и тягот борьбы за существование? "Мы", которые должны платить, постоянно меняются, и очередь защищенного работодателя платить, несомненно, скоро придет. План всех живущих друг на друге способен к огромному расширению. Пока что он далек от совершенства или полного осуществления. Протекционисты обучают только тех, кто пока находится на стороне "платящих", но кто, несомненно, использует политическую власть, чтобы поставить себя также на стороне "получающих". Аргумент о том, что "государство" должно что-то сделать для меня, потому что мой бизнес не окупается, является очень далеко идущим аргументом. Если она хороша для чугуна и шерсти, то она хороша и для всего того, к чему социалисты ее применяют.

Глава IV

РАЗЛИЧНЫЕ ОШИБКИ ПРОТЕКЦИОНИЗМА

108. Теперь я могу быстро избавиться от ряда нынешних заблуждений, выдвинутых протекционистами. Как правило, это причудливые или притянутые за уши попытки показать какой-то эквивалент, который налогоплательщик получает за свои налоги.

А) что зарождающиеся отрасли промышленности можно поддерживать до обретения независимости, а затем они становятся производительными.

109. Я не знаю ни одного случая, когда бы эта надежда оправдалась, хотя мы проводим этот эксперимент уже почти столетие. Самые слабые младенцы на сегодняшний день - это те, кого Александр Гамильтон вознамерился защитить в 1791 году. Как только младенцы начинают набираться сил (если они вообще когда-нибудь набираются), защитная система заставляет их нести бремя других младенцев, и так до бесконечности. Система провоцирует гидроцефалию у

младенцев, и вместо того, чтобы когда-либо достигать зрелости, чем дольше они живут, тем крупнее становятся. Это система делает их такими, и по своему собственному плану от нее никогда нельзя рационально ожидать какого-либо другого эффекта. (Смотрите далее, в разделе о следующей логической ошибке, §§ 111 и далее.)

110. Милль²⁰ приводит пример, находящийся в пределах допустимого, когда у молодой страны может быть преимущество в защите зарождающейся отрасли. Его часто цитируют, невзирая на ограниченность его заявления, как если бы он подтвердил общую целесообразность защиты в новых странах и для зарождающихся отраслей промышленности. Цитирование его без учета ограничений, которые он указал, равносильно неправильной цитате. Утверждение, которое он сделал, математически доказуемо.²¹ Разработанная таким образом доктрина очень хорошо известна в сфере частного предпринимательства. Может быть начато коммерческое предприятие, которое в течение нескольких лет не принесет прибыли или приведет к убыткам, но которое, как ожидается, позже окупит все это. *Каковы пределы, в которых такое предприятие может добиться успеха?* Это должно либо требовать привлечения капитала только на короткий период (например, строительство железной дороги или посадка апельсиновой рощи), либо обещать огромные прибыли после запуска (например, запатентованная новинка). Чем выше процентная ставка, как и в любой новой стране, тем более строгими и узкими являются эти условия. Милл сказал, что вполне возможно, что в отрасли может иметь место случай, когда такой же расчет может быть применен к защитному налогу. Итак, если кто-то говорит, что он может предложить отрасль, которая соответствует этим условиям, пусть это будет проверено, так ли это. Если защита никогда не будет применена до тех пор, пока не будет предложен такой случай, она вообще никогда не будет применена. Математически постижимая вещь - это та, которая не абсурдна; но вещь, которая практически возможна, - это совсем другое дело. Что касается меня, то я решительно не согласен с доктриной Милля, даже когда он ограничивает ее. Во-первых, государство не может за счет налогов развивать промышленное предприятие такого характера, чтобы оно, как любой может видеть, *требовало самого интенсивного и тщательного надзора со стороны лиц, чей капитал поставлен в нем на карту*, и, во-вторых, государство понесло бы убытки, пока оно существует, но частные интересы получили бы выгоду после его начала.

В) что Защитные налоги приводят не к повышению, а к снижению цен.

111. На это очевидно ответить: что хорошего они могут тогда принести для достижения предложенной цели? Тем не менее верно, что при определенных обстоятельствах защитные налоги снижают цены. Протекционист берет в свои руки зарождающуюся отрасль и предлагает вырастить ее путем введения налогов, препятствующих конкуренции, и предоставления ей прибыли большей, чем могла бы дать мировая рыночная цена. Это повышает цену. Но затем потребитель подает жалобу. Протекционист поворачивается к нему и обещает, что мало-помалу произойдет "перепроизводство" и цены упадут. Это приходит в свое время, для каждой защищенной отрасли организована как более или менее ограниченную монополию, а монополия, которая избыточном ее на рынке, *по той цене, что он хочет*, является самым слабым индустрии можно (§24). Потребитель теперь побеждает, но вопль из колыбели призывает протекциониста вернуться к индустрии младенцев, которая бьется в конвульсиях от "перепроизводства". Некоторые младенцы умирают. Это дает новый шанс остальным. Они

объединяются для создания более эффективной монополии, снова повышают цены, ограничивая производство, и продолжают до тех пор, пока “перепроизводство” не приведет к новому краху. Это еще одна причина, по которой младенцы никогда не обретают жизненной силы. Конечным результатом является то, что рынок постоянно чередует жесткость и расслабленность, и от этого вообще ничего не выигрывают.

112. Всякий раз, когда мы говорим о ценах, *следует отметить, что наши утверждения связаны с деньгами*- скоростью, по которой товары обмениваются на деньги. Следовательно, если мы хотим повысить цены, мы должны *ограничить предложение* товаров, так что и в отношении денежной доктрины мы придем к тому же результату, что и раньше, а именно к тому, что защитные налоги сокращают производство и богатство.

113. Проблема управления любой монополией состоит в том, чтобы дозировать рынок именно тем количеством, которое он возьмет, по цене, которую хочет получить монополист. В квалифицированной монополии, то есть такой, которую разделяет несколько человек, трудность заключается в достижении соглашения об управлении. Они могут не поддерживать никакой связи друг с другом и могут конкурировать. Если это так, они перегружают рынок, и цена упадет. Затем они встречаются, чтобы установить связь; образуют “ассоциацию”, чтобы добиться гармоничных действий, и соглашаются разделить производство между ними, ограничить и регулировать его, чтобы предотвратить прежнюю ошибку и восстановить цены (§24).

(С) Что мы должны быть Чисто сельскохозяйственной нацией при Свободной торговле.

114. Чисто сельскохозяйственная нация, занимающая такую большую территорию, как Соединенные Штаты, немыслима. Нынешнее распределение отраслей промышленности *внутри* Соединенных Штатов является полным доказательством того, что ничего подобного не произойдет, поскольку у нас внутри абсолютная свобода торговли, а в сельскохозяйственных штатах производство развивается так быстро, как того требуют обстоятельства, и так быстро, как только это может приносить прибыль. При свободной торговле существовало бы разделение хлопчатобумажной, шерстяной, черной металлургии и других отраслей промышленности, и мы должны были бы как экспортировать, так и импортировать различные сорта и качества этих товаров. Южные штаты в настоящее время производят грубый хлопок, конкурируя с Новой Англией. Западные штаты производят грубую шерсть, определенные сорта изделий из кожи и железа и т.д., конкурируя с Востоком. Здесь мы видим точный вид дифференциации, который имел бы место при свободной торговле, и мы можем видеть вред тарифа, будь то, с одной стороны, он поражает целую категорию тем же грубым невежеством, или пытается, путем хитрой подклассификации, свести на нет все усилия по самосохранению, которые предпринимает торговля.²² Если бы, однако, было возможно, чтобы мы стали чисто сельскохозяйственной нацией, единственным законным выводом было бы то, что все наше население могло бы лучше поддерживаться таким способом, чем любым другим. Если бы в чем-то другом была большая выгода, некоторые из них занялись бы этим.

D) что сообщества, занимающиеся производством, более процветают, чем сообщества, занимающиеся сельским хозяйством.

115. Это так же верно, как если бы следовало сказать, что все высокие мужчины здоровы. На это можно было бы ответить, что некоторые являются таковыми, а некоторые нет; что рост и здоровье не имеют никакой связи. Некоторые производственные сообщества процветают, а некоторые нет. Внутреннее противоречие протекционизма проявляется в одной из самых смелых форм этой логической ошибки. Нам говорят, что производство - это особое благословение. Протекционист говорит, что он собирается дать нам немного. Вместо этого он предъявляет к нам новые требования, возлагает на нас новое бремя, не дает нам ничего, кроме дополнительных налогов. Он обещает нам доход и увеличивает наши расходы; обещает актив и дает обязательство; обещает подарок и создает долг; обещает благословение и возлагает бремя. То самое, чем он хвастается как великим и благотворным преимуществом, ничего нам не дает, но отнимает у нас больше. Процветание связано с одной формой производства не больше, чем с другой. Если бы это было так, у части человечества по своей природе было бы постоянно больше шансов, чем у других, и никто не мог бы эмигрировать в новую, то есть сельскохозяйственную страну, без ущерба для своих интересов. Мир устроен не так.

(E) что целью является диверсификация промышленности и что страны, имеющие различные отрасли, сильнее других, у которых нет различных отраслей.

116. Цель состоит не в том, чтобы диверсифицировать промышленность, а в том, чтобы умножить и разнообразить наше удовлетворение, комфорт и наслаждения. Если мы можем добиться этого, объединив нашу отрасль в большей степени, чем диверсифицируя ее, тогда мы должны сделать и мы сделаем первое. Этот вопрос не должен решаться *априори*, он зависит от экономических обстоятельств. Если страна имеет превосходство в какой-то одной отрасли, то у нее будет только одна. В Калифорнии и Австралии была только одна отрасль промышленности до тех пор, пока производительность золотых приисков не снизилась, то есть до тех пор, пока их высшее преимущество перед другими странами не уменьшилось: они начали диверсифицировать свою деятельность, когда стали менее состоятельными. Нефтяной регион Пенсильвании имеет шансы на развитие трех отраслей: старого сельского хозяйства, угля и нефти. У него будет только одна отрасль, пока нефть дает шансы, превосходящие те, которыми обладает любой другой подобный район. Когда он потеряет свое уникальное преимущество от природы, он будет диверсифицироваться. “Сильнейшая” нация - это та, которая поставляет на мировой рынок продукты, пользующиеся большим спросом, но добывание которых не требует особых усилий и жертв; ибо тогда она будет владеть всеми благами, которые люди могут получить на земле без особых усилий для себя. Являются ли предлагаемые им продукты одним или многочисленными, не имеет значения. Все, что связано с тарифами, заключается в том, что, когда американец выходит на мировой рынок с пшеницей, хлопком, табаком и нефтью, - всемипредметами, пользующимися большим спросом у человечества и не требующими больших затрат для него, - это вынуждает его отказаться от части причитающихся ему преимуществ (§§125, 134).

(F) что производство придает ценность Земле.

117. Эта доктрина была выдвинута Сельскохозяйственным бюро. Считалось, что это грандиозное развитие протекционистской аргументации. Это простая логическая ошибка, основанная на некоторых неверно истолкованных статистических данных. Стоимость земли зависит от спроса и предложения. Спрос на землю зависит от численности населения. Следовательно, там, где население густое, ценность земли велика. Производство может осуществляться только там, где есть предложение рабочей силы, то есть там, где население является плотным. Следовательно, высокая стоимость земли и обрабатывающая промышленность являются обычным результатом плотного населения. Статистик Сельскохозяйственного бюро связал их друг с другом как причину и следствие, а газета "Нью-Йорк Трибюн" заявила, что это был величайший вклад в политическую экономию с тех пор, как "пальцы Горация Грили окоченели при смерти"; что было правдой.

118. Если мануфактуры возникают спонтанно из-за первоначальной силы и независимого развития, то, конечно, они "повышают ценность земли", то есть район приобретает новую промышленную мощь и выигрывают все заинтересованные в нем стороны; но если мануфактуры необходимо защищать, оплачивать и поддерживать, они не приносят никакой пользы как мануфактуры, а только как средство для привлечения капитала откуда-либо еще, в качестве дани. Таким образом, защитные налоги действительно меняют сравнительную стоимость земли в разных округах. Этот эффект можно наблюдать на некоторых поразительных этапах в Коннектикуте и других промышленных штатах. Фермеры облагаются налогом за то, что нанимают людей, которые уезжают жить в промышленные деревни и продолжают там производство. Это перемещение населения, вызванное за счет сельского населения, снижает стоимость сельскохозяйственных земель и повышает стоимость городских земель прямо здесь, в пределах того же штата. Население хиллсайда беднеет, а фермы хиллсайда заброшены из-за взимаемой с них дани, которая увеличивает стоимость мельничных участков и прилегающих земель в промышленных городах (§§ 120, 137).

(G) Что Фермер, если он платит налоги для создания Фабрики, которая иначе не существовала бы, выиграет больше, чем Налоги, продавая сельскохозяйственную продукцию ремесленникам.

119. Это арифметическая ошибка. Предлагается получить три пинты из кварты. Фермер жаждет уплаты налога и получения фермерской продукции, и он не может получить обратно больше, чем налог, потому что, если фабрика обязана своим существованием защитным налогам, она не может получать никакой прибыли вне налогов. Предложение фермеру состоит в том, что он должен платить налоги другому человеку, который вернет часть налога обратно, чтобы купить на них продукты. Это делается для того, чтобы сделать фермера богатым. Человек, владевший акциями железной дороги и ездивший по ней, оплачивая проезд в надежде увеличить собственные дивиденды, был мудр по сравнению с фермером, который верит, что защита может быть для него источником прибыли.

120. Поскольку, как я показал (§101), защитные налоги действуют подобно снижению плодородия почвы, они снижают "предел возделывания" и повышают ренту. Они, однако, не повышают его в пользу владельца сельскохозяйственной земли, поскольку, путем только что описанного перемещения, они отнимают у него, чтобы передать городскому землевладельцу. Конечно, я не верю, что защитные налоги действительно снизили рентабельность

возделывания в этой стране, поскольку они не смогли компенсировать возросшее богатство новых земель и прогресс в искусстве. То, чего нам стоит защита, проистекает из неиссякаемой щедрости природы к нам. И все же я знаю очень немногих, кто не смог бы вынести того, что они живут намного лучше, чем есть на самом деле, а фермер из Новой Англии - это тот, у кого меньше всего шансов и преимуществ выдержать защиту.

(Н) Что фермеры выигрывают от протекционизма, потому что это выводит из конкуренции с ними очень много работников.

121. Поскольку фермеры платят налоги, за счет которых предполагается производить эту операцию, возникает простой вопрос, а именно: сколько человек может позволить себе заплатить, чтобы откупиться от конкуренции в своем бизнесе? Он не может позволить себе ничего платить, если у него нет монополии, которую он хочет укрепить. Наши фермеры полностью открыты для конкуренции со всех сторон. Иммиграция фермеров каждые три-четыре года превышает численность работников всех защищенных профессий. Следовательно, фермеры, если они придерживаются рекомендованной им точки зрения, вместо того, чтобы завоевать какие-либо позиции, оказываются лицом к лицу с задачей, которая становится все более масштабной по мере того, как они дольше работают над ней. Если один человек должен поддерживать другого, чтобы избавиться от конкуренции последнего как производителя, это будет тот случай, когда налогоплательщик поддерживает солдат, неработающих пенсионеров, нищих и т.д. Однако, согласно гипотезе, защищенный производитель не просто пребывает в праздности, но и ведет бизнес, убытки от которого должны быть оплачены теми, кто откупается от его конкурентов своим собственным производством. С другой стороны, когда фермеры выходят на рынок, они находятся в свободной конкуренции с несколькими другими источниками поставок. Следовательно, если бы они принесли какую-то пользу сельскохозяйственной промышленности, наняв ремесленников, чтобы они не конкурировали с ними, им пришлось бы делиться прибылью со всеми своими конкурентами по всему миру, оплачивая все расходы самостоятельно.

122. Перемещение людей по земле и перемещение товаров по земле являются взаимодополняющими операциями. Паспорта, чтобы остановить людей, и налоги, чтобы остановить товары, были бы одинаково законны. Поскольку раз и навсегда стало фактом, что одни части земли имеют преимущества в одном, а другие - в другом, люди пользуются местными преимуществами, либо переезжая в другие места, либо обменивая то, что они производят там, где они находятся, на то, что другие производят в других местах. Пассажирские и грузовые поезда приводятся в движение одним и тем же конечным экономическим фактом. Весь наш экспорт громоздок и требует большего тоннажа, чем наш импорт. Следовательно, во время путешествия на запад сооружаются койки, и людей доставляют в помещение, где были вывезены хлопок, пшеница и т.д. Тариф, поскольку он уменьшает импорт товаров, оставляет место, которое судовладельцы стремятся заполнить иммигрантами. Для этого они снижают ставки. Следовательно, тариф является надбавкой к иммиграции. Протекционисты утверждают, что тариф благоприятствует иммиграции. Но девять десятых иммигрантов - рабочие, домашняя прислуга и фермеры.²³ Вероятно, более трети от общего числа, включая женщин, находят свой путь на сушу. Как мы видели, тариф также снижает прибыль сельского хозяйства, что препятствует иммиграции и переселению на землю. Следовательно, если фермер верит тому,

что говорит ему протекционист, он должен понимать, что налоги, которые он платит, привлекают больше людей и повышают стоимость земли за счет ее заселения, и что они также усиливают конкуренцию, которую фермер должен компенсировать снижением прибыли своей собственной (фермерской) отрасли. Кроме того, поскольку иммигранты являются ремесленниками, надбавка за иммиграцию является налогом, уплачиваемым для увеличения предложения рабочей силы, то есть для снижения заработной платы, хотя протекционисты говорят, что тариф повышает заработную плату. Следовательно, мы видим, что когда налог вводится в нашем современном сложном обществе, вместо того, чтобы быть простым средством или методом, который можно использовать для определенной цели, его действие и реакция на транспорт, землю, заработную плату и т.д. Будут производить неустойчивые, противоречивые и запутанные эффекты, которые невозможно тщательно предсказать или проанализировать, и протекционист, приводя три или четыре аргумента в пользу своей системы, ссылаясь на три или четыре ее особенности, которые, при правильном анализе и сведении воедино, оказываются взаиморазрушающими и кумулятивными только в отношении вреда, который они наносят (см. §§ 29, 101).

(I) Что наша промышленность погибла бы без защиты.

123. Те, кто говорит это, думают только о производственных предприятиях как о "отраслях промышленности". Они также говорят о "наших" отраслях промышленности. Они имеют в виду тех, кого мы поддерживаем за счет налогов, которые платим, а не тех, от кого мы получаем дивиденды. Ни от одной отрасли промышленности никогда не откажутся, кроме как для того, чтобы занять место лучшей, и если при свободной торговле какая-либо из наших отраслей промышленности погибнет, это произойдет только потому, что снятие ограничений позволило какой-либо другой отрасли предложить настолько лучшее вознаграждение, что труд и капитал будут стремиться к последнему. Очевидно, что если человек не знает никакого лучшего способа зарабатывать себе на жизнь, чем тот, которым он занимается, он должен оставаться в нем или переехать в какое-нибудь другое место. Если кто-то может предположить, что население Соединенных Штатов можно было бы заставить уехать с помощью свободной торговли, он должен предположить, что эта страна не может прокормить свое население и что мы совершили ошибку, приехав сюда. Этот аргумент особенно убедителен, если производимыми товарами являются уголь, железо, шерсть, медь, древесина или любые другие первичные продукты почвы. Ибо, если говорят, что мы не можем выращивать эти продукты из почвы, конкурируя с какой-то другой частью земной поверхности, все, что это доказывает, - это то, что мы пришли не в то место, чтобы искать их. Если, однако, почва может прокормить население при таком механизме, при котором определенные отрасли промышленности обеспечивают себя сами, а те, которые к тому же ничего не платят, тогда ясно, что первые действительно поддерживают все население — частью прямо, а частью косвенно, через окольную и расточительную организацию. Следовательно, те же самые сильные и независимые отрасли промышленности, безусловно, могли бы еще лучше обеспечивать все население, если бы они поддерживали его напрямую.

124. Меня спросили, должны ли были у нас быть какие-либо металлургические заводы в этой стране, если бы у нас не было защиты. Я отвечаю, что не знаю; и никто другой тоже, но несомненно, что у нас было бы гораздо больше стали, если бы у нас не было защиты.

125. “Но, ” говорят, “ мы должны импортировать все”. Должны ли мы импортировать все и ничего не давать? Если так, иностранцы делали бы нам подарки и поддерживали нас. Должны ли мы давать равную ценность в обмен? Если это так, то в таком способе получения вещей было бы столько же “трудолюбия” и гораздо меньше “работы”, чем в том, чтобы делать их самим. Момент, который перестал быть правдой, мы должны создать, а не покупать. Предположим, что в округе А проживает два миллиона человек, один миллион из которых производит миллион бушелей пшеницы, а один миллион производит миллион центнеров железа; и предположим, что бушель пшеницы обменивается на центнер железа. Теперь, благодаря улучшенному транспорту и эмиграции, предположим, что открыта новая пшеничная страна В, и что ее жители привозят пшеницу в первый округ, предлагая два бушеля за центнер железа. Очевидно, что они должны предлагать больше одного бушеля за один центнер, иначе им бесполезно приходить. Теперь жители А, вкладывая весь свой труд и капитал в производство железа, производят два миллиона центнеров. Они хранят один миллион центнеров и обменивают один миллион центнеров железа на два миллиона бушелей пшеницы. Разрушение их производства пшеницы является признаком изменений в отрасли (объединения, а не диверсификации), благодаря которым они получили миллион бушелей пшеницы. Такова выгода от любой торговли. Если бы выгоды не существовало, торговля не была бы характерной чертой цивилизации.

(J) Что было бы разумно создать различные отрасли промышленности, даже за счет затрат, если бы мы могли таким образом предложить работу всем видам ремесленников и т.д., Которые могли бы прийти к нам.

126. Это означало бы всего лишь содержание общественных мастерских за счет налогоплательщиков и было бы открыто для всех убедительных возражений против общественных мастерских. Затраты были бы огромными, а отдача - небольшой или вообще никакой. Этот аргумент демонстрирует меньшее понимание сравнительных затрат и выгод, чем любой другой, который когда-либо предлагался.

(K) Что мы хотим быть Целостными сами по себе, достаточными для самих себя и Независимыми как Нация, и такое Положение Вещей будет достигнуто благодаря Защите.

127. Я буду ссылаться только на то, что я уже сказал о Китае и Японии (§69), как на примеры того, что дает этот план. Если бы несколько семей из нашей среды потерпели кораблекрушение на каком-нибудь острове, их величайшим горем было бы то, что они не смогли бы торговать с остальным миром. Они могли бы жить там “самодостаточно” и “независимо”, воплощая идеал счастья, который предлагает это предложение, но они огляделись бы вокруг и увидели избыток вещей, которые, как они знают, хотели бы иметь их друзья дома, и они подумали бы обо всех старых удобствах, которые у них были раньше и которые они не могли создать на своем острове. Они могли бы быть довольны тем, что продолжали там жить и сделали это своим домом, если бы могли обменять первое на второе. Если бы теперь корабль случайно прошел этим путем и обнаружил их, и открыл бы сообщение и торговлю между ними и их старым домом, философ-протекционист сказал бы им: “Вы совершаете большую ошибку. Вы должны все делать сами. Разумнее всего было бы как можно скорее снова изолировать себя налогами.” Мы послали к японцам нескольких мудрецов, чтобы приобщить их к путям цивилизации, которые, по сути, действительно сказали им, что первым шагом в развитии цивилизации было бы ввести защитный тариф и снова закрыть налогами те самые порты, которые они только что открыли.

(L) Что Защитные налоги необходимы для предотвращения установления контроля над нашим рынком иностранной монополией.

128. Говорят, что английские производители однажды объединились, чтобы снизить цены, чтобы уничтожить американских производителей, и что затем они подняли свои цены до монопольных уровней. Если они сделали это, то почему другие их клиенты не отправились в Соединенные Штаты и не купили товары здесь в первую очередь, и почему американцы не пошли и не купили товары других клиентов англичан во вторую очередь? Если англичане с самого начала снизили цены на весь свой рынок, почему они не понесли больших убытков? и если во втором случае они увеличили его для всего своего рынка, то почему они не уступили весь рынок своим конкурентам? Говорят, что англичане удивительно проницательны, а здесь им приписывают самую глупую и невероятную глупость.

129. Защитная система, безусловно, отдает нас в руки внутренней монополии из-за страха перед невероятной вероятностью того, что мы можем попасть в руки иностранной монополии. До войны мы не производили ниток высшего качества. Мы получали их по четыре цента за катушку (в розницу) у английской монополии. Согласно тарифу, мы были спасены от этого, попав в руки местной монополии, которая взимала пять центов с катушки. Тем временем иностранная монополия снизила цену ниток до трех центов за катушку (в розницу) для канадцев, которые были в ее власти. Чтобы нам не пришлось покупать никель у иностранного монополиста, Конгресс заставил нас покупать его у владельца единственного рудника в Соединенных Штатах и добавил тридцать центов за фунт к любой цене, которую мог запросить иностранец.

(M) Что Свободная торговля хороша в теории, но невозможна на практике; что было бы хорошо, если бы она была у всех стран.

130. То, что что-то может быть истинным в теории и ложным на практике, является самым полным абсурдом, который только может выразить человеческий язык. Ибо, если что-то верно на практике (протекционизм, например), то можно найти теорию его истинности, и эта теория будет истинной. Но было признано, что свободная торговля верна теоретически. Следовательно, две противоречивые вещи были бы верны в одно и то же время относительно одной и той же вещи. Дело в том, что *протекционизм абсолютно неосуществим*. Он работает не так, как от него ожидают; он не дает ни одного из результатов, которые были обещаны от него; он никогда не устанавливается должным образом и окончательно к удовлетворению своих собственных приверженцев. Они не могут оставить это в покое. Они всегда хотят "исправить неравенство" или пересмотреть его тем или иным способом. Именно они создали Тарифную комиссию 1882 года. Их система не способна быть построена таким образом, чтобы обеспечить промышленности нормальное состояние. Один из них сказал, что с тарифом было бы все в порядке, если бы его только можно было сделать стабильным; другой сказал, что его следует пересматривать каждые два года. Один сказал, что она должна включать в себя все; другой сказал, что было бы хорошо, "если бы она была наложена только на правильные вещи".

131. Если бы у всех наций была свободная торговля, ни одна из них не получила бы от этого никакой особой выгоды, точно так же, как если бы все люди были честными, честность не имела бы коммерческой ценности. Некоторые говорят, что человек не может позволить себе быть честным, если все не будут честны. Правда в том, что если бы среди множества мошенников был один честный человек, его характер и репутация достигли бы максимальной ценности.

Таким образом, нация, у которой есть свобода торговли, когда у других ее нет, выигрывает больше всего по сравнению с ними. Она выигрывает, в то время как они сами беднеют. Если бы у всех была свободная торговля, всем было бы лучше, но тогда никто не получал бы от нее больше прибыли, чем другие. Если бы это было не так, если бы человек, который первым видит истину и первым поступает мудро, не получал за это особой награды, весь моральный порядок вселенной должен был бы быть изменен, поскольку ни о какой реформе или улучшении не могло быть и речи до тех пор, пока не было получено единодушное согласие. Если человек или нация поступает правильно, они получают награду за то, что поступают правильно. Они не так велики, как могли бы быть получены, если бы все делали правильно, но они больше, чем получают те, кто все еще поступает неправильно.

(N) Что Торговля - это ВОЙНА, поэтому методы свободной торговли непригодны для нее и что для нее подходят защитные налоги.

132. Очевидно, под этим подразумевается, что торговля предполагает борьбу или состязание конкурентов. Однако с таким же успехом можно было бы сказать, что юридическая практика - это война, потому что она противоречива; или что медицинская практика - это война, потому что врачи - ревнивые соперники друг друга. Однако протекционисты, похоже, всегда думают о торговле как о коммерческой войне. Сообщалось, что один из них сказал в своей речи в конце предвыборной кампании, что страны больше не будут воевать оружием, а будут воевать налогами. Страны должны бойкотировать друг друга. Можно было бы подумать, что опыта, приобретенного нашими южанами во время Гражданской войны, когда они уверовали в то, что "хлопок - король", было бы достаточно, чтобы навсегда изгнать этот древний образец идиотизма - коммерческую войну. Если торговля - это война, то все, что тариф может с этим поделаться, - это заставить А сражаться в битвах В, хотя у А есть и свои битвы, в которых нужно сражаться помимо этого.

(O) Эта защита обеспечивает занятость рабочей силой и капиталом, которые в противном случае бездействовали бы.

133. Если есть какой-либо труд или капитал, который простаивает, этот факт является симптомом промышленного заболевания; особенно это верно в Соединенных Штатах. Если рабочий бездействует, ему грозит голодная смерть. Если капитал бездействует, он ничего не производит для своего владельца, который зависит от него, и терпит убытки. Следовательно, если труд или капитал бездействуют, какая-то предшествующая ошибка или безрассудство должны были привести к остановке промышленной организации. Лекарство состоит не в том, чтобы взимать еще какие-то налоги, а в том, чтобы найти ошибку и исправить ее. Если тогда все находится в своем нормальном и здоровом состоянии, рабочая сила и капитал страны используются настолько, насколько это возможно в рамках существующей организации. Мы постоянно пытаемся усовершенствовать наши обменные и кредитные системы, чтобы постоянно использовать весь наш капитал. Такие усовершенствования важны и ценны, но для их осуществления требуется больше продуманного и квалифицированного труда, чем для изобретения машин. Следовательно, Конгресс не может выполнить эту работу, обрушив шквал налогов на отдельные статьи и предоставив этим налогам самим определять, на какие моменты следует повлиять, и оказывать надлежащее влияние. Для этого нужны умные и трудолюбивые люди. Вера в то, что это может сделать что-то другое, является суеверием.

(P) Что Молодая нация нуждается в защите и будет испытывать определенные неудобства при Свободном обмене со Старой.

134. Чем моложе нация, тем важнее для нее торговля (ср. §§127 и далее). Чем моложе нация, тем больше она выигрывает от торговли, поскольку она предлагает продовольствие и сырье, которые являются предметами величайшей необходимости для старых наций. То, что Англия покупает у нас, для нее гораздо важнее, чем то, что она покупает у Франции или Германии. Сильная сторона в обмене — это не богатая сторона или старая сторона, а тот, кому благоприятствуют спрос и предложение — тот, кто приносит на обмен более редкую вещь, которая более востребована.²⁴ Если бедная женщина заходила в магазин Стюарта, чтобы купить ярд ситца, ей не приходилось платить больше, потому что Стюарт был богат. Она заплатила меньше, потому что он использовал свой капитал, чтобы обслуживать ее лучше и по более низкой цене, чем кто-либо другой. Англия забирает 60 процентов всего нашего экспорта. Мы продаем, во-первых, пшеницу и провизию, основные продукты питания; во-вторых, хлопок, важнейшее сырье, используемое в настоящее время человечеством; в-третьих, табак, самую универсальную роскошь, на которую существует самый высокий спрос; в-четвертых, нефть, наиболее распространенный осветительный материал. Это редкие товары, пользующиеся большим спросом. Таким образом, мы сильны на рынке. Защита лишает нас лишь части наших преимуществ (§ 116).

(B) Что нам нужна защита, чтобы подготовиться к войне.

135. У нас нет ни армии, ни флота, ни укреплений, достойных упоминания. За год мы тратим на защитные налоги больше, чем было бы необходимо для строительства первоклассного военно-морского флота и укрепления всего нашего морского побережья. Говорят, что налоги каким-то образом подготавливают нас к войне, но на самом деле мы к войне не готовы. Очевидно, что этот аргумент является лишь отговоркой, выдвинутой для того, чтобы попытаться скрыть реальные мотивы защиты. Если мы предпочитаем обходиться без армии, флота и укреплений, как мы делаем сейчас, то лучший способ подготовиться к войне, в соответствии с этой политикой, — это *разбогатеть как можно больше*. Тогда мы можем рассчитывать на покупку всего в мире, что есть у кого-либо еще и что нам нужно. Таким образом, защита, которая уменьшает наше богатство, только уменьшает нашу военную мощь.

(R) Что протекционизм дает некоторые большие моральные преимущества.

136. Это очень подозрительно, когда человек, приступающий к обсуждению экономического вопроса, переходит на “моральную” почву. Не потому, что экономика и мораль не имеют ничего общего друг с другом. Напротив, они пересекаются на общей пограничной линии, и, когда обе они надежны, прямые и последовательные линии переходят из одной в другую. Капитал является первым условием всех человеческих усилий по приобретению благ любого рода, и, следовательно, увеличение капитала — это увеличение шансов на то, что интеллектуальное, моральное и духовное благо может быть завоевано. Моральный вопрос заключается в следующем: как будут использованы эти шансы? Таким образом, если экономический анализ показывает, что защитные налоги уменьшают капитал, то из этого следует, что эти налоги уменьшают обычные шансы на получение всех высших благ.

137. Утверждается, что трудности дисциплинируют человека и идут ему на пользу; следовательно, свободные торговцы, которые хотят, чтобы люди делали то, что проще всего,

развратили бы их, и что протекционисты, “заставляя работать”, привносят в жизнь людей благотворную дисциплину. Это влияние на тех, кто платит налоги. Контроперация против бенефициаров системы, которую я никогда не видел разработанной. Бастиа сказал, что образцом, к которому стремился протекционист, был Сизиф, приговоренный в Аду закатить камень на вершину холма, с которого, как только он доставал его туда, он снова скатывался вниз. Затем он снова свернул его, и так до бесконечности. Тогда перед ним была бесконечность усилий, ноль результата; конечный тип, к которому придет протекционистская система. Кто-то пожалел Сизифа, которому он ответил: “Ты глупец! Я наслаждаюсь вечной надеждой!” Если Сизиф мог извлечь моральное утешение из своего случая, я не готов отрицать, что фермер из Новой Англии, перемалываемый между верхними жерновами свободной конкуренции в своем производстве с долиной Миссисипи и нижними жерновами защитных налогов на все свое потребление, может извлечь некоторое моральное утешение из своего случая. Есть очень много людей, которые, по-видимому, готовы подвергнуть спасительному наказанию американского гражданина ради его благополучия — и своей собственной выгоды.

138. Доктрина протекционизма заключается в том, что *если у меня отнимут мои заработки и отдадут моему соседу, а он потратит их на себя, общество получит важные моральные выгоды, которые будут потеряны, если я сохраню свои собственные заработки и потрачу их на себя*. Факты из опыта свидетельствуют об обратном. Когда человек сам зарабатывает, он бережлив, воздержан, благоразумен и честен. Когда он получает заработок другого человека и живет на него, он экстравагантен, расточителен, роскошествует, празден и алчен. Последствия для общества в обоих случаях соответствующие.

139. Правда в том, что протекционизм деморализует и неправильно воспитывает народ (§§89, 153, 155). Это лишает их индивидуальной уверенности в себе и энергии и учит их искать хитрые и несправедливые выгоды. Это разрушает мастерство крупных торговцев и капитанов промышленности и развивает мастерство лоббистов. Это вселяет веру в монополию, комбинации, занятость и ограничения, вместо того, чтобы вселять веру в энергию, свободное предпринимательство, общественную чистоту и свободу. Примеры этого встречаются постоянно. Были высказаны возражения против внедрения машин для предотвращения образования дыма, поскольку они могли бы помешать конкуренции антрацита и битуминозного угля. Люди сопротивлялись исполнению постановлений против игорных домов, потому что эти дома “ведут торговлю” для своих соседей. Театральные деятели недавно предприняли попытку добиться принятия правил, запрещающих катки — исключительно по моральным соображениям. Все отрасли промышленности страны работают в форме комбинаций.²⁵ Наша мудрость развивается не в великом искусстве производства, а в тактике управления комбинацией, и хотя мы поддерживаем все причины и все великие принципы этой системы бизнеса, мы осуждаем “монополию” и “корпорации”.

(Ы) Что “Рабочий может получить больше, обеспечив защиту своей отрасли, чем он потеряет, будучи вынужденным дорого платить за то, что он потребляет. Система, которая повсеместно повышает цены — как в настоящее время в Соединенных Штатах, — угнетает потребителей, но наиболее невыгодна для тех, кто потребляет, ничего не производя, и практически не наносит вреда тем, кто производит больше, чем потребляет, если вообще наносит какой-либо ущерб”.

140. Это английская статья на эту тему, мимоходом оброненная автором по экономической истории.²⁶ Примечательно, что “экономисты-историки” и другие, высмеивающие политическую экономию как науку, не отказываются от нее, а сразу же берутся за создание очень плохой политической экономии “абстрактного” или “дедуктивного” типа. Процитированный отрывок включает в себя три или четыре уже замеченных заблуждения и предположение об истинности протекционизма как философии. Как мы убедительно установили, “рабочие” ничего не выигрывают от протекционизма в своем производстве (§ 48). Кроме того, “система, которая повсюду повышает цены”, должна либо уменьшить спрос и потребность в деньгах, т. е. ограничить бизнес и предложение товаров (§112), либо она должна увеличить количество денег. В первом случае это не могло не повредить “рабочим”; во втором случае мы столкнулись бы с ошибочной оценкой доллара. Но, оставляя это в стороне, кто они, которые потребляют больше, чем производят? Я могу думать только о (1) принцах, пенсионерах, синекуристах, покровительствуемых лицах и нищих, которые получают поддержку от налогов, и (2) мошенниках, доверенных лицах и других людях, которые живут своим умом за счет продуктов других. Лица, не достигшие уровня (1), если они получают фиксированные денежные субсидии, считают повышение цены наиболее невыгодным. Поэтому, конечно, страдают защищенные, как потребители чужих товаров, когда они тратят то, что получили благодаря защите. Кто они такие, кто производит больше, чем потребляет? Я могу думать только о (1) налогоплательщиках и (2) жертвах мошенничества и тех экономических ошибок, из-за которых доходы одного человека используются другим. Рост цен так же выгоден этому классу, как и был невыгоден другому, исходя из той же гипотезы, а именно, если они платят паразитам фиксированные денежные налоги и могут продавать свою продукцию за большие деньги. Очевидно, писатель неправильно понял, из чего состоят два его класса, и поместил защищаемых “рабочих” не в тот. Если бы в промышленности человек производил больше, чем потребляет, он мог бы отдать это, или это сгнило бы у него на руках. Если бы он потреблял больше, чем производил, он бы залез в долги и стал банкротом.²⁷ Защита не имеет к этому никакого отношения.

(Т) Что “Пошлина может сразу же адекватно защитить отечественного производителя и возместить Стране расходы на его защиту”.

141. Такова доктрина профессора Сиджвика.²⁸ Это дало большое утешение нашим протекционистам, потому что выдвинуто англичанином и профессором Кембриджа. Это предлагается в рамках “искусства” политической экономии. Это нечто новое, *априорное* искусство. “Может” в нем лишает его характера доктрины или догмы, какие преподносят нам наши менее культурные протекционисты — “Налоги на защиту взимаются с иностранца”, — но это не максима искусства. Это производит впечатление очень хитроумного изобретения (см. § 3), и поэтому он очень увлекателен для многих людей, и его очень трудно препарировать и показать простым и популярным способом. Поэтому это вызвало большие проблемы и принесло

большой вред. Однако это полная ошибка. Невозможно каким-либо образом или в какой-либо степени использовать пошлины таким образом, чтобы заставить иностранца платить за защиту.

142. Профессор Сиджвик приводит гипотетический пример, который он приводит, чтобы доказать иллюстрацией, что “может” быть такой случай, следующим образом: “Предположим, что на иностранные шелка вводится пятипроцентная пошлина и что, как следствие, через определенный промежуток времени половина потребляемых шелков является продуктом местной промышленности, и что цена всего шелка выросла на $2\frac{1}{2}$ процента. Очевидно, что при этих обстоятельствах другая половина, поступающая из-за границы, приносит государству пять процентов, в то время как налог, взимаемый с потребителей в целом, составляет всего $2\frac{1}{2}$ процента; так что нация в совокупности в настоящее время ничего не теряет от протекционизма, кроме затрат на сбор налога, в то время как убыток, эквивалентный всей сумме налога, ложится на иностранного производителя”.

143. Необходимо, в первую очередь, дополнить гипотезу, которая включена в данный случай. Давайте предположим, что потребление шелка, когда весь он был импортирован, составляло 100 ярдов и что цена составляла 1 доллар за ярд. Тогда следующие моменты принимаются как должное, хотя и не оговариваются в том виде, в каком они изложены в деле: (1) что государству нужен доход в размере 5 долларов; (2) что оно решило вытянуть это из *потребителей шелка*; (3) что повышение цены не уменьшает потребление; (4) что налог приводит к снижению цены на шелк на всем внешнем рынке; (5) что рассматриваемый “шелк” после введения налога остается таким же, как и раньше. Из этих допущений 3, 4 и 5 абсолютно неприемлемы, но, если они будут приняты в первой инстанции и если будет выведена доктрина рассматриваемого случая, она такова: если часть ввозимого, умноженная на налог, равна общему потреблению, умноженному на повышение цены, потребители могут заплатить последнее в качестве защиты, поскольку оно равно первому, а первое, которое выплачивается правительству иностранцем, - это то, что в противном случае должны были бы заплатить потребители шелка.

144. Очевидно, что этот вывод арифметически неверен, даже исходя из гипотезы. Во-первых, правительство получило не 5 долларов дохода, в которых оно нуждалось, а 2,50 доллара (5 центов на 50 ярдов). Во-вторых, иностранец продает за $1,02\frac{1}{2}$ доллара ($97\frac{1}{2}$ нетто) шелк, который он раньше продавал за 1 доллар. Таким образом, он получает обратно от потребителей $2\frac{1}{2}$ цента за ярд на 50 ярдах, или 1,25 доллара из 2,50 доллара, которые он заплатил правительству. Кроме того, отечественный шелк, чтобы конкурировать, должен быть равен импортному шелку за доллар, который сейчас продается за $1,02\frac{1}{2}$ доллара. Следовательно, потребители действительно платят за защиту всего $2\frac{1}{2}$ цента за 50 ярдов, то есть 1,25 доллара. Таким образом, в данном случае иностранец платит 1,25 доллара дохода, а потребители платят 1,25 доллара дохода и 1,25 доллара защиты. Следовательно, результат совсем не такой, как утверждается, и устройство работает не так, как ожидалось. Но правительству нужно на 2,50 доллара больше доходов, поскольку в действие его налога вмешалась защита. Поскольку в данном случае в его нынешнем виде эквивалентности или компенсации нет, очевидно, что результатом любого дальнейшего налогообложения, вместо того чтобы привести к эквивалентности или компенсации, будет еще большее отклонение от такого результата.

145. Однако невозможно принять вышеприведенные предположения 3, 4 и 5 или решить какую-либо экономическую проблему с помощью какого-либо арифметического процесса. Полученный выше результат абсолютно неверен и служит лишь для того, чтобы расчислить

почву для правильного анализа. Производителю, возможно, придется нести часть налога, если он находится под налоговой юрисдикцией или если у него монополия. Если у него нет монополии, и он не находится под налоговой юрисдикцией, и работает на мировом рынке, он не может снизить свою цену для того, чтобы взять на себя часть налога. Что он делает, так это дифференцирует свой товар. Это факт в искусстве производства, установленный богатым опытом. Этим объясняются постоянные жалобы в рамках защитной системы на “мошенничество” и постоянное требование подклассификации в тарифных таблицах. Защищенный продукт никогда не бывает, по крайней мере на первых порах, таким же качественным, как импортный товар, который он призван заменить. Следовательно, иностранец, если он желает сохранить защищенный рынок, может приготовить для этого рынка шелк особого качества. “Шелк” после введения налога - это уже не тот шелк, который был раньше. Это приносит иностранному производителю 97½ цента и приносит ему прибыль по этой цене. Следовательно, когда он продает это по цене 1,02½ доллара, он получает обратно весь налог с потребителей. Отечественный шелк, продаваемый по цене 1,02½ доллара, не лучше, чем можно было бы получить за 97,5 цента. Следовательно, потребители платят налог за защиту, который является полным и равен ставке дохода. Тот факт, что цена упала до 1,02½ доллара, а не 1,05 доллара, очевидно, доказывает это, а не опровергает, как полагают многие.

146. Таким образом, это дело разваливается на части. Оно приобретает временную правдоподобность благодаря ошибочным допущениям, которые в нем подразумеваются. Иностранный производитель может пострадать от сужения своего рынка и сокращения своей совокупной прибыли, но нет способа сделать его данником (если только у него нет монополии) ни казне, ни защищенным интересам страны, взимающей налоги.²⁹ Если бы было правдой в целом или в каком-либо ограниченном числе случаев, что страна, устанавливающая защитные налоги, может заставить иностранцев платить эти налоги, то Англия, у которой не было защитных налогов, скажем, с 1850 года, и которая была окружена странами, у которых были более или менее защитные налоги, должно быть, платила им дань все это время и, соответственно, неуклонно бедствовала.

Глава V

РЕЗЮМЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

147. Теперь я беспристрастно исследовал протекционизм на его собственных основаниях, предполагая, что они верны, и отрицательно исходя из аргументов, выдвинутых против него, и рассмотрел ряд наиболее распространенных аргументов, выдвинутых в его пользу. Если теперь мы вернемся, со всем полученным светом, чтобы проверить предположения, которые мы обнаружили в протекционизме, что люди не смогли бы разумно организовать свою промышленность при свободе, и что защитные налоги являются правильным средством для создания лучшей организации, мы обнаружим, что эти два предположения полностью ложны и не имеют ни малейшего права претендовать на наше доверие. На каждом шагу догмы протекционизма, его притязания, его аппарат оказывались ошибочными, абсурдными и неосуществимыми. Теперь мы можем сгруппировать некоторые общие критические замечания в адрес протекционизма, которые предлагает наше исследование.

148. Мы взяли собственное определение протекционистской пошлины и обнаружили, что такая пошлина, вместо увеличения национального богатства, должна на каждом шагу и в каждом случае своего действия растрачивать труд и капитал, снижать эффективность национальной промышленности, ослаблять страну в торговле и, следовательно, снижать уровень комфорта всего населения. Мы обнаружили, что защищенные отрасли промышленности, согласно заявлению протекционистов, не производят, а потребляют. Если тогда эти отрасли являются теми, которые делают нас богатыми, то *потребление - это производство, а разрушение производит*. Целью защитной обязанности является “осуществление отвлечения части капитала и труда людей из каналов, по которым они могли бы течь в противном случае, в каналы, одобренные или созданные законом” (§13). Мы видели, что каналы в которые должны быть перенаправлены труд и капитал людей, предлагаются в *отраслях, которые не платят*. Следовательно, оказывается, что протекционизм означает, что национальное процветание должно быть достигнуто путем принуждения рабочей силы и капитала к занятиям, где капитал не может быть воспроизведен с таким же приростом, который мог бы быть достигнут им в другом месте. Если это так, то капитал в этих сферах будет потрачен впустую, и конечный результат нашего исследования, который должен стать главной максимой искусства национального процветания в условиях протекционизма, заключается в том, что *Расточительство создает богатство*. Таков его результат, если рассматривать его как экономическую философию.

149. Что касается социальных и юридических отношений, которые устанавливаются между гражданином и подданной, то полдюжины независимых анализов доказывают, что протекционизм - это просто средство для того, чтобы заставить нас взимать дань друг с друга. Если закон приносит цент А, он, должно быть, забрал его у Б, или же он произвел его из ничего, то есть это должно быть волшебство. Каждая душа платит налоги на защиту. Таким образом, если кто-то что-то от них получит, он должен помнить, чего они ему стоили, и он *должен настаивать на том, чтобы представить обе стороны счета*. Если кто-то ничего от них не получает, то он *платит налоги и не получает ничего эквивалентного*.

150. Во время кампании против закона о кукурузе в Англии автор статьи в "Вестминстер Ревью" проиллюстрировал протекционизм историей об обезьянах в клетке, каждая из которых получала на обед по куску хлеба. Каждая обезьяна уронила свой кусок хлеба и схватила кусок своей соседки. В результате пол клетки вскоре был усыпан кусочками, и каждой обезьяне пришлось приготовить из них обед как можно лучше. Это хорошая и справедливая иллюстрация. Недавно в протекционистской газете я увидел статью о суданских крестьянах. У каждого есть голуби, и вечером, когда голуби возвращаются домой, каждый старается заманить как можно больше соседских голубей в свою голубятню. “Все они делают одно и то же, и поэтому каждого ловят в свой черед. Они прекрасно это знают, но ни один египетский феллах не смог бы устоять перед искушением обмануть своего соседа”. Им следовало бы повсюду *обложить голубей друг друга налогом*. Тогда они сразу поставили бы себя на уровень свободных и просвещенных американцев. Протекционист уверяет меня, что это для блага общества и для моего блага, что он должен обложить меня налогом. Я отвечаю, что, выражаясь его языком, “это прекрасные теории”, но независимо от того, хорошо это для общества или нет, и хорошо это для меня или нет, что он должен облагать меня налогом, я вижу, что это для его же блага, что он должен облагать меня налогом. Затем он говорит: “Теперь ты ведешь себя оскорбительно”.

151. Если протекционизм - это нечто иное, чем взаимная дань, то это волшебство. Вся его философия сводится к подобным вопросам: Сколько я могу позволить себе заплатить человеку за то, что он нанял меня? Сколько я могу позволить себе заплатить человеку за то, что он торгует со мной? Сколько я могу позволить себе заплатить человеку за то, чтобы он перестал конкурировать со мной в моем производстве? Сколько я могу позволить себе заплатить мужчине за то, чтобы он пошел и посоревновался с теми, кто обеспечивает мне мое потребление? Это всего лишь дорогой способ получить то, что мы могли бы получить даром, если бы это того стоило (§ 89). Признано, что один человек не может подняться сам, держась за ремни своих ботинок. Предположим, что тысяча человек встанут кольцом, и каждый взаимно берется за ремни ботинок другого, и все они поднимаются, может ли вся группа подняться сама как группа? Вот к чему приводит защита, как только мы извлекаем на свет другую ее сторону, *сторону затрат*. Что бы мы ни выиграли с одной стороны, мы должны заплатить по меньшей мере равной ценой с другой. Все потери будут распределены как чистый ущерб сообществу. Вред защиты заключается именно в этом. Это не измеряется налогами. *Это измеряется полным разрушением национальной промышленности*. С таким же успехом мы могли бы сказать, что было бы неплохо завалить реки корягами, повалить деревья поперек дорог, затупить все наши инструменты, как сказать, что ненужное налогообложение могло бы принести благо. Люди утверждали, что уничтожить машины - значит совершить благотворное дело, и недавно я прочитал статью в бостонской газете, цитирующую жителя Массачусетса, который считает, что нам нужна еще одна война в Соединенных Штатах. Такие люди могут верить, что защитные налоги приносят благо, но тем, кто увидит правду, ясно, что, когда распределяется весь эффект защитной системы, это никому не приносит пользы. Это мертвый груз и потеря для всех, и тем, кто думает, что благодаря этому они выигрывают, было бы гораздо лучше в обществе, где такой системы не существовало, но где каждый человек зарабатывал то, что мог, и сохранял то, что заработал.

152. В этой стране есть школа политических наук, в учредительном документе которой предусмотрено, что профессора должны преподавать, как “с помощью соответствующего тарифного законодательства нация может поддерживать свою производительную промышленность, удешевлять стоимость товаров и обязывать иностранцев продавать им товары по низким ценам, внося при этом значительный вклад в покрытие расходов правительства”.³⁰ Разве это не прекрасно? Эти профессора также должны были бы предоставить нам панацею, философский камень, формулу для возведения в квадрат круга и все другие пожелания всеобщего счастья. Для них это было бы сущим пустяком. Единственное опасение состоит в том, что они могут записать секрет, которому они должны научить, в книгах, и что другие народы, для которых мы являемся “иностранцами”, могут узнать об этом. Тогда, пока англичане, французы и немцы работают на нас по низким ценам и платят наши налоги, мы будем вынуждены работать на них по низким ценам и платить их налоги, и старая мрачная нищета снова воцарится в мире, как и прежде.

153. Несколько лет назад нам сказали, что защита необходима, потому что нам нужно выплатить большой долг. Что ж, мы выплачивали долг до тех пор, пока не сократили его с 78,25 доллара на душу населения до 28,41 доллара на душу населения. Мы, люди, также увеличили наш кредит до тех пор, пока ежегодная сумма задолженности не была снижена с 4,29 доллара на душу населения до 95 центов на душу населения. Теперь необходимо поддерживать уровень долга, чтобы поддерживать уровень налогов, и протекционизм сейчас наиболее эффективен в принуждении к расточительным и коррумпирующим расходам, чтобы избавиться от доходов,

иначе профицит послужит аргументом в пользу снижения налогообложения. Это соответствует доктрине о том, что расточительство создает богатство.

154. Они говорят нам, что защита привела к процветанию, и когда мы просим их объяснить трудные времена, несмотря на тариф, они говорят, что трудные времена вызваны свободными торговцами, которые не хотят сидеть на месте. Следовательно, *процветание, создаваемое протекционизмом, настолько ненадежно, что его можно разрушить, только говоря о свободной торговле*. Они осуждают невмешательство, или “оставление в покое”, но единственный вопрос в том, *когда* оставить в покое, *когда* сохранять спокойствие. Они не оставляют тариф в покое, если хотят пересмотреть его в соответствии с собственными предпочтениями или хотят сделать его “справедливым”. Когда они поймут, что это “справедливо”, они оставят это в покое, но это гарантирует возбуждение и гарантирует, что они будут вызывать его на неопределенное время вперед. С другой стороны, жертвы тарифа не будут сидеть на месте. Их время “оставить в покое” наступит, когда он будет отменен. Если тариф кому-то где-то не повредил, он никому нигде не принесет пользы, и жертвы будут сопротивляться.³¹ Мистер Линкольн рассказывал историю о том, как услышал шум в соседней комнате. Он заглянул внутрь и увидел дерущихся Боба и Тэда. “В чем дело, ребята?” - спросил он. “Это Тэд, - ответил Боб, - пытается отобрать у меня нож”. “О, дай ему это, Боб, ” сказал мистер Линкольн, “ просто чтобы он замолчал”. “Нет!” - сказал Боб. “Это мой нож, и он нужен мне, чтобы я молчал”. Мистер Линкольн использовал эту историю, чтобы доказать, что для мира нет другой основы, кроме правды и справедливости. Так вот, в данном случае, *человек, у которого отнимают заработок, нуждается в них, чтобы заставить его молчать*. Наши отцы боролись за свободную землю, и если мы достойны быть их сыновьями, мы будем бороться за свободную торговлю, которая является необходимым дополнением к свободной земле. Если человек сегодня едет в Канзас и выращивает кукурузу на “свободной земле”, как он получает от этого пользу, если только он не может обменять эту кукурузу на любой продукт земли, который он выберет, на лучших условиях, которые может предложить ему современное искусство и торговля?

155. История гражданской свободы состоит из кампаний против налоговых злоупотреблений. Протекционизм - это великое современное злоупотребление налогообложением; злоупотребление налогообложением, приспособленное к республиканской форме правления. *Протекционизм сейчас разлагает наши политические институты точно так же, как раньше это делало рабство*, а именно, он вступает в союз со всеми другими возникающими злоупотреблениями. Совсем недавно он объединился с чеканкой серебряных монет и теперь в значительной степени несет ответственность за это бедствие. Закон о чеканке серебряных монет был бы отменен три года назад, если бы интересы компании по добыче серебра не уведомили протекционистов о том, что это их доля защиты и цена их сотрудничества. Чеканка серебряных монет является главной причиной “тяжелых времен” последних двух-трех лет. В хорошо организованном государстве функцией правительства является подавление любого эгоистичного интереса, который возникает и пытается посягнуть на права других. Таким образом, государство поддерживает справедливость. При протекционизме *правительство дает разрешение определенным интересам выходить наружу и посягать на другие*. Это беззаконие по отношению к жертвам, заблуждение относительно предполагаемых бенефициаров и пустая трата общественного богатства. Сейчас по этому поводу можно задать только один разумный вопрос, и он заключается в следующем: как мы можем наиболее легко избавиться от этого?

ТАРИФНАЯ РЕФОРМА³²

Полтора года назад джентльмен, только что переизбранный республиканцами в Сенат Соединенных Штатов, произнес пятиминутную речь в знак признания оказанной чести. В отношении государственных дел он высказал только одно мнение: народ Соединенных Штатов столкнулся с серьезнейшей проблемой, а именно с тем, как снизить налогообложение. На первый взгляд, это было в высшей степени экстраординарное заявление, и хроникер или историк вполне мог бы принять его к сведению как новое событие в жизни человечества. Государственным деятелям и историкам достаточно хорошо известно, как трудно увеличить доходы и установить больше налогов, но тяжелое положение нации, которая вынуждена снизить свои налоги и в случае этого окажется перед лицом промышленной катастрофы, - это нечто новое. Студенты, изучающие политическую экономию, знакомы с вопросом: какой вред может быть нанесен промышленности путем взимания с нее налогов? Но проблема того, как предотвратить экономическую катастрофу, которая может последовать за их снятием, является новой. Конечно, состояние ума, выявляемое формулировкой вышеупомянутой проблемы, является результатом давней привычки рассматривать налогообложение как производственную силу или, по крайней мере, как эффективное условие промышленного успеха.

Однако существует проблема; в отношении этого факта все согласны. Это также редкая проблема, единственный прецедент для которой можно найти в нашей собственной истории, и когда подобный случай имел место раньше, он оказался чреват катастрофой. Мы сталкиваемся с опасностями избыточных доходов, и никакое предложение покончить с излишками в виде экстравагантных расходов не может устоять перед здравым смыслом людей.

Если налогов собирается больше, чем того требуют общественные нужды, тогда простое и очевидное и, по сути, единственное решение - не собирать налоги; пусть люди оставляют себе свои продукты и делают с ними, что им заблагорассудится. Если мы не создадим проблемы, то ее не будет; если мы просто самым прямым образом поступим так, как требует здравый смысл ситуации, трудностей не возникнет; все последствия разрешатся сами собой, и все воображаемые бедствия не возникнут. Однако если мы должны заранее разработать грандиозную схему национального процветания, тогда дело обстоит иначе.

Во время войны здесь выросло представление о том, что благодаря какому-то новому стечению обстоятельств американский народ смог развязать войну и благодаря ей преуспеть. После войны распространилось мнение, что бумажные деньги были условием успеха и что мы разоримся, если возобновим выплаты звонкой монетой. Теперь мы сталкиваемся с доктриной, согласно которой мы не можем отменить налоги, которые были установлены во время войны, отчасти для того, чтобы продолжать ее, потому что от них зависит наше национальное процветание. На самом деле, все эти понятия последовательны и все связаны друг с другом; все они принадлежат философии, согласно которой люди процветают благодаря раздорам и войне, а не миру и гармонии. Согласно этой философии, мы, сами того не подозревая, прикоснулись к

источникам процветания, когда ввязались в гражданскую войну, влезли в огромные долги и установили непомерные налоги. Поэтому теперь, когда мы просим отменить налоги, в которых больше нет необходимости, люди, попавшие под власть этих заблуждений, говорят нам, что это невозможно сделать; что это подорвет наше процветание. В течение многих лет они уверяли нас, что система защиты наверняка приведет к прочному и стабильному процветанию; теперь, по их собственному заявлению, она привела к такому слабому и нестабильному положению вещей, что его приходится поддерживать с помощью высоких налогов. Промышленное процветание Соединенных Штатов оказывается для них таким же бременем, как для них вооружение европейских стран.

Идея, по-видимому, заключается в том, что защитные налоги, взимаемые с импорта, являются особым видом налогов, которые обеспечивают национальное процветание, и которые, следовательно, не следует трогать. Предлагается снизить внутренние налоги. Если местные налоги на недвижимость и т.д. снижаются, все радуются; предполагается, что это явная и простая выгода. Я знал одного и того же человека, который очень активно старался проанализировать местные расходы, снизить местные налоги и кипел от ярости против свободных торговцев, которые хотят снизить защитные налоги. Однако, вероятно, не существует никакого налога вообще, который не влиял бы на условия спроса и предложения или промышленную конкуренцию таким образом, чтобы обеспечить “защиту” кому-либо за счет кого-то другого. Есть люди, которые сейчас получают большие преимущества в своем бизнесе от налогов на виски и табак, которые они потеряли бы, если бы эти налоги были отменены. Это один из побочных недостатков любого налогообложения и одна из причин настаивания на том, чтобы налогообложение было как можно более низким и с этой целью функции правительства были максимально ограничены.

Таким образом, мы стоим лицом к лицу с вопросом, можем ли мы снизить наши собственные налоги и свободны ли мы это делать. Мы можем справедливо спросить: если нет, то почему? Очевидно, что это вопрос внутренней политики и вообще наших собственных интересов. Все попытки нанести ущерб этому, говоря об “Англии”, дерзки, и все утверждения о том, что те из нас, кто хочет снизить наши собственные налоги, пытаются “отдать наш рынок” и т.д., относятся к худшим злоупотреблениям в политических дискуссиях. Что верно, так это то, что мы создали обширную комбинацию корыстных интересов, которые в некоторых случаях заинтересованы - и почти во всех случаях думают, что заинтересованы - в сохранении налогов. Они находятся среди нас; то, что они получают, они получают от нас; именно с ними нам приходится бороться. До сих пор они вели борьбу всеми методами, дорогими корыстным интересам; они выдвигали правдоподобные заблуждения, искали союзов, добивались отсрочки, апеллировали к предрассудкам.

Однако за этими эгоистичными и низменными интересами стоит сильный и искренний предрассудок, который все еще преобладает среди современных цивилизованных наций и который разделяет их на враждебные партии, ведущие друг с другом тарифные войны. Я называю это “протекционизмом”, потому что это не политика, а философия национального благосостояния. В Соединенных Штатах это принимает форму различных заблуждений относительно внутренних рынков, диверсификации промышленности, заработной платы и т.д. Поскольку все это вопросы политической экономии, и поскольку все, кто вообще говорит на эту тему, имеют в виду ту или иную политическую экономию, представляется, что здесь предстоит проделать большую образовательную работу в области экономической доктрины. До сих пор

попытки политиков состояли не в том, чтобы выполнять эту образовательную работу, а в том, чтобы отбросить ее в сторону.

Однако, как только проблема сформулирована и протекционисты вынуждены сформулировать свою доктрину как доктрину, ее абсурдность становится очевидной. Она не поддается изложению. Если мы хотим получить временную защиту для того, чтобы запустить зарождающиеся отрасли, тогда станет настоятельно необходимым, как только внимание общественности будет привлечено к этому вопросу, сказать, как, в какой степени и как долго система должна поддерживаться в рабочем состоянии, и общественность потребует знать, как она продвигается и с какой скоростью приближается к своей цели. По этой причине те, кто обладает хоть какой-то логической прямоотой мышления, уже заняли более жесткую позицию; они защищают протекционизм как постоянную и универсальную экономическую философию. В такой форме она бросает вызов здравому смыслу и цивилизации; в некоторых из новейших форм, которые она приняла в руках некоторых профессоров политической экономии, это своего рода экономический мистицизм.

Если, однако, Соединенные Штаты могли бы быть отрезаны от всего остального мира в том, что касается торговли и промышленности, то, по крайней мере, должно быть ясно, что любое материальное процветание, которого они могли бы добиться, было бы именно тем, что они, с их энергией, предприимчивостью и капиталом, способны извлечь из такой почвы и климата, какими природа наградила нас здесь. Какая была бы разница, если бы тогда не существовало налоговых барьеров? Конечно, вообще никаких. Богатство, которое получает американский народ, он должен производить, применяя свой труд и капитал к природным преимуществам, которыми он обладает. Поскольку для них открыта внешняя торговля, они не будут пользоваться ею до тех пор, пока не найдут в ней преимущества; то есть до тех пор, пока американский труд и капитал не смогут достичь большего богатства за счет обмена, чем без него. Задача американских производителей по-прежнему будет заключаться в достижении максимально возможного богатства путем расходования своего труда и капитала на американской земле, либо непосредственно, либо с промежуточной стадией обмена. Заработная плата является лишь частью продукта страны; таким образом, если бы торговля увеличила количество товаров, имеющихся в распоряжении народа, это увеличило бы размер каждой доли в распределении. Это самый простой здравый смысл в данном вопросе, лишенный всяких технических деталей, и к нему все обсуждение должно возвращаться снова и снова.

Если сейчас мы начнем сокращать и отменять налоги, которые были установлены во время войны, мы просто начнем освобождать американский народ от ограничения его энергии и пустой траты его промышленной мощи. Каждый шаг в этом направлении является освобождением, при котором мы можем быть уверены, что высвобожденная национальная энергия даст самый быстрый отклик. Гарантия этого кроется в характере людей и в естественных преимуществах, которыми они обладают. Какие бы шансы у нас ни были, они у нас есть в силу обстоятельств; тариф не мог бы дать нам никаких шансов; он мог бы только так или иначе отвлечь те, которые дала нам природа. Это отвлечение или извращение теперь вошло в опыт и образование нашего поколения. Мы понятия не имеем, каким благосостоянием могли бы наслаждаться, если бы только могли свободно использовать шансы, которые находятся в пределах нашей досягаемости, и очень многие из нас разработали своего рода политическую экономию, чтобы доказать, что веревки, которые нас связывают, - это инструменты, с помощью которых мы работаем.

ЧТО ТАКОЕ СВОБОДНАЯ ТОРГОВЛЯ?33

Никогда не существовало бы таких вещей, за которые стоило бы бороться, как свобода слова, свободная пресса, свободное богослужение или свободная земля, если бы никто никогда не ограничивал мужчин в этих вопросах. Мы никогда бы не услышали о свободной торговле, если бы на нее никогда не накладывались ограничения. Если бы существовали какие-либо ограничения на сношения между штатами этого Союза, мы бы услышали о непрекращающейся агитации за отмену этих ограничений. Поскольку Конституция не допускает никаких ограничений, мы не осознаем тот факт, что наслаждаемся благами полной свободы, когда, если бы мудрые советы не возобладали в критический момент, нам сейчас пришлось бы столкнуться с огромной массой традиционных и глубоко укоренившихся помех.

Однако в наши сношения с иностранными государствами вмешались, потому что это факт, что благодаря такому вмешательству некоторые из нас могут получить преимущества перед другими. Полномочия Конгресса по взиманию налогов используются для установления пошлин на импорт, но не для того, чтобы обеспечить доход от импорта, а для предотвращения импорта — и в этом случае, конечно, никаких доходов получено не будет. Эффект, на который направлено это устройство и который достигается с его помощью, заключается в том, что американский потребитель, когда он хочет удовлетворить свои потребности, должен обратиться к американскому производителю того, что он хочет, и должен назначить ему цену за продукт, которая выше той, которую запросил бы какой-нибудь иностранец. Целью этого устройства, как указано в лучших протекционистских авторитетах, является: “Осуществить отвлечение части труда и капитала людей из каналов, по которым они могли бы течь в противном случае, в каналы, одобренные или созданные законом”. Это описание абсолютно верно, и из него читатель увидит, что защита не имеет никакого отношения к какому бы то ни было иностранцу. Это чисто вопрос внутренней политики. Вопрос только в том, будем ли мы, облагая друг друга налогами, подталкивать промышленность этой страны к произвольному и искусственному развитию, или же мы позволим друг другу использовать каждый свой капитал и труд по-своему. Обратите внимание, что для всех нас существуют те же труд, капитал, почва, национальный характер, климат и т.д., то есть все условия производства остаются неизменными. Единственное изменение, которое осуществляется, — это смещение труда и капитала с тех направлений, по которым они действовали бы под влиянием индивидуальной предприимчивости, энергии и интереса, и их подталкивание в другом направлении, выбранном законодателем. Очевидно, что все, что может сделать импортная пошлина, — это закрыть дверь, не впуская иностранца и американцев внутрь. Затем, когда американцу нужны железо, уголь, медь, шерсть, хлопок или что-либо еще в виде промышленных товаров, начинается операция. Он вынужден покупать на рынке, который либо полностью, либо частично монополизирован. Вся цель его запертия состоит в том, чтобы воспользоваться этой ситуацией, чтобы заставить его отдавать больше своей продукции за определенное количество защищенных товаров, чем он должен был бы отдать за те же товары на мировом рынке. При этой системе часть нашего продукта отвлекается от удовлетворения наших потребностей и тратится на то, чтобы нанять

некоторых наших сограждан, которые уйдут с работы, которая была бы оплачиваемой в условиях мировой конкуренции, на работу, которая не будет оплачиваться в условиях мировой конкуренции. Поэтому мы обходимся меньшим количеством одежды, мебели, инструментов, посуды, стеклянных изделий, постельного и столового белья, книг и т.д., и удовлетворение, которое мы испытываем от этой жертвы, заключается в осознании того, что некоторые из наших соседей занимаются бизнесом, который, по их утверждению, не приносит прибыли, и что мы оплачиваем их убытки и нанимаем их для продолжения.

Свободная торговля - это бунт против этого устройства. Это не бунт против импортных пошлин или косвенных налогов как средства увеличения доходов. В нем нечего сказать по этому поводу, так или иначе. Он начинает протестовать и агитировать сразу же, как только какой-либо налог начинает действовать защитно, и он осуждает любой налог, который один гражданин взимает с другого. У протекционистов есть длинный ряд представлений и доктрин, которые они выдвигают, пытаясь доказать, что их устройство - это не приспособление, с помощью которого они могут заставить своих сограждан вносить свой вклад в их поддержку, а устройство для увеличения национального богатства и власти. Эти утверждения должны быть рассмотрены экономистами или другими лицами, которые должным образом обучены проверять их правильность на фактах и логике. Здесь достаточно сказать поверх ответственной подписи, что никогда не было сделано такого утверждения, которое подлежало бы проверке. Напротив, все подобные утверждения носят характер извинений или специальных просьб отвлечь внимание от одного очевидного факта, что сторонники покровительственного тарифа имеют в нем прямой денежный интерес и что они обеспечили его и теперь поддерживают именно по этой причине, и ни по какой другой. Все остальное - запоздалые мысли и оправдания. Если какая-либо выгода могла бы быть получена страной за счет выгод бенефициаров тарифа, очевидно, что страна должна понести по меньшей мере равные убытки за счет потерь той части людей, которые платят столько, сколько выигрывают защищенные. Если бы страна могла выиграть что-либо таким образом, это было бы подобно тому, как человек поднимает себя за ремни своих ботинок.

Протекционисты, отстаивая свою систему, всегда тратят много сил и красноречия на призывы к патриотизму и международной зависти. Все это совершенно не относится к делу. Система защиты - это внутренняя система, для внутренних целей, и ее добиваются внутренними средствами. Тот, кто платит, и тот, кто получает, оба американцы. Жертва и получатель выгоды находятся между нами. Угнетать одного американца так же непатриотично, как и оказывать поддержку другому. Если мы заставим одного американца платить налоги другому американцу, это не будет ни раздражать, ни радовать ни одно иностранное государство.

Протекционисты говорят о торговле с презрением феодальной знати, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что им есть что продавать и что они намерены осудить торговлю со своими конкурентами. Они осуждают дешевизну, и кажется, что они делают это потому, что хотят продавать дорого. Когда они покупают, они покупают так дешево, как только могут. Они говорят, что хотят повысить заработную плату, но никогда не платят ничего, кроме самой низкой рыночной ставки. Они осуждают эгоизм, преследуя план собственного эгоистичного возвеличивания, и они оплакивают господство личных интересов над людьми, которые хотят наслаждаться собственным заработком, и возражают против того, чтобы отдать то же самое им.

Они приписывают правительству, или “государству”, власть и право решать, на поддержку каких промышленных предприятий каждый из нас должен подписаться.

Свободная торговля означает противодействие всей этой политике и теории на каждом этапе. Свободный торговец считает все это ложным, надуманным и вводящим в заблуждение. Он считает это вторжением в права частной жизни. В лучшем случае, если бы все, что утверждает протекционист, было правдой, он взял бы на себя решение о том, как его сосед должен тратить свой заработок, и — более того — что его сосед должен тратить свой заработок в интересах людей, которые принимают решение. Это явно аморально и развращает; ничто не может быть более развращающим. Свободный торговец также отрицает, что правительство может или должно регулировать способ, которым человек должен использовать свои заработки. Он видит, что правительство - это не что иное, как группа заинтересованных сторон. Гражданскую организацию контролируют несколько человек. Если бы их призвали регулировать бизнес, им потребовалась бы мудрость, которой у них нет. Они этого не делают. Они только поворачивают “каналы” в свою пользу и своим друзьям. Это коррумпирует государственные институты и продолжает при нашей системе все старые злоупотребления, с помощью которых люди, которые могли бы получить контроль над правительственным аппаратом, использовали его для собственного возвеличивания за счет других. Свободный торговец считает, что люди будут использовать свой труд и капитал с наибольшей выгодой, когда каждый человек использует свой собственный по-своему, в соответствии с максимой, что “Дурак мудрее в своем собственном доме, чем мудрец в доме другого человека”; — насколько же тогда он должен быть мудрее политика? И далее он считает, что по характеру дела, если какое-либо государственное принуждение необходимо для того, чтобы подтолкнуть промышленность в направлении, в котором она иначе не пошла бы, такое принуждение должно быть пагубным.

Свободный торговец далее считает, что защита - это ошибка и заблуждение для тех, кто думает, что с ее помощью они выигрывают, поскольку она снижает их уверенность в себе и энергию и подвергает их бизнес превратностям, которые, не являясь следствием естественного порядка вещей, невозможно предвидеть и уберечь от них с помощью деловых навыков; также что она приводит бизнес в состояние, при котором он подвергается серии взлетов и падений и, наконец, если не применить новый стимул, приходит в состояние тупого упадка. Поэтому они считают, что даже защищенным было бы намного лучше без этого.

ПРОТЕКЦИОНИЗМ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ ПОСЛЕ34

Я думаю, что прошло, должно быть, почти двадцать лет с тех пор, как я произносил речь о свободной торговле или мог принять участие в обеде, посвященном свободной торговле.

Когда меня пригласили сюда сегодня вечером, я подумал, что постараюсь прийти ради удовольствия послушать джентльменов, особенно членов Конгресса, которые, как было объявлено, выступят здесь. Мое здоровье настолько пошатнулось, что я не мог сидеть по вечерам или пытаться выступать публично по вечерам, но дела идут немного лучше, и я попытаюсь сказать немного — не очень много, поскольку время уже позднее.

Тридцать пять или сорок лет назад я стал свободным торговцем по двум важным причинам, насколько я сейчас помню.

Во-первых, потому, что, когда я изучал политическую экономию, весь мой разум восстал против понятия магии, которое связано с понятием защитного тарифа. То есть существуют факты, которые объясняются протекционизмом с помощью утверждений, которые либо явно не соответствуют действительности, либо являются полностью иррациональными. Другая причина заключалась в том, что мне казалось, что система защитных тарифов питает ошибочные представления об успехе в бизнесе и приводит к аморальным результатам в умах и надеждах людей.

Я не могу сказать, что за последние двадцать лет я пролил больше света на этот вопрос; мне по-прежнему кажется, что главными возражениями против протекционизма были эти два. Ни один человек, пользующийся преимуществами защитного тарифа, как он считает, никогда не сможет сказать, получит ли он что-нибудь обратно за налоги, которые он платит, или нет. Он никогда не проводит никакого анализа операции и никогда не знает, действительно ли он получает от действия тарифа то, чем он платит.

Сейчас я говорю о налогах, которые он платит, потому что — давайте не будем заблуждаться на этот счет — вопрос, о котором мы говорим, касается исключительно американцев и между американцами. Если защитный тариф действует таким образом, чтобы выполнять то, что ему приписывается, он препятствует ввозу товаров в эту страну. Это может быть недостатком для иностранца, это может разочаровать его в его надеждах, но мы можем не принимать его во внимание. Тогда повышение стоимости этих товаров для американского потребителя у себя дома является источником, из которого защищенный американцами производитель должен получать свою выгоду, если он когда-либо ее получит. Следовательно, он должен платить также налоги другим защищенным отраслям промышленности в связи с функционированием системы. Следовательно, он одновременно платит и получает, но получит ли он обратно ту часть, которую надеялся получить, — это вопрос, который он никогда не сможет просеять и никогда не сможет узнать.

Я бы сам предположил, что, возможно, у пенсильванца с его углем и железом были бы хорошие шансы что-нибудь выиграть. В этом случае операция является прямой и простой, а уголь и железо являются сегодня самыми первыми продуктами промышленности. Они должны быть получены как сырье, потому что они входят во все, и вполне возможно, что при таких обстоятельствах игра могла бы быть достаточно прямой, чтобы ее эффект можно было почувствовать и воспринять. Но производитель из Коннектикута должен платить налоги на уголь, железо, медь и другие металлы, и он должен платить также налоги на шерсть и другое сырье, и тогда возникает вопрос, получит ли он когда-нибудь это обратно или нет. Он никогда не знает; он не может знать; он не может чувствовать этого, и он никак не может знать, должно ли функционирование системы вернуть ему отдачу от его затрат или нет.

Мы много слышим о правильно скорректированном тарифе. Всякий раз, когда вопрос о тарифах снова поднимается для обсуждения в Конгрессе, это постоянный идеал, который заключается в том, что он должен быть правильно скорректирован, и когда это будет сделано, он окажет свое благотворное действие.

Как можно корректировать тарифы, если отрасль не стоит на месте? Налоги остаются неизменными в течение многих лет. Отрасли никогда не стоят на месте. Появляются новые изобретения в машиностроении, используются новые сырьевые материалы, разрабатываются новые процессы, и все это меняет характер отрасли. Все эти изобретения, усовершенствования и процессы игнорируются системой защиты. Он вообще не учитывает их. Но наши люди полны предприимчивости, они любят улучшения, им нравятся новинки, и они принимают изменения. Следствием этого является то, что отрасль меняется, и, с другой стороны, решения, которые принимаются кем-либо по сомнительным вопросам толкования закона, также постоянно меняются, и постепенно мы находим много людей, которые хотят изменения тарифа. Они говорят, что это должно быть адаптировано ко времени, это устарело, это отстало, это не соответствует требованиям момента, и они хотели бы провести пересмотр тарифов; но тогда им говорят, что они должны сохранять спокойствие и не устраивать беспорядков, которые вызовут обсуждение всей тарифной системы, и что они должны позволить этому продолжаться ради “системы”.

Что же тогда это за система? Система означает, что импортные пошлины, которые мы вводим в этой стране, повысили цены на все товары на нашем рынке, я могу сказать, на тридцать или сорок процентов по очень низким подсчетам. Разве это не очень необычная вещь, когда вы отстраняетесь и пытаетесь осознать это на минуту — что мы подняли цены в Соединенных Штатах на тридцать или сорок процентов — возможно, даже почти на пятьдесят процентов — выше уровня цен на те же товары в других цивилизованных странах нашего уровня; и что мы считаем, что совершили великое и благородное дело, подняв эти цены, переводя весь уровень жизни в этой стране на искусственный уровень, намного превышающий уровень мирового рынка? На самом деле, если бы вы послушали протекциониста, он заставил бы вас поверить, что этот континент не был бы пригоден для жизни, если бы не защитный тариф, который здесь постоянно действует на американском рынке.

Я придерживаюсь мнения — я не очень уверен в этом, — но мне кажется, что защитный тариф действительно со временем теряет силу — я имею в виду, в том, что касается его ожидаемого положительного эффекта. Его последствия распределяются, они принимаются и распространяются по всему рынку до тех пор, пока ожидаемая выгода для защищаемых людей не будет утрачена и не останется ничего, кроме мертвого груза самой системы, мешающего работе отраслей. Затем следует запрос на новый тариф, чтобы получить еще один импульс или очередную подпитку, как я слышал, это называется, придать вещам новый импульс, начать все сначала.

Такова история нашего тарифа вот уже сто лет, что он перезапускался, время от времени активизируясь, чтобы придать новый импульс. Следовательно, мне кажется, что по самой природе дела постоянно требуется новый импульс.

Как я уже говорил в самом начале, система тарифов, как мне кажется, учит нас верить в то, что человеку нужна та или иная “тяга”, чтобы добиться успеха в любой отрасли. Это идея о том, что в отрасли всегда должно быть обеспечение легкой прибыли, которая не требует труда или затрат капитала для ее получения. Это чистая доктрина взяточничества. Тариф учит нас искать плату, или чаевые, или отступные, которые будут представлять собой чистую прибыль. Людям говорят, что тарифные налоги - это законный подарок бенефициару. Те, кто не получает этой выгоды, ищут где-нибудь другую такую же, и когда им это удастся, они прибегают к взяточничеству.

Это позорный факт, что это понятие взяточничества и это слово пришли к нам в течение последних четырех или пяти лет, распространились так далеко и стали нам так знакомы в связи с огромным количеством деловых операций. Как нам давно известно, это обычное явление в некоторых странах, например в России, Китае и Турции; и у нас оно, казалось, распространилось и завоевало признание и хождение самым удивительным образом. Я не могу поверить, но тарифная система обучила нас в этом направлении и подготовила к тому, чтобы терпимо относиться к развитию этой идеи. Мне также кажется, что сейчас, после ста лет существования этой системы, тариф больше не является собственно экономическим вопросом. Это практический политический вопрос. Политика и бизнес в нем неразрывно переплетены. Невозможно экономическое обсуждение предложений, которые делаются, экономических по форме, в связи с тарифной системой. Идет лишь война пристрастных взглядов и поверхностных умозаключений.

Наш американский протекционизм вырос из особых условий этой страны. Это старая идея, пришедшая к нам из Европы, и, действительно, из средневековья в Европе, и здесь она нашла шанс для нового и очень замечательного развития. Здесь былиновые условия, и шансы были настолько велики, что, по сути, защитная система никогда не делала большего, чем требовала от нас определенной дани за эти шансы. Это никогда по-настоящему не касалось нас остро и ощутимо, и, несмотря на это, мы наслаждались чудесным процветанием, которое на самом деле объясняется благоприятными обстоятельствами, которыми мы пользовались здесь.

В 1892 году у нас возник спор по этому поводу, и мы обратились с ним к электорату, в результате чего мы все знаем. Но наказ народа был проигнорирован и не повиновался правительству, и цели, которую народ продемонстрировал в то время, было брошено вызов.

У нас также была возможность заметить огромную силу защищаемых интересов в Конгрессе. Дело в том, что в настоящее время нами управляет комбинация этих защищенных интересов, которые получили контроль над правительственным аппаратом и контролируют персонал правительства до такой степени, что практически невозможно вообще внести какую-либо брешь в эту систему. Это происходит потому, что политические комбинации были так тщательно разработаны, что в настоящее время они выглядят как неприступные.

Я оглядываюсь вокруг, чтобы посмотреть, смогу ли я найти какую-нибудь поддержку. Я подумал, что это было чем-то вроде поощрения, когда мистер Далзелл выступил с речью в Конгрессе, о которой упоминал мистер Уильямс, в которой он с таким презрением высказался об идее "случайной защиты". Я никогда не говорил ничего столь сурового ни о какой протекционистской идее, как то, что он сказал о случайной защите. Но предположим, что люди 1850 года, середины девятнадцатого века, могли бы снова ожить, старые протекционисты того времени. Что бы они подумали, услышав, как человек с презрением отзывается о случайной защите? Это было то, во что они верили; для них это было всем делом. Когда такой старый протекционист, как мистер Далзелл, может повернуться и осыпать презрением случайную защиту, я чувствую, что мы никогда не могли сказать, что они могут выбросить за борт в следующий раз, в каком-нибудь пароксизме страха, надежды или чего-то еще, и у нас может появиться шанс, которого мы не смогли получить в прошлом.

Затем, как было хорошо сказано другими джентльменами сегодня вечером, в течение последних года или двух в общественном сознании произошел очень сильный бунт против взяточничества, политической и деловой коррупции. Как далеко это зайдет? Мы не знаем, но,

во всяком случае, это открытие в общественном сознании, которое полно шансов. Это может зайти очень далеко; это может иметь очень большие последствия; это, безусловно, то, что следует заметить и воспользоваться.

Затем, опять же, возникают новые конфликты интересов. Мы стали очень великими людьми в мировой торговле, с объемом экспорта и импорта в миллиард долларов в год, и мы настолько тесно связаны со всем миром, что для нас будет невозможно продолжать нашу старую политику противодействия торговле и отказа от нее, и попыток остановить ее, и вообще не обращать внимания на протесты наших соседей. В будущем мы будем вынуждены уделять некоторое внимание этим протестам. Они справедливы, они разумны, и они привлекут наше внимание; и тогда нам придется пойти им на уступки. Другими словами, мы больше не можем позволить себе отвергать и пренебрегать этими увещеваниями.

Следовательно, может случиться так, что в предстоящее нам время у нас будет больше шансов для практической войны с этой системой, чем мы имели до сих пор. Однако до тех пор, пока я себя помню, и до тех пор, пока я принимал в этом какое-либо участие, мы обходились без какого-либопоощрения вообще. Мы сделали все, что могли, без этого. Мы получили то, чего не ожидали. Мы знали, что нами следует пренебрегать и относиться к нам как к людям, чье мнение в этих вопросах не имело никакого значения или заслуживало какого-либо внимания, и поэтому мы продолжали приводить наши аргументы, как мы их считали, в меру наших возможностей и без особого результата.

Теперь, возможно, мы стоим на пороге другого времени, когда обстоятельства будут более благоприятными, более обнадеживающими, более полными возможностей, и я, конечно, со своей стороны, очень надеюсь, что это так.

Я с некоторым разочарованием заметил усилия, которые мистер Уильямс предпринял в Конгрессе, чтобы добиться внесения некоторых изменений в тариф или даже появления там какого-либо аргумента, который мог бы придать этому вопросу активность и жизнь в законодательной сфере. Они казались не более обнадеживающими, чем то, что мы привыкли видеть в прежние времена. Но, безусловно, в природе вещей заложено, что трудности и абсурдность этой системы должны проявляться на практике все более отчетливо по мере того, как мы продвигаемся вперед, и поэтому необходимость реформы проявится в форме игры интересов, которая приведет в действие новые противодействующие силы, к которым мы можем обратиться за помощью в свержении системы.

ПРОЦВЕТЕНИЕ, ЗАДУШЕННОЕ ЗОЛОТОМ³⁵

Некоторые из заблуждений сильвера были изложены мистером Сент-Джоном в его выступлении перед серебряным конвентом с такой точностью, что его речь предоставляет благоприятную возможность разобраться с ними.

Он говорит, что “одним из основных принципов в финансах является то, что стоимость каждого доллара, выраженная в ценах, зависит от общего количества долларов в обращении”. Такого принципа финансирования, как сформулированный здесь, не существует. “Количественной доктриной” валюты серьезно злоупотребляют все биметаллисты, от мала до велика, и в лучшем случае она вызывает большие сомнения. Когда доллары, о которых идет речь, являются долларами какой-либо расчетной валюты, которая может обращаться за пределами территории государства, в котором она выпущена, количественная доктрина не может быть верной на этой территории. Мимоходом можно отметить, что именно по этой причине ни одна схема “серебряных людей” по манипулированию ценами в Соединенных Штатах не может увенчаться успехом. Серебро и золото будут экспортироваться и импортироваться до тех пор, пока их стоимость не станет одинаковой во всем мире, а цены, установленные на ту или иную из них, не будут соответствовать мировым ценам после того, как будут перенесены все трудности, расточительство и потери при их двух- или трехкратном переводе.

Однако количественная доктрина означает, что стоимость валюты - это вопрос спроса и предложения, и всем известно, что удвоение или двукратное сокращение предложения не приводит к двукратному увеличению стоимости или к какому-либо другому простому и прямому эффекту. Если бы это действительно имело такой эффект, спекуляции не были бы тем, что они есть.

Далее мистер Сент-Джон утверждает, что наше население увеличивается на два миллиона человек каждый год, из-за чего нам требуется все больше долларов; что производство золота не обеспечивает достаточного количества для удовлетворения этой потребности и что, следовательно, цены падают. Эта аргументация очень проста и очень бойка. Процветание и невзгоды укладываются в силлогизм из трех строк. Но если мы можем предотвратить падение цен и невзгоды, чеканя серебро, то это должно быть путем добавления серебра к золоту, которое у нас сейчас есть. “Высокие” и “низкие” цены - понятия относительные. Они означают выше и ниже, чем в другое время или в другом месте; выше и ниже, чем мы привыкли. Если несчастье зависит от десятицентовой кукурузы, нам советуют сократить цену вдвое, и мы получим двадцатицентовую кукурузу и процветание. Стоимость кукурузы не изменится ни в золоте, ни за пределами Соединенных Штатов, и, поскольку все остальные товары будут размечены в то же время и таким же образом, ее стоимость в других товарах не изменится в результате этой операции. Когда мы привыкнем к двадцатицентовой кукурузе, она покажется такой же низкой и такой же “тяжелой для должника”, как сейчас десятицентовая кукуруза. Затем мы можем разделить на десять и получить двухдолларовую кукурузу, добавив медные монеты бесплатной чеканки. Когда мы привыкнем к этому, нас это не удовлетворит. Тогда мы сможем выпускать бумажные доллары и чеканить их без ограничений. Кукуруза стоимостью в миллион долларов станет таким же горьким предметом для жалоб, как сейчас десятицентовая кукуруза. Тот факт, что люди недовольны, ни в коем случае не является аргументом.

Тот факт, что цены низкие, стал предметом социальных жалоб и политической агитации в Соединенных Штатах. Цены резко выросли с 1850 года. Они сохранялись примерно до 1872 года. Они снова упали. Они ниже, чем были на вершине волны во всем мире. Этот факт, объяснение которого составило бы очень сложную задачу для подготовленных статистиков и экономистов, становится предметом легкой интерпретации и решения в политических

конвенциях и популярных речах, и предлагается принимать насильственные и зловещие меры на основе легкомысленных представлений, которые существуют на этот счет. Но какая разница, высока “плоскость” цен или низка? Если кукуруза стоит сорок центов за бушель, а ситец - двадцать центов за ярд, за бушель можно купить два ярда. Если кукуруза стоит десять центов за бушель, а ситец - пять центов за ярд, на бушель можно купить два ярда. То же самое и со всем остальным. Таким образом, если имело место *всеобщее* падение, и это предполагаемая причина, то ни фермеры, ни какой-либо другой класс от этого не пострадали.

Несомненно, верно, что период роста цен стимулирует энергетику и предприимчивость. Это происходит даже тогда, когда, если бы все факты были хорошо известны, можно было бы обнаружить, что капитал действительно потреблялся в последовательные периоды производства. Падение цен обескураживает предприимчивость, хотя, если бы все факты были известны досконально, можно было бы обнаружить, что капитал накапливался в последовательные периоды производства.

Верно также, что обесценивание расчетных денег, *пока оно продолжается*, стимулирует экспорт и ограничивает импорт.

Но кто может сказать, как нам заставить цены постоянно расти, если не за счет постоянной и неограниченной инфляции? Кто может сказать, как нам избежать колебаний цен или исключить элемент непредвиденности, риска, предусмотрительности и спекуляций?

Верно также, что, хотя высокие и низкие цены несущественны в любой момент времени, переход от одного к другому, от одного периода времени к другому влияет на бремя невыполненных срочных контрактов. Мужчины заключают контракты на доллары, а не на стоимость в долларах. Длинные или короткие продажи - это одно, кредитование - другое. Заемщики и кредиторы никогда не гарантируют друг другу покупательную способность долларов в будущем. Если бы контракты были такими сложными, они стали бы невозможными. Между 1850 и 1872 годами должники не подавали никаких жалоб, а кредиторам и в голову не приходило поднимать волну за увеличение долгов. Должники теперь требуют, чтобы им разрешили сыграть в "орел, который я выигрываю, решка, которую вы проигрываете", а мистер Сент-Джон и другие говорят нам, что у них есть голоса, чтобы принять решение; как будто это что-то меняет на форуме обсуждения.

Увеличение численности населения не доказывает возросшую потребность в деньгах. Это может свидетельствовать об обратном. Если плотность населения на данной территории становится более высокой, организация более высокого уровня может требовать меньше денег. Если расширяются железные дороги и другие средства связи, экономятся деньги. Если количество банков и других кредитных учреждений увеличивается, и если кредитным операциям способствуют общественная безопасность, надлежащее отправление правосудия и т.д., требуется меньше денег. Если эти изменения происходят одновременно с увеличением численности населения (а это, несомненно, имеет место в Соединенных Штатах), кто может сказать, приведет ли чистый результат к увеличению или уменьшению потребности в валюте? Никто; и все утверждения по этому поводу дикие и безответственные.

Если это правда, что увеличение населения на два миллиона человек потребовало большего количества долларов, то как кто-нибудь узнает, достаточен ли текущий объем производства золота для удовлетворения новых потребностей или нет? Утверждение является

арифметическим. Оно гласит, что две величины не равны друг другу. Первая величина - это увеличение валюты, которого требуют еще два миллиона человек. Сколько еще нужно? Никто не знает, и нет никакого способа выяснить. Серебряные люди время от времени приводили цифры для этого, но цифры ни на чем не основывались и были просто голыми утверждениями. Вторая величина - это количество нового золота, ежегодно доступного для чеканки в Соединенных Штатах. Сколько это? Никто не знает, потому что если попытаться определить, что имеется в виду, то обнаружится, что в словах нет никакой идеи. Народ Соединенных Штатов покупает и чеканит столько золота, сколько хочет, в любое время. Следовательно, говорят, что две вещи неравны друг другу, когда никто не знает, насколько велика любая из них. Можно добавить, что не имеет значения, насколько велика каждая из них. Сколько дополнительного олова требуется ежегодно для увеличения нашего населения? Добывают ли его шахты? Никто не знает и не спрашивает. Рудники добывают, а люди покупают то, что хотят. То же самое относится и к золоту.

Таким образом, мы обнаруживаем, что м-р Сент-Джон начинает с доктрины, которая несостоятельна; затем он утверждает связь между численностью населения и потребностью в деньгах, которой не существует; затем он предполагает, что эта потребность превышает количество нового добытого золота, хотя ни он, ни кто-либо другой не знает, насколько велика любая из этих величин. Это аргументация, с помощью которой он стремится показать, что единый золотой стандарт снижает цены и порождает нищету. Это аргументация, которая популярна среди серебряных людей. Ни один шаг из этого не выдержит проверки. Вывод о том, что мы должны восстановить свободную чеканку серебра, чтобы избежать этого удушения процветания, рушится.

ПРИЧИНА И ЛЕКАРСТВО ОТ ТРУДНЫХ ВРЕМЕН³⁶

Важной частью дела серебряных людей является то, что страна переживает “трудные времена”. Сторонники Республиканского съезда заявляют в своем манифесте: “Недовольство и страдания преобладают в такой степени, какой никогда ранее не было в истории страны”. Это историческое утверждение. Это явная неправда. Сейчас нет такого недовольства и отчаяния, какие были в 1819, или в 1840, или в 1875 году, не говоря уже о других периодах. Писатели не знали фактов истории и использовали то, что сегодня является просто фигурой речи. Люди, которые хотят сказать, что социальное явление велико, и которые не знают, что было раньше, говорят, что оно не имеет аналогов в истории.

С момента принятия закона Шермана 1890 года наблюдается прогрессирующий паралич предпринимательства и прекращение кредитования. Болтеры говорят, что “Невозможно найти причину такого плачевного положения вещей, кроме как в порочной денежной системе”. Причиной этого было то, что совокупный эффект серебряного законодательства неуклонно приближался к кризису. Усилия, с помощью которых откладывалось действие этого законодательства, больше не были эффективными, и было очевидно, что страна находится на

границ катаклизма, в результате которого изменится стандарт ценности. Какой человек может не видеть влияния такого страха на кредит и предприимчивость? И при таком страхе на рынке, насколько бесполезно пытаться представить проблему как вызванную тем фактом, что существующий стандарт был золотым, или серебряным, или каким-либо другим! Люди будут заключать контракты и продолжать бизнес, используя любые средства, условия которых могут быть определены, поняты и соблюдаться до тех пор, пока контракт не будет решен, но неопределенность в отношении условий или опасность их изменения делают невозможными кредитование и предпринимательство. Во всей истории финансов нельзя найти ни одного кризиса, который был бы столь совершенно ненужным и столь явно вызванным предшествовавшими ему политическими мерами, как кризис 1893 года.

Несмотря на то, что многое признается в отношении “трудных времен”, остается правдой, однако, что на сегодняшний день большая часть нынешних заявлений о трудных временах является ложью. Процветание и невзгоды общества не поддаются точной проверке. Во все времена некоторые люди, классы, отрасли были менее процветающими, чем другие. Среди политиков и красноречивых деятелей возникла мода использовать утверждения о процветании и бедствии в качестве аргументов для достижения своих целей, и партии выступают перед общественностью с политикой процветания. У них есть программы “сделать страну процветающей”. Если эта страна, с ее населением, ее ресурсами и ее шансами, не процветает благодаря интеллекту, трудолюбию и бережливости своего населения, неужели какой-нибудь здравомыслящий человек предположит, что у политиков и тупых ораторов есть под контролем какие-либо средства, позволяющие добиться этого? Современные ораторы видят процветание там, где им нужно это видеть для целей своей аргументации. Они говорят, что все страны с золотым стандартом в Европе находятся в бедственном положении. Мистер Сент-Джон говорит, что Мексика процветает. Что касается Канады, мы не видели никакого заявления. Согласно некоторым текущим дискуссиям, велосипед конкурирует с золотым стандартом как производитель бедствий. Поскольку велосипед, безусловно, серьезно повлиял на распределение расходов и накопление капитала, его эффективность как фактора, вызывающего кризис, в какой бы степени она ни проявлялась, можно рационально оценить, но никто никогда не был в состоянии показать какие-либо рациональные основания полагать, что золотой стандарт является фактором, вызывающим кризис.

Кризис также возникает всякий раз, когда капитал был вложен в больших масштабах в какие-либо непроизводительные инвестиции, в результате чего он не воспроизводится, а теряется. Предприятия всегда становятся основой обязательств и контрактов. Когда предприятия терпят неудачу, обязательства не могут быть выполнены; другие обязательства, основанные на них, также терпят неудачу, и так далее по всей промышленной организации. Такие кризисы неизбежны в новой стране. Предприятия работают по моде. В любой момент времени большие группы производителей тяготеют к одной отрасли. Эта отрасль наверняка перегружена и придет к кризису. В свободной стране, где каждый человек волен направлять свое предприятие так, как он считает нужным, какой смысл, когда выясняется, что он совершил ошибку, пытаться переложить убытки на других людей? Никто не предложил бы это отдельному человеку или группе, но когда есть большой интерес, это превращает себя в политическую силу и создает платформу для той же цели, как правило, с раздутыми принципами гуманности, справедливости, демократии и американизма в качестве ветряных креплений, которые заставляют его плыть.

Мистер Сент-Джон говорит, что фермеры тратят по десять долларов с акра, чтобы получить восемь или девять долларов с акра. Какой фермер в Соединенных Штатах может сказать, сколько долларов он тратит на акр? Какой смысл в этих якобы точных цифрах? Но, если бы у них был здравый смысл, какой был бы выигрыш от сокращения количества долларов вдвое? Если бы фермер потратил двадцать серебряных долларов на акр и получил обратно шестнадцать или восемнадцать, какую бы выгоду он получил? В любом случае, доллары затрат относятся к тому же виду, что и доллары прибыли. Если верно, что доходность не равна затратам, то это должно быть связано с некоторыми фактами производства, и требуется лишь минутное размышление, чтобы увидеть, что изменение валюты, в которой учитываются затраты и доход, не может изменить соотношение между ними.

Беспристрастный взгляд на факты докажет, что в настоящее время мир разумно и обычно процветает, за исключением случаев, когда особые обстоятельства затрагивают определенные классы и отрасли промышленности, поскольку некоторые классы и отрасли промышленности страдают постоянно. Землевладельцы Западной Европы находятся в бедственном положении из-за конкуренции за новые земли с удешевленными транспортными средствами, но теперь нам говорят, что владельцы другой стороны конкуренции, землевладельцы новой земли, являются жертвами бедственного положения. Таким образом, должно быть, во всем мире на обработку почвы затрачивается слишком много труда и капитала, и это тоже, несмотря на все защитные тарифы, привлекает людей в текстильную и металлообрабатывающую промышленность. Наши серебряные люди говорят, что это неправильный вывод. Они говорят, что люди на новой земле страдают из-за того, что цены устанавливаются в золотых монетах, а дебетовые и кредитные операции ведутся в пересчете на эти монеты. Цены на мировом рынке золота фиксированы. Они будут фиксированными, что бы мы ни делали с нашими законами о чеканке монет. Если вырученные средства при возвращении домой будут конвертированы в серебро, ненавистным банкирам и брокерам Уолл-стрит будет предоставлена новая возможность для брокерских операций и биржевых спекуляций. Это единственное различие, которое будет произведено. Было бы гораздо разумнее сказать, что бедствие вызвано ведением бизнеса по английской системе мер и весов, в бушелях и пек, и что процветание было бы достигнуто, если бы вести бизнес по метрической системе, в литрах и гектолитрах, поскольку такая плата, по крайней мере, была бы безвредной. Все наши страдания могли бы быть развеяны за неделю актом Конгресса, превращающим все контракты, помимо политических случайностей, в то, чем они являются по закону и фактически, в контракты на золото.

Однако есть еще одна причина тяжелых времен для некоторых людей, которая в нашем нынешнем случае гораздо важнее, чем любая другая. Это случай с бумом, который рухнул. Мы много слышим об “азартных играх на Уолл-стрит”. Азартные игры на Уолл-стрит незначительны по сравнению с азартными играми с землей, зданиями, городскими участками и урожаями, которые проводятся по всей стране и в которых участвуют в основном люди, разглагольствующие об Уолл-стрит. На протяжении трехсот лет наша история была отмечена чередованием “процветания” и “бедствия”, которые были вызваны бумами и их обвалами. Когда наступает крах, люди, у которых надолго остаются товары и земля, всегда поднимают большой шум и начинают политическую агитацию. Их любимый прием всегда заключается в попытке взвинтить валюту и снова поднять цены, пока они не смогут разгрузиться.

Очень популярно говорить мужчинам, что у них есть претензии. То, что большинству из них трудно заработать столько денег, сколько им нужно потратить, само собой разумеется. Теперь

появляется хитрый оратор и говорит им, что это чья-то вина. В старые времена, если человек был болен, всегда предполагалось, что кто-то его околдовал. Нужно было искать ведьму. Знахарь должен был назвать кого-нибудь, и тогда горе тому, кого назвали. Наши знахари говорят, что в трудных временах виноваты золотые жуки с Уолл-стрит, Англия. Существуют ли какие-либо рациональные доказательства связи, так же несущественно, как это всегда было в колдовстве. Это случай боли и страсти. "Золотой стандарт" сделал это! Есть что ненавидеть и порицать. Все было бы хорошо, если бы серебро можно было чеканить по четыреста двенадцать с половиной гран за доллар. Но предполагается, что, хотя фермеры продавали бы свою продукцию в два раза дороже "долларов", чем сейчас, в серебре, все цены на вещи, которые они хотят купить, оставались бы на том же количестве долларов и центов, что и сейчас, в золоте; то есть считается, что пшеница стоила бы, скажем, один доллар пятьдесят центов за бушель в серебре, вместо семидесяти пяти центов в золоте, но эта ткань оставалась бы по пятьдесят центов за ярд в серебре, если сейчас она стоит пятьдесят центов за ярд в золоте. Когда это предположение выражается ясными словами, каждый понимает, что такого результата никогда не может быть. Предлагаемое лекарство похоже на лекарство от ведьм. Ему не хватает рациональной основы, и оно не может вызвать доверия у здравомыслящих людей. Если бы времена были когда-либо настолько плохими, такое лекарство могло бы только усугубить их.

СХЕМА СВОБОДНОЙ ЧЕКАНКИ НЕОСУЩЕСТВИМА НИ НА ОДНОМ ЭТАПЕ³⁷

Программа.

В двух предыдущих статьях я обсуждал некоторые моменты, представленные сторонниками свободной чеканки серебра, исходя из предположения, что их проект был осуществим и их концепция его функционирования верна. Они разработали программу: свободная чеканка монет, серебряный стандарт, большой спрос на серебро, рост цен, повышение стоимости серебра, списание долгов, процветание. Теперь они признают, что эта программа вызовет панику, но, по их словам, через два-три года она даст желаемый результат. Они осуждают золотой стандарт как причину трудных времен, но планируют программу, в которой паника рассматривается как инцидент на пути к серебряному стандарту, как если бы это был пустяк.

В этой программе нет ни одного шага, который мог бы быть выполнен так, как планировалось.

Свободное Серебро Означает фиатные бумажные деньги.

Количество наличных денег всех видов, находящихся в обращении на руках у людей в настоящее время, составляет около девятисот миллионов. Если бы курс доллара был снижен вдвое по сравнению с его нынешней стоимостью, и если бы были сделаны поправки на резервы, то две тысячи миллионов серебряных долларов были бы потребностью страны в денежной единице. У нас уже есть почти пятьсот миллионов таких долларов. Следовательно,

страна не могла бы использовать максимально, если бы новый серебряный доллар стоил не более половины нынешнего золотого доллара и если бы общее обращение состояло из серебра без какой-либо бумаги, но в три раза больше серебряных долларов, чем мы имеем сейчас. Но каждый знает, что такого состояния валюты никогда бы не существовало. У нас должны быть бумаги, “основанные на серебре”; то есть инфляция серебра никогда не будет осуществлена. На первом этапе это приведет к бумажной инфляции. Кто может поверить, что, если бы был принят серебряный стандарт, серебро покупалось бы и накапливалось доллар за долларом против бумажных денег, и что бумага выпускалась бы так же быстро, как могло бы быть отчеканено серебро? На самом деле серебро, без сомнения, было бы выброшено и забыто, и у нас были бы простые бумажные деньги. С этим следует считаться как с единственным реальным смыслом и вероятным результатом нынешней агитации за свободную чеканку серебра.

Ограничение количества серебра, которое может быть поглощено.

Давайте, однако, исходить из предположения, что предложенный план искренен и что будет предпринята попытка осуществить его добросовестно. В руках людей была бы бумага, потому что они устали бы от серебра и восстали бы против него. Тогда на плаву было бы две тысячи миллионов бумажных долларов, причем каждый “доллар” был бы серебряным и стоил бы половину нынешнего золотого. Сейчас у нас есть пятьсот миллионов серебряных долларов. Самое большее, что могло бы быть поглощено системой, - это еще не более пятисот миллионов серебра. Это дало бы резервы в размере пятидесяти процентов от общей суммы валюты, и это максимальный спрос на серебро, который мог бы возникнуть, если бы Соединенные Штаты перешли на серебряный стандарт. Поставки будут поступать со всего мира. мистер Сент-Джон уверен, что ни одно из них не поступит из Европы, потому что там законное платежное средство - серебро в более высоком соотношении, чем шестнадцать к одному. Ни одна нация в Европе, которая сейчас находится под гнетом серебра, ни на минуту не колебалась бы, чтобы демонетизировать его и отправить сюда, если бы мы открыли для него наши монетные дворы с коэффициентом шестнадцать к одному. Он также уверяет нас, что никто не пришел бы сюда с Востока, потому что поток серебра всегда шел с Запада на Восток. Курс серебра не раз менялся с Востока на Запад, когда от его возврата была прибыль, и это единственное условие, необходимое для того, чтобы вернуть его обратно. Япония перейдет на золотую валюту в тот же момент, когда Соединенные Штаты перейдут на серебряную.

Невозможно бесконечно увеличивать Тираж.

Способность нашей валюты поглощать серебро не безгранична. Люди, похоже, верят, что они могут продолжать увеличивать денежное обращение бесконечно. Это возможно с бумагой, которая не имеет товарной ценности и не может быть экспортирована, всегда понимая, что бумага обесценится по мере выпуска, но это невозможно с любыми деньгами, имеющими товарную ценность. Когда серебро будет введено в обращение здесь в таком количестве, что вся фиктивная ценность, придаваемая ему законом о чеканке монет, будет устранена — то есть когда будет выпущено столько серебряных долларов, или бумажных денег, имеющих обязательное значение серебряных долларов, что будет равно по стоимости текущему обращению, — тогда не будет никакой прибыли от отправки серебра сюда из других мест, и от чеканки серебра здесь будет не больше прибыли, чем от отправки его в другое место. Как мы видели, нет оснований оценивать количество серебра, которое было бы израсходовано при этой операции, более чем в пятьсот миллионов. Шахтеры устраивают всю эту агитацию ради той

доли, которую они могли бы получить при выделении этой суммы. Эта доля на самом деле не превышала бы суммы серебра, которая была у них на руках, когда закон вступил в силу.

Антагонистические интересы шахтеров и популистов.

Какую долю, в таком случае, получили бы добытчики серебра в результатах деятельности предприятия? Они не могли бы получить ничего, если бы новое серебро не покупалось только у них, и покупалось постепенно по мере того, как они его производили, и покупалось по растущей цене по мере того, как на него действовал спрос должников. Ни одно из этих условий не будет выполнено. У должников и добытчиков серебра действительно есть антагонистические интересы по всем пунктам. Было предложено, чтобы на монетный двор принималось только американское серебро. Этот план в любом случае невыполним, но, когда победа была у популистов в руках, неужели кто-нибудь предполагал, что они будут ждать восемь или десять лет осуществления своих надежд, пока на рудниках добывают новое серебро, будучи уверенными, что из-за этой задержки все, на что они надеялись, ускользнет у них из рук? Я повторяю: Интересы двух фракций антагонистичны друг другу, и одной из них неизбежно суждено стать жертвой обмана другой. Эта судьба уготована шахтерам, которые, к тому же, оплачивают все расходы.

Уже в ходе кампании этот антагонизм начал проявляться. мистер Брайан говорит, что по его плану серебро будет стоить один доллар двадцать девять центов за унцию. Таким образом, он занимает свою позицию во фракции шахтеров. Вслед за этим органы фракции отрекшихся начали протестовать. Это совсем не то, за что они борются. Они вообще не хотят, чтобы их схема добывала серебро. Но если этого не произойдет, майнеры ничего не получают. Если это произойдет, то отказники снова перейдут на бумажные деньги, и майнеры ничего не выиграют.

Механическую трудность перемотки серебра с необходимой скоростью, вероятно, можно было бы преодолеть. Существует достаточно механических мастерских, чтобы сделать это, если бы у власти была партия, обладавшая той безрассудной решимостью исполнять свою волю, которую демонстрируют эти люди. Таким образом, мы можем перейти к рассмотрению вопроса о росте цен.

Рост цен.

Рост цен регулярно происходил бы только по мере выпуска нового серебра или бумаги, но поскольку все последствия не учитывались, он был бы внезапным и быстрым. Однако это не повлияло бы на все вещи одновременно или в равной степени. Именно здесь произошло бы одно из первых разочарований. Невозможно повышать цены, когда и как хотелось бы, даже когда рост вызван инфляцией. Эффект не может быть распределен сразу. Повышение цен отражается на деловых отношениях, то есть на производственной организации. Многие люди и многие интересы обнаруживают, что они не могут противостоять другим до тех пор, пока их не столкнут с самими собой. Наиболее явно в этом положении находятся наемный класс и фермеры, по крайней мере, в той мере, в какой последние не производят товары на экспорт. Должно быть ясно, что при таком потрясении рынка каждый будет пытаться спасти себя за счет

других. Кто добьется успеха? Конечно, те, кто проводит свою жизнь на рынке и уже владеет контролем над его механизмами; не те, чье время занято деталями производства.

Куда пойдет ожидаемая прибыль.

Говорят, что фермер продавал бы свое зерно и хлопок, как сейчас, за золото; что он обменивал бы золото на серебро; чеканил бы серебряную монету и платил бы ею свои долги. Сделал бы это какой-нибудь отдельный фермер? Прошел бы кто-нибудь из мужчин этапы этой операции? — увидеть покупателя своей продукции, взять в руки золото и серебро, сходить на монетный двор? Конечно, нет. Все эти операции будут осуществляться через коммерческий и финансовый механизм. Они выполнялись бы разными людьми, в порядке ведения бизнеса, через организацию, и каждый из них был бы потерян из виду. Каждая операция должна была бы быть оплачена. Каждая операция давала бы новый шанс большему количеству посредников и большему количеству сборов. Достанется ли тогда фермеру выгода от этой грандиозной схемы? Совсем нет. Они пойдут к “брокерам и спекулянтам с Уолл-стрит”. Они потеряются в комиссиях и сборах. Тип дельца, о котором, кажется, думает популист, когда говорит об “акулах Уолл-стрит”, существует, хотя его значение на Уолл-стрит не так велико, как значение политического фермера в сельском хозяйстве; но этот тип людей не волнует, каково валютное законодательство, за исключением того, что он хотел бы иметь его в большом количестве и чтобы оно было очень смешанным. Что бы это ни было, когда это будет сделано и он увидит, что это такое, он приступит к работе с этим.

Играет на руку Финансовым акулам.

Мы слышим яростные обвинения в адрес того, что называется “властью денег”. О нем говорят как о могущественном, демоническом, опасном, и предлагаются схемы овладения им, которые бесполезны и нелепы, если это то, за что его называют. Каждая из этих схем только открывает возможности для спекулянтов деньгами и финансовых вредителей оперировать брокерскими услугами и разногласиями, делая законные финансы опасными и дорогостоящими, тем самым увеличивая стоимость коммерческих операций. Паразиты промышленной системы процветают всякий раз, когда система усложняется. Путаница, беспорядок, нерегулярность, неопределенность являются условиями их роста. Самый верный способ убить их - это сделать валюту абсолютно простой и абсолютно надежной. Разве не ребячество со стороны простых, честных людей создавать денежную систему, полную тонкостей и загадок, а затем полагать, что они, а не люди умелые и хитрые, получают от этого прибыль?

ЗАБЛУЖДЕНИЕ ДОЛЖНИКОВ³⁸

Пятьдесят лет назад была начата политическая агитация за аннексию Техаса. Поскольку предприятие выглядело как неприкрытый захват земли, необходимо было изобрести какие-то исторические, политические и моральные теории, которые придали бы ему другую окраску. Одна из таких теорий заключалась в том, что Техас по праву принадлежал нам, но был отдан

Монро и Адамсом в 1819 году. Поэтому проект был представлен как проект *повторной* аннексии Техаса.

Повторная монетизация серебра.

В настоящее время предпринимается попытка оспорить закон о чеканке монет 1873 года с различных точек зрения, чтобы заложить основу для утверждения, что сейчас речь идет только о повторной монетизации серебра. Никогда не было представлено ни единого обвинения в отношении закона 1873 года, которое выдерживало бы проверку, но, если бы это было не так, этот закон был похож на любой другой акт Конгресса, который стал законом страны и в соответствии с которым мы все были обязаны жить в течение двадцати пяти лет. Мы не можем вернуться назад, отменить закон и прожить двадцать пять лет заново. Все ошибки и безумства прошлого остались в прошлом для всех классов и всех людей среди нас. Следует предположить, что люди прошлого действовали в соответствии со своими представлениями, и мы, унаследовавшие последствия того, что они сделали, должны наилучшим образом использовать как хорошее, так и плохое в этом, в зависимости от обстоятельств или от того, как мы думаем, что это так. Если сейчас мы примем новый закон о чеканке монет, он должен основываться на его собственных достоинствах и на ответственности людей, которые его принимают, сейчас и в будущем. Все отсылки к 1873 году праздны и неуместны.

Следовательно, очевидный факт, с которым следует откровенно столкнуться, заключается в том, что нам предлагается обесценить чеканку и снизить стандарт стоимости, *сейчас* и на будущее, как свободный акт политического выбора, который должен быть сознательно принят во времена глубокого мира, и что это должно быть сделано с намерением и надеждой, что это приведет к банкротству по пятьдесят центов за доллар для всех существующих должников. Может ли этот проект быть осуществлен? Он не может. Схема и замысел этого для нации с семидесятимиллионным населением глупы и порочны одновременно, и то и другое невозможно выразить словами. Проектировщики этого имеют дело с экономическими явлениями великой нации, как если бы они говорили об игре в карты, и они планируют сделать это с ценами, а то - с долгами, это - с экспортом, а то - с банками, как если бы они планировали программу строительства амбара. Если мы попытаемся реализовать предложенную операцию, то увидим, насколько это по-детски и абсурдно.

Мы должны различать три класса должников: крупные финансовые учреждения, мелких залогодателей и партнеров в периоды краха бума.

Финансовые учреждения как должники.

Крупные финансовые институты являются посредниками между должниками и кредиторами. Они получили капитал от одних людей и одолжили его другим. Они должны вернуть его. Если они вернут его только по пятьдесят центов за доллар, они смогут погасить его только тем же способом. Это означало бы, что кредиторам этих учреждений будут выплачены “доллары”, но когда они попытаются реинвестировать их, то обнаружат, что цены на те вещи, которые они хотели купить, в большей или меньшей степени выросли в этих долларах. На это популисты торжествующе отвечают, что теперь должники обнаруживают, что цены на их продукцию упали, так что, когда они пытаются продать ее, они не могут выручить достаточно, чтобы оплатить свои

долги; но должники - это те, кто заключал контракты и предпринимал предприятия пять, десять, пятнадцать или двадцать лет назад, ожидая получить прибыль, которую они, несомненно, сохранили бы. Как оказалось, они ничего не выиграли, и их план состоит в том, чтобы избежать потерь, переложив их на кого-то другого. Однако учреждения, о которых идет речь, обязаны защищать интересы любой группы своих клиентов, заемщиков или вкладчиков, когда кто-либо из них подвергается несправедливой угрозе, и они ни в коем случае не лишены средств для этого. Закон о запрете конкретных контрактов с монетами - это всего лишь один шаг в отчаянной политике проституции закона и развращения системы отправления правосудия, который был бы необходим в попытке провести в жизнь обсуждаемый план. В конце концов она потерпела бы неудачу, потому что ее сторонники обнаружили бы, что, как гласит популярная поговорка, она "взлетит и ударит их по лицу". Невозможно привести общество и все его важнейшие институты в замешательство, не нарушив интересов всех, и в конце концов каждый, кроме бродяги или нищего, должен спросить себя, окупится ли это. Что касается учреждений, то многие из них были бы разорены в ходе операции. Для них невозможно просто собирать и возвращать деньги в обесцененных долларах. Операция привела бы к запутыванию и запутыванию на каждом шагу. Судебные иски посыпались бы со всех сторон и настолько запутали бы дела учреждения, что разрушили бы его. Доказательством этого являются трудности ликвидации в любом случае, даже когда не стоит вопрос о валютной революции и когда общие дела находятся в нормальном состоянии, если только нет времени и безопасности для всех операций. В этом случае требования к учреждению были бы предъявлены немедленно, насколько это позволяла форма контракта.

Мелкие залогодатели.

Мелкими залогодателями являются либо наемные работники, либо фермеры. Что касается наемных работников, то их заработная плата, несомненно, со временем повысилась бы по мере роста цен, но при параличе промышленности, который был бы первым явным результатом плана, как только стало бы известно, что эксперимент будет проведен, огромное количество наемных работников были бы выброшены с работы, и вся заработная плата упала бы из-за такого состояния рынка труда. Позже, когда ситуация начнет приспосабливаться к новым условиям, заработная плата будет низкой, а цены высокими, как в серебре. Повышение заработной платы произойдет, но его придется добиваться с помощью забастовок и длительной промышленной войны. При предполагаемом положении вещей каждый был бы сам за себя. В сложившихся обстоятельствах класс наемных работников был бы слабее всех, как это бывает во все "трудные времена". Как бы ипотечники этого класса пережили такое время и сохранили свой интерес? Что касается основной суммы долга, которая должна быть уменьшена вдвое, то она не может быть уменьшена вдвое, пока не будет выплачена, а залогодателю нечем ее выплачивать, кроме *излишка*, который он может отложить из своей заработной платы сверх прожиточного минимума. Проект сулит горе и разорение наемному классу, а промышленная война и классовая ненависть - моральные последствия, имеющие самое далеко идущее значение.

Фермеры-залогодатели.

Фермеры рассчитывают удвоить цену на свою продукцию и таким образом получить серебро для погашения своих ипотечных кредитов. В другом месте было показано,³⁹ насколько иллюзорны эти ожидания в отношении цен. Цены на серебро действительно выросли бы, но нерегулярно и неравномерно. Они выросли бы на все, что фермер покупает, а также на все, что он продает. Если бы, как обычно говорят сторонники теории серебра, все цены росли равномерно, фермер мало что выиграл бы. Ибо единственным средством, которое он выиграл бы для выплаты своей ипотеки, было бы *превышение* его дохода над расходами, а это он мог применять только из года в год по мере того, как выигрывал. Если, таким образом, можно было бы заставить всю схему работать гладко при условии, что ее жертвы подчинились бы ей без сопротивления, дает ли это какую-либо вероятность реализации великих надежд, которые строятся на этой схеме?

Последствие социальной войны.

Но жертвы не подчинились бы без сопротивления, и мы снова приходим к выводу, что от этого предприятия нельзя ожидать ничего, кроме социальной войны и потрясения всей социальной системы, последствия которого не поддаются анализу или прогнозированию. Если человек говорит, что он “не видит”, какую огромную разницу внесет переход на серебряный стандарт, это должно быть потому, что он мало подготовлен к пониманию работы промышленной системы, в которой он живет и от которой зависит. Чудовищно, что свободный, самоуправляющийся народ в этот благодатный 1896 год вступает в политическую битву по вопросу о том, обесценивать его чеканку или нет.

Взрывающиеся стрелы.

Третья категория должников, безусловно, является самой важной в этом вопросе — это те, кто попал под взрывные заграждения. Мирные и честные залогодатели ферм и приусадебных участков - это не те, кто поднял эту политическую агитацию. Джебберы, спекулянты и подстрекатели бума были одним из проклятий этой страны с самых первых колониальных дней. Это люди “жуликоватого” типа, одной рукой занимающиеся политикой, а другой - земельными или городскими участками. Именно они в худшие периоды финансовых проблем в нашей истории всегда появлялись в вестибюле, жажда “облегчения”, разглагольствуя о “народе”, “власти денег”, “банках”, “Англии” и т.д. Они всегда отдавали предпочтение схемам с мошенническими банками, или бумажным деньгам, или государственным субсидиям, или другим планам, с помощью которых они могли бы нажиться на государстве или на своих кредиторах. Только сейчас это серебро, потому что серебро подешевело за двадцать пять лет настолько, что это то, что называется “дешевыми деньгами”. Люди этого типа всегда использовали диалект, часть которого процитирована выше, который настолько хорошо обозначен, что его достаточно, чтобы идентифицировать их. История финансовых трудностей в этой стране полна им. Ни одна схема, которая когда-либо была ими разработана, никогда не заставляла рухнувший бум снова подниматься. За очень немногими исключениями, из-за таких ухищрений они только глубже увязали в трясине. Исключением были те, кому удалось заставить государство предоставить им капитал, хотя далеко не все из них были достаточно здравомыслящими, чтобы использовать его для “выхода из игры”. Как правило, они верят в себя и свои схемы и используют новый капитал только для того, чтобы снова погрузиться еще глубже.

Именно люди этого класса и добытчики серебра навлекли на нас нынешнюю беду, они изобрели и проповедовали идеи о преступлениях 73-го года, тяжелых временах, магическом влиянии серебра и всем остальном. Именно они заполнили и сконструировали условности. Сейчас они выиграют не больше, чем в любом предыдущем кризисе, но они настаивают на том, чтобы вовлечь всех нас в беспорядки, риск и разорение своими планами по собственному спасению.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ 1873 ГОДА⁴⁰

Законодательная история закона 1873 года.

Утверждается, что закон 1873 года был принят тайно. Цитируются слова мистера Брайана о том, что сторонники свободной чеканки монет просят лишь о восстановлении “той системы, которая у нас была до тех пор, пока ее не уничтожили в темноте без обсуждения”. В течение последних десяти лет факты из законодательной истории этого закона публиковались снова и снова. Их можно найти в отчете контролера валюты за 1876 год, стр. 170; в “Политическом руководстве Макферсона” за 1890 год, стр. 157, и в “Надежной валюте”, т. III, № 13. Законопроект находился на рассмотрении Конгресса три года, его разъясняли и обсуждали снова и снова. Был прямо указан тот факт, что серебряный доллар был отменен. Теперь ни один человек, считающий себя честным и ответственным, не имеет права утверждать, что закон был принят “втемную и без обсуждения”. Факт в том, что это никого не волновало. Примечательно, что этого закона нет в “Руководстве Макферсона” за 1874 год. Считалось, что он не имеет никакого значения.

Внимание к валюте начали уделять только после паники 1873 года. Об этом могу свидетельствовать я, пишущий, поскольку до этого времени я тщетно пытался возбудить хоть какой-то интерес к этому предмету. Однажды я был в галерее Палаты представителей, когда на рассмотрении Палаты стоял вопрос о чеканке монет. Я сосчитал тех депутатов, которые, насколько я мог судить, уделяли этому какое-либо внимание. Их было шестеро. Что необходимо сделать в таком случае, чтобы предотвратить заявление двадцать пять лет спустя, когда по закону объединились бесчисленные интересы, о том, что закон может быть “отменен”, потому что он был принят “втемную”?

Было Ли это передано Тайно?

Как закон может быть тайно принят Конгрессом? Мы действительно слышали о законопроектах, которые “проносились контрабандой” в суматохе, царившей в последние часы сессии, или в виде поправок, или под вводящим в заблуждение названием. Однако существуют правила порядка, в соответствии с которыми вводится в действие все законодательство. Все законы, которые проходят через мельницу, имеют одинаковую силу. Между ними никогда не проводилось и не может быть никакого различия в соответствии с их законодательной историей. В данном случае не было ни малейшего маневра или уловки, и нет даже возможности сфабриковать обвинение подобного рода.

Что Люди Не знали об Этом.

Говорится, что “люди” не знали, что делается. Откуда они вообще знают, что делается? Существует весь механизм публичности, и все это работает. Если люди не прислушиваются (и, конечно, почти во всех случаях они этого не делают), чья в этом вина? Кто несет ответственность за то, чтобы лично обратиться к десяти миллионам избирателей и убедиться, что они прислушались, чтобы двадцать пять лет спустя кто-нибудь не сказал, что тот факт, что они не прислушались, служит оправданием для нового проекта, который, безусловно, является “преступлением” в том новом смысле, который здесь придан этому слову?

Мотив Закона.

Закон 1873 года не затрагивал никаких прав или интересов. Это отняло возможность, которая существовала с 1834 года, но никогда не использовалась и за десять лет до принятия этого закона полностью исчезла из виду из-за инфляции бумажных денег. Госсекретарь Бутвелл, когда он впервые довел этот вопрос до сведения Конгресса в 1870 году, объяснил предлагаемое законодательство как кодификацию существующих законов о чеканке монет. Позже это приняло форму полного упрощения существующего законодательства, истории и фактов, чтобы положить начало чеканке монет по самой простой и наилучшей системе в качестве основы для возобновления. Поскольку у нас тогда не было денег, у нас были развязаны руки, чтобы поставить систему на наилучшую основу, не нарушая никаких личных прав или интересов. То, что это был мудрый и обоснованный курс в сложившихся обстоятельствах, не вызывает сомнений. Три года спустя, из-за роста курса доллара и падения курса серебра, получилось так, что четыреста двенадцать с половиной гран серебра, девять десятых пробы, стоили чуть меньше доллара в долларовом эквиваленте. Таким образом, старый вариант, если бы он все еще существовал, был бы преимуществом для должников. Затем начались жалобы и требования о восстановлении действия опциона, но предоставлять такой опцион после того, как рынок изменился, означало бы играть с загруженными кубиками. Европейские страны, которые все еще сохраняли этот опцион, отменили его, как только серебро начало падать, и мы, если бы сохранили его открытым до этого времени, должны были бы сделать то же самое.

Чередуйте разорение должников и кредиторов.

Инфляция Гражданской войны оказала ужасное воздействие на всех кредиторов по непогашенным контрактам 1862 года. Возобновление платежей в денежной форме оказало аналогичный эффект на должников по контрактам, заключенным между 1868 и 1878 годами. Гринбекизм и обесценивание серебра были вызваны сопротивлением этой операции. Сегодняшние должники - это не должники того периода. Долги того периода погашены. Боль и напряжение были перенесены. Кредит Соединенных Штатов был установлен, валюта восстановлена, и весь бизнес страны в течение семнадцати лет был полностью основан на золотом долларе, поскольку доллар учитывал все операции вообще. Население страны сейчас в два с половиной раза больше, чем было во время войны, и ее богатство, вероятно, намного больше. непогашенные в настоящее время долги, за незначительными исключениями, были погашены после возобновления платежей в денежной форме. То, что сейчас предлагается, - это вступить в новый период чередования несправедливости сначала по отношению к кредиторам, затем к должникам и так далее, и сделать это в мирное время, не из какой-либо политической необходимости, а на основании некоторых экономических интерпретаций рыночных фактов,

которые не поддаются проверке и доказыванию, если они не являются явно ошибочными и предвзятыми. Результатом различных компромиссов с серебром является то, что валюта становится еще более запутанной, чрезмерной и запутанной, так что немногие могут ее понять, и это дает всевозможные возможности для извращенных и вредительских интерпретаций.

Демонетизация не вывела Деньги из употребления.

Закон 1873 года никогда не выбрасывал из обращения ни одного серебряного доллара или другой валюты. Мы слышим, как утверждается, что "демонетизация" уничтожила половину народных денег. Это говорят люди, которые ничего не знают о фактах, но делают вывод, что демонетизация должна означать, что у некоторых серебряных долларов, которые были деньгами, был отнят этот символ. Ни одна из других демонетизаций, произошедших в Европе примерно в то же время, не уменьшила количество используемых денег. Результатом изменений 1873-1874 годов стало то, что количество серебряных монет, находившихся в обращении в Европе, значительно увеличилось и с тех пор остается таким.

Возобновление платежей в денежной форме после 1873 года рядом стран, которые выпускали бумажные деньги в предыдущий период, а также альтернативное расходование и повторный сбор военных запасов золота имели гораздо большее значение, чем демонетизация.

В течение пятидесяти лет количество чеканенных денег в мире не уменьшалось, а неуклонно и быстро увеличивалось. В производстве золота и серебра наблюдались колебания, которые присущи производству всех металлов и неизбежны.

Предполагаемая борьба за золото.

Не было никакой "борьбы за золото". Те, кто не ставит никаких препятствий на пути золота, получают его больше, чем хотят. В последнее время у Банка Англии был самый большой запас золота, который у него когда-либо был, и начали поступать жалобы на его избыток. Добыча золота за последние пять лет является самой большой из когда-либо известных, и нет никаких опасений, что его не будет, в каком бы смысле кто-либо ни говорил о "недостатке". Никакого "дефицита золота" нет и не было. Такого просто не может быть, за исключением случаев, когда бумаги выпущены в избытке, так что трудно сохранить достаточно золота, чтобы выкупить их.

Доказательство того, что дефицита золота не было.

Есть одно доказательство того, что в течение последних двадцати пяти лет не было недостатка в деньгах, которое действительно не прошло незамеченным, но которому не уделялось того внимания, которого оно заслуживает; это норма процента. Процентная ставка обычно обусловлена спросом и предложением ссудного капитала и не имеет ничего общего с деньгами. Ценность денег определяется ценами, а не процентной ставкой. Но всякий раз, когда возникает особый спрос на расчетные деньги, то есть на средства для погашения долгов, норма процента на капитал превращается в ставку для средства для погашения долгов. Банки предоставляют капитал в его наиболее универсальной форме, то есть в виде валюты, или расчетных денег, или банковских кредитов. Если кредит не удастся получить, как во время кризиса и паники, требуются реальные наличные на счете. Теперь они ссужаются под определенный процент теми же лицами и учреждениями, которые раньше ссужали капитал, и

одно явление переходит в другое без какой-либо демаркационной линии. Однако переходный период происходит только во время кризиса и, следовательно, с *высокими* темпами. Из этого определенно следует, что никогда, когда рыночная ставка *низкая*, она не может быть ставкой для платежеспособного лица по долгам. Так вот, с 1873 года, за исключением периодов особой строгости в 1884, 1890 и 1893 годах, у нас были очень низкие процентные ставки; ставка по займам до востребования (которые в этой связи являются наиболее важными) составляла около двух процентов. Это демонстрация того, что страна не страдала от кризиса из-за нехватки валюты для обычных нужд бизнеса. С другой стороны, можно было бы представить доказательства того, что валюта в течение последних шести лет постоянно находилась в избытке, за исключением 1893 года, когда кредит валюты на какое-то время обвалился.

Как стать бедным и богатым одновременно.

Мистер Сент-Джон пробует свои силы в определении взаимосвязи между ценами и процентами в связи с нашей темой. Он говорит: “Если доллар можно удешевить за счет увеличения количества долларов, так что на каждый доллар будет покупаться меньше пшеницы, то рост цен на пшеницу увеличит спрос на доллары для инвестиций в ее производство”. Очевидно, он не проводит различия между повышением цен на пшеницу с одного золотого доллара до двух золотых долларов за бушель и повышением цен на пшеницу с одного золотого доллара до двух пятидесятицентовых серебряных долларов за бушель. Первое, несомненно, стимулировало бы производство. Второе сделало бы то же самое среди фермеров, разделяющих замешательство мистера Сент-Джона по этому вопросу. Таких было бы много. Они воображали, что разбогатели, выращивая пшеницу для продажи по цене двух серебряных долларов, или пяти, десяти, пятнадцати или двадцати бумажных долларов, по мере дальнейшего обесценивания. Следовательно, как он говорит, они заплатили бы банкиру восемь, десять, двенадцать или пятнадцать процентов в обесценившихся долларах, чтобы получить “деньги”, как он это называет, на которые можно выращивать пшеницу. Мистер Сент-Джон считает, что это означало бы, что фермер и банкир оба были великолепно процветающими. Это означало бы, что реальная стоимость, которая поступала, неуклонно росла меньше, чем та, которая уходила, так что капитал расходовался. Отсюда высокие темпы инфляции и катастрофа, которая следует за осознанием истины. В революционные времена рассказывали историю о человеке, который вложил свой капитал в бочку рома, которую распродал по огромной цене — в континентальной газете; но когда он пошел покупать новую партию, на все его “деньги” можно было купить только бочку. Это он продал в розницу по другой огромной цене — в Continental, — но когда он пошел покупать еще, у него было денег только на галлон. Если бы он занял свой первый капитал, то, возможно, заплатил бы за него двадцать процентов — в “Континентале”, — но банкир вряд ли завел бы хорошее дело.

Монополия на Деньги.

Мы слышим утверждения, что золотой стандарт дает владельцам золота власть присваивать деньги и делать их дефицитными, и что они использовали эту власть. Почему же тогда при серебре или бумаге держатели серебра или бумаги не могут сделать то же самое? То, что держатели золота этого не сделали, было показано выше. Но никто не может сделать этого ни с какими ценными деньгами. Нет “держателей золота”. Тот, у кого есть золото, не выигрывает от него. Банкиры, которые, как предполагается, должны владеть ими, если воцарятся мир и безопасность, выдают все это займы, чтобы получить на этом прибыль. Когда не царят мир и

безопасность, гасить их небезопасно, и заемщики, опасаясь заниматься новыми предприятиями, не предъявляют на них спроса. Более того, наибольшую прибыль можно получить, держа деньги наготове для покупки недвижимости, когда наступит кризис. Именно этим сейчас занимаются те, у кого есть излишки. Следовательно, “держателей золота” не существует до тех пор, пока денежные угрозы и опасности не призвут их к существованию. Серебряное законодательство произвело их очень много. Закон 1873 года не произвел ни одного.

Следовательно, нет ни одного факта или вывода о законе 1873 года или истории рынка с тех пор, которые выдвинули серебряные люди, которые выдержали бы проверку.

ОДНОВРЕМЕННОЕ ОБРАЩЕНИЕ ЗОЛОТА И СЕРЕБРА [1878]

Кажется, что Соединенным Штатам было суждено стать ареной для экспериментальной проверки каждой логической ошибки в отношении денег, которая когда-либо выдвигалась. Несколько лет назад лишь очень немногие люди здесь когда-либо слышали о “двойных стандартах” или знали, что это значит. В 1873 году мы просто и отчетливо стали “золотой страной” с юридической точки зрения, какой и были на самом деле в течение сорока лет. Сразу после этой даты серебро начало падать в цене по отношению к золоту, так что, если бы мы придерживались “двойных стандартов” и нас не удерживали соображения чести, морали и общественного кредита, которые удерживали страны с двойными стандартами от такого курса, мы могли бы с преимуществом выплатить наши долги серебром. Немедленно все те люди, которые до этого ломали себе голову, чтобы разработать какой-нибудь план возобновления работы без боли и жертв, обратили свое внимание на серебра и начали разрабатывать планы возвращения на позиции, которые, как они думали, мы неразумно покинули. Следствием этого стало то, что за последний год в стране появилось бесчисленное количество редакционных статей, эссе, лекций и речей, полных самой грубой софистики и самых поразительных ошибок в отношении всех элементарных доктрин чеканки монет и денег. Излюбленной целью всех этих схем является поиск каких-либо средств увеличения количества денег, имеющихся в распоряжении мира или этой нации, с тем чтобы повысить цены и облегчить выплату долгов. Эти схемы стали отправной точкой в рассуждениях некоторых европейских экономистов. В Европе предложения экономистов, о которых идет речь, никогда не выходили за рамки спекуляций и теоретических дискуссий среди профессиональных экономистов. Некоторые считали их, вероятно, обоснованными и способными лечь в основу выгодного законодательства. Другие, превосходящие их числом и авторитетом, считали их нездоровыми. Поскольку они предполагают международный союз чеканки монет между всеми цивилизованными странами и могут быть подвергнуты эксперименту только в масштабах, сопряженных с неизмеримыми рисками, подавляющее большинство пришло к выводу, что о них не может быть и речи. Здесь, однако, наши любители и эмпирики спешат провести эксперименты без каких-либо условностей о чеканке монет или при содействии лишь

нескольких и менее значительных наций, то есть в условиях, которые даже самые крайние биметаллисты осуждают как губительные.

Таким образом, следует отметить, что за всей этой популярной дискуссией стоит чрезвычайно деликатный научно-технический вопрос. Я мог бы даже сказать, что это спекулятивный вопрос, или вопрос спекулятивной экономики, поскольку у нас нет опыта международного союза чеканки монет или одновременного обращения металлов. Мы должны представить себе предлагаемое положение вещей *иаприори* рассуждать о том, каким должен быть результат. Во всех этих схемах есть постулат, который никогда не высказывался и не обсуждался, но который считается истинным. Оно имеет две различные формы: (1) Одновременное обращение золота и серебра может быть установлено в любой стране; (2) Одновременное обращение золота и серебра может быть установлено монетным союзом всех цивилизованных наций. Эти постулаты, или мы можем сказать этот постулат, поскольку последний включает в себя первый, я должен сейчас поставить под сомнение. Если наука о деньгах учит, что одновременного обращения металлов быть не может, то все схемы, на которые я ссылался, подлежат осуждению. Более того, этот вопрос приобрел такое непосредственное и практическое значение в стране, что он больше не является предметом академических дискуссий среди экономистов, мнения которых могут незначительно расходиться.

Сенат Соединенных Штатов только что принял законопроект, содержащий следующее положение:

“Сек . 2. Что немедленно после принятия настоящего закона Президент предложит правительствам стран, входящих в так называемый Латинский союз, и таких других европейских государств, какие он сочтет целесообразными, присоединиться к Соединенным Штатам на конференции для принятия общего соотношения между золотом и серебром с целью установления международного использования биметаллических денег и обеспечения неизменности относительной стоимости этих металлов; такая конференция должна быть проведена в таком месте в Европе или в Соединенных Штатах в такое время в течение шести месяцев, которое может быть взаимно согласовано руководителями правительств, присоединяющихся к ней. Всякий раз, когда приглашенные таким образом правительства или любые три из них выразят готовность объединиться в одном лице, Президент по совету и с согласия Сената назначает трех уполномоченных, которые будут присутствовать на такой конференции от имени Соединенных Штатов и будут докладывать о ее работе Президенту, который передаст то же самое Конгрессу”.

Концепция, лежащая в основе этого законодательства, достаточно проста. В нем предлагается обеспечить одновременное обращение двух металлов в фиксированном соотношении международным соглашением. Предложение состоит в том, чтобы провести эксперимент, когда на это согласятся только три страны, кроме нас, и тем временем отремонтировать серебро здесь по цене шестнадцать к одному, когда рыночное соотношение составляет семнадцать с половиной к одному. Это усиливает абсурдность законопроекта, но не имеет никакого отношения к моему нынешнему спору. Я оспариваю постулат, который предполагается, который никогда не обсуждался, а тем более не доказывался, что параллельное распространение возможно, если удастся создать международный союз. Любой, кто признает это, признает, на мой взгляд, фундаментальную и определяющую ошибку в увлечении серебром. Если признать эту предпосылку, дальнейших споров на арене науки быть не может. Остается только

попытаться преодолеть практические трудности. Такой вопрос я поднимаю перед теми, кто, с какими бы то ни было оговорками, допускает, что параллельное распространение возможно. В кругу джентльменов-ученых мне достаточно сослаться на вред, наносимый науке допущением истинности постулатов без проверки, и мне не нужно приносить извинений за то, что я со всей возможной силой и энергичностью выдвигаю полемику по столь важному вопросу. Мой долг сказать, что я, возможно, ошибаюсь, и я имею несчастье расходиться здесь во мнениях с джентльменами, с которыми я редко и неохотно соглашаюсь, но никто не будет отрицать, что, хотя существуют разногласия по столь важному вопросу, и в момент, когда предлагаются практические меры, имеющие большое значение для каждого человека в этой стране, основанные на определенных взглядах на этот вопрос, я прав, поощряя дискуссию. Я хочу, чтобы меня поняли как человека, проявляющего полное уважение ко всем, но я обращаюсь к самому себе без комплиментов, отвечая на поставленный вопрос. Я буду удовлетворен, если создам впечатление, что у меня есть веские основания для той позиции, которую я занимаю в результате длительного, тщательного и зрелого изучения этого вопроса во всех его аспектах.

Мы сэкономим время и пространство, если, прежде чем перейти к моей теме, я попытаюсь прояснить два момента: (1) что такое экономическая сила или экономический закон и как мы должны приступить к изучению экономических явлений? (2) Что такое законное платежное средство?

(1) Какой должна быть наша концепция экономической силы или экономического закона и как мы должны изучать экономические явления? Некоторые люди, по-видимому, думают, что экономические явления представляют собой область произвольных и искусственных действий. Они думают, что социальные явления любого рода подвержены случайности или контролю. Они не видят последовательности между инцидентами такого рода. У них нет представления об общественных силах. Они думают, что экономические законы - это всего лишь формулы, установленные путем объединения определенного количества фактов воедино, подобно правилу в грамматике, и они готовы к тому, что им будет следовать список исключений. Эта концепция в ее более грубых формах сейчас изгнана из науки, но она по-прежнему прочно удерживает общественное мнение. Это также все еще является предметом множества научных дискуссий, а именно тех, кто стремится продвинуть науку вперед, прослеживая сложные случаи, вызванные совместным действием экономических сил в нашей современной промышленной жизни, и подробно описывая их. На мой взгляд, все подобные усилия ошибочны.

Я рассматриваю экономические силы просто как параллельные физическим силам, возникающие так же спонтанно и естественно, следуя причинно-следственной последовательности так же неизбежно, как и физические силы — ни больше, ни меньше. Пертурбации и сложности, которые проявляются в социальных явлениях, строго аналогичны тем, которые проявляются в физических явлениях. Социальный порядок, на мой взгляд, является продуктом социальных сил, всегда стремящихся к равновесию в некоторой идеальной точке, точка эта постоянно меняется в зависимости от постоянно меняющегося количества или скорости сил или их новых комбинаций. Следовательно, я не верю, что прогресс экономической науки зависит от более полного и детального описания сложных социальных явлений в том виде, в каком они проявляются в опыте, но от более строгого их анализа с целью получения более близкого и ясного знания законов, по которым действуют силы, их производящие. Если этого удастся достичь, то все сложности, возникающие в результате их

совместного действия, будут легко разрешены. Конечно, нам приходится сталкиваться с особыми трудностями, поскольку мы не можем проводить эксперименты, и необходимо в значительной степени полагаться на исторические случаи, которые представляют то одну, то другую силу или набор сил в особом свете. Однако факты, свидетельствующие о сложности этой задачи, не имеют ничего общего с ее природой.

Согласно этому взгляду на вопрос, в экономике не больше оснований довольствоваться общими понятиями, чем в физике. Некоторые авторы экономических статей, которые гордятся своим нежеланием заниматься наукой, напоминают мне мистера Брукса из “Мидлмарча”. Они верят во все до определенного момента и всегда боятся зайти слишком далеко. Они были бы осторожны с таблицей умножения и не слишком настаивали бы на правиле трех. Они не делают различий между тщательностью в применении правил и уверенностью в научных результатах; или между жесткостью в личных отношениях и твердыми убеждениями в науке. Чем больше мы начинаем понимать экономическую науку, тем яснее становится, что мы имеем дело всего лишь с другим представлением материи и силы, то есть с количеством и законом, так что у нас есть математические соотношения и есть все основания для строгости и точности наших методов. Поэтому, когда говорят, что экономисты не уделяют достаточного внимания силе законодательства, на этом аргумент не останавливается, так же как в физике не было бы места для утверждения, что трению не уделялось достаточного внимания. Тогда возникает вопрос: какова сила законодательства? Давайте изучим его точно так же, как мы продолжили бы изучать трение в механике. Когда в общих чертах говорится (как будто это уводит тему в сторону), что у мужчин есть страсти и эмоции, и они действуют не по правилам, возражение вообще неуместно. Это связано с другим широким и распространенным, но очень ошибочным представлением о том, что экономические законы предполагают определенный стресс, обязывающий людей делать определенные вещи или воздерживаться от них. Я полагаю, что это понятие возникает из классификации политической экономии среди моральных наук. Экономические законы декларируют только причинно-следственные связи, которые последуют, если их привести в действие. Приводит ли человек эту последовательность в движение вообще или нет, и если он это делает, то делает ли он это по страсти, привычке или по размышлению, не имеет значения. Так обстоит дело, насколько я понимаю, со всеми науками. Они просто инструктируют людей относительно законов этого мира, в котором мы живем, чтобы они могли знать, чего ожидать, если изберут тот или иной курс, или они инструктируют людей для того, чтобы они могли понять взаимосвязь явлений с силами, находящимися вне нашего контроля, чтобы мы могли предвидеть вред и уберечься от него. Из всего этого следует, что я требую и стремлюсь к такому же тщательному мышлению в политической экономии, как и в любой другой науке. Я думаю, мы должны попытаться как можно тверже усвоить принципы и фундаментальные законы, и что, особенно перед лицом спекулятивных предположений, мы должны цепляться за твердо установленные законы науки и доверять им.

(2) Что касается законного платежного средства, мне кажется, что общественное сознание было прискорбно сбито с толку режимом бумажных денег. Деньги - это любой товар, который по общему согласию выделен для использования в качестве средства обмена. Если это товар, то он будет обмениваться по законам стоимости и, следовательно, будет служить для измерения стоимости. Следовательно, это должен быть товар, объект желания, требующий непосильных усилий для его получения. Теоретически это может быть любой товар. Вопрос о том, какой товар является вопросом удобства — тот, который лучше всего отвечает поставленной цели. В результате длительного периода экспериментов мы пришли к использованию золота или

серебра просто потому, что нашли их лучшими. Удобство здесь породило обычай, а золотые или серебряные деньги обязаны своим существованием исключительно обычаю, а вовсе не закону. Закон лишь в очень немногих случаях даже выбирал тот из двух металлов, который следует использовать. Даже это произошло благодаря обычаю. Следовательно, закон здесь, как и везде, где он был благотворным и не произвольным, следовал обычаю, признавал его, ратифицировал и применял к нему санкции. (1) Таким образом, закон о законном платежном средстве, в котором используются обычные деньги, просто провозглашает, что стороны договора не должны досаждать друг другу произвольным отступлением от обычая. Кредитор не должен требовать, а должник не должен предлагать, назло или по злему умыслу, ничего, кроме обычных денег нации. Такой закон о законном платежном средстве не имеет никакого значения. Никто не думает об этом, не говорит об этом и не принимает это во внимание, если только он не один из тех, чьей праздной злобе это мешает.

(2) Закон о законном платежном средстве используется, когда вспомогательная токеновая валюта используется как часть системы, чтобы помешать должникам использовать ее для оплаты и предотвратить обесценивание денег системой. В данном случае это часть устройства для использования токенов и возражений не вызывает. Это проверит должника, когда он намеревался совершить правонарушение. Это не позволило бы ему сделать ни одного из них.

(3) Однако закон о законном платежном средстве очень часто использовался для принудительного обращения обесценившейся валюты, не имеющей практически никакой ценности как товар. В этом случае закон о законном платежном средстве позволяет должнику выполнить свои обязательства за счет меньшего количества товаров, чем он и кредитор понимали и ожидали при заключении контракта. Если кредитор обращается в суды, они обязаны вынести решение о том, что должник исполнил свое обязательство, в то время как он этого не сделал, и они не предоставляют кредитору никакой помощи. Следовательно, представляется, что закон о законном платежном средстве, вводящий в принудительное обращение обесценившуюся валюту, сводится просто к следующему: он лишает одну сторону контракта защиты судов и оставляет ее на милость другой стороны в зависимости от обесценивания валюты. Очевидно, что ни один другой законодательный акт не изменяет более полно весь надлежащий объект законодательства или более основательно не подрывает гражданский порядок. Англичане приняли два или три закона такого характера, хотя они не были специально направлены на то, чтобы сделать банкноты законным платежным средством, во время приостановки деятельности банков в начале этого столетия. Было бы интересно посмотреть, что сделали бы английские суды с актом, который перевернул бы весь дух английского права, умаляя права одной из сторон по контракту, и который превратил суды в инструмент для его угнетения, а не в институт, предоставляющий средства правовой защиты, но никакого дела не последовало. Двенадцать судей в апелляционном порядке отменили приговор мужчине, признанному виновным в скупке и продаже золота с наценкой. Несколько человек требовали и получали выплаты золотом на протяжении всего периода приостановки, но бумажное обращение действительно поддерживалось общественным мнением и согласием, поскольку считалось, что приостановка деятельности банка была необходима. Таким образом, эта форма законного платежного средства полностью отличается от описанной ранее. Я называю это, в целях дискриминации, принудительным обращением. Когда закон о законном платежном средстве, вводящий в принудительное обращение обесценившуюся валюту, впервые принимается, если он применяется к существующим контрактам, он переводит процент от всего капитала, задействованного в кредитных операциях, от кредитора к должнику.

В своем последующем действии он подвергает любую сторону колебаниям, которые могут возникнуть при принудительном обращении, грабя сначала одну, а затем другую. Следовательно, интерес должника заключается в том, чтобы однажды начавшееся обесценивание продолжалось неуклонно, потому что любое восстановление обесценило бы должников, как в первую очередь были обобраны кредиторы.

Рассмотрев эти два пункта, я теперь возвращаюсь к вопросу, который я предложил в самом начале: возможно ли одновременное обращение золота и серебра в рамках международного союза чеканки монет?

Здесь мы должны провести радикальное различие между двумя различными предложениями о международном монетном союзе. Первое принадлежит М. Вольски. Он указал на сравнительно небольшие колебания цен на драгоценные металлы и на эффект, которого Франция добилась благодаря двойным стандартам, и сделал вывод, что если бы все цивилизованные страны присоединились к Франции в ее системе, они могли бы остановить падение цен на любой металл до того, как он станет важным. Если бы монетный союз установил соотношение один к пятнадцати с половиной, то в случае падения цен на серебро все использовали бы серебро, что остановило бы его падение. В случае падения цен на золото все использовали бы золото. Поскольку используемый металл всегда был бы дешевле установленного законом коэффициента, другой был бы выше его, если можно так выразиться. Следовательно, ни один из них не был бы окончательно демонетизирован, потому что ни один из них не мог пасть так низко, чтобы выйти из употребления. Одновременно будет использоваться только один, но другой будет в пределах досягаемости, и если какой-либо из них подорожает относительно сырьевых товаров, должники не пострадают, а могут даже извлечь выгоду, получив возможность обратиться к падающему металлу. Эта система не требовала бы от закона ничего, кроме предписания, чтобы монетный двор чеканил монеты из любого металла, независимо от того, какой люди могут принести с собой, при этом серебряные монеты делались в пятнадцать с половиной раз тяжелее золотых монет того же достоинства, причем обе были одинаковой пробы. Это план Вольски, и это те преимущества, которые он ожидал от него. Он думал, что это позволит сохранить открытой альтернативу между двумя металлами. Он опасался, что серебро, если его повсеместно демонетизировать, упадет так низко, что полностью выйдет из употребления в качестве денег. Он считал, что Франция, а позже и Латинский союз не должны в одиночку нести расходы по поддержанию стоимости серебра. Он считал, что должник не должен быть угнетен из-за того, что его заставляют полагаться только на один металл, который может подорожать по отношению к товарам. Он не предлагал предоставить должнику в пользование всю массу обоих металлов одновременно. Действительно, такое соглашение противоречило бы целям Вольски, поскольку, если бы вся масса обоих металлов могла быть введена в употребление одновременно, цены бы выросли. Те, у кого сейчас есть долги, выиграли бы, но когда цены и кредит приспособились бы к биметаллическим деньгам, эффект был бы исчерпан. Долги, возникшие после этого, были бы относительно такими же тяжелыми для выплаты, как и сейчас, и если бы драгоценные металлы, взятые вместе, подорожали по сравнению с сырьевыми товарами, должникам не пришлось бы прибегать ни к чему другому. Теперь, когда уровень ценности повысился, этот шанс обращения был именно тем, чего хотел Вольски. Его язык очень осторожен и научен. Он никогда не заходил дальше, чем говорил, что его схема будет сдерживать и ограничивать колебания металлов — насколько далеко, он не знал и не претендовал говорить. Он думал, что колебания будут настолько незначительными, что переход с одного металла на другой принесет

облегчение должникам без какой-либо ощутимой несправедливости по отношению к кредиторам. Все это очень ясно и очень разумно. Теоретически это не вызывает радикальных возражений. Обсуждение этого вопроса сводится к соображениям осуществимости. Очень хотелось бы, чтобы этот план назывался своим собственным именем: альтернативный стандарт, или, еще лучше, альтернативный стандарт. Среди ее приверженцев немало сильных людей, и многие другие выразили согласие с ней на теоретических основаниях.

Термин “биметаллизм” следует ограничить другой теорией, сторонником которой является Чернушки, целью которой является одновременное объединение двух металлов в обращении и предоставление должникам всей массы обоих металлов в качестве платежного средства. Чернуски считает, чтомеждународный монетный союз мог бы полностью остановить колебания металлов; или что существует некоторый узкий предел колебаний, в пределах которого оба варианта оставались бы в употреблении, и что монетный союз мог бы удерживать колебания стоимости металлов в этих пределах. Американские схемы многочисленны и настолько примитивны, что их трудно анализировать или классифицировать. Они также бывают самых разных сортов. Однако все они, по-видимому, имеют то общее, что они хотят обеспечить должнику использование обоих металлов одновременно и что они нацелены на одновременный оборот. Следовательно, они должны быть отнесены к биметаллизму. Все эти схемы включают не только то, что сказал Воловски — что законодательство и профсоюзы могли бы ограничить колебания, — но и то, что предлагающие знают, насколько это их ограничит, и они могут контролировать результаты. У этой точки зрения очень мало приверженцев в Европе. Она не обсуждалась там, за исключением одного или двух авторов. Об этом умалчивают по причинам, которые я скоро покажу.

Было высказано мнение, что эти два положения различаются только по степени. С этим мнением я должен выразить свое серьезное несогласие. Это самый кардинальный пункт моей нынешней аргументации. Альтернативный стандарт Воловски, как мне кажется, основан на убеждении, что предлагаемое законодательство такого рода ограничило бы колебания стоимости металлов. Это подтверждает, что законодательство будет иметь определенную тенденцию. Любой план одновременного обращения, дающий должникам возможность использовать всю массу обоих металлов, претендует на то, чтобы сказать, как далеко зайдет тенденция и каковы будут ее результаты. На мой взгляд, разница между этими двумя утверждениями заключается в разнице между научным и ненаучным утверждением. Перед нами параллельный случай. Некоторые говорят, что повторная монетизация приведет к росту курса серебра. Другие говорят, что повторная монетизация сделала бы четыреста двенадцать с половиной серебряных зерен доллара равными по стоимости золотому. Совпадают ли эти два предложения, за исключением степени? Мне кажется, что только очень поверхностное рассмотрение их могло бы так заявить. Очевидно, что они различаются по качеству больше, чем по степени. Первое из этих утверждений в принципе не является ложным; вопрос в отношении него должен решаться в зависимости от обстоятельств. Второе ложно от начала до конца и было бы ложным, даже если бы временно и в силу обстоятельств серебряный доллар сравнялся с золотым долларом, потому что оно основывается, подобно старой доктрине о том, что природа не терпит вакуума, на ложных взглядах на все задействованные силы. Точно так же в отношении параллельного обращения или биметаллизма по сравнению с альтернативным стандартом. Последний предсказывает тенденции, возникающие в результате игры определенных сил. Эти тенденции являются истинным результатом действия этих сил. Может быть поднят вопрос, приведут ли предлагаемые средства эти силы в действие, будут ли они столь велики, как

ожидается, будут ли им противодействовать другие, но нет никакой ошибки относительно природы и действия экономических сил. Биметаллизм предсказывает результаты, а не тенденции. Он предполагает измерение последствий и определение того, что приведет к постоянному положению вещей. Следовательно, он предполагает доктрину о том, что законодательство может управлять природными силами для достижения определенных результатов. Если законодательство не может таким образом контролировать природные силы, то мы не можем обеспечить одновременное обращение, предоставляя должнику возможность использовать всю массу обоих металлов для оплаты своих долгов. В такое время, как это, когда серебряное увлечение, кажется, заявляет о себе как мания, считая тех, кто должен быть наиболее стойким в своей приверженности экономическим законам и наиболее ясным в своем восприятии экономических истин, меня можно простить за то, что я наиболее настойчиво настаиваю на этом различии и на его важности. Многие американские писатели были введены в заблуждение из-за того, что не изучили эти два плана и не провели между ними достаточно тщательного различия. Очень часто можно увидеть аргументы, основанные на альтернативном стандарте, и выводы, сделанные относительно биметаллизма, которые полностью ошибочны, потому что они пересекают пропасть между двумя теориями, не признавая этого. Биметаллизм настолько явно противоречит фундаментальным доктринам политической экономии, что лишь немногие европейские экономисты сочли нужным обсуждать его. Здесь дело обстоит иначе, и чем больше оснований оно завоевывает и чем больше существует опасность того, что оно повлияет на законодательство, тем острее становится необходимость противостоять всем его формам.

Теперь мое предположение состоит в том, что одновременное обращение, то есть постоянное соединение двух металлов при чеканке монет, так что должник может использовать оба или любой из них, невозможно. Постоянная стабильность металлов при чеканке монет, независимо от того, с международным союзом чеканки монет или без него, так же невозможна в экономике, как вечный двигатель в физике. Против вечного двигателя физик выдвигает широкое и полное отрицание, потому что действие и противодействие равны. Его не волнует, на каком принципе кто-либо может попытаться сконструировать вечный двигатель. Если кто-нибудь принесет ему вечный двигатель, возможно, он потратит время на то, чтобы изучить и проанализировать его и показать, как это противоречит великому закону движения. Я утверждаю, что одновременное обращение невозможно ни по какой схеме и ни при каких обстоятельствах, потому что это противоречит закону ценности. Ценность колеблется в зависимости от спроса и предложения в пределах, установленных тем, что Кэрнс называет издержками производства, или Джевонс называет конечным приращением полезности, или Вальрас называет дефицитом, и при анализе окажется, что все это одно и то же. Биметаллизм утверждает, что в соответствии с законодательством, хотя спрос и предложение могут меняться, стоимость неизменна. Чтобы проверить это, давайте далее рассмотрим влияние законодательства на стоимость.

Все случаи, когда законодательство воздействует на стоимость, являются случаями монополии. Так обстоит дело с символическими деньгами; так обстоит дело с невозвратной бумагой. Как и в случае с любой другой монополией, успешное манипулирование этими монополиями заключается в контроле предложения, чтобы привести предложение в соответствие со спросом по цене, которую хочет получить монополист. История каждой монополии показывает огромную трудность, я бы сказал, в долгосрочной перспективе невозможность сделать это. Биметаллисты предлагают не воздействовать на предложение и, таким образом, создать монополию, а действовать в соответствии со спросом. Это новое применение законодательства, отличное от

любого из ранее опробованных и не гарантированное никаким опытом. Итак, действовать в соответствии со спросом - это, по выражению биржевых брокеров, подстраховаться, то есть купить все, что предлагается, по определенной цене. Биржевые игроки делают это для того, чтобы снова продать акции с авансом тем, кто вынужден покупать. Если нет никого, кто вынужден покупать, то те, кто купил выше рынка, потеряли свой капитал. Предложения сторонников альтернативного стандарта и биметаллизма схожи в том, что все цивилизованные нации должны объединиться, чтобы создать угол на падающем металле. Достойно ли это начинания или нет, я не буду останавливаться, чтобы узнать. Очевидно, что странам союза чеканки монет не на кого было бы разгрузиться после того, как они совершили покупку, и что сделка привела бы к неизбежным потерям и растрате капитала. Это, однако, не все. Угол эффективен или нет в зависимости от его масштаба. Она должна охватывать весь объект, подлежащий удорожанию, и, прежде всего, она должна воздействовать на ограниченное количество, которое не подпитывается из какого-либо нового источника поставок. Борьба с драгоценными металлами не может быть эффективной даже при объединении усилий всех цивилизованных наций. На мой взгляд, есть большая ошибка в представлении о том, что монетный союз сделал бы то же, что сделала Франция, только в большем масштабе. Воловски видел, как Франция, лежащая между Германией, серебряной нацией, и Англией, золотой нацией, проводила компенсационную операцию, и он сделал вывод, что все страны могли бы согласиться сделать то же самое, более широко, более легко и с более широким распределением потерь. Мне кажется, что здесь имело место действие и реакция между членами группы наций, которые легко понять, но если бы все нации объединились в систему, чередование вообще не сработало бы из-за отсутствия точки реакции. Если бы все страны согласились присоединиться к борьбе с падением цен на металл, они не смогли бы все одновременно удовлетворить свой новый спрос на новое предложение. Поскольку количество рудников ограничено и они локальные, новое предложение поступит на рынок только в какой-то момент. Следовательно, объединение чеканки монет вообще не подразумевает объединения сил. Сделайте так, чтобы союз охватил весь мир, и эффект будет точно таким же, как если бы его вообще не было, дело просто в естественных законах распределения драгоценных металлов. Контроль спроса со стороны узкого круга или предложения со стороны монополии действует тем эффективнее, чем меньше и ближе рынок, и, наоборот, чем крупнее и шире сделка, тем меньше эффективность. Кроме того, корнер, чтобы добиться успеха, должен убедиться в отсутствии источника поставок и в том, что он должен иметь дело только с количеством, которое может быть вычислено. Золотой уголок в "Черную пятницу" 1869 года был разрушен, когда министр финансов распорядился о продаже золота. Аналогично, монополист должен иметь возможность рассчитывать на устойчивый и равномерный спрос. Объединение угольных компаний потерпело крах, когда в трудные времена внезапно сократился спрос на уголь. Следовательно, движение к более широкому рынку, охватывающему большее количество товаров, всегда является движением к меньшему, а не к большему контролю с помощью искусственных средств.

Применяя эти наблюдения к рассматриваемому нами вопросу, я должен сказать, что (1) я считаю вывод о том, что монетный союз будет делать то, что Франция делала при двойных стандартах, только более уверенно и эффективно, совершенно ошибочным; (2) что касается альтернативного стандарта, я вообще не верю, что его замена сработала бы в мировом масштабе. Я считаю, что его действие во Франции полностью объясняется отношениями трех стран, Англии, Франции и Германии; (3) что касается биметаллизма, то монетный союз, вместо

того чтобы установить более строгий контроль, чтобы противодействовать и свести на нет влияние изменений в поставках того или иного металла, имел бы меньший эффект в этом направлении, чем больше он был.

Рассмотрев таким образом природу искусственных вмешательств в стоимость и их ограничения, я возвращаюсь к своему утверждению, что установить параллельное обращение так же невозможно, как выровнять круг или изобрести вечный двигатель. Без сомнения, трудно, возможно, невозможно, продемонстрировать подобное негативное суждение следующим образом. Бремя доказывания лежит на тех, кто выдвигает попытки решить проблему, и от меня по праву можно требовать только изучения и опровержения таких попыток. Ни один из рассматриваемых лиц никогда не предлагал никаких доказательств. Ни один из них не пытался провести такой подробный анализ влияния искусственных средств на ценность, как тот, который я только что предложил. Никто из них не попытался проанализировать работу предлагаемого монетного союза, показать, как и почему они ожидают, что он будет действовать так, как они говорят. Они пренебрегают этим предположением так же легко, как наши популярные защитники серебра полагают, что повторная монетизация положит конец трудным временам. Они довольствуются аналогиями или расплывчатыми и общими предположениями о том, что такие-то и эдакие вещи могли бы возникнуть в результате объединения чеканки монет. Все мы знаем, какие опасности таятся в аргументации, основанной на аналогии. Чем дальше вы следуете ей, тем дальше вы удаляетесь от сути. Аналогия не имеет надлежащего применения, кроме как для того, чтобы пролить более ясный свет на мнение или пропозицию, достоинства которых должны основываться на соответствующей демонстрации. Таким образом, была предпринята попытка проиллюстрировать способность правительств контролировать колебания цен на металлы по аналогии с человеком, управляющим двумя лошадьми. Говорят, что это “управление природными силами для достижения определенных результатов”, и спрашивают: “если один человек в своей сфере может сделать это, почему коллективная мощь нации не может сделать это в своей сфере?” Мой ответ таков, что укрощать лошадей - дело рук человека, но не в сфере наций контролировать ценность, и поэтому аналогия в корне неверна. От меня нельзя требовать аргументации обеих сторон вопроса. Я не обязан приводить все доводы противников в надлежащую форму для обсуждения, а затем опровергать их. Я твердо придерживаюсь фундаментальных принципов науки, изучением которой я являюсь, и отрицаю, что какое-либо параллельное распространение возможно, за исключением временных и случайных обстоятельств, поскольку оно предполагает, что законодательство может контролировать стоимость для достижения желаемых результатов. Параллельное обращение должно означать параллельное обращение, и если оно должно предлагать должникам всю массу обоих металлов для оплаты их долгов, оно должно быть постоянным. Если оба металла будут использоваться в течение некоторого времени, пока цены и контракты не будут приведены к ним в соответствие, а затем один из них вырастет настолько, что выйдет из употребления, последствия для должников будут катастрофическими, превосходящими все, что сейчас предполагается.

Затем я перехожу к критике концепции параллельного обращения в связи с их общими чертами. Ошибка всех них заключается в том, что они пытаются загнать в угол товары, поставки которых находятся вне их контроля или знания. Как я уже показал, это фатальная ошибка в любом повороте. Если бы было предложено, чтобы каждая нация имела определенный объем обращения, состоящий из двух металлов в равных частях, а затем чтобы обращение было прекращено, тогда угол мог бы сработать, и в этом был бы какой-то смысл. Предположим, что

нация имеет в постоянном обращении двести миллионов долларов, наполовину золотых, наполовину серебряных, и что эта сумма не превышает ее потребности в деньгах. Тогда я не вижу, как одна половина чеканки должна упасть относительно другой; но если бы серебро действительно упало, каждый доллар серебра, который был запрошен, означал бы отказ от доллара золота, и этот обмен действовал бы на равные и ограниченные количества каждого металла. Это привело бы к снижению давления на один металл и повышению давления на другой в точно равной степени. В этом случае баланс мог бы быть сохранен. Гипотеза о замкнутой циркуляции, однако, абсурдна. Никто не думает об этом.

План одновременного обращения со свободным монетным двором при ближайшем рассмотрении на каждом шагу наталкивается на трудности такого рода, которые предупреждают ученого о том, что он имеет дело с эмпирическим и невозможным заблуждением. Как это осуществить? Движение к биметаллическому обращению никогда бы не началось, если бы соотношение чеканки монет не соответствовало рыночному соотношению. Это не продолжалось бы, если бы соотношение монетных дворов не соответствовало каждому колебанию рынка. Это не было бы достигнуто, если бы соотношение монетных дворов, наконец, не соответствовало рыночному. Оно не сохранялось бы, если бы рыночное соотношение не оставалось фиксированным. Но соотношение мятки нельзя менять время от времени. Если бы это было так, результатом была бы неразбериха с монетами, возвращающая нас к использованию весов и гирь, с помощью которых мы рассматривали монеты как слитки.

Если мы обойдем стороной эту трудность и предположим, ради аргументации, что система была приведена в действие, причины, по которым она не могла устоять, представляются в виде чисел. Все они возвращаются к тому, что поставки находятся за пределами нашего знания и контроля. Если бы предложение любого из этих металлов увеличилось, это привело бы к снижению правового статуса в тот момент, когда они были выпущены на рынок, и разрушило бы существующее там равенство. Его последствия будут распространяться в зависимости от объема нового предложения и продолжительности его сохранения. Биметаллисты, похоже, забывают, что повышенный спрос противодействует увеличению предложения, только поглощая его при колебании цен. Та же ошибка характерна для планов вечного двигателя. Спекуляции с этой целью часто упускают из виду тот факт, что мы не можем использовать силу в механике, не предусмотрев спусковой механизм, который всегда истощает силу, имеющуюся в нашем распоряжении. Таким образом, биметаллисты, похоже, думают о своем возросшем спросе как о воздействии на стоимость без реальных действий и реакции, которые заключаются в поглощении предложения при колебании цен. Таким образом, новый металл попал бы в обращение и нарушил бы равновесие металлов при чеканке монет. Если бы это новое добавление было всего лишь математическим приращением, этого было бы достаточно, чтобы установить принцип, за который я борюсь, и опровергнуть биметаллическую теорию, ибо, если я вижу, что какая-либо сила оказывает определенный эффект, я должен сделать вывод, что та же самая сила, увеличенная или продолжающаяся, привела бы к большему эффекту; и если конечный эффект не достигнут, то это потому, что силы недостаточно, а не потому, что на пути стоит законодательный акт. Если бы тогда серебро вошло в обращение, золото покинуло бы его и было бы экспортировано, если биржи разрешали какой-либо экспорт, или было бы скоплено и переплавлено. Таким образом, страны-производители серебра будут стремиться только к обращению серебра, а другие страны - к обращению золота.

Здесь задействовано другое предположение биметаллистов. Они предполагают, что металл, подлежащий экспорту, будет тем, который упадет. Таким образом, если бы все страны имели биметаллическое обращение и если бы предложение серебра в Соединенных Штатах увеличилось, было бы необходимо, чтобы это серебро было пропорционально распределено между всеми странами, чтобы поддерживать биметаллическую систему. Ни один биметаллист никогда не сталкивался с этим вопросом. Они предполагают, что в этом случае американцы оплатили бы свои внешние долги серебром, и они полагаются на закон о международном платежном средстве, чтобы обеспечить это. Это одна из ошибок, связанных с законным платежным средством, о которой говорилось в самом начале. Обменные курсы и цены сразу же изменились бы, чтобы противодействовать любой подобной операции, точно так же, как они всегда противодействуют несправедливости принудительного обращения и отбрасывают ее на плечи тех, кто пытается ее совершить. Возможно, достаточно представить дело таким образом. Если бы у нас оба металла обращались вместе, так что купец получал бы оба в практически равных пропорциях, и если бы серебро хоть немного подешевело на наших рынках из-за увеличения производства, и если бы иностранец продавал здесь свои товары, намереваясь увезти домой свои доходы в металле, какой металл он оставил бы себе, чтобы увезти? Очевидно, тот, который в то время и в перспективе имел более высокую стоимость. Обменные курсы и цены скорректировались бы сами по себе, чтобы добиться того же результата с помощью механизма финансирования. Это один из самых тонких вопросов, связанных с общей проблемой, но он жизненно важен для теории биметаллизма.

Некоторые авторы удовлетворились общими мнениями — догадками, я вынужден называть их, — что, если бы колебания были сохранены в определенных пределах, одновременное распространение сохранилось бы. Вероятно, они полагаются на элемент, аналогичный трению, который, несомненно, действует в экономике и финансах. Этот элемент состоит из привычки, предубеждения, страсти, нелюбви к неприятностям. Он действует с большой силой в розничной торговле, в отдельных случаях и при небольших сделках. Его сила уменьшается по мере продвижения к крупнейшим сделкам, где наименьшие проценты дают очень ощутимые суммы. Мне кажется, что биметаллическая система сводит это трение к минимуму. Если человеку приходится потратить доллар, он не идет к брокеру, чтобы купить торговый доллар за доллар в долларовом эквиваленте и сэкономить цент или два, но если у него в кармане есть и золотой, и серебряный доллар (а при биметаллической системе есть вероятность, что при наличии двух долларов у него будет по одному из каждого), ему нужна лишь незначительная разница в стоимости, чтобы определить, какой отдать, а какой оставить себе. Эмиссионный банк, владеющий равными количествами двух металлов для погашения своих банкнот, получил бы значительную прибыль, выдавая один и удерживая другой, и для этого не потребовалось бы ничего, кроме приказа соответствующему должностному лицу, не сопряженного с каким-либо риском вообще. Поэтому я говорю, что это трение было бы сведено к минимуму при биметаллической системе. Удивительно, какой незначительной нормы прибыли достаточно для создания финансовых движений в наши дни; и тенденция состоит в том, чтобы эти движения приводили к все меньшей и меньшей марже. Пять из тысячи выше номинала уносят золото из этой страны. Четыре к тысяче переносят его из Англии во Францию. Когда французы приостановили выплаты наличными, обесценения бумажной валюты в размере двух к тысяче было достаточно, чтобы выбросить золото из обращения. Изменение соотношения металлов от 15,5:1 до 15,6:1 составляет шесть с половиной случаев на тысячу. Я не вижу, насколько малым

должно быть отклонение, чтобы оправдать чье-либо утверждение о том, что биметаллическая циркуляция могла существовать, несмотря на это. Поэтому мне кажется, что чем точнее была установлена биметаллическая система, тем более хрупкой и легко разрушаемой она была бы, в то время как если бы она не была установлена точно, то этого бы вообще не произошло. Я утверждаю, что такой результат является одним из признаков абсурда в любой науке.

Для иллюстрации и поддержки биметаллической теории была предложена аналогия, согласно которой два сосуда с водой, соединенные трубкой, имеют тенденцию сохранять уровень. Я уже высказал свое подозрение ко всем аналогиям, но я изменю эту, чтобы она соответствовала моему представлению о биметаллизме. Предположим, что два сосуда способны в значительной степени расширяться и сжиматься под действием сил, действующих совершенно независимо друг от друга, так что изменения формы и вместимости каждого из них могут иметь все мыслимые отношения к соответствующим изменениям другого. Предположим далее, что каждый из них питается потоком воды, причем каждый поток является переменным по своему расходу, и вариации каждого из них имеют все возможные отношения к вариациям другого. Колебания пропускной способности могут представлять собой колебания спроса, а колебания притока - колебания предложения. Будет ли вода в двух сосудах находиться на одном уровне, за исключением временного и случайного, даже если два сосуда соединены трубкой? Аналогия с соединительной трубкой не могла быть допущена даже тогда, потому что она приводит в действие естественный закон равновесия жидкостей, которому юридическая связь между металлами не аналогична. Если мы хотим провести аналогию приблизительно справедливо, то в этом отношении мы можем предположить, что у каждого сосуда есть выпускное отверстие и что человек должен открывать выпускное отверстие сосуда, в котором вода находится в более высокой точке, чтобы попытаться поддерживать их оба на одном уровне. Очевидно, что его предельная бдительность была бы бесполезна для обеспечения безопасности предлагаемого объекта. Я не заимствую аналогию и не принимаю ее. Я лишь показываю, насколько это неадекватно, в предложенной форме.

Есть еще одна группа предложений, у которых есть много сторонников среди нас, о которых следует кое-что сказать, — предложения тех, кто хочет использовать серебро в качестве законного платежного средства по его стоимости, по той или иной схеме. Некоторые хотят, чтобы назначенные лица время от времени публично объявляли рыночную стоимость. Любой такой план возложил бы на соответствующих должностных лиц ответственность, которая была бы крайне обременительной, настолько, что никто не мог или не захотел бы ее выполнять; и это внесло бы вредный элемент спекуляции в выплату всех долгов. Кроме того, возможны возражения, которые могут быть выдвинуты против другого плана, который заключается в том, чтобы либо монеты, либо слитки серебра, прошедшие пробу и проштампованные, стали законным платежным средством для погашения долгов по рыночной котировке. Здесь нам нужно помнить определение законного платежного средства, данное в начале. Если эти серебряные монеты и слитки удобны для данной цели, они войдут в употребление по обычаю и с согласия по их стоимости. Если они действительно перейдут по рыночной стоимости, то должнику не будет никакой выгоды. Тот, у кого есть серебро и кто хочет выплатить долг, может сделать это по его стоимости, продав серебро. В этом смысле каждый человек, производящий пшеницу, хлопок, железо или оказывающий личные услуги, оплачивает ими свои долги по их стоимости. У того, кто произвел что-то другое, кроме серебра, не было бы цели продавать это за серебро, чтобы оплатить свой долг по стоимости серебра. У него возникли бы проблемы с другой сделкой, ему пришлось бы покупать серебро по цене продажи, а кредитор, которому он

его заплатил, должен был бы продать его за деньги по цене покупки брокера, без выгоды ни для того, ни для другого, а только для брокера. Если серебро переходит по своей стоимости, законное платежное средство не имеет для него силы; если оно каким-то образом будет введено в принудительное обращение, это поможет должнику, как и любое принудительное обращение, позволив ему сохранить часть того, что он взял в займы. Если тогда эти схемы действительно означают, что серебро будет продаваться по его стоимости, то они бесполезны. Так происходит и сейчас. Если они имеют в виду, что серебро позволит выплачивать долги каким-либо другим способом, кроме железа, пшеницы, хлопка и т.д., тогда мы знаем, с чем имеем дело. Существует столько же причин, по которым правительство должно оплачивать элеваторы и выдавать сертификаты о количестве и качестве зерна, которое должно быть законным платежным средством, сколько и причин, по которым оно должно пробовать и штамповать серебро для этой цели и выпускать за него банкноты. Эти случаи служат лишь для того, чтобы подчеркнуть различие между деньгами и товаром и показать, что совершенство денег лежит не в направлении множественного законного платежного средства, а в направлении единого стандарта, настолько четкого и определенного, насколько это возможно. Такой стандарт имеет те же преимущества в обмене, что и наиболее точные меры длины и веса в геодезии или химии, и он обращает вспять прогресс денежной науки, внося колебания и сомнения в стандарт стоимости, точно так же, как это было бы культивированием неточности в мерах веса.

Здесь я вынужден заметить еще одну поспешную и озорную аналогию. Некоторые устройства для составных мер длины были приняты на вооружение, чтобы избежать сжатия и расширения, и настоятельно рекомендуется, чтобы биметаллические деньги были шагом в том же направлении. Я ни в коем случае не утверждаю, что наука ничего не может сделать для достижения более высокого уровня ценности, чем золото. Какой прогресс в этом направлении может быть достигнут в будущем, никто не может сказать, и было бы опрометчиво с его стороны отрицать, что прогресс может быть достигнут; но когда представлено какое-либо предложение, оно должно показать, что показывают составные меры длины, а именно, что их действие основано на законах природы. Тепло и холод действуют противоположно на компоненты составных мер длины, или их расположение таково, что действие природных сил нейтрализуется. В основе биметаллических денег нет такого научного принципа. Силы, определяющие ценность золота и серебра, действуют независимо друг от друга и не подвержены общим влияниям. Более того, они сложны, и их воздействие неоднородно в разной степени. Следовательно, эта аналогия также несостоятельна.

Мнение о невозможности одновременного обращения привело к тому, что несколько ведущих стран Европы (и на момент написания статьи таковой по-прежнему является система Соединенных Штатов) приняли план постоянно ложного определения стоимости золота и серебра, с тем чтобы использовать серебро в качестве вспомогательной монеты. Серебро постоянно переоценено, так что за него можно получить валюту выше его стоимости в слитках. Если цивилизованные страны хотят использовать серебро в качестве денег, чтобы общее количество металлических денег в западном мире было больше количества золота, и если они не удовлетворены использованием его в качестве вспомогательного средства, тогда остается только один путь, и это для некоторых стран использовать золото, а для некоторых - серебро. Это было решением проблемы биметаллизации, с которой Китай был вынужден столкнуться тысячу лет назад. В некоторых провинциях использовалось железо и немного меди. Тогда

возникает вопрос, кто возьмет серебро. Это подводит меня к последнему пункту, о котором я должен сказать.

Я обсуждал свой предмет так, как если бы золото и серебро стояли на одном уровне желательности для денег, и как если бы между ними не было выбора по удобству. На самом деле это не так. Следует отметить, что золото и серебро никогда не использовались вместе. Золото, как правило, было вспомогательным средством, применяемым для крупных сделок. С ростом цен и увеличением разнообразия товаров, а также с увеличением объема сделок страны перешли от медных денег к серебряным и от серебра к золоту. Этот прогресс продиктован удобством. Серебро больше не является столь удобной валютой для цивилизованных промышленных и торговых стран, как золото. Поэтому мы видим, как они постепенно отказываются от серебра, и мы видели, как Латинский союз установил запрет на серебро, как только использование двойного законного платежного средства угрожало отобрать золото и заменить его серебром. Я не готов сказать, может ли этот переход от серебра к золоту быть осуществлен без финансовых потрясений, особенно с учетом того, до какой степени страны обесценили золото из-за выпуска бумажных денег, но я рассматриваю это движение как такое, которое неизбежно должно продолжаться. Нации, которые первыми вступят в движение, меньше всего потеряют на серебре, которое им придется продать. Нации, которые используют серебро до последнего, потеряют на нем больше всего, потому что они не найдут никого, кто заберет его у них из рук. Если мы сейчас откажемся от золотого стандарта и купим ненужное серебро у стран, которые им пользовались и теперь стремятся избавиться от него, мы добровольно подвергнем себя этой потере, которую мы ни в коем случае не обязаны делить. Голландцы в Нью-Йорке продолжали употреблять ватпум дольше, чем англичане в Новой Англии. Когда янки пытались избавиться от него, они перевезли его в Нью-Йорк, добавив немного того, что сами изготовили для этой цели, и увезли товары голландцев. Затем последние обнаружили, что у них есть валюта, от которой они могут избавиться только с большими потерями и задержками для индейцев к северу и западу от них. Таким образом, янки рано заработали репутацию умных людей. Предлагаемая сейчас мера является полной параллелью, только теперь эта нация предлагает взять на себя роль голландцев. Нам придется обменять наш капитал на серебро, и после того, как мы настрадаемся от многолетнего опыта обращения с инструментом обмена, уступающим тому, которым пользуются наши соседи, нам придется избавиться от него и купить лучшее. Тогда мы понесем потерю — для всех, у кого что-либо есть, - разницы между капиталом, который мы отдали, и тем, который мы можем получить за серебро. Мечты о получении серебра и сохранении золота, чтобы иметь одновременное обращение, тщетны. В предлагаемом рейтинге нет расхождений во мнениях по этому вопросу среди лиц, имеющих право высказать свое мнение. Реальное значение предложений, представленных стране, состоит в том, чтобы сделать нас одной из стран, получающих серебро в описанном мною распределении. Идея союза чеканщиков монет невыполнима. Было бы проще создать международный союз, чтобы покончить с войной. Англия вполне довольна своими деньгами. Она осознает опасность финансовых экспериментов и не пойдет ни на какие. Германия, Швеция, Финляндия, Дания и Голландия только что перешли с серебра на золото и не будут проводить никаких новых изменений в течение длительного периода, если вообще когда-либо будут. Следовательно, о союзе чеканки монет не может быть и речи. Стоящий перед нами вопрос просто в том, откажемся ли мы, будучи золотой нацией, при таких обстоятельствах от золота и перейдем на серебро. Без сомнения, страны, которым нужно золото, были бы очень рады, если бы мы это сделали. Мы должны оказать им большую услугу; однако мы должны

нанести себе такой же большой вред, как если бы мы купили у них много списанного оборудования. Они ждут, чтобы увидеть, достаточно ли мы невежественны и глупы, чтобы поставить себя в такое положение; и когда они увидят, мы больше не услышим о монетном союзе.

Теперь я изложил взгляды, к которым привело меня изучение этого вопроса. Все поймут, что я направляю свою атаку против постулата всех биметаллических теорий. Я тщательно различал альтернативный стандарт и биметаллизм. Я мало сказал о первом. Во многом вопрос мнения, сработает это или нет. Я не верю, что это было бы возможно при союзе чеканщиков монет, но я не чувствовал бы себя вынужденным выступать против кого-либо, кто придерживался противоположного мнения. Моей темой было одновременное обращение золота и серебра, и я пытался оспорить идею о том, что что-либо подобное возможно, с объединением чеканки монет или без него, потому что это представление противоречит первому великому закону экономической науки. Если это представление верно, то такой науки, как политическая экономия, вообще не существует; нет законов, которые нужно открывать, профессиональному экономисту нечему учить, и ему лучше попытаться найти какое-нибудь полезное занятие. Если это утверждение верно, у нас нет оснований критиковать конгрессменов, которые пытаются принять серебряный законопроект. Мы не можем предсказать какие-либо последствия или сделать какие-либо выводы из прошлого опыта. Если законодательство может контролировать стоимость для получения определенных результатов, то весь вопрос носит чисто эмпирический характер. В этом случае эксперимент Конгресса может оказаться удачным при всех имеющихся у нас основаниях утверждать обратное; его успех был бы лишь сомнительным, но не невозможным; если бы он провалился, то не потому, что его сторонники попытались совершить невозможное, а потому, что они не использовали достаточных средств. Они могли бы продолжать проводить эксперимент снова и снова в других формах и с другими средствами, и они действительно поступили бы правильно, продолжая свои эксперименты, подобно древним алхимикам, в надежде наконец достичь цели. Ни у одного экономиста не было бы никаких оснований вмешиваться и определять границы возможного, или предписывать условия успеха, или излагать методы, которых следует придерживаться, — если бы он не мог с уверенностью апеллировать к законам своей науки как к чему-то, чему должны подчиняться как законодательные органы, так и отдельные люди. Следовательно, тот, кто придерживается выраженных мной взглядов на экономические силы, законы и явления, вынужден, как из-за своей веры в свою науку, так и из-за общественных интересов, которые сейчас поставлены на карту в этом вопросе, утверждать, что одновременное обращение золота и серебра, будь то с монетным союзом или без него, невозможно.

ВЛИЯНИЕ КОММЕРЧЕСКИХ КРИЗИСОВ НА МНЕНИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДОКТРИНАХ [1879]

Любой, кто следит за текущей литературой по экономическим предметам, поймет, что она настолько полна противоречий, что вызывает сомнение в существовании каких-либо экономических законов и в том, знаем ли мы что-либо о них, если таковые существуют. Ни одной группе людей никогда не удавалось формировать мнения других путем пререканий друг с другом, и именно в такой позиции экономисты предстают перед публикой в настоящее время. Подобно другим людям, вступающим в полемику, экономисты также позволили своему методу выродиться из аргументации в оскорбления, презрение и глумливое порицание друг друга. Чем более поверхностны и самодостаточны мнения и поведение спорящих, тем более решительно они отказываются от трезвых аргументов и посвящают себя описанному мной методу. Поскольку я не испытываю особого вкуса к такого рода дискуссиям и считаю, что они только принижают науку, изучением которой я являюсь, я не принимал в них участия. В ответ на ваше приглашение я предлагаю обратить ваше внимание на некоторые особенности экономического положения цивилизованных наций в настоящее время с целью установления двух моментов:

1. Объяснить шаткость и слабость мнений об экономической доктрине, характерных для настоящего времени, и
2. Показать необходимость именно в это время спокойного и трезвого восприятия здоровой доктрины политической экономии.

Прежде всего позвольте мне попросить вас обратить внимание на эффекты, которые были произведены в течение последнего столетия достижениями науки и промышленного искусства. Раньше промышленность развивалась в небольших масштабах, практически без организации. Рынки были ограничены небольшими районами, а торговля ограничивалась сырьем и колониальными товарами. Производитель и потребитель встретились лицом к лицу. Условия рынка были открыты для личного ознакомления. Соотношение спроса и предложения было предметом личного опыта. Производство велось только по заказам во многих отраслях промышленности, так что спрос и предложение были подогнаны друг к другу, можно сказать, физически. Таким образом, было предотвращено непропорциональное производство, и необходимость перераспределения производственных усилий стала очевидной на самом непосредственном личном опыте. При таком положении вещей между формированием желания и его реализацией должно пройти много времени.

В течение столетия очень многие и разнообразные силы работали над тем, чтобы произвести полное изменение в этой системе промышленности. Изобретение паровой машины и машин, используемых при производстве текстильных изделий, привело к созданию фабричной системы с высокой организацией производства, сосредоточенной в определенных центрах. Открытие каналов и улучшение автомобильных дорог сделали возможной торговлю, посредством которой распространялись продукты. Удешевление полиграфии и увеличение количества средств рекламы расширили рынок за счет концентрации спроса, который до сих пор был широко рассредоточен по всему цивилизованному миру. Применение паровой энергии на дорогах и кораблях лишь продвинуло дальнейшее развитие, а телеграф лишь удешевил и ускорил средства передачи информации с той же целью.

Как это повлияло на промышленность?

1. Вся промышленность и торговля мира были встроены в огромную систему, в которой организация стала существенной и в которой она продвигалась вперед и продвигается каждый день к новым разработкам. Промышленность становится все более и более обезличенной в том, что касается вовлеченных в нее сторон. Наши потребности удовлетворяются мгновенно и регулярно благодаря сотрудничеству тысяч людей по всему миру, которых мы никогда не видели и о которых не слышали; и мы ежедневно зарабатываем себе на жизнь, внося свой вклад в удовлетворение потребностей тысяч людей, разбросанных по всему миру, о которых мы ничего не знаем лично. В месте фактического контакта и знакомства с лицами, являющимися сторонами сделок, мы теперь зависим от регулярности, в условиях земной жизни, человеческих желаний и человеческих усилий. Промышленная система построена на постоянстве определенных условий человеческого существования, на определенности экономических сил, которые отсюда возникают, и на том факте, что эти силы действуют с совершенной регулярностью по неизменным законам. Если мы хотя бы на мгновение задумаемся, то увидим, что современная промышленность и торговля не смогли бы просуществовать и дня, если бы мы не имели здесь дело с силами и законами, которые по праву можно назвать естественными, потому что они вступают в действие, когда выполняются условия, потому что условия не могут не существовать, если где-либо на земле собрано общество людей, и потому что, когда силы вступают в действие, они действуют сами по себе, согласно своим законам, без возможности избежать их воздействия. Мы можем перенаправить силы с одного курса на другой; мы можем изменить их форму; мы можем заставить их расходовать себя на одного человека или интересы, а не на другие. Мы делаем это постоянно, с помощью плохого законодательства, предрассудков, привычки, моды, ошибочных представлений о справедливости, счастье, высшем благе и так далее; но мы никогда не разрушаем экономическую силу так же, как не разрушаем физическую силу.

2. Из этого, конечно, следует, что успех в производстве богатства при этой современной системе зависит в первую очередь от правильности, с которой люди изучают характер экономических сил и законов, по которым эти силы действуют. Это область науки политической экономии, и это причина, по которой она является наукой. Она исследует законы действия сил, которые являются естественными, а не произвольными, искусственными или общепринятыми. В некоторых сообществах развилась сильная ненависть к людям, которые придерживались отличных от них религиозных взглядов. Такое чувство было бы огромной социальной силой, но оно было бы произвольным и искусственным. Многие сообщества считали, что любой труд, кроме умственного, является рабским и унижающим достоинство. Это представление тоже было общепринятым, но там, где оно существовало, оно было огромной социальной силой. Такие представления, как прошлые, так и настоящие, заслуживают изучения ради исторического интереса и наставления, но они не дают основы для науки, целью которой является выяснение того, что истинно в отношении отношений человека к миру, в котором он живет. Их изучение проливает ценный побочный свет на истинные отношения в человеческой жизни, точно так же, как изучение ошибок всегда проливает побочный свет на истину, но они не имеют никакого сходства с законом, согласно которому люди хотят максимального удовлетворения при минимуме усилий, или с законом убывающей отдачи от земли, или с законом народонаселения, или с законом спроса и предложения. Следовательно, ничего нельзя добиться, смешивая историю и науку, какими бы ценными они ни были для другой. Если люди пытаются проводить какую-либо операцию без разумной теории сил, с которыми они

имеют дело, они неизбежно становятся жертвами операции, а не ее хозяевами. Следовательно, они всегда пытаются сформировать какую-то теорию рассматриваемых сил и соответствующим образом спланировать средства достижения цели. Силы природы продолжают и верны только самим себе. Они никогда не сворачивают из жалости к невинной ошибке или ошибкам, совершенным с благими намерениями. Это так же верно для экономических сил, как и для любых других. Что подразумевается под хорошей или плохой инвестицией, за исключением того, что одна основана на правильном суждении о силах, а другая - на неправильном суждении? Как были бы вознаграждены проницательность, осторожность, здравый смысл и благоразумие, если бы экономические силы отступили из жалости к ошибке? Мы знаем, что в природе ничего подобного не существует.

Итак, я повторяю, что современная промышленная и коммерческая система, имеющая дело с обширными движениями, за которыми ни один разум не может уследить или обойти их разветвления и которые поддерживаются в гармонии законами природы, требует неуклонно развивающегося, ясного и точного знания экономических законов; что это знание должно изгнать предрассудки и традиции; что оно должно победить необоснованный энтузиазм и причудливые надежды. Если этого не будет достигнуто, мы можем ожидать только одного результата — что люди будут гоняться за всевозможными фантомами и несбыточными надеждами; что они будут тратить свои усилия на схемы, которые могут принести только убытки; и что кто-то будет идти одним путем, а кто-то другим, пока общество не потеряет всякую согласованность, всякое единодушие в суждениях относительно того, к чему следует стремиться и как этого достичь. Уничтожение капитала - лишь наименьшее из зол, которого следует опасаться в таком случае. Я не верю, что мы начинаем ценить одно из следствий новой цивилизации девятнадцатого века, а именно то, что современный цивилизованный мир представляет собой единое целое, что он должен двигаться как единое целое, что с изобретенными нами средствами достижения общего согласия в отношении целей человеческой жизни и средств их достижения пришла также *необходимость* того, что мы должны двигаться вперед в цивилизации по общему согласию. Расовые, религиозные, языковые и национальные барьеры тают под действием тех же сил, которые до такой степени уничтожили препятствия расстояния и времени. Цивилизация постоянно становится все более однородной. Завоевания некоторых сразу становятся достоянием всех. Из этого следует, что наши научные знания о законах, управляющих жизнью людей в обществе, должны идти в ногу с этим развитием, иначе мы обнаружим, что наши социальные задачи растут быстрее, чем наши знания в области социальных наук, и наше общество развалится на части под этим бременем. Как же тогда будет расти это научное знание? Конечно, не без противоречий, но, безусловно, также не без последовательных, устойчивых и настойчивых усилий, продвижения по уже намеченным направлениям, открытия новых возможностей, когда это возможно, исправления старых ошибок, когда это необходимо.

3. Еще одной особенностью современной промышленной системы является то, что, как и любой организации высокого уровня, ей требуются люди с соответствующими способностями и квалификацией во главе. Качества, необходимые для крупного банкира, торговца или фабриканта, так же редки, как и любые другие великие дарования среди людей, а требуемые качества или степень, в которой они востребованы, растут с каждым днем по мере расширения современной промышленной системы. Необходимые качества - это качества практического человека, так называемые в собственном смысле слова: проницательность, здравый смысл, благоразумие, смелость и энергия. Подготовка, как научная, так и практическая, необходимая

великому мастеру промышленности, широка и разнообразна. Великие движения промышленности, как и все другие великие движения, представляют собой второстепенные явления, которые, по-видимому, противостоят их великим тенденциям и их общему характеру или несовместимы с ними. Эти явления, будучи меньшими по масштабу, более непосредственно подлежащими наблюдению и поэтому, по-видимому, более отчетливыми и позитивными, хорошо рассчитаны на то, чтобы ввести в заблуждение суждения либо практичного человека, либо изучающего науку. Следовательно, ни в чем хорошо обученный человек так не отличается от человека плохо обученного, как в взвешенности суждений, с помощью которых он ставит явления в их истинное относительное положение и отказывается сбиваться с пути из-за того, что является случайным или второстепенным. Если сейчас зададут вопрос, создали ли мы класс высококвалифицированных людей, компетентных организовать рабочую силу, транспорт, торговлю и банковское дело в масштабах, требуемых современной системой, так же быстро, как возросла потребность в них, я думаю, никто не ответит утвердительно.

4. Еще одно наблюдение, к которому мы приходим, когда замечаем характер современной промышленной системы, заключается в том, что любые ошибки или безумства, совершенные в одной ее части, приведут к эффектам, которые распространятся на всю систему. Перед нами промышленный организм, а не просто механическая комбинация, и любое нарушение в одной его части в большей или меньшей степени выведет из строя все целое. Явления, которые здесь проявляются, принадлежат к тому, что было названо плодотворной причинностью. Одна экономическая ошибка приносит плоды, которые сочетаются с плодами другой экономической ошибки, и произведение этих двух факторов не является ни их суммой, ни даже их простым произведением, но зло может быть доведено до очень высокой степени благодаря их сочетанию. Если количество ошибок совпадает, вред соответственно увеличивается. Валютные и тарифные ошибки постоянно взаимодействуют друг с другом, таким образом, умножая и развивая друг друга. Более того, ошибки одной нации будут ощущаться в других нациях через торговые и кредитные отношения, которые сейчас так тесны. Нет предела заинтересованности цивилизованных наций в экономической и политической мудрости друг друга, поскольку все они несут на себе последствия глупостей друг друга. Следовательно, когда нам приходится иметь дело с той формой экономической болезни, которую мы называем коммерческим кризисом, мы можем проследить ее происхождение до особых ошибок в одной стране и в другой, и можем проследить действия и реакции, посредством которых последствия передавались от одного к другому, пока не стали общими для всех; но никакая философия крупного коммерческого кризиса не является адекватной в наши дни, если она не охватывает по своим масштабам весь цивилизованный мир. Коммерческий кризис - это нарушение гармоничного функционирования частей промышленного организма. Во время экономического оздоровления система движется плавно и гармонично, постоянно расширяясь, и ее здоровье и энергия обозначаются ее ростом, то есть накоплением капитала, который, в свою очередь, стимулирует надежду, энергию и предприимчивость людей. Производственная болезнь вызывается непропорциональным производством, неправильным распределением труда, ошибочными суждениями на предприятии или неправильным расчетом силы. Все это приводит к одному и тому же результату, а именно к растрате и уничтожению капитала. Такие причины в большей или меньшей степени нарушают гармоничную работу системы, которая зависит от регулярного и точного выполнения ожиданий, основанных на совместных усилиях всего производственного коллектива. Нарушение может быть незначительным и временным, а может

быть и очень серьезным. В последнем случае необходимо будет остановить движение всей системы и приступить к общей ликвидации, прежде чем начинать все сначала. Так было с 1837 по 1842 год, и так было в течение последних пяти лет. Излишне добавлять, что этот арест и ликвидация не могут быть осуществлены без страданий и потерь для большого числа невинных людей и значительной потери капитала, не говоря уже о том, что могло быть выиграно за тот же период, но должно быть упущено.

Финансовая организация - это среда, с помощью которой различные части промышленного и коммерческого организма поддерживаются в гармонии. Именно финансовая организация собирает и распределяет капитал, сводит к минимуму трения при обмене и экономит время между производством и потреблением за счет кредита. Финансовая система предоставляет три индикатора — цены, учетную ставку и валютные пары, — с помощью которых мы можем судить о действии экономических сил сейчас, когда их масштабы делают невозможным их непосредственный анализ. Отсюда великое зло законов о ростовщичестве, которые изменяют учетную ставку, и колебаний валютных курсов, которые фальсифицируют цены и валютные обмены. Они снижают ценность индикаторов и имеют тот же эффект, что и вмешательство в аптечные весы или паром-манометр локомотива.

В вопросе цен нам приходится сталкиваться с другой трудностью, которая неизбежна по природе вещей. Мы должны выбрать какой-либо товар в качестве знаменателя стоимости. Мы не можем найти товара, который сам по себе не подвержен колебаниям в своем обменном соотношении с другими вещами. Большие кризисы были вызваны в прошлые времена колебаниями стоимости товаров, выбранных в качестве денег, и такой элемент, без сомнения, присутствует в нынешнем кризисе, хотя он и не имеет никакого отношения к его возникновению. Отсюда следует, что любое улучшение обращения мировых денег стоит любых жертв, которых оно может стоить, если оно направлено на обеспечение более простого, точного и неизменного стандарта стоимости.

Следующий момент, о котором я хотел бы поговорить, легко выводится из последнего замечания; этот момент - цена всех улучшений. Человечество не сделало ни одного шага в цивилизации, который не был бы завоеван болью и бедствиями. Сейчас оно не делает ни одного шага, не заплатив за это жертвами. Замечать только то, что непосредственно относится к нашей нынешней цели: каждая услуга, которую мы получаем от природы, заменяет приобретенные навыки людей, которые ранее выполняли эту услугу; каждый такой шаг является выгодой для человечества, но он налагает на некоторых людей необходимость поиска новых средств к существованию, и если эти люди продвинуты в жизни, эта необходимость может быть крайне суровой. Каждая новая машина, хотя и экономит рабочую силу, и потому что она экономит рабочую силу, служит человечеству, все же разрушает личную заинтересованность некоторых работников в работе, которую она выполняет. Это налагает на них необходимость обратиться к новому занятию, а это вряд ли когда-либо возможно без периода стресса. Весьма вероятно, что это переводит их из разряда квалифицированных в разряд неквалифицированных работников. Каждая новая машина также разрушает капитал. Она приводит в негодность наполовину изношенные машины, которые она заменяет. Таким образом, каналы привели к обесцениванию капитала, вложенного в шлагбаумы и государственные автобусы, и таким образом, железные дороги привели к обесцениванию капитала, вложенного в каналы и другие формы строительства. Я не вижу исключения из правила, согласно которому прогресс, достигнутый в гонке, всегда достигается за счет какой-либо группы ее участников.

Любой, кто оглянется назад на последние двадцать пять лет, не может не заметить, что изменения, достижения и усовершенствования были многочисленными и разнообразными. Мы привыкли поздравлять друг друга с ними. Не может быть никаких сомнений в том, что они должны и будут вносить вклад в благосостояние человечества сверх того, что кто-либо сейчас может предвидеть или измерить. Я твердо убежден, что условия богатства и цивилизации на следующую четверть века обеспечены лучше, чем в любой предыдущий период истории, и что ничто, кроме человеческой глупости, не может помешать периоду процветания, который мы даже сейчас должны рассматривать как сказочный. Мы можем отбросить его, если мы слишком робки, если нас пугает скорость нашего движения, или если мы ошибочно принимаем явления новой эры за приближение бедствия, или если нации возвращаются к средневековой тьме и изоляции, или если мы превращаем безумие и невежество прошлого в элементы экономической истины, или если вместо стремления к свободе с полной верой и надеждой цивилизованный мир становится ареной великой классовой войны, в которой должна быть уничтожена вся цивилизация. Но, если отбросить подобные глупости, все условия процветания обеспечены.

Однако мы должны заметить, что эти инновации с огромной скоростью распространились на широкий спектр отраслей промышленности, что они накопили свой эффект, что они внезапно изменили торговые потоки и методы производства, и что мы едва научились приспосабливаться к одному новому набору обстоятельств, как были навязаны новые изменения или модификации. Некоторые изобретения, самым замечательным примером которых является бессемеровская сталь, произвели революцию в промышленности. Были открыты некоторые новые торговые каналы, которые изменили характер и методы работы в очень важных отраслях торговли. Мы также стали свидетелями стремления нескольких стран обеспечить золотую валюту, которое совпало с большим, если не экстраординарным производством серебра и изменило сравнительный спрос и предложение двух металлов одновременно. В этом движении не было ничего произвольного, оно исходило из здравых мотивов и причин в интересах наций, которые пошли на этот шаг. Здесь нет оснований для осуждения или одобрения. Такие действия суверенных государств совершаются свободно и ответственно только перед самими собой, и если они предпринимаются в достаточно крупных масштабах, чтобы стать событием, имеющим значение для цивилизованного мира, это следует рассматривать как шаг в развитии цивилизации. Это может быть подвергнуто критике только историей. В настоящее время это следует принимать и интерпретировать только как указание на то, что существуют причины и мотивы личной заинтересованности, которые могут привести большую часть цивилизованного мира к этому шагу в настоящее время.

За последние двадцать пять лет также произошли политические события, оказавшие большое влияние на промышленность. Наша Гражданская война привела к огромному разрушению капитала и оставила огромную территорию с миллионами жителей, почти полностью разрушенную в своей промышленности, и с ее системой труда, поставленной перед необходимостью полной реорганизации. Часть расходов и потерь от войны была отложена и распределена с помощью бумажной валюты, которая, вместо того чтобы навязать промышленность и экономию для восстановления потерь и растрат, породила глупую веру в то, что мы можем развязать войну и разбогатеть на ней. Патриотической готовностью нации облагаться налогами злоупотребляли, вводя налоги для защиты, а не для получения доходов, так что промышленность страны была искажена и вынуждена к неестественному развитию. Крах 1873 года, за которым последовали падение цен и всеобщая ликвидация, был вызван тем

фактом, что каждый в глубине души знал, что положение вещей, существовавшее несколько лет назад, было пустым и фиктивным. Уверенность рухнула, потому что каждый знал, что реальных оснований для уверенности нет. Франко-прусская война также, пока она длилась, вызвала период ложного и лихорадочного процветания в Англии. За этим последовали большие политические перемены в Германии, которые вместе с военной контрибуцией привели к внезапному и необоснованному распространению спекуляции, доходящей до мании. Германия, несомненно, стоит лицом к лицу с новым политическим и промышленным будущим, но она отложила его из-за безудержных усилий реализовать его немедленно. Во Франции также за войной последовало поспешное и, как нам сказали, неразумное расширение постоянного капитала, запланированное для удовлетворения чрезвычайного спроса на пустом рынке. В Англии за процветанием 1870-1872 годов, как обычно, последовали проблемы с кредитом, плохое банковское дело и ненужные вложения в ничего не стоящие ценные бумаги.

Итак, здесь мы имеем, в кратком и неадекватном изложении, обстоятельства во всех этих великих индустриальных странах, характерные для каждой из них, но, безусловно, достаточные для объяснения периода реакции и бедствия. Перед нами также важные изменения в мировой промышленности и торговле, которые в конечном итоге должны принести неизмеримые выгоды, но которые вполне могут, действуя под влиянием местных причин, вызвать временные трудности; и мы должны также заметить, что местные причины действуют через коммерческие и кредитные отношения наций, распространяя зло.

Неудивительно, что при таком положении вещей некоторые люди теряют голову и начинают сомневаться в экономических доктринах, которые были наиболее тщательно установлены. К симптомам болезни относится потеря доверия к законам здоровья и обращение к шарлатанским средствам. Я уже отмечал, что в каждом крупном общественном движении проявляются определенные явления, которые рассчитаны на то, чтобы ввести в заблуждение кажущейся непоследовательностью или дивергенцией. Следовательно, мы видели, как экономисты, вместо того чтобы держаться вместе и поддерживать, в то время, когда это было наиболее необходимо, как научный авторитет, так и позитивную истинность своих доктрин, распадаются и разбегаются туда-сюда, некоторые из них вообще убегают. Многие из них, кажется, пришли в ужас, обнаружив, что страдания все еще остаются на земле и обещают оставаться до тех пор, пока будут сохраняться пороки человеческой природы. Многие из них пугает свобода, особенно в форме соперничества, которое они превращают в пугало. Они думают, что это жестоко действует на слабых. Они не понимают, что здесь "сильный" и "слабый" - это термины, которые не поддаются определению, если только их не приравнять к трудолюбивым и праздным, бережливым и экстравагантным. Более того, они не понимают, что если нам не нравится выживание наиболее приспособленных, то у нас есть только одна возможная альтернатива - выживание наиболее непригодных. Первое - закон цивилизации; второе - закон антицивилизации. У нас есть выбор между этими двумя, или мы можем продолжать, как в прошлом, колебаться между ними, но третий план - социалистическое стремление - план питания самых непригодных и все же продвижения цивилизации - ни один человек никогда не найдет. Однако некоторые из выдвинутых грубых идей превосходят то, что можно было разумно ожидать. Они относятся к отраслям предмета, на которые стоит обратить внимание.

1. Поскольку изменение относительной стоимости драгоценных металлов, безусловно, является самой сложной и важнейшей из особенностей этого периода, вполне возможно, что мы

ожидали, что плохо подготовленные и дилетантские авторы набросятся на это как на свою особую добычу. Филологи-дилетанты никогда не берутся за что-либо меньшее, чем за проблему происхождения языка. Каждый учитель знает, что он должен оберегать своих самых увлеченных учеников от опрометчивых попыток разрешить самые сложные проблемы науки. Происходящее изменение стоимости драгоценных металлов, без сомнения, войдет в историю как одно из самых важных событий в экономической истории этого столетия. Это, несомненно, будет стоить больших неудобств и потерь тем, кто стоит у него на пути или кто встает у него на пути. Когда связанные с этим валютные изменения будут осуществлены, это станет большим выигрышем для всего коммерческого мира. Страны, которые проводят изменения, делают это потому, что это важно для их интересов. Теперь предположим, что те, кто напуган немедленными и временными неудобствами, могли бы остановить движение — единственным следствием было бы то, что они остановили бы и отсрочили неизбежное продвижение улучшения промышленной системы.

2. Вторая область, которая особенно любима теми писателями, которых я описал, - это область прогнозов относительно того, какие изменения в экономической системе ожидаются в будущем. Вероятно, у каждого есть представления об этом, и каждый, кому приходится вести бизнес или делать инвестиции, вынужден формировать суждения об этом. Однако вряд ли найдется более бесплодное поле для экономических спекуляций.

3. Третья область, в которую эти авторы предпочитают углубляться, - это поиск средств для решения существующих проблем. Популярным направлением медицины всегда является терапия, и чем меньше человек знает анатомию и физиологию, тем более он уверен, что следует обращаться исключительно к этой области и полагаться на эмпирические средства. Той же процедуре следуют в социальных науках, и это сопровождается таким же презрением к научной доктрине, знаниям и средствам правовой защиты. Чтобы выделить моменты, которые здесь кажутся мне важными, необходимо будет на мгновение вернуться к некоторым фактам, которые я уже описал.

Одной из главных характеристик великих улучшений в промышленности, которые были описаны, является то, что они приводят к новому распределению населения. Если машины вытесняют рабочих, занятых на производстве, эти рабочие вынуждены вести мелкую торговлю, если у них есть небольшой капитал; или заниматься сельскохозяйственным трудом, если у них нет капитала. Улучшения в торговле разрушат местную промышленность и вынудят рабочих искать новую отрасль или сменить место жительства. Когда силы такого характера сотрудничают в широком масштабе, они могут произвести и действительно производят очень важное перераспределение населения. Аналогичным образом законодательство может, как и тарифное законодательство, привлечь население в определенные места, и его отмена может вынудить их к нежелательным изменениям. Мы можем констатировать этот факт следующим образом: давайте предположим, что в 1850 году из каждых ста работников населения экономическое распределение было таким, что пятьдесят человек были заняты в сельском хозяйстве, тридцать - в обрабатывающей промышленности, а остальные двадцать - в других сферах деятельности. Это означает, что при наличии имевшихся в то время машин и приспособлений тридцать рабочих-производителей могли использовать сырье и продукты питания, произведенные пятьюдесятью сельскохозяйственными рабочими, таким образом, чтобы занять всех с наибольшей выгодой. Теперь предположим, что благодаря усовершенствованиям в области искусства двадцать человек могли бы в 1880 году наилучшим

образом использовать сырье и продукты питания, производимые шестьюдесятью людьми в сельском хозяйстве. Очевидно, что необходимо было бы перераспределение, путем которого тен должен был бы перейти от производства к земле. То, что такое изменение произошло в течение последних тридцати лет и что оно достигло точки, на которой начинается движение, противоположное прежней тенденции от земли к городам и поселкам, кажется мне несомненным. Есть даже признаки происходящих больших изменений в вопросе распределения, которые исправят потери и расточительство, связанные со старыми методами распределения, задолго до того, как какие-либо из фантастических планов по их исправлению могут быть реализованы, и которые высвобождают как труд, так и капитал в этом отделе. Теперь, если мы сможем экономить труд и капитал в производстве, транспортировке и распределении и возвращать этот труд и капитал обратно в почву, мы должны значительно увеличить богатство, поскольку это движение увеличило бы поток богатства из самого его источника.

Однако прямо здесь нам нужно сделать два замечания.

1. Современная промышленная система, которую я описал, с ее высокой организацией и тонким разделением труда, имеет один большой недостаток. Люди или группы людей отделены друг от друга, их интересы часто антагонистичны, и происходящие изменения принимают форму конфликта интересов. Я имею в виду вот что: если бы сапожник работал в одиночку, используя свой небольшой капитал в виде инструментов и инвентаря, и выполнял заказы, он имел бы непосредственно перед собой факты рынка. Он без усилий или размышлений обнаруживал, когда "торговля приходила в упадок", когда возникал риск того, что он не сможет возместить свой капитал, когда мода или конкуренция требовали от него найти другое занятие, и так далее. Когда подмастерье сапожника работает за зарплату, он не обращает внимания на эти вещи. Работодателю, чувствуящему это, не остается ничего другого, как снизить заработную плату. Именно благодаря этой мере при более высокой организации потребность рабочего в новой энергии, или в смене отрасли, или в перемене места жительства становится очевидной. Ему, однако, это кажется произвольным и жестоким актом хозяина. Отсюда следуют торговые войны и забастовки как особое явление современной системы. Именно потому, что это система, или, правильнее сказать, организм, перестройки, которые необходимы время от времени для поддержания гармоничной деятельности его частей и поддержания его в гармонии с физическим окружением, осуществляются посредством этой игры частей друг с другом.

2. Общее движение рабочей силы и капитала к земле во всем цивилизованном мире означает массовую миграцию в новые страны. Это ни в коем случае не означает заброшенности или упадка старых стран, как, по-видимому, полагают некоторые. Напротив, это означает для них новое процветание. Когда я читаю, что Соединенные Штаты собираются накормить мир не только пшеницей и провизией, но и мясом, что они должны поставлять человечеству уголь и железо, что они должны вытеснить все старые страны в качестве экспортеров мануфактур, что они должны обеспечить мировой запас драгоценных металлов, и я не знаю, что еще помимо этого, я вынужден спросить, что остальной мир собирается сделать для нас? Что они могут дать нам, кроме чая, кофе и сахара? Не корабли, потому что мы не будем их брать и намерены сами вывозить всю нашу продукцию. Безусловно, это самый поразительный абсурд, к которому нас привели, забыв, что торговля - это обмен. Точно так же никто не может ожидать, что все человечество придет и будет жить здесь. Однако условия для массовой миграции, по-видимому, существуют. Миграция населения по-прежнему остается очень непопулярной идеей

во всех старых государствах. Предубеждение против этого очевидно среди либералов и тори, экономистов и сентименталистов. Однако существует условие, которое всегда замалчивается при постановке социальной проблемы так, как она проявляется в трудные времена. Эта проблема, как уже говорилось, заключается в следующем: “Как населению найти средства к существованию?”, а подавленное условие таково: “если они настаивают на том, чтобы оставаться и искать поддержки там, где они есть, и заниматься тем, к чему они привыкли”. Нельзя ни на минуту отрицать трудности перемен, но ничего не добьешься, если будешь сидеть и ныть по этому поводу. Сентиментальным причинам, побуждающим цепляться за место своего рождения, можно придавать полный вес, но им нельзя позволять уравнивать важные преимущества. Я не вижу, чтобы кто-то, кроме землевладельцев, был заинтересован в удержании населения в определенных местах, если, возможно, мы не добавим правящие классы и тех, кто хочет военной власти. Когда я читаю рассуждения о национальности и важности национальных различий для политической экономии (заметьте, я не говорю о политологии), я никогда не нахожу в них никакого смысла, и я совершенно уверен, что авторы никогда не вкладывали в них никакого смысла.

Теперь мы можем вернуться к рассмотрению предлагаемых средств правовой защиты в трудные времена. Мы увидим, что, хотя это шарлатанские средства и хотя они бросают вызов всем экономическим доктринам, которые с таким трудом устанавливались в течение последнего столетия, они подходят для решения проблем, возникающих перед землевладельцами, правительствами, военными державами, социалистами и сентименталистами. Тенденция направлена к промышленной системе, управляемой естественным сотрудничеством, гораздо более масштабным, чем кто-либо когда-либо планировал, к общности интересов и благосостоянию, гораздо более благотворному, чем любая всемирная республика или трудовое братство, на которые надеются интернационалисты, и к свободному и мирному соперничеству между нациями в области искусства цивилизации. Необходимо остановить эту тенденцию. Какие предлагаются средства?

1. Первое - ограничить гражданскую свободу. Под гражданской свободой (ибо я сразу чувствую необходимость дать определение этому часто употребляемому слову) Я имею в виду статус, который создается для индивида теми институтами, которые гарантируют ему использование его собственных сил для собственного развития. Вот уже три или четыре столетия цивилизованный мир борется за реализацию этой гражданской свободы. Продвижению к ней препятствовало представление о том, что свобода была некой расплывчатой абстракцией или освобождением от некоторых тяжелых условий человеческой жизни, от которых люди никогда не смогут освободиться, пока они живут на этой земле. Гражданскую свободу также путают с политической деятельностью или участием в гражданском правительстве. Однако политическая деятельность сама по себе является лишь средством достижения цели и ценна, поскольку необходимо обеспечить индивиду свободное осуществление его полномочий по производству и обмену в соответствии с его собственным выбором и его собственной концепцией счастья, а также гарантировать ему, что продукты его труда будут использоваться для его удовлетворения, а не для удовлетворения чьих-либо других. Когда мы придем к пониманию гражданской свободы такой, какая она есть, мы, вероятно, продвинемся вперед, чтобы осознать ее более полно. Тогда окажется, что она начинается и заканчивается свободой производства, свободой обмена и безопасностью собственности. Тогда также окажется, что

правительства отступают от своей главной и существенной функции, когда они берутся передавать собственность вместо того, чтобы обеспечивать ее сохранность, и тогда можно понять, что законы о законных платежных средствах и защитные тарифы как одно из последних и наиболее хитроумных средств для передачи продукта одного человека в пользование другому являются грубыми нарушениями гражданских свобод. В настоящее время предпринимаются попытки порицать свободу, преувеличивать грубые ошибки людей в погоне за счастьем до фактов, которые следует положить в основу обобщений о функциях правительства, и представлять явления коммерческого кризиса как причины для того, чтобы снова поставить промышленность на первое место. Это всего лишь новый враг со старым лицом. Те, кто в прошлом занимал ведущие позиции в отрасли, всегда получали щедрую плату за свои услуги, и они будут делать это снова.

2. Предложенная вторая форма средства правовой защиты вполне согласуется с предыдущей. Она заключается в реабилитации старого и пришедшего в упадок государственного суеверия. Это называется государством, и ему приписываются всевозможные поэтические и причудливые атрибуты. Оно представлено, конечно, как высшая сила, способная и готовая вытащить нас из беды. Если человек попадает в беду, он должен помочь себе сам или заручиться помощью друзей, насколько это в его силах, но если группа людей попадает в беду вместе, они составляют партию, силу и начинают давать о себе знать в государстве. У государства нет никаких средств помочь им, кроме как позволяя им перекладывать риски и убытки своего бизнеса на других людей, которые уже несут бремя и убытки своего собственного бизнеса, но которые менее хорошо организованы. “Государство” берет на себя право судить о том, что отвечает общественным интересам, и налагает налоги или вмешивается в контракты, чтобы принудить людей следовать курсом, который позволит реализовать то, что оно установило перед собой. Однако, когда отбрасываются все красивые фразы, оказывается, что государство - это всего лишь группа людей с человеческими интересами, страстями и желаниями, или, что еще хуже, государство - это, как кто-то сказал, всего лишь безвестный клерк, спрятавшийся в каком-нибудь уголке правительственного бюро. В любом случае предположение о сверхчеловеческой мудрости и добродетели оказывается ложным. Государство само по себе является лишь частью организации общества. Эта организация обеспечивает определенные интересы и выполняет определенные функции, которые важны, но которыми в противном случае пренебрегали бы. Задачей общества, однако, всегда было и остается сохранить эту организацию и в то же время помешать человеку, в руки которого наконец должна быть передана общественная власть, использовать ее для грабежа управляемых, то есть для уничтожения свободы. Это то, что всегда делали деспоты, олигархи, аристократы и демократы, и последнее развитие событий - всего лишь новая форма старых злоупотреблений. Злоупотребления всегда совершались во имя общественных интересов. В интересах общества было поддерживать трон и алтарь. В интересах общества было поддерживать привилегированные классы, устоявшуюся церковь, постоянные армии, паспортную и полицейскую систему. Теперь в интересах общества поддерживать определенные отрасли промышленности, и обладатели государственной власти распределяют свою пользу без каких-либо правил или причин, без ответственности и без каких-либо ответных услуг. Таким образом, в конечном счете, важная функция государства по регулированию промышленной организации в общественных интересах заключается просто в том, что правящая группа вмешивается, чтобы заставить одних людей отдавать продукты своего труда другим людям для использования и наслаждения. Каждый видит зло, исходящее от

государства, вмешивающегося в его собственные дела, и думает, что его следует оставить в покое, но он видит великие общественные интересы, которые были бы соблюдены, если бы государство вмешивалось, чтобы заставить других людей делать то, что он хочет, чтобы они делали.

Теперь, если бы можно было осуществить эти две меры — если бы можно было ввести свободу в заблуждение и вызвать презрение, и если бы можно было спасти государственное суеверие от упадка, на который оно обречено, - можно было бы остановить перемещение населения и изменения в промышленности, торговле и финансах. Осуждение всех подобных проектов заключается в том, что раз и навсегда они остановят продвижение цивилизации. Радость и опасения, которые были вызваны реакционными предложениями, выдвигавшимися в течение последних пяти лет, как с одной, так и с другой стороны, сильно преувеличены. Подобные реакционные предложения в природе вещей в такое время. Следует ожидать, что давление горя и обманутых надежд вызовет страстную реакцию и бессмысленные крики. От таких явлений до реальных практических мер - долгий шаг. Каждый шаг к практической реализации любых реакционных мер будет наталкиваться на новые и множасьи препятствия. Тарифная война в это время настолько противоречила бы всем тенденциям торговли и промышленности, что только ускорила бы падение всех тарифов. Чисто ответные тарифы - это случай того, что дети называют “отрезанием носа назло своему лицу”. Некоторые безумства в наши дни стали физически невозможны для великих наций. Германия пострадала: во-первых, из-за слишком пылких надежд, во-вторых, из-за великого бедствия, постигшего слишком многих и слишком педантичных врачей, в-третьих, из-за снижения доходов и, в-четвертых, из-за социалистической агитации среди новых избирателей. Похоже, что она собирается отказаться от политики свободной торговли, хотя и не слишком энергично выступает за защиту. Проект уже сталкивается с многочисленными и разнообразными трудностями, которые не были предусмотрены, и при его реализации он должен столкнуться со многими другими. Результат еще предстоит изучить. Франция обнаруживает, что истечение срока действия каждого торгового договора влечет за собой невыносимые последствия для ее промышленности, и, хотя задача урегулирования конкурирующих интересов с целью создания новой системы затягивается, она вынуждена временными мерами препятствовать восстановлению общего тарифа, который был отменен договорами. Тем временем ее экономисты, которые являются самыми трезвыми и лучше всех подготовленными в мире, начинают энергичную кампанию по общему вопросу. Если бы Англия задумалась о возрождении защиты, она бы не знала, что защищать. Если бы она захотела отомстить, она могла бы обложить налогом только сырье и продовольствие. Предложение, как только оно приводится к практической форме, не имеет под собой никакой основы. Что касается нас самих, то мы знаем, что наша нынешняя система защиты никогда не смогла бы быть закреплена за нами, если бы она не была скрыта под военным законодательством и если бы ее последствия не путали с последствиями войны. Это не могло бы продолжаться долго сейчас, если бы общественное сознание могло освободиться от своей поглощенности секторальной политикой, чтобы оно могло свободно обратиться к этой теме.

В заключение позвольте мне еще раз обратиться к другой важной теме, которую я затронул в этой статье, — к тому, что мы называем серебряным вопросом. Несомненно, в силах цивилизованных наций было бы предпринять некоторые шаги, которые облегчили бы

неудобства, связанные с переходом нескольких важных государств с серебряной валюты на золотую. Для одной нации, которая вообще не имеет отношения к беде, выступать из “великодушия” или любого другого побуждения, чтобы спасти мир от бед, связанных с этим шагом, является донкихотством и нелепостью. Это могло бы должным образом предоставить тем, у кого возникли проблемы, самим разбираться с этим между собой. Однако либо они, либо все вместе могли бы многое сделать для изменения последствий изменений. Попытка создать международный союз для введения биметаллической валюты с фиксированным соотношением - это совсем другое дело. Это останется в истории нашего времени как самая необычная глупость, получившая сколько-нибудь серьезное признание. Как практическая мера международный союз просто невозможен. Как научное предположение, биметаллизм так же абсурден, как вечный двигатель. Он предлагает установить постоянный покой в колебаниях стоимости двух товаров, для чего он должен погасить экономические силы спроса и предложения на те товары, от которых зависит стоимость. Движение великих торговых наций к единой золотой валюте - самое важное событие в денежной истории нашего времени, которое ничто не может остановить. Это приводит к временному бедствию, и средства облегчения этого бедствия являются надлежащим предметом рассмотрения; но преимущества, которые будут получены в будущем, неизмеримо превосходят нынешние потери и неудобства.

Итак, я возвращаюсь к предложениям, с которыми я выступил. Слабость и колебания в отношении экономической доктрины естественны для периода коммерческого кризиса из-за бедствия, неопределенности и беспорядка, которые тогда преобладают в промышленности и торговле; но это как раз то время, когда цепкое усвоение научных принципов имеет первостепенное значение. Человечество должно идти вперед, чтобы встретить и преодолеть свои проблемы и затруднения по мере их возникновения, понести наказание за свои безрассудства и заплатить цену за свои приобретения. Уклониться от этого - значит просто вернуться назад и отказаться от цивилизации. Путь вперед, насколько это возможно в настоящее время для любого человеческого предвидения, лежит в лучшем понимании и лучшей реализации свободы, при которой отдельные люди и общества могут вершить свою судьбу, подчиняясь только нерушимым законам природы.

ФИЛОСОФИЯ ЗАБАСТОВОК41

Прогресс в материальном комфорте, достигнутый за последние сто лет, не привел к удовлетворению. Совсем наоборот: современные люди далеко не так довольны жизнью на земле, как их предки. Это наблюдение легко объясняется известными фактами человеческой природы. Если удовлетворение не достигает уровня пресыщения, это приводит не к удовлетворению, а к недовольству; следовательно, это стимул к большим усилиям и необходимо для роста. Если, однако, мы ограничим наше изучение сделанного нами наблюдения его социологическими аспектами, мы увидим, что все, что мы называем “прогрессом”, ограничено встречными движениями, которые он создает, и мы также увидим истинное значение явлений, которые привели некоторых к грубой и глупой нелепости, что прогресс делает нас хуже. Прогресс, безусловно, не делает людей счастливее, если только их

умственный и моральный рост не соответствует большому владению материальным комфортом, который они завоевывают. Все, что мы называем прогрессом, - это простое увеличение шансов, а вопрос личного счастья - это вопрос того, как эти шансы будут использованы. Из этого следует, что если люди не будут расти в своих знаниях о жизни и в своем разумном суждении о правилах правильного образа жизни так же быстро, как они обретают контроль над физическими ресурсами, они вообще не обретут счастья. Они просто будут накапливать шансы, которые не знают, как использовать.

Только что сделанное наблюдение об индивидуальном счастье имеет также важный общественный аспект. Важно, чтобы политические институты, социальный кодекс и общепринятые представления, составляющие общественное мнение, развивались в равной мере с увеличением власти над природой. Наказанием за несоблюдение должной пропорции между популярной философией жизни и повышением материального комфорта станут социальные потрясения, которые остановят цивилизацию и подвергнут человечество такой реакции на варварство, какая последовала за падением Римской империи. Легко видеть, что в настоящий момент вся наша популярная жизненная философия находится в замешательстве. Старые кодексы рушатся; новые еще не созданы; и даже среди людей с положением, к которым мы должны обращаться, чтобы сформировать общественное мнение, мы слышим самые противоречивые и разнородные доктрины о жизни и обществе.

Экономический рост Соединенных Штатов во многом способствовал разрушению традиционных кодексов и верований, которые были приняты в Европе. Поскольку цивилизованный мир разделен на две части, одну старую и густонаселенную, а другую новую и малонаселенную, возникли социальные явления, которые, хотя и полностью подчиняются одним и тем же законам социальной силы, оказались противоречивыми. Результатом стало нарушение и подтачивание веры философов и студентов в законы, а также порождение бесчисленных заблуждений среди тех, кто не является прилежными студентами. Общественное мнение особенно было неупорядоченным и введенным в заблуждение. Новая страна предоставила такие шансы, каких не было ни у одного поколения мужчин прежде. Однако это не позволило ни одному человеку жить без работы или сохранять капитал без бережливости и осмотрительности; это не позволило мужчине "подняться в мире" из положения невежества и бедности и в то же время рано жениться, свободно тратить деньги и растить большую семью детей.

Таким образом, мужчины этого поколения, без различия класса и лишь за отдельными исключениями, страдают от неудовлетворенного аппетита, возбуждаемого вкусом роскоши, но находящегося намного ниже уровня насыщения. Способность ценить блага отдаленного будущего по сравнению с благами настоящего является отличительной чертой высокоцивилизованных людей, но если она не сочетается с упорством в трудолюбии и самоотречением, она вырождается в простую мечтательность и болезни перегретого воображения. Если какое-то количество людей обладает таким характером, у нас есть болезненное недовольство и романтические амбиции как социальные черты. Наша литература, особенно наша художественная литература, свидетельствует о существовании классов, которые развращены этими болезнями характера. Мы находим классы людей, которые ноют и ищут недостатки, и которые используют органы общественного обсуждения для того, чтобы выдвигать детские жалобы и невыполнимые требования, в то время как они философствуют о жизни, как в *"Арабских ночах"*. Конечно, весь этот тон мыслей и манера поведения максимально

далеки от стойкой мужественности, которая встречает жизненные проблемы и одерживает победы не столько тем, что терпит, сколько тем, что завоевывает.

Наша американская жизнь, благодаря своей легкости, оказывает еще одно деморализующее воздействие на очень многих из нас. Сотни наших молодых людей растут без какой-либо реальной дисциплины; жизнь для них облегчается, и с их вкусами и желаниями слишком часто считаются; они достигают зрелости с убеждением, что должны находить в мире только приятное и легкое. Каждый знает этот тип молодых людей, которые хотят найти занятие, которое им “понравилось бы”, и которые обсуждают недостатки в виде трудностей или неприятностей во всем, что им предлагается. Упомянутый здесь момент, конечно, полностью отличается от другого и еще более прискорбного факта, а именно от ужасающей неэффективности и неспособности очень многих людей, которые жалуются и просят милостыню. Если кому-то нужен переписчик, он будет скорее опечален, чем раздражен огромным количеством заявок на эту должность. Объявления, которые можно найти в газетах с самым большим тиражом, предлагающие благородную профессию для занятий дома, не требующую никакой предварительной подготовки, с помощью которой можно зарабатывать два-три доллара в день, являются доказательством существования класса, к которому они апеллируют. Сколько тысяч человек в Соединенных Штатах хотят именно такой работы! Каким прекрасным был бы этот мир, если бы такая работа существовала!

С другой стороны, наши социальные амбиции часто глупы и вредны. Наша молодежь презирует профессии, связанные с физическими усилиями или грязью, и они с трудом “пробиваются” (как мы условились это называть) ко всем неопишуемым и нерегулярным занятиям, которые являются чистыми и благородными. Наши ораторы и поэты говорят о “достоинстве труда”, но ни они, ни мы в это не верим. Достоин досуг, а не труд. Однако почти всем нам приходится жертвовать своим достоинством и трудом, и было бы разумно, если бы вместо разглагольствований о достоинстве мы научились уважать в себе и друг в друге работу, которая хороша в своем роде, независимо от того, что это за работа. Испортить хорошего сапожника ради того, чтобы из него получился плохой пастор, - это, конечно, не значит “подняться вверх”; а человек, который хорошо копает, по всем здравым критериям превосходит человека, который плохо пишет. Каждый, кто разговаривает с американскими школьниками, думает, что он служит им и своей стране, если напоминает им, что у каждого из них есть шанс стать президентом Соединенных Штатов, а наша литература все время поощряет те же бессмысленные социальные амбиции, вместо того чтобы прививать кодекс и стандарты, которые должны быть приняты аккуратными, трезвыми и полезными гражданами.

Результаты наблюдений, которые теперь сгруппированы воедино, знакомы всем нам. Население стремится из сельской местности в города. Механические и технические профессии заброшены, а те профессии, которые являются легкими и благородными, переполнены. Конечно, людям, о которых идет речь, должно быть позволено делать свой собственный выбор и искать свое счастье по-своему, но неизбежно, что тысячи из них будут разочарованы и пострадают. Если молодые люди бросят фермы и ремесла, чтобы стать клерками и бухгалтерами, следствием этого будет то, что вознаграждение за многолюдные занятия упадет, а за занятия, которыми пренебрегают, возрастет; если молодые женщины откажутся выполнять домашнюю работу и пойдут в магазины, лавки, телеграфные конторы и школы, заработная плата за многолюдные занятия упадет, в то время как заработная плата домашней прислуги возрастет. Если женщины в поисках профессии попытаются получить допуск к какому-либо

бизнесу, например, к телеграфированию, соревнуясь с мужчинами, они будут делать ставки ниже мужчин. Аналогичные последствия были бы достигнуты, если бы праздный класс в старой стране был вынужден из-за каких-либо социальных потрясений обеспечивать себя. Они сократили бы вознаграждение за труд в тех немногих профессиях, которыми они могли бы заниматься.

Теперь возникает вопрос, есть ли какое-либо средство от низкой заработной платы в переполненных профессиях, и вопрос отвечает сам за себя: нет другого средства, кроме как не продолжать причинять зло. Бастовать, то есть говорить, что рабочие не будут работать в избранном ими направлении, но в то же время что они не оставят его ради какого-то другого направления, - это просто самоубийство. Никакие заявления и даже законотворчество не могут заставить человека, владеющего бизнесом, передать контроль над ним человеку, который им не владеет. У телеграфистов есть профессия, требующая подготовки и навыков, но она очень привлекательна во многих отношениях для тех, кто ищет работу физическим трудом; это также профессия, которая очень подходит, по крайней мере во многих своих отраслях, для женщин. Следовательно, профессия может иметь ограниченную монополию. Требование о том, чтобы женщинам платили наравне с мужчинами, на первый взгляд справедливо, но его реальным результатом было бы отстранение женщин от бизнеса. Во время забастовки телеграфистов часто говорили, что требование бастующих было справедливым, потому что их заработная плата была меньше, чем у ремесленников. Аргумент вообще не имеет силы. Единственный вопрос заключался в том, достаточна ли нынешняя заработная плата телеграфистов, чтобы обеспечить достаточное количество телеграфистов. Если растущие мальчики предпочтут быть ремесленниками, заработная плата телеграфистов вырастет. Если даже при нынешних темпах мальчики и девочки будут продолжать предпочитать телеграфирование ремеслу или работе по дому, заработная плата телеграфистов упадет. Могла бы тогда забастовка одним ударом повысить заработную плату всех, кто сейчас работает телеграфистами? Была только одна причина надеяться на это, и она заключалась в том, что монополия на торговлю могла оказаться достаточно жесткой, а общественные неудобства — достаточно большими, чтобы заставить пойти на уступку, которая, однако, была бы быстро утрачена снова из-за увеличения числа телеграфистов.

Теперь давайте спросим, каково было бы положение дел, если бы телеграфистам действительно было возможно провести успешную забастовку. У них очень тесная монополия; шесть лет назад они чуть не остановили транспорт страны на две недели, но им не удалось добиться своей цели. Совсем недавно грузчики боролись с конкуренцией из-за нового притока иностранных неквалифицированных рабочих, и напрасно. Печатники могут пойти на комбинацию и попытаться добиться повышения заработной платы, приостановив выпуск всех газет в определенный день, но есть так много людей, которые могли бы в случае необходимости набрать текст, что такая попытка была бы совершенно безнадежной. Ни в одной отрасли обычного ремесла не было бы возможности создать рабочую монополию или вызвать забастовкой большое общественное бедствие. Если мы перейдем к другим профессиям, то увидим, что бухгалтеры, клерки и продавцы не могли бы как единое целое объединиться и забастовать; тем более учителя могли бы это сделать; еще меньше могли бы это сделать домашние слуги. Наконец, фермеры и другие независимые работники вообще не могли этого делать. Короче говоря, забастовщик - это человек, который говорит: "Я хочу зарабатывать себе на жизнь, занимаясь этим и никаким другим делом в качестве своей доли общественных усилий, и я не собираюсь заниматься этим делом иначе, как на таких-то условиях". Поэтому он

предлагает заключить контракт со своими собратьями и диктовать его условия. Любой человек, который может это сделать, должен находиться в совершенно исключительной ситуации; он должен обладать монополией на данную услугу, и это должна быть та услуга, в которой его собратья очень нуждаются. Таким образом, если бы телеграфистам удалось повысить свою заработную плату на пятнадцать процентов просто потому, что они согласились попросить аванс, они, должно быть, были бы в гораздо лучшем положении, чем любой из их собратьев.

Наши отцы научили нас старой максиме: скрой свое пальто в соответствии с твоей тканью; но популярные обсуждения социальных вопросов, похоже, подводят к новой максиме: требуйте, чтобы ваше сукно соответствовало вашему пальто. Отцы считали, что человек в этом мире должен делать все, что в его силах, используя имеющиеся у него средства, и что хорошее обучение состоит в развитии навыков, проницательности и бережливости, позволяющих экономно использовать ресурсы; новая доктрина, по-видимому, заключается в том, что если человек родился в этом мире, он должен решить, что ему здесь нужно, сформулировать свои требования и представить их "обществу" или "государству". Он хочет близкого по духу и легкого занятия и хорошей оплаты за него. Он не хочет, чтобы ему мешали какие-либо ограничения, подобные тем, которые исходят из мира, в котором растет шерсть, но не пальто; в котором находят железную руду, но не оружие и инструменты; в котором земля даст пшеницу, но только после тяжелого труда и самоотречения; в котором мы не можем съесть свой пирог и сохранить его; в котором дважды два получается только четыре. Он хочет, чтобы ему был гарантирован "рынок сбыта", чтобы не страдать от "перепроизводства". В частной жизни и в личных отношениях мы уже оцениваем этот взгляд на вещи по его истинной ценности, но как только нам приходится иметь дело с общим вопросом или промышленным явлением, в котором заинтересован ряд лиц, мы применяем совершенно традиционный и неразумный способ обсуждения. Здоровое учение о трудолюбии, благоразумии, кропотливости и бережливости, конечно, непопулярно; все мы стремимся освободиться от беспокойства, тревоги, разочарования и всей череды забот, которые обрушиваются на нас по мере того, как мы прокладываем себе путь в этом мире. Можем ли мы действительно чего-нибудь добиться в этой борьбе, организовавшись для сражения друг с другом? Это практический вопрос. Есть ли вообще какие-либо основания полагать, что мы придем к чему-либо, следуя этому направлению усилий, которое принесет кому-либо какую-либо пользу? Если человек недоволен своим положением, пусть он стремится улучшить его тем или иным способом, используя те возможности, которые он может найти или создать, и пусть он прививает своим детям хорошие привычки и здравые понятия, чтобы они могли жить мудро и не подвергать себя лишениям из-за ошибки или безрассудства; но каждый эксперимент только проясняет, что для людей объединение усилий для ведения промышленной войны вместо того, чтобы быть средством от разочарования в соотношении удовлетворения и усилий, является лишь способом навлечь на себя новое бедствие.

ЗАБАСТОВКИ И ПРОМЫШЛЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ⁴²

Любой, кто внимательно читал текущее обсуждение трудовых тем, должен был заметить, что авторы исходят из предположений относительно доктрины заработной платы, которые расходятся настолько, насколько это вообще возможно по одному и тому же предмету. Следовательно, представляется, что у нас должна быть догма о заработной плате, что мы не можем правильно рассуждать о политике или правах системы заработной платы, пока у нас нет такой догмы, и что, тем временем, нет ничего странного в том, что путаница и абсурдность должны быть главными признаками обсуждения, ведущегося до выполнения этого главного условия.

Некоторые авторы предполагают, что заработная плата может быть повышена, если поднять цены на продукты, и что особых трудностей с повышением цен не возникнет; другие предполагают, что заработная плата может быть повышена, если работодатели будут удовлетворены меньшей прибылью для себя; третьи предполагают, что заработная плата может быть повышена или понижена в зависимости от роста или падения стоимости жизни. Это общепринятые и популярные предположения, которые не имеют ничего общего со спорами профессиональных экономистов по поводу доктрины заработной платы. Последние позорят науку и представляют собой особое зло в настоящее время, поскольку наука не может ответить на главное требование, предъявляемое к ней в настоящее время.

Если бы работодатель мог просто добавить любое повышение заработной платы к своим ценам и таким образом окупить себя за счет потребителя, ни один работодатель не продержался бы долго против забастовки. Почему он должен? Почему он должен нести убытки, беспокоиться и воевать ради потребителей, стоящих за ним? Если работодателю нужно только смириться с положительным и измеримым сокращением своей прибыли, чтобы избежать забастовки и обеспечить мир, вполне вероятно, что он почти в каждом случае согласится на это. Но если бы наемные работники потребовали пятипроцентного аванса, а работодатель предоставил бы его, прибавив столько-то к своим ценам, они, естественно, и самым правильным образом немедленно потребовали бы еще пять процентов, которые таким же образом взимались бы с потребителей. У людей со здравым смыслом не было бы другого пути. Они повторяли бы этот процесс до тех пор, пока в тот или иной момент не обнаружили бы, что их останавливает какое-то сопротивление, которое они не могли преодолеть. Точно так же, если бы заработная плата могла быть повышена за счет доходов работодателя, работодатель, получивший одно повышение, должен был бы получать другое, пока в какой-то момент он не решил бы отказаться и сопротивляться. В любом случае, где и каков будет предел? Всякий раз, когда будет достигнута точка, за которой возникнет некое непреодолимое сопротивление, перед экономистом встанет задача.

Не существует никакого правила для определения доли, которую кто-либо должен получать от распределения продукции через промышленную организацию, за исключением того, что он должен получать все, что даст ему рынок в обмен на то, что он вложил в него. Следовательно, всякий раз, когда достигается предел, задача экономиста состоит в том, чтобы выяснить условия, которыми определяется этот предел.

Характер современной промышленной системы таков, что она становится все более и более безличной и автоматической под действием социальных сил, действующих с естественной

необходимостью; система не могла бы существовать, если бы они так не действовали, поскольку она построена в расчете на их действие в соответствии с установленными законами. Следовательно, условие всех социальных действий и реакций определяется природой сил, которые мы научились познавать в других областях научных исследований и которые здесь отличаются только постольку, поскольку они действуют в другой области и на другом материале. Следовательно, отношения сторон в промышленном организме таковы, какие допускает природа случая. Случай может допускать множество отношений, обеспечивая, таким образом, некоторый диапазон выбора.

Таким образом, человек, который выходит на рынок с чем-то для продажи, не может повысить цену на это, потому что он хочет это сделать или потому, что его "издержки производства" были повышены. Он уже довел рынок до предела и поднял цену настолько высоко, насколько позволяли спрос и предложение, чтобы получить как можно большую прибыль. Как же тогда он может поднять этот вопрос еще выше, простопотому, что его собственные обстоятельства делают это желательным для него? Если рынок устроен так, что он может повысить свою цену, он сделает это, независимо от того, возросли у него издержки производства или нет. Работодатель также не может по своему желанию уменьшить свою собственную прибыль; он сразу поймет, что выходит из бизнеса, и распределит свой капитал в виде подарков.

Сложность забастовки, таким образом, заключается в том, что это попытка сдвинуть с места всю промышленную организацию, в которой все части взаимозависимы и взаимоподдерживают друг друга. На самом деле это не невозможно, хотя и очень сложно. Организация обладает большой эластичностью в своих частях — агрессивный орган может добиться чего-то за счет других. Все вытесняет все остальное; но если приложить достаточную силу, может произойти общее вытеснение и перестройка. Орган, который страдал от агрессии других, может восстановиться сам. Только благодаря постоянному социальному давлению поддерживается жизнь организма и его силы развиваются в полную силу.

Забастовки не обязательно связаны с насилием в отношении людей или собственности. Насилие предусмотрено уголовным законом. Таким образом, забастовки сами по себе, можно полагать, не являются большим злом; они обходятся дорого, но они проверяют рынок. Спрос и предложение не означают, что социальные силы будут действовать сами по себе; установленный закон предполагает, что каждая сторона будет изо всех сил бороться за свои интересы — если она этого не сделает, она потеряет свои интересы. Следует ожидать, что покупатели и продавцы, заемщики и кредиторы, арендодатели и арендаторы, работодатели и наемные работники, а также все другие стороны контрактов в полной мере реализуют свои интересы в условиях конкуренции и борьбы в жизни. Это необходимо для здоровья промышленной организации. Другие социальные круги имеют постоянную привычку тестировать рынок, чтобы извлечь из него все, что они могут. Рационально начатая и проводимая забастовка приводит лишь к тому же результату, что и проценты по заработной плате.

Факты бросаются нам в глаза, если мы только взглянем на них, а именно, что заработная плата работников и цена продукции не имеют ничего общего друг с другом; что заработная плата не имеет ничего общего с прибылью работодателя; что они не имеют ничего общего со стоимостью жизни или с процветанием бизнеса. На самом деле они зависят от спроса и предложения рабочей силы, как показывает каждая забастовка, и ни от чего другого.

Обращаясь к моральным отношениям субъекта, нас постоянно призывают сделать что-то для улучшения отношений работодателя и работника. Я утверждаю, что отношения в жизни, в которых меньше всего дурного чувства или личной горечи, - это чисто деловые отношения, отношения контракта, потому что это отношения сделки, согласия и эквивалентности. Где так много разногласий и горечи, как в семейных делах, где люди пытаются действовать, руководствуясь чувствами и привязанностью? Способ улучшить отношения работодателя и работника заключается не в том, чтобы привнести в них сентиментальность, а в том, чтобы извлечь из них сентиментальность. Нам говорят, что классы становятся все более разделенными и что бедные учатся ненавидеть богатых, хотя было время, когда классовой ненависти не существовало. Я усердно искал в истории то время, когда между богатыми и бедными не существовало классовой ненависти. Я не могу найти ни одного такого периода и беру на себя смелость сказать, что никто не может указать на него.

ТРЕСТЫ И ПРОФСОЮЗЫ⁴³

В предыдущих очерках я пытался показать,⁴⁴ какую огромную роль играет монополия во всей общественной жизни человечества на всех ее стадиях. Не было бы никакой борьбы за существование, если бы не было истины в том, что запасы в природе вещей, необходимых для существования человека, скудны. Борьба за существование состоит в борьбе с ограничениями, которыми окружена человеческая жизнь; процесс, посредством которого люди с течением времени что-то выиграли в этой борьбе, заключался в противопоставлении одной из монополий природы другой — процесс, который мы называем “использованием природных агентов”. С социальной и политической точки зрения прогресс состоял в обеспечении индивиду шанса в некоторой степени контролировать свою судьбу; не быть игрушкой природных и социальных сил, а направить свою собственную энергию на расширение собственных условий наслаждения и выживания.

Однако на каждом этапе истории естественные монополии составляли основу социальных и политических монополий. Обладание теми способностями, которые в данных обстоятельствах были наиболее эффективными для приобретения того, чего хотят люди, всегда давало превосходство и господство в человеческом обществе, будь то физическая сила, красота, ученость, добродетель, капитал или что-либо еще. Где кто-либо находит основания полагать, что ситуация когда-нибудь изменится и что те, кто обладает наиболее могущественными способностями в обществе, в котором они живут, будут использовать эти силы не для того, чтобы получить то, чего все люди хотят для себя, а для того, чтобы получить то же самое для других людей?

В прошлом всегда была мода на тех, кто обладал необходимыми полномочиями, брать под контроль государство и таким образом реализовывать свою монополию. Если бы сейчас восторжествовала плутократия, это было бы просто повторением того опыта. Единственным средством, которое когда-либо давало надежду на более широкую и гуманную организацию

государства, является конституционная свобода, которая посредством вмешательства институтов, созданных для этой цели, вынуждает правящий класс, кем бы они ни были, уважать признанные и определенные права всех остальных.

Теперь, когда демократия подорвала и растворила все унаследованные формы социальной организации и превратила общественное тело в атомы, чрезвычайно интересно наблюдать неизбежное повторение всех старых тенденций в новых формах, соответствующих времени. Некоторые из нас думали, что свобода завоевана навсегда и что расу никогда больше не будут беспокоить ее старые проблемы, но уже сейчас очевидно, что, когда общество распадается на составляющие его атомы, вопрос о том, под действием каких сил и на каких ядрах оно кристаллизуется в новые формы, приобретает невиданную ранее важность.

Как раз сейчас внимание общественности полностью поглощено новым названием “доверие”, примененным к одному из этих явлений. Я не вижу ничего нового в трасте по сравнению с кольцами, пулами и т.д., с которыми мы были знакомы на протяжении жизни этого поколения, за исключением гарантии, которую траст предоставляет всем своим членам, что никто в нем не будет играть роль предателя по отношению к остальным. Самая большая трудность с современными комбинациями заключалась в том, что не существовало санкций, которыми можно было бы связать участников, и что прибыль инсайдера, который обратился против своих товарищей, всегда была непреодолимым искушением. В средневековых гильдиях, которые были “трестами” наиболее прочной конструкции, санкции были самого сурового рода — религиозные, политические и социальные — и все же они никогда не достигали своей цели. В наше время, как хорошо известно всем, кто знаком с попытками, которые предпринимались в различных отраслях промышленности, заключить соглашения, которые не были достаточно масштабными или публичными, чтобы попасть в газеты, сложность обеспечения лояльности тех, кто чувствовал себя достаточно сильным, чтобы победить остальных, если они пойдут в одиночку, или тех, кто видел шанс продать остальных, или тех, кто отчаянно нуждался в наличных, была постоянным камнем преткновения. Пятьдесят лет назад, в последние дни существования Банка Соединенных Штатов, Николас Биддл организовал хлопковый фонд, чтобы попытаться контролировать мировой рынок хлопка. Это был полный провал. В общем, комбинации такого характера находятся в постоянной дилемме: они всегда должны становиться все больше и больше, чтобы охватить достаточную площадь, чтобы составить единое целое; но чем больше они становятся, тем меньше их внутренняя сплоченность. Вскоре следует отметить исключение из этого правила.

Значительное расширение рынка благодаря современным изобретениям в области транспорта разрушило все бывшие местные и мелкие монополии и быстро превращает промышленность и торговлю человечества в единое целое, которое невозможно разделить географическими линиями. Условия конкуренции в такой системе, без сомнения, крайне обременительны. Условия, которые необходимо учитывать для достижения успеха, многочисленны и сложны. Нервное напряжение, связанное с пониманием и справедливой оценкой факторов, а также с отслеживанием их постоянных изменений, слишком велико, чтобы кто-либо мог его выдержать. Необходимо использовать предвидение, однако существует так много неизвестных величин, что предвидение невозможно; если попытаться овладеть всеми неизвестными величинами, то задача настолько огромна, что ее невозможно выполнить. Более того, отношения с другими людьми в промышленной системе обязательно являются тесными. Избежать таких отношений невозможно, и невозможно избежать доли в последствиях ошибок и некомпетентности других.

Следует добавить, что в то время, когда прогресс искусства вынудил всю промышленность земного шара вступить в тесные отношения, которым ничто не может помешать, законодательные вмешательства породили искусственные и неустойчивые течения в промышленных и коммерческих отношениях всех стран. Последствия - это разочаровывающие и катастрофические инциденты в истории промышленности. В то же время улучшения в области обмена разведанными позволили людям, наиболее удаленным друг от друга по пространству, языку и национальности, если они уверены в деловых способностях друг друга и владении капиталом, сотрудничать по личным соглашениям.

Трасты - это попытка справиться с таким положением вещей. Конечно, это шутка, когда создатели траста утверждают, что они делают это на благо потребителей, и вполне можно усомниться в том, что траст является осуществимым и выгодным механизмом в интересах любой из сторон; но неправильно упускать из виду тот факт, что траст в своих усилиях разобраться с ситуацией и обеспечить упорядоченное и рациональное развитие, а не перегревы и заморозки в промышленности, имеет под рукой реальную и законную задачу. Несомненно, что есть место для внедрения интеллектуальных методов в современную промышленность в формах, которые должны соответствовать современным условиям, и несомненно, что это никогда не будет сделано должным образом с помощью законодательства, а только путем добровольного и разумного сотрудничества заинтересованных сторон. Также ни в коем случае нельзя быть уверенным в том, что такая систематизация промышленности при разумном сотрудничестве сторон, ее проводящих, будет чего-либо стоить потребителям, при условии, что всегда не существовало законодательства, препятствующего обращению в любое время к любым другим источникам поставок, которые могли бы быть доступны. Экономия от управления при разумном управлении является источником, из которого можно извлекать выгоды, которые ничего не будут стоить потребителю. Расходы на промышленную войну составляют большой фонд для получения дивидендов, в который потребитель не вносит свой вклад.

Стоит обратить внимание на некоторые знакомые примеры, каковы мотивы создания траста; окажется, что это гораздо более повседневный вопрос, чем предполагает большинство людей. Мужчина, владеющий домом и участком, покупает прилегающий к нему свободный участок, чтобы контролировать его. Он и его соседи скупают все свободные участки на улице, чтобы предотвратить нежелательный контакт с чем-либо, что могло бы испортить их собственность. Они уже стали жертвами духа монополии и подвергаются всем тем обвинениям, которые сыплются на аристократов и сторонников эксклюзива. В их случае уже очевидна практическая трудность определения единицы, подлежащей пониманию, для достижения цели и не более того. Каждый день приводятся примеры, когда некоторым предприятиям отказывают в капитале, поскольку очевидно, что инвестиции могут быть сделаны не раньше, чем их прибыль может быть уничтожена другим параллельным предприятием. Это вообще не может быть сделано до тех пор, пока не будет сделано в масштабе, достаточно большом, чтобы составить целостное целое. Мы достаточно знакомы с дилеммой, которая возникает перед нами, когда, с одной стороны, консолидирующиеся железные дороги получают возможность обслуживать нас гораздо эффективнее, но, с другой стороны, консолидирующиеся железные дороги перестают конкурировать друг с другом в наших интересах. Что мы хотим, чтобы они сделали? Сами железные дороги знакомы с тем опытом, что они постоянно вынуждены проводить расширения, чтобы обезопасить определенную территорию, то есть создать замкнутую единицу, и что каждое расширение, вместо того чтобы достигать завершенности, только делает дальнейшее расширение неизбежным. Это тот класс фактов промышленного развития нашего времени,

который породил тресты, и несомненно, что они предлагают иной мотив, чем простое желание заполучить средства для вымогательства.

Я пока не в состоянии понять, что какой-либо трест может преуспеть, если он не основан на естественной или законодательной монополии, и более того, на монополии, продукт которой не может быть произведен в количестве, превышающем спрос, по цене, которая была обычной до образования треста; и я не вижу никаких шансов для законодательства принести какую-либо пользу, если оно не заключается в отмене всех таких законов, которые, как установлено, создают основу для организации искусственной монополии.

От внимания читателя не могло ускользнуть, что профсоюзы представляют собой монополистическую организацию со стороны рабочей силы, полностью параллельную трестам со стороны капитала, “продукт того же возраста и тех же сил” и попытку решить ту же проблему с точки зрения других интересов. Мотивы принуждения, дисциплины и строгой внутренней организации в обоих случаях одни и те же, и некоторые санкции одни и те же; поскольку бассейны и ринги пытались бойкотировать бойкот до тех пор, пока не доказали его бесполезность. Бытует мнение, что современный профсоюз является потомком средневековой гильдии. С равной правдивостью и равной тщетностью можно было бы утверждать, что современный колледж, фондовая биржа и акционерное общество произошли от средневековой гильдии. Профсоюз девятнадцатого века - это институт девятнадцатого века в такой же степени, если не в большей, чем ринг, пул, уголок или трест. Все они являются результатом одних и тех же фактов промышленного развития, и одно из них столь же неизбежно и, в этом смысле, законно, как и другое. Есть те, кто, яростно осуждая тресты, с большим самодовольством и удовлетворением предлагают нам в качестве решения “трудового вопроса” утверждение, что работодатели и наемные работники должны каким-то образом объединяться или сотрудничать; они, похоже, вообще не понимают, что если что-либо подобное и произойдет, то это будет самый гигантский “трест”, который только можно себе представить.

СТАРЫЙ “ТРЕСТ”⁴⁵

В 1579 году Конрад Рот, купец из Аугсбурга, интересовавшийся торговлей специями между Лиссабоном и Германией, предложил чиновнику казначейства курфюрста Саксонии схему создания компании по монополизации торговли перцем. Курфюрст был одним из самых предприимчивых и просвещенных князей своего времени, и предложение действительно должно было быть сделано ему как единственному человеку, который мог располагать необходимым капиталом и в то же время обладал смелостью и энергией для осуществления предприятия.

Из офицеров казначейства была сформирована рота, получившая название Тюрингской роты, и в Лейпциге был подготовлен склад. Было подсчитано, что если бы компании удалось повысить цену на перец на один грош за фунт, прибыль составила бы более 38 000 флоринов в год. Рот и

Тюрингская компания должны были участвовать в предприятии в равных долях, но принц должен был вложить весь капитал, а Рот должен был выполнить всю работу. Последнему также принадлежал очень ценный контракт с королем Португалии, согласно которому он должен был в течение пяти лет посылать в Индию деньги, достаточные для скупки всего производимого перца, чтобы ни один из них не мог попасть в Европу через Египет и Италию. До этого португальские офицеры незаконно продали часть этого оружия, так что оно действительно попало таким образом в Европу; но теперь, покупая его в Индии, это должно было быть прекращено.

Рот предложил разделить Европу на три части: Португалию, Испанию и Запад; Италию и Юг; Германию и Север. Саксонская компания должна была получить последнюю долю в монополии. Была выражена надежда, что прибыль удастся довести до гораздо более высокой цифры, чем приведенная выше, если только удастся скупить весь перец во Франкфурте, Венеции, Нюрнберге и Гамбурге.

Однако, как только план был сформирован, Рот начал добиваться его расширения. Он хотел включить торговлю другими специями. Он также предложил, чтобы курфюрст выделил капитал для обменного банка для ведения обменного бизнеса между Лейпцигом и Лиссабоном. Затем он обнаружил, что существующие почтовые системы совершенно не соответствуют требованиям его бизнеса, и предложил курфюрсту полный план почтового сообщения между Италией, Германией, Францией, Испанией и Португалией. Затем, сочтя судоходные средства неудовлетворительными, он предложил курфюрсту заключить договор с королем Дании, по которому последний, владевший судами, должен был обеспечивать регулярное сообщение между Лиссабоном и Эльбой.

Все эти планы демонстрируют грандиозную энергию этого проекта, и Избиратель участвовал во всех них. Он не мог осуществлять почтовую службу без согласия императора, а этого он не смог получить. Рот и курфюрст опередили свое время; император - нет; он сказал, что план предлагает "нечто новое, чего никогда не было во времена их предков". Попытка объединить частных торговцев в спекуляции также провалилась в Лейпциге, и в других местах отношение к ней было крайне недружелюбным.

Когда в Лейпциге начали накапливаться запасы перца, выяснилось, что в других местах этот товар не стал дефицитным. Хотя авансы принца были уже намного больше, чем он обещал при составлении плана, оказалось невозможным начать продажи, пока не будет скуплен весь перец на европейском рынке в других местах; и в то же время поступали сообщения, что, несмотря на контракт Рота, любой, у кого были деньги, мог купить в Индии столько перца, сколько хотел, и что он свободно поступал в Европу через Египет и Венецию. Весной 1580 года запасов в городах Голландии и Германии было предостаточно. Оказалось, что Roth не могла помешать подрядчикам из других частей Европы поставлять товары в Германию, и цена там падала; вместо пятнадцати грошей, как надеялись спекулянты, она была ниже двенадцати. В этот момент кредиторы Рота начали накладывать арест на его имущество. Все это побудило курфюрста сказать: "Мы опасаемся, что в первоначальном и до сих пор повторяющемся утверждении Рота о том, что весь перец, поступающий в Европу, поступает через Лиссабон, была допущена большая ошибка".

В апреле Рот покончил с собой, узнав о смерти короля Португалии. Было известно, что король Испании намеревался претендовать на престолонаследие и что португальцы будут

сопротивляться; эта война и возможность получения испанского наследства означали крах спекуляции. Избиратель был обязан разослать агентов во все стороны, чтобы завладеть активами компании, чтобы вернуть свои средства. В конце концов выясняется, что он избежал серьезных потерь; он продал все акции синдикату южногерманских купцов по цене, которая восстановила весь его капитал. После нравоучений о своем опыте он заявил: “Поскольку я сейчас устал и болен и стремлюсь провести оставшееся время, которое Бог дарует мне, в покое, я твердо решил покончить с коммерцией, принесет ли она мне прибыль или убытки”. “Я укрепил свою голову, - снова говорит он, - и покончу с ложной коммерцией”.⁴⁶

Это предприятие было явной попыткой использовать естественную монополию, причем сделать это с помощью операции, которая должна была охватить весь мир; это была чисто схема зарабатывания денег, не подкрепленная никакими социальными или промышленными преимуществами. Это показывает, насколько ошибочно предполагать, что торговцы пятнадцатого и шестнадцатого веков уступали в смелости нынешним или превосходили их в склонности жертвовать собой ради общественного блага; было бы легко собрать любое количество доказательств того, что они, напротив, были совершенно беспринципны в погоне за наживой и что они были смелее, чем все, что известно современным торговцам. Вполне возможно, что так оно и было. Эта история показывает, каким большим рискам, опасностям, замешательствам и разочарованиям они подвергались. Элемент риска был явно огромен, но прибыль, конечно, соответствовала этому, и поэтому мы находим некоторых из этих людей невероятно богатыми; но очевидно, что не было никакой рутины, чтобы помочь человеку, у которого было меньше природных способностей. Не было никакой регулярности ни в одной из приносящих доход операций, таких как судоходные линии и почтовые отделения; не было регулярных и адекватных банковских услуг. Если под “доверием” мы подразумеваем комбинацию для использования монополии, естественной или искусственной, то люди того периода превратили предприятие такого рода в искусство и обладали в нем мастерством, о котором современные люди не имеют ни малейшего представления.

Нельзя не восхищаться мужеством и энергией этого Рота. Ему приходилось бороться со всем; он был намного старше своего возраста. Если бы он жил в наше время, он был бы великим промышленником — мы могли бы поручить ему что-нибудь получше, чем устраивать корнер на пеппер.

В наших нынешних социальных дискуссиях существует особый вид ошибочности, который заключается в квазиисторических утверждениях. Например, говорят, что власть капитала растет, и она больше, чем когда-либо была. По форме это историческое утверждение, но те, кто его делает, никогда не ожидают, что на них будет возложена историческая ответственность за это. Они выбрасывают его с определенным риском, потому что они не очень точно информированы о силе капитала в прежние времена и не слышали, что раньше он действовал так, как сейчас. Капиталисты никогда не обладали такой *безответственной* властью, как сейчас. Говорят, что монополия становится растущим злом; что она никогда не была такой большой. Если люди решат принять законы о создании монополий, они, конечно, должны будут отвечать за последствия; но никогда еще контроль над естественными монополиями не был таким рациональным, как сейчас, и никогда еще усилия клика по созданию искусственных монополий не могли быть так легко сведены на нет, как сейчас. Говорят, что тресты, охватывающие весь мир, представляют собой новую и угрожающую опасность, о которой раньше никто не слышал. Мне показалось, что, если мы хотим знать историю, было бы неплохо

хоть раз увидеть некоторые факты, иллюстрирующие “старые добрые времена” такими, какими они были на самом деле. Конечно, таким образом ничего не доказывается относительно пользы или вреда доверия; но кое-что доказывается относительно ошибочности того класса квазиисторических утверждений, которые я описал.

ДОЛЖНЫ ЛИ АМЕРИКАНЦЫ ВЛАДЕТЬ КОРАБЛЯМИ?47

После войны общественное внимание было более или менее привлечено к заметному сокращению американских перевозок. Обычно предполагалось и признавалось, что это было поводом для сожаления, и возникла некоторая дискуссия относительно средств правовой защиты — что, собственно, делать, чтобы добиться того, чтобы американцы владели кораблями. В ходе этих дискуссий, как правило, наблюдалась явная путаница в отношении трех вещей, которые следует очень тщательно отличать друг от друга: судостроение, транзитная торговля и внешняя коммерция.

1. Что касается судостроения — американцы начали строить корабли как отрасль промышленности в течение пятнадцати лет после поселения в Массачусетском заливе. До революции они успешно конкурировали в качестве судостроителей с голландцами и англичанами и продавали корабли своим конкурентам. Законы о тоннаже и судоходстве сыграли важную роль в вопросе разделения между колониями и Англией, и те же законы заняли важное место в формировании Федеральной конституции. Народу этой страны потребовалось одно поколение, чтобы преодолеть жесткий логический поворот в представлении о том, что законы, которые были пагубными, когда их устанавливала Великобритания, были полезными, когда их устанавливали мы сами. Колебания, которыми была отмечена история наших законов о тоннаже и судоходстве, таковы, что, по-видимому, невозможно проследить влияние законодательства на судостроение. В 1850-1860-е годы стало отмечаться очень большое сокращение количества построенных судов, особенно для океанских перевозок. Паруса начали уступать место паре, но строительство пароходов требовало больших преимуществ любого рода в производстве двигателей и других устройств, то есть требовало наличия в высокоразвитом состоянии ряда важных вспомогательных и сотрудничающих отраслей промышленности. По мере того как железо внедрялось в судостроение, конечно, судостроительная промышленность стала зависеть от дешевых поставок железа, как раньше она зависела от дешевых поставок древесины. Несомненно, эти изменения в условиях самой отрасли стали главной причиной спада судостроения в этой стране, а законодательство имело лишь побочные эффекты. Это очевидный исторический факт, что упадок судостроения начался еще до войны и высоких тарифов. Конечно, последствия, вызванные изменениями в условиях функционирования отрасли, неизбежны; их невозможно избежать никаким законодательством. Они раздражают, потому что разрушают приобретенные привычки и устоявшийся распорядок дня, и они влекут за собой потери при переходе из одной отрасли в другую, но законодательство никогда не может ничего сделать, кроме как привести к тому, что эти потери лягут на какую-то другую группу людей, а не на тех, кто непосредственно заинтересован. За последние несколько лет стало ясно, что сталь должна стать материалом для океанских судов — новое усовершенствование,

которое не приведет к возвращению промышленности в эту страну. Таким образом, в целом упадок судостроения за последние двадцать пять лет, по-видимому, указывает на то, что в настоящее время корабли в мире должен строить кто-то другой, а не мы сами. С помощью законодательных ухищрений мы форсировали производство нескольких океанских пароходов, но эти случаи ничего не доказывают против нашего вывода. Если у этой страны есть хобби владеть несколькими кораблями, построенными в этой стране, и она готова платить достаточно за удовлетворение этого хобби, без сомнения, она может обеспечить себе удовольствие, к которому стремится. Рыбак, который ничего не поймал, иногда покупает рыбу по завышенной цене; он избавляет себя от унижения и получает обед, но обладание рыбой не доказывает, что он с пользой провел свое время или что у него были развлечения.

2. Перевозка грузов отличается от судостроения так же, как тележка отличается от вагоностроения. Судостроение - это профессия людей, владеющих судами; их интересы более или менее враждебны интересам кораблестроителей. Судовладельцы хотят покупать новые суда по низким ценам; они хотят, чтобы количество конкурирующих судов оставалось небольшим; они хотят, чтобы объемы перевозок были высокими. Во всех этих моментах интерес судостроителя противоположен: судовладельцу безразлично, где он приобретает свои корабли; он хочет только, чтобы они были дешевыми и хорошими. Сантиментов в этом вопросе не больше, чем в покупке вагонов курьерской компанией или вагонов смотрителем конюшни.

3. Внешняя торговля - это еще одно дело. Она заключается в обмене товаров одной страны на товары другой. Купцу нужно много кораблей, чтобы перевозить все товары по как можно более низкой цене, но для него не имеет значения, где были построены корабли или кто владеет ими и управляет ими.

Заявления и определения этих трех отраслей достаточно, чтобы показать, какая путаница должна возникнуть при любом обсуждении, в котором они должным образом не разграничиваются. Очевидно, что есть три разных вопроса: (1) Может ли фермер построить транспортное средство? (2) Может ли он доставить свой урожай на рынок? (3) Может ли он продать свой урожай? Очевидно, что страна, которая нуждается в защитных тарифах на чугун и сталь, должна отказаться от всех надежд на строительство судов для морских перевозок. Ибо страна, которая, согласно гипотезе, нуждается в защитном тарифе на чугун и сталь, не может производить эти изделия так же дешево, как какая-либо другая страна. Однако его корабли должны конкурировать в океане с кораблями страны, располагающей дешевым железом и сталью. Первые содержат больший капитал, чем вторые, и их необходимо выводить из океана. Таким образом, если субсидии предоставляются для защиты судоходной торговли, то при судебном преследовании судов, построенных из защищенного железа, убытки переносятся с судовладельцев на людей, которые платят налоги на берегу. Эти налоги, однако, увеличивают стоимость производства всех товаров, производимых в стране, и тем самым уменьшают возможности страны конкурировать во внешней торговле. Это уменьшает количество товаров, подлежащих вывозу и погрузке, снижает фрахт, выводит суда из эксплуатации и препятствует строительству судов; и весь ряд законодательных пособий и поощрений должен быть начат заново, с повторением и усилением тех же результатов. Пока система существует, она работает вхолостую, и статистика, вполне естественно, показывает, что в стране строится все меньше и меньше судов и что все меньше и меньше транзитных перевозок осуществляется под национальным флагом. Принимая во внимание три различных и иногда противоположных интереса, которые связаны своим отношением к вопросу судоходства, нет ничего странного в

том, что, когда представители этих интересов встречаются, чтобы попытаться рассмотреть этот вопрос, между ними просто возникает схватка, чтобы увидеть, кто из них может охватить конвенцию. Последнее соглашение такого рода было подписано владельцами множества непригодных для продажи старых корпусов, которым пришла в голову блестящая идея заставить нацию выплачивать им ежегодное вознаграждение за использование их устаревшей и ветхой собственности. Как ни странно, в стране, которую обвиняют в излишней практичности и твердолобости, это предложение получило уважительное внимание и проработку. Также странно, что наш народ должен верить, что обложение налогом фермеров с целью форсирования производства железа, повторное обложение налогом фермеров с целью форсирования производства судов из защищенного железа и повторное обложение налогом фермеров с целью выплаты субсидий, позволяющих защищенным судам вести бизнес, - это способ сделать эту страну богатой.

Как только три различные отрасли, или подразделения бизнеса, которые я описал, будут отличены друг от друга, станет очевидно, что фундаментальной из трех является внешняя торговля. Если у нас нет торговли, нам не нужны перевозки, и было бы абсурдно строить корабли; если у нас есть внешняя торговля, ее масштабы определяют величину спроса на фрахт и на корабли. Круг налогообложения, о котором я упоминал и который, очевидно, является лишь разновидностью кругооборота, описываемого фермером как центр и точка опоры для принятия на себя веса целого, неизбежно и постоянно порочен, потому что он давит на внешнюю торговлю, которая является надлежащим источником поддержки для перевозки грузов и судостроения. С другой стороны, освобождение внешней торговли от всех ограничений любого рода является единственным средством увеличения естественной, нормальной и спонтанной поддержки перевозок и судостроения, предполагая, что перевозка грузов и судостроение являются самоцелями.

Однако для страны совершенно не важно иметь ни судостроительную промышленность, ни транспортную торговлю, ни внешнюю коммерцию; в этом заключается фундаментальная ошибочность всех популярных дискуссий и дискуссий в Конгрессе о кораблях и торговле. Важно только, чтобы все население было занято в тех отраслях, которые будут лучше всего оплачиваться в условиях данной страны. Ради раскрытия истинной доктрины по этому вопросу мы можем предположить (что не мыслимо как возможный факт), что страна не могла бы получить большей прибыли от экспорта какой-либо части любого из своих продуктов, чем от использования их в домашних условиях. Если бы это могло быть правдой и если бы это было реализовано, доказательством этого было бы то, что никакой внешней торговли не существовало бы. Не было бы никаких оснований для сожалений, поскольку люди были бы удовлетворены и жили бы лучше, чем если бы у них была внешняя торговля. Не существовало бы транспортной торговли и судостроения.

Если бы у страны была внешняя торговля какого бы то ни было масштаба, для этой страны не было бы никаких препятствий осуществлять ее самостоятельно. Цифры, которые показывают сумму, выплачиваемую народом Соединенных Штатов неамериканским судовладельцам за фрахт, и цифры, которые показывают небольшой процент нашей внешней торговли, которая осуществляется под американским флагом, сами по себе вообще ничего не доказывают. Единственный важный вопрос заключается в следующем: являются ли жители Соединенных Штатов сейчас более трудоустроенными, чем они были бы, если бы владели судами и плавали на них? Если бы они не находились под какими-либо ограничениями или вмешательством, этот

вопрос также ответил бы сам собой. Если бы американцы не владели кораблями и не плавали на них, но нанимали людей из других стран для выполнения за них морских перевозок, это просто доказывало бы, что у американцев есть лучшее применение их капиталу и рабочей силе. Они хотели бы, чтобы их транспортировка была осуществлена как можно дешевле. Это все, о чем они заботятся, и для любой нации было бы так же глупо настаивать на осуществлении собственных морских перевозок, выделяя на это капитал и рабочую силу, которые в противном случае можно было бы использовать с большей прибылью, как для торговца было бы настаивать на выполнении своих собственных перевозок, когда какой-то человек, занимающийся перевозками, предложил ему контракт на более выгодных условиях, чем те, на которых он мог бы выполнять эту работу.

Более того, жители страны, у которой было мало внешней торговли, могли счесть очень выгодным заниматься транзитной торговлей. В истории великими торговыми нациями были те, у которых дома была небольшая или бедная территория: голландцы были великими перевозчиками семнадцатого и восемнадцатого веков, когда внешняя торговля на их собственной территории была незначительной; жители Новой Англии прошлого столетия и первой четверти нынешнего столетия стали перевозчиками товаров туда и обратно между всеми частями света, особенно между нашими средними и южными штатами и остальным миром. Они вышли в море, потому что их земля не давала им продуктов, которые могли бы окупить их капитал и труд так хорошо, как это делала транспортная торговля. Они завоевали высокую репутацию благодаря торговой службе, которая была в их руках, и они заработали состояния благодаря энергии, предприимчивости, быстроте и верности. Транзитная торговля - такая же отрасль, как и любая другая; сама по себе она не более и не менее желательна, чем любая другая. При любом естественном и рациональном положении вещей было бы абсурдно писать об этом эссе. Если бы кто-то думал, что в этом бизнесе он сможет получить больше прибыли, чем в каком-либо другом, он бы взялся за это дело. Когда будет проведена перепись, его обнаружат занятым этим делом, сообщат об этом, и на этом дело как явление, представляющее общественный интерес, закончится.

Если бы у страны была внешняя торговля, и некоторые из ее граждан сочли бы транзитную торговлю выгодным занятием для своего труда и капитала по сравнению с другими возможными отраслями промышленности в стране, из этого не следовало бы, что некоторые другие граждане этой страны должны заниматься судостроением. Цель не в том, чтобы строить корабли, а только в том, чтобы получить такие корабли, какие требуются, наиболее выгодным способом. Если человек откажется заниматься извозным бизнесом, если он не сможет производить свои собственные повозки, это будет таким ударом по его здравому смыслу, что кредит его бизнеса будет очень низким. Если некоторые американцы могли бы покупать корабли и управлять ими с целью получения прибыли, какой смысл говорить, что они не должны этого делать, потому что некоторые другие американцы не могут строить корабли с прибылью? Только один ответ на этот вопрос когда-либо был кем-либо предложен, и это предсказание о том, что однажды, если мы будем обходиться без кораблей достаточно долго, мы, просто в процессе обходимости, начнем их получать - предсказание, в отношении которого пророки не дают никаких гарантий, в дополнение к их личному авторитету, за исключением того факта, что у нас с каждым годом становится все меньше кораблей и они становятся все хуже.

Я уже говорил выше, что, если бы не было никаких ограничений или вмешательств, мы бы просто обратили внимание, перешли ли какие-либо американцы на транзитную торговлю или

нет, и на основании этого сделали бы вывод, что они могли бы быть лучше заняты в какой-либо другой отрасли. В настоящее время невозможно сказать, были бы ли, если бы все ограничения были сняты, перевозка грузов или судостроение прибыльной отраслью в Соединенных Штатах или нет. Любое мнение, высказанное кем-либо по этому поводу, является чисто умозрительным. Нынешнее состояние черной металлургии, а также производства двигателей и машин настолько искусственно, что никто не может судить, каковы были бы возможности этих отраслей при совершенно ином положении вещей. Однако именно потому, что нынешнее положение вещей препятствует бесплатной пробной версии, ей нет оправдания; мы все время работаем втемную и на спекуляциях, и у нас нет ни одного из естественных и надлежащих тестов и гарантий того, что мы делаем. Нами управляют предсказания пророков, представления догматиков, грубые ошибки поверхностных изучающих историю, ошибочные выводы поверхностных наблюдателей и эгоистичные махинации заинтересованных лиц. Мы можем выделить множество факторов, действующих в нашем судостроении и в нашей транспортной торговле, но ни один из них не является подлинным или заслуживающим уважения. Мы подчиняемся ограничениям и терпим убытки, и у нас нет никакой гарантии, что мы когда-либо получим какую-либо компенсацию. Экономическая наука однозначно утверждает, что мы никогда ничего не выиграем. Мы расходуем капитал без какого-либо измерения или корректировки *услуги за услугу*; мы тратим без расчета и получаем что—то или ничего - мы не знаем, что именно. Неправильность всего этого заключается не в предположении, что у нас нет определенных отраслей промышленности, которые мы хотели бы иметь (поскольку мы не можем сказать, так это или нет), но неправильность заключается в произвольном вмешательстве, которое мешает нам иметь их, если кто-то хочет вложить в них свой капитал, и которое мешает нам получить надлежащие факты, на которых можно основывать суждение о состоянии и взаимоотношениях отраслей промышленности в стране.

Всякий раз, когда поднимается вопрос о кораблях, возобновляются требования субсидий и щедрот, и нам снова говорят, что Англия наладила свою торговлю с помощью субсидий. Было бы хорошо, если бы мы раз и навсегда пришли к пониманию того, является ли пример Англии хорошим аргументом или нет. Поскольку в то или иное время она опробовала почти все мыслимые экономические безумства, а также провела эксперимент с некоторыми здравыми экономическими принципами, все спорщики находят в ее истории соответствующие им факты, и требуется лишь определенный, легко приобретаемый навык непонимания вещей, чтобы привести любой требуемый аргумент из экономической истории Англии. Некоторые из наших писателей и ораторов, похоже, находятся под влиянием очарования, которое побуждает их принимать в качестве авторитетных примеров безумства английской истории и отвергать ее полезные уроки. Однако в данном случае дело обстоит несколько иначе. Англия - крупный производственный регион; она импортирует продовольствие и сырье и экспортирует готовую продукцию; следовательно, она заинтересована в поддержании связи со всеми частями света в целом и со всей общественностью. Аналогию в нашем случае можно провести с субсидируемыми железными дорогами в наших новых штатах или, что, возможно, еще лучше, с почтовыми маршрутами, которые мы поддерживаем по всей нашей территории из общих соображений общественной пользы, хотя многие такие маршруты вообще не окупаются. Субсидии судам просто ради наличия судов или океанских перевозок, когда для субсидируемых линий нет деловых возможностей, не имели бы аналогии с английскими субсидиями.

Если затем будет поставлен вопрос: должны ли американцы владеть кораблями? Я не вижу, как кто-либо может избежать простого ответа: да, если они этого захотят. По общему мнению, если американец чего-то хочет, он должен это получить, если он может это получить, и если, получая это, он никому больше не причинит вреда. Затрагивать вопрос, собирается ли он это сделать или купить, и собирается ли он купить это у А или у В, - это дерзость. Мы много хвастаемся тем, что у нас свободная страна; наши ораторы до хрипоты кричат о свободе. Однако остановите одного из них и спросите, имеет ли он в виду свободную торговлю и свободные корабли, и он возразит. Нет, не это; так не пойдет. Он выступает за свободу для себя и своих друзей в тех отношениях, в которых они хотят свободы против других людей, но он не выступает за свободу для других людей против ограничений, которые выгодны ему и его политическим союзникам. Он выступает за свободу для тех, кого угнетает кто-то другой, а не для тех, кого угнетает он сам. Я слышал, не так давно утверждалось, что у нас нет монополий в этой стране, *потому* что это свободная страна. Это несвободная страна, потому что в ней больше искусственных монополий, чем в любой другой стране мира. Популярное представление о том, что она бесплатна, проистекает из того факта, что в ней меньше естественных монополий, чем в любой другой великой цивилизованной стране. Необходимо, однако, отправиться в Турцию или Россию, чтобы найти случаи законодательных и административных злоупотреблений, сравнимых с существующими законами и правилами Соединенных Штатов о морских перевозках и внешней торговле. Эти законы привлекались к ним внимание общественности снова и снова, но, по-видимому, без особого эффекта с точки зрения привлечения общественного внимания, в то время как газеты по всей стране разносят подробности о злоупотреблениях в Ирландии, России и Южной Африке. Мы должны прекратить хвастаться свободной страной и просвещенной властью народа в демократической республике по исправлению злоупотреблений, пока остаются законы, которые рассматривают покупку, импорт, владение судами и плавание под парусами как пагубные действия или, по крайней мере, как сомнительные и подозрительные. Я не представляю себе свободного человека или свободную страну, которые могут быть удовлетворены, если гражданин этой страны не может владеть кораблем, если он хочет его приобрести, любым законным способом, которым он мог бы приобрести другую собственность; или не может управлять кораблем, если он находит, что прибыльное занятие соответствует его вкусу и способностям; или не может обмениваться продуктами своего труда с тем человеком, кем бы он ни был, который предлагает наиболее выгодные условия.

ПОЛИТИКА В АМЕРИКЕ, 1776-187648

Когда в 1774 году собрался Континентальный конгресс, мало кто в колониях понимал, что связи с метрополией вот-вот будут разорваны, и лишь немногие, если таковые вообще были, теоретически были республиканцами или предполагали "революцию" в политической системе. Стремление к независимости проявилось в течение 1775 года, и как следствие возник вопрос о форме правления, которую следует принять. Это не представляло реальной трудности. Политическая организация некоторых колоний была уже такова, что не было никаких признаков

зависимости, кроме герба и флага, формы судебных приказов и ответственности перед Торговыми лордами, которая лежала на них очень легко. После внесения необходимых изменений в этих отношениях эти колонии стали полноценными республиками. Остальные соответствовали этой модели.

В результате этих изменений возник большой интерес к политическим спекуляциям, интерес, который впервые получил направление в "Здравом смысле" Пейна и поддерживался прилежным чтением "Политических Рассуждений" Берга и "Истории Англии" Маколея. Те же самые предположения продолжали оставаться излюбленными темами для обсуждения в течение двадцати пяти лет после этого. Журналы того времени в основном состояли из длинных эссе авторов с причудливыми *псевдонимами*, которые обсуждали не простые детали, а фундаментальные принципы политики и управления. Метод изложения не был историческим, если не считать грубых и ошибочных обобщений классической истории, и, по-видимому, считалось, что колониальная история этой страны была особенно непригодна для того, чтобы служить руководством для последующего периода; но в рассматриваемых исследованиях использовался *априорный* метод, исходящий из самых широких и абстрактных предположений. Тот же метод является отличительной чертой американской политической философии, насколько это вообще возможно с тех пор. Это намного проще, чем метод, требующий кропотливого изучения истории.

Естественным результатом войны, но в еще большей степени доктрин в отношении свободы, проповедуемых Пейном, и прискорбной политики местного терроризма, проводимой Комитетами безопасности против тори и беженцев, было создание и выдвижение на видное место класса активных, поверхностных людей, которые ощущали свои новые полномочия и привилегии, но не ответственность, которая должна была бы сопровождать их. Старая колониальная бюрократия, пользовавшаяся всем социальным превосходством, которое позволяла колониальная жизнь, исчезла. Должность была открыта для многих, у кого до войны было мало шансов ее получить. Они страстно стремились к этому, ожидая насладиться социальными преимуществами, которым раньше завидовали. В северных штатах возник класс нетерпеливых соискателей должностей, которые приобрели большое влияние, видели свою арену деятельности особенно в штатах и ревниво выступали против власти Конфедерации. Этот класс превратил ненависть к Англии почти в религию и свидетельствовал о своих политических добродетелях, преследуя тори и беженцев. Они обнаружили, что народные недовольства также были готовы послужить им средством продвижения. Масса людей была разорена войной. Попытки коммерческой войны отразились на нации с большой серьезностью. Бумажные выпуски Конгресса и штатов привели к подрыву ценностей, нарушению контрактов, завышению кредита и подрыву доверия. С наступлением мира промышленность, которая поддерживалась только за счет войны, перестала приносить прибыль; снижение цен привело к всеобщему разорению и оставило тысячи людей в долгах и бедности. Следствием этого стали недовольство и беспорядки. Все это усиливалось контрастом с другим классом, который обогатился за счет каперства, контрактов и "финансирования". Солдат, вернувшийся в лохмотьях, принес с собой всего несколько сумов стоимостью пятнадцать-двадцать центов на доллар, обнаружил свою семью в нужде, а некоторых своих соседей, которые мало чем пожертвовали на войне, обогатившимися на ней и теперь наслаждающимися ее плодами. Всему этому классу казалось, что они еще не получили свободы или что они не знали, что это такое. Они не искали ее в более тесном союзе.

Эта партия, поскольку вскоре она стала партией, нашла союз там, где этого вряд ли можно было ожидать, среди плантаторов-рабовладельцев Юга, — союз, имевший огромное значение в нашей политической истории. К началу войны плантаторы были в большом долгу перед английскими капиталистами и торговцами. Теперь они боялись, что их вынудят выплатить свои долги, и видели в способности правительства генерал-губернаторства заключать договоры источник, из которого могло исходить это принуждение. Поэтому они выступали против любого союза, который укрепил бы и придал силы этой власти. К этой партии присоединились те, кто на теоретических и философских основаниях воспринял энтузиазм в отношении свободы, который тогда был распространен в обоих полушариях. К характеристикам этой партии следует добавить, что она равнодушно смотрела на внешнюю торговлю, мало заботилась об иностранном мнении, была бы рада оказаться изолированной от Старого Света и имела очень грубые мнения относительно статуса и отношений европейских наций.

Эта партия, естественно, продолжала смешивать свободу с равенством, а политическую добродетель с отстаиванием прав. Кроме того, оно смешивало власть с привилегиями и считало, что не должно допускать существования никакой гражданской власти или авторитета, если оно действительно намерено уничтожить аристократические привилегии. Оно не было столь ясным в своем представлении о политических обязанностях и, конечно, не смогло увидеть, что лучший гражданин - это не тот, кто наиболее отстаивает свои политические права, а тот, кто наиболее верен своим политическим обязанностям; что зависть и ревность не являются политическими добродетелями; и что равенства можно достичь, только пресекая всякое социальное продвижение и устанавливая в качестве стандарта не то, что является высшим, а то, что является низким средним показателем.

Противоборствующая партия постепенно формировалась из людей с более широкой информацией и превосходной подготовкой. Эти люди понимали институты Великобритании и их отличие от институтов любой другой страны Европы. Они прекрасно понимали, что война сделала для Колоний. Они не считали, что это изменило внутренние институты, унаследованные от метрополии, или пустило Колонии по течению в море политических спекуляций в попытке найти политическую утопию. Некоторые из них на какое-то время присоединились к распространенному мнению, что американцы лучше и чище остального человечества, но вскоре опыт научил их заблуждаться. Традиции и опыт все еще имели для них значение; и, внедряя инновации, они стремились к развитию, а не к разрушению и реконструкции. Они были консервативны по собственности, образованию и характеру.

Для этой партии было очевидно, что колонии многое потеряли, утратив то место в семье наций, которое они занимали в составе Британской империи, и они считали, что аналогичное место теперь должно быть завоевано на независимой основе. Они понимали необходимость хорошо регулируемых международных отношений, внешней торговли и государственного кредита. Следовательно, их общими усилиями было обеспечить порядок и мир во внутренних отношениях страны путем установления свободы, но свободы по закону; и обеспечить респектабельность и уважение за границей верностью международным договорам и денежным обязательствам, репутацией коммерческой честности и развитием искусства поддержания мира. Первым условием для всего этого был более совершенный союз.

Таким образом, обе партии договорились о пересмотре Статей Конфедерации, но этот пересмотр был осуществлен только после того, как опыт продемонстрировал абсолютную необходимость целей, к которым стремились федералисты, — целей, которые по своей природе менее очевидны и осязаемы. Объединение не было результатом свободных и спонтанных усилий, а было “вырвано из суровой необходимости сопротивляющегося народа”. Политическая партия, которая сопротивляется предлагаемому движению, предсказывая катастрофические результаты, которые оно принесет, должна подчиниться приговору истории. Пройдя этот тест, антифедералисты признаны виновными в сопротивлении самому благотворному действию в нашей политической истории. Победа была одержана не путем написания критических очерков о движении и взаимоотношениях партий, а благодаря прямой и энергичной деятельности тех людей того поколения, которые пользовались наибольшими преимуществами образования и культуры.

Новая Конституция унаследовала от старой системы три зла: рабство (которое составители Конституции терпели, считая его пришедшим в упадок), бумажные деньги (которые, как они думали, они искоренили) и меркантильные теории политической экономии. Эти три зла, в их единичном или комбинированном проявлении, придали характер всей последующей политической истории страны. Одно из них было устранено гражданской войной. Два других противостоят нам как важнейшие политические проблемы современности.

Составители Конституции, не имея в виду никакого точного определения республики, хорошо знали, что она отличается от демократии. Никто из них не был демократом. Во время разработки Конституции они испытывали особый страх перед демократией из-за восстания в Массачусетсе. Они намеревались создать Конституцию для установления организованной или артикулированной свободы, дающую гарантии для нее, которые должны были защищать ее как от народной тирании, так и от личного деспотизма. Действительно, они признали первое большой опасностью, а второе - заблуждением. Поэтому они учредили конституционную республику. Существенной чертой такой системы правления (ибо это система правления, а не политическая теория) является то, что политическая власть передается на условиях временного пребывания в должности, которые невозможно оспорить. То, что она присуждается путем всенародных выборов, не является существенным, хотя во многих случаях это удобно. Обстоятельства Соединенных Штатов естественным образом указывают на этот метод. Созданная система не претендовала на прямое воздействие на общественное мнение в соответствии с его колебаниями. Это скорее предполагало задержки и проверки для обеспечения обсуждения, и было направлено на то, чтобы выразить общественное мнение только после того, как оно созреет. Он стремился устранить предрассудки и страсти, заранее предписывая методы, которые казались справедливыми сами по себе, независимо от конфликтующих интересов, с тем чтобы при возникновении дела ни одной из сторон не могло быть предоставлено никаких процессуальных преимуществ; и он стремился подчинить действию органы, работа которых должна быть настолько обезличенной, насколько это возможно для работы политических органов.

Демократия, с другой стороны, имеет своей существенной чертой равенство, и она наделяет властью численное большинство равноправных политических единиц. Это не система правления для государства с какими-либо, кроме самых узких, ограничениями. В более широкой области это теория о хранителе суверенитета. Оно использует правило большинства, которое является лишь практическим средством для принятия решения там, где что-то должно

быть сделано, а единогласное суждение о том, что должно быть сделано, невозможно, и оно делает это большинство хранителем суверенитета под именем суверенитета народа. Однако этот суверен, как и любой другой деспот, склонен возвеличивать себя и провозглашать неоформленные доктрины о божественном праве суверенного большинства править, обязанности пассивного повиновения меньшинства и о том, что большинство не может поступать неправильно.

Оппозиция Федеральной конституции угасла через год или два, и не удалось найти никого, кто признался бы, что сопротивлялся ее принятию. Партии разошлись во мнениях по вопросам деталей и толкования, и пункты, по которым они расходились, касались тех, в силу чего Конституция налагала задержки и ограничения на народное волеизъявление. Администрации Вашингтона и Адамса постоянно усиливали поддержку конституционных гарантий, поскольку история Французской революции, как казалось федералистам, предоставляла все более убедительные доказательства опасностей необузданной демократии. Оппозиция не видела в той истории ничего, кроме экстравагантных выходок народа, только что обретшего свободу, — видела скорее примеры, которым нужно подражать, чем опасности, которых следует избегать. Сочувствие и благодарность оказали весомое влияние на политические вопросы. Личная исполнительная и судебная власти были главными объектами неприязни, и сам генерал Вашингтон в конце концов подвергся злоупотреблениям более бессмысленным и суровым, чем любой президент с тех пор, за исключением Адамса-старшего, поскольку был признан тот факт, что личность Вашингтона была сильнейшим оплотом, которым система обладала с самого начала.

Однако демократия была и остается настолько глубоко укоренившейся в физических и экономических условиях Соединенных Штатов, что конституционные барьеры, воздвигнутые против нее, оказались слабыми и тщетными. Страхи перед монархией сейчас почти прекратились или высмеиваются. Монархист и аристократ сейчас используются только как эпитеты, чтобы усмирить какого-нибудь чересчур смелого критика нашей политической системы; но в первые дни Республики масса людей верила, что сторонники первых двух администраций стремились к аристократии и монархии. Однако в новой стране с неограниченными земельными ресурсами существенное равенство людей в имущественном, культурном и социальном положении неизбежно. Политическое равенство вытекает естественным образом. Демократия дается в зависимости от обстоятельств дела. Йомен-фермер является преобладающим типом населения. Только когда давление населения и развитие более сложной социальной организации приводят к фактическому неравенству в жизненных обстоятельствах индивидов, политическая аристократия может последовать за социальной аристократией и вырасти из нее. Соединенные Штаты пока далеки от того, чтобы достичь какого-либо такого состояния. Эти факты ощущались, если не были отчетливо проанализированы и восприняты, даже теми, кто теоретически мог бы предпочесть монархические институты; и, как сказал Вашингтон, в стране не было и десяти человек, которые хотели бы монархии.

Федералисты оплатили своим оппонентам не менее преувеличенным страхом перед их принципами и намерениями, считая их якобинцами *исанкюлотами*, которые стремились уничтожить все хорошее и вызвать кровопролитие и анархию. Партийный дух достиг высот, которых с тех пор редко достигали. Партийные оскорбления превзошли все, что было с тех пор. Дополнительным несчастьем было то, что рассматриваемые вопросы были деликатными

вопросами внешней политики и международного права. Это большое зло в республике, когда партии разделяются из симпатии к двум иностранным нациям, и это величайшее из возможных зол, когда они не верят в лояльность друг друга существующей конституции.

Более глубокое движение, которое пробудилось, чтобы повлиять на общее отношение или точку зрения, с которой рассматривалась Конституция (вопрос, конечно, первостепенной важности в соответствии с письменной конституцией), и которое превращало конституционную республику в республику демократическую, не ускользнуло от наблюдения самых проникательных людей первых дней. Фишер Эймс писал Уолкотту в 1800 году: “Факт действительно таков, что помимо трудностей поддержания свободного правительства, и чем свободнее, тем труднее, существует несоответствие между нашей системой и состоянием нашего общественного мнения. Правительство республиканское; общественное мнение, по сути, демократическое. Либо события поднимут общественное мнение достаточно высоко, чтобы поддержать наше правительство, либо общественное мнение низведет правительство до его собственного уровня”. Дело было в том, что правительство не могло при такой системе долго оставаться выше уровня общественного мнения. Федералисты, которым помогал престиж имени Вашингтона, удерживали его там в течение двенадцати лет; но они, вероятно, никогда ни по одному из партийных вопросов, даже при ограниченном избирательном праве, не имели большинства избирателей. Начиная с момента заключения Договора Джея, они получили большинство в Палате представителей только на волне французского оскорбления в 1798 году.

Ведущие деятели 1787-1788 годов, как уже было сказано, усердно и энергично работали в политических целях. Однако не прошло и первого десятилетия существования Республики, как люди начали оценивать стоимость общественной жизни и жертвы, опасаясь злоупотреблений и искажения фактов, сравнивать это с тем, чего они могли бы достичь в политике, и отказываться от состязания. Лучшим государственным деятелям профессии и другие карьеры предлагали славу, богатство, почетный и отрадный успех. В общественной жизни они боролись с шумными, активными людьми, которые не смогли бы конкурировать с ними ни в какой другой профессии, и потерпели поражение от них. Их лучшие усилия были неправильно поняты и представлены в ложном свете. У них не было никакой награды, кроме сознания выполнения высокого общественного долга. Кроме того, им как классу не хватало такта и проникательности, которые необходимы системе. Лидеры Федеральной партии совершили политическую ошибку первой величины, поссорившись с Джоном Адамсом, каковы бы ни были его недостатки. Таким образом, они отделили себя от массы своей собственной партии, и это в то время, когда партии были настолько равномерно сбалансированы, что им требовалась гармония для любого шанса на успех; и они поставили себя в положение хунты или клики, пытающейся диктовать партии, не руководствуясь ее разумом. Те из них, кто отошел от политической жизни или был выброшен из нее вышеупомянутыми причинами, были наиболее активны в этой дезорганизационной работе. Они отказались от задачи того рода, которой они занимались с самого начала и которая, какой бы трудной она ни была, постоянно лежит на культурных классах страны — сделать культуру нации однородной, передавая и получая, живя в нации, в ней и для нее, внося в ее мысль и жизнь свои лучшие запасы, какими бы они ни были. Там открылась брешь, которая с тех пор продолжала расширяться и которая была столь же вредна для нашей культуры, как и для нашей политики. С одной стороны, антикультуре было предоставлено контролировать все, что является коренным и “американским”; а с другой стороны, американская культура была подобна растению на неплодородной почве, преданному болезненному дилетантизму и

рабскому подражанию иностранным образцам, плохо понятым, скопированным из соображений формы и, как правило, подражаемым в их худших недостатках.

Таким образом, в этот ранний день начался фактический уход самых способных людей из политической жизни, о чем мы пришли сожалеть. Многие другие были изгнаны за слишком большую честность и правдивость, идущую вразрез с популярными представлениями того времени. Джон Адамс навлек на себя большую непопулярность за то, что сказал, что английская конституция была одним из величайших достижений человечества — утверждение, которое Каллендер с большим успехом оспаривал, распространяясь о коррупции английской администрации при Георге III, но утверждение, в том смысле, в каком оно было сделано, ни один хорошо информированный человек не стал бы подвергать сомнению. Седжвик изложил принцип, согласно которому правительство может требовать последнего человека в качестве солдата и последнего доллара в виде налогов — абстрактное утверждение, которое не подлежит сомнению, но которое Каллендер оспорил, еще раз с большим успехом среди населения, аргументируя так, как если бы это было предложение забрать последнего человека и последний доллар. Декстер проиграл переизбрание, выступив против пункта закона о натурализации, согласно которому иностранный дворянин должен отказаться от своих титулов после натурализации. Против этого выступали как праздного и легкомысленного, и ему отдавали предпочтение, как если бы каждый иностранный дворянин в противном случае стал бы путем натурализации членом Конгресса. Гамильтон и Нокс отказались от государственной службы из-за мизерной зарплаты. Пикеринга, который покинул свой пост действительно неплатежеспособным и всего с несколькими сотнями долларов наличными, преследовали обвинения в коррупции на основании незакрытых счетов. Уолкотт, по окончании долгой и преданной службы, был привлечен к ответственности за пожар, вспыхнувший в его офисе, как будто он пытался уничтожить протоколы коррупционных разбирательств.

Неудивительно, что эти люди отказались от общественной жизни и что их примеры отпугивали других, если только они не были людьми, рожденными для нее, которые не могли жить вне общественной арены; но верно и сейчас, как это было тогда, что люди истинной культуры, высокого характера и правильного воспитания могут отказаться от общественно-политических усилий, только поступившись некоторыми из наилучших интересов самих себя и своего потомства. Погоня за богатством, являющаяся естественной альтернативой, всегда поглощала слишком много амбиций нации, и при таких обстоятельствах не могло быть иного результата, кроме как возникновение богатого класса, которому богатство не дает почетной социальной власти, в котором оно не пробуждает интеллектуальных или политических амбиций, которому оно не приносит чувства ответственности, но для которого оно означает просто способность покупать то, что они хотят, людей или меры, и наслаждаться чувственной роскошью. Создается класс людей, который насмехается над общепринятыми понятиями, когда использует их, и презирует всех нас с презрением, которое такоскорбительно только потому, что оно так справедливо. Это основано на том факте, что мы не пойдем на жертвы, необходимые для самообороны. Это стремление к богатству было почти единственным занятием, привлекательным для способных людей, которые в первые дни отвернулись от государственной службы. В последующие годы профессиональная карьера, научные и литературные занятия во все большей степени оспаривали господство богатства над энергией нации; но политика еще не вернула себе должной привлекательности для способных и амбициозных людей.

Федералисты также придерживались несовершенной политической философии. Они не понимали, что сила конституционной республики, такой, какой они хотели, должна заключаться в разумном одобрении и доверии граждан. Адамс и Гамильтон сошлись во мнении, что для придания прочности системе должна быть создана какая-то искусственная связь. Гамильтон искал это в интересах богатого класса, который он хотел включить в систему — теорию, которая превратила бы ее в плутократию. Адамс искал связь в стремлении к социальному превосходству и не видел, что там, где такое превосходство проистекало только из богатства или официального положения, сам принцип человеческой природы, на который он ссылался, под видом зависти противодействовал его усилиям.

Президентские выборы 1801 года были перенесены в Палату представителей, и федералисты добавили к своей прежней ошибке еще одну, гораздо более серьезную. Отказавшись от своих претензий на принципиальность и характер, они занялись политическими интригами и торгом, пытаясь избрать Берра, а не Джефферсона. В противном случае их уход из власти мог бы быть почетным, и они, как оппозиционная партия, могли бы отстаивать непреклонные принципы и политическую честность; но после этого им было трудно говорить об этих вещах, особенно после того, как Берр продолжил развивать характер, о котором Гамильтон предупреждал их, что он обладает. Они оказались в положении “независимых избирателей”, оказывая помощь то одной, то другой фракции большинства; но история не показывает, чтобы они когда-либо заставляли ту или иную “принимать хорошие меры” по очевидной причине, что большинство владело инициативой. Покупка Луизианы казалась им передачей власти Союзу южным и пограничным штатам, средоточию политических теорий, которые они считали безрассудными и незаконными. Они опасались, что власть Союза будет использована для того, чтобы пожертвовать торговлей и привести в действие дикие теории, которые поставят под угрозу интересы северных и восточных штатов, а унаследованные институты конституционной свободы, которые они ценили как свое лучшее достояние, будут свергнуты. Эмбарго и запрет на половые сношения казались лишь воплощением этих опасений. Обращение меньшинства всегда заключалось в том, чтобы ссылаться на Конституцию и настаивать на неконституционности того, чему они не могли противостоять голосованием, при этом каждая партия, в свою очередь, свидетельствовала об истине, что Конституция является реальной гарантией прав и свобод. В крайнем случае, меньшинство, если оно было местным и видело, что большинство угрожает использовать огромную власть Конфедерации, чтобы подчинить интересы меньшинства интересам остальных, почувствовало, что его лояльность к Союзу падает. Трудно сказать, как далеко зашли федералисты в этом направлении, но они определенно зашли дальше, чем впоследствии были готовы признать или вспомнить. После второй войны они постепенно исчезли из поля зрения как политическая сила, и в двадцатые годы слово “Федералисты” стало ругательством.

Противоположная партия, называемая самими республиканцами после 1792 года, приняла определенную форму оппозиции администрации Вашингтона по вопросу ратификации Договора Джея. Впервые их называли демократами в 1798 году, и это название было оскорбительным. Однако они приняли его сначала в связи с прежним названием; и совместное название “Демократические республиканцы” илилибо отдельно использовалось безразлично вплоть до середины этого столетия. Джефферсон был лидером этой партии. Он не писал никаких политических рассуждений и не помогал в упомянутых попытках сформировать общественное мнение; но его выражения в письмах и беглых заметках так точно соответствовали течению демократии, что, казалось, он вложил в уста людей именно то

выражение для смутных понятий, которое они сами еще не смогли облечь в слова. Джефферсон, по сути, не был мыслителем. Он был хорошим образцом *априорного* политического философа. Он не рассуждал и не делал выводов; он догматизировал на основе самых широких и опрометчивых предположений, которые выдавались за самоочевидные истины. Он не заимствовал из современных французских школ, поскольку его демократия другого типа; но обе они возникли из одних и тех же зародышей и использовали одни и те же методы спекуляции. Френо, Бах, Каллендер и Дуэйн постоянно воздействовали на общественное мнение, и Джефферсон вошел в руководство созданной ими партии благодаря определенному умению давать лозунги и догматические выражения для идей, которые они распространяли.

Догмы, которым учил Джефферсон или представителем которых он был, не были лишены истины. Их ошибочность заключалась в том, что они включали в себя много лжи, а также в исключении огромного количества правды, которая лежала вне их. Например, догма о том, что голос народа - это голос Бога, не лишена истины, если она означает, что просвещенное и зрелое суждение человечества является высшим вердиктом на земле относительно того, что истинно или мудро. Это истина, которую стремятся выразить в церковной догме о соборности, но политическая и церковная догмы имеют одно и то же ограничение. Этот вердикт человечества не может быть получен в каком-либо формальном и конкретном выражении и абсолютно недостижим на основании предположений, предшествующих эксперименту. Это только в истории; или, скорее, это составляет историю. В доктрине и практике Джефферсона это сводилось просто к следующему практическому правилу: критерием мудрости для государственного деятеля и истины для философа является популярность. Когда перед государственным деятелем встает трудный практический вопрос о том, что делать, в соответствии с этой теорией он выдвигает то, что кажется ему наилучшим в качестве предложения. Таким образом, если ответная волна народных симпатий накатывает на него быстро и с той интенсивностью, к которой он привык, он делает вывод, что сделал мудрое предложение, и идет вперед. Если в ответе есть задержка или неуверенность, он отступает. Фактическое действие этой теории заключается в том, что, если государственный деятель, о котором идет речь, является кумиром большинства населения, одобрительная реакция будет быстрой и уверенной, потому что предложение исходит от него, а не потому, что апелляционный суд рассмотрел или может рассмотреть этот вопрос. Если непопулярный человек попытается использовать тот же тест, ответ будет сомнительным, слабым, колеблющимся или нетерпеливым, потому что те, к кому он обращается, не имеют необходимой подготовки, или времени, или интереса судить по этому вопросу. В целом, теория популярна, потому что людям льстит мысль о том, что они могут решать что угодно бесцеремонно, в свете природы, или путем некоторого быстрого применения предположений относительно “естественных прав”, или путем проверки популярной догмы или предрассудка. Это попирает науку, мышление и культуру и превращает их хвастовство в презрение. С другой стороны, это делает невозможным управление государством. Учеба и мышление пропадают даром. Не может быть никакого авторитета, основанного на информации, науке или обучении, и никакого лидерства, завоеванного благодаря им. Если решение должно приниматься всенародным голосованием, почему бы не отказаться от бесполезных хлопот и не довериться только этому?

Таков был исход в истории, как будет показано далее, доктрин, связанных с именем Джефферсона, хотя на самом деле они происходили из великих социальных тенденций того времени и обстоятельств, в которых находился американский народ. Любовь к философствованию о правительстве была характерной чертой жизни второй половины

восемнадцатого века. Применялся только метод философствования на предположениях. Американцы, со скудным опытом и высокими целями, охотно прибегали к абстракциям. Привычка заниматься двумя или тремя профессиями одновременно разрушила уважение к специальным или техническим знаниям. Казалось бы, нет ничего неразумного в том, чтобы передать вопрос юриспруденции или международного права торговцам, фермерам и механикам, чтобы они высказали свое мнение по этому поводу как о простом инциденте в их обычных занятиях. Сам Джефферсон мог сесть и, исходя из собственного сознания, разработать план укреплений и военно-морского флота для страны, над которой нависла неминуемая угроза войны, по-видимому, испытывая не больше опасений, чем если бы он планировал перестройку в своем поместье.

“Чем дальше продвигалась демократия, сначала в теории, затем на практике, тем полнее вера в равенство всех [в правах и привилегиях] превращалась в умах масс в веру в равную способность всех решать политические вопросы любого рода. Принцип простых чисел постепенно вытеснил принцип размышления и изучения”. Эта тенденция достигает своего апогея в популярных доктринах о том, что каждый человек имеет право на свое мнение и что мнение одного человека так же важно, как и мнение другого. У нас есть множество иллюстраций того могущества, которое это придает “фразе”.

Хорошо было сказано, что “люди могут рассуждать только исходя из того, что они знают” — доктрина, которая сократила бы количество рассуждений, которые должен делать любой человек, до очень малого. Обычная практика состоит в том, чтобы рассуждать, исходя из того, чего мы не знаем, что делает каждого человека философом.

Избрание Джефферсона стало первым триумфом тенденции к демократии — триумфом, который до сих пор никто не обратил вспять. Старый консерватизм прежних администраций умер, и важно отметить, что с этого времени у нас конфликтуют не те же две партии, что и раньше, а только фракции или подразделения одной партии, которая при Вашингтоне и Адамсе была в оппозиции к администрации.

Это событие не оправдало опасений, которые были высказаны перед выборами. Джефферсон не отказался ни от какой части исполнительной власти. Он возвеличил это так, как не осмелился бы сделать ни один из его предшественников. Он не отказался от центральной власти в пользу прав штатов; и его внешняя политика, управляемая симпатией к Франции и ненавистью к Англии, была слишком острой и энергичной. Редко случается, чтобы оппозиционная партия, приходя к власти, ставила перед собой тот же вопрос, что и ее предшественница, и подвергала испытанию свою собственную политику. Это случилось с Джефферсоном. Договор Джея был нерешительно подписан Вашингтоном, и он дал стране десять лет мира и нейтралитета. Джефферсон отверг договор Пинкни и Монро, и через шесть лет страна была вовлечена в бесплодную войну.

Администрация Мэдисона возродила многие социальные обычаи, которые Джефферсон демонстративно отбросил в сторону, в соответствии с общим духом предпочтения, на основании республиканской простоты, того, что является обычным, а не элегантным и утонченным. Естественная тенденция партии власти думать, что то, что есть, правильно, и что, пока они чувствуют себя комфортно, другие люди должны чувствовать себя так же, была очевидна здесь. Во время первого президентского срока Мэдисона это зашло так далеко, что лидеры сочли необходимым нарушить монотонность и каким-то образом снова обеспечить

готовность и активность политической жизни, которые царили при Джефферсоне. Они вынудили Мэдисон вступить в войну с Англией — войну, которая внесла беспорядки в финансы и посеяла бедствие среди людей, которая снискала некоторую славу на море только благодаря подтверждению старой политики федералистов в отношении военно-морского флота, но которая была отмечена катастрофой на суше вплоть до битвы при Новом Орлеане. С восстановлением мира в Европе Англия получила свободу действий в отношениях с Соединенными Штатами, и был поспешно заключен мир, в котором вопрос о наложении ареста, единственный спорный вопрос, был оставлен именно там, где он был в начале.

В нашей внутренней политике наступила “эра добрых чувств”. У старых партий больше не было причин для существования. Были приняты некоторые федеральные доктрины. Военно-морской флот был уверен в своей популярности. Федеральная финансовая система была принята партией у власти. Они влезли в долги, установили прямые налоги и завербовали армию. Столкнувшись с проблемами войны и долга, они не нашли лучшего способа справиться с ними, чем способы, которые были разработаны более старыми нациями и в принятии которых они обвиняли федералистов. Вопросы нейтралитета исчезли с восстановлением мира в Европе. Опасения якобинства, с одной стороны, и монархии - с другой, были признаны нелепыми. Однако, если кто-то склонен преувеличивать пороки партии, ему следует изучить историю эпохи добрых чувств. Политические проблемы ушли, но их место заняли личные. Личные фракции возникли вокруг каждого из выдающихся людей, которые могли претендовать на пост президента, и в своей борьбе за продвижение своих фаворитов и уничтожение соперников они привнесли в политику позорную серию клеветы и личных скандалов. Каждый кандидат должен был защищаться от клеветы, от нападок, основанных на его служебной или частной жизни. Газеты были завалены полемикой, письмами, документами и доказательствами по этим обвинениям. Характер большей части этого дела таков, что вызывает отвращение и насмешки. Г-н А. рассказывает г-ну Б., что, находясь в Вашингтоне, он присутствовал на обеде в доме г-на С., на котором г-н Д. сказал, что он вышел на сцену с г-ном Э., который сказал ему, что г-н Ф. видел письмо от г-на Г., предполагаемого друга одного кандидата, г-ну Х., другу другого кандидата, в котором выдвигаются обвинения против первого кандидата, о которых он (г-н Г.) считал долгом чести сообщить. Мистер Б. публикует свою информацию, а затем следуют длинные письма от всех остальных джентльменов с объяснениями, опровержениями, подтверждающими показаниями и так далее, в бесконечных повторениях и путанице. Еще одной примечательной чертой того периода было то, что каждый общественный деятель, казалось, был готов опубликовать “оправдание” при малейшей провокации, и что в этих оправданиях путаница между характером и репутацией, по-видимому, повсеместна.

Кульминацией этой фракционной борьбы стала кампания 1824 года. Первое упоминание генерала Джексона на пост президента, по-видимому, содержится в письме Аарона Берра своему зятю Олстону из Южной Каролины в 1815 году. Предпринималась попытка сформировать партию против олигархии Вирджинии. Те, кто был вовлечен в это, искали кандидата, который мог бы быть достаточно сильным, чтобы добиться успеха. Берр оправдал свою репутацию политика, указав на этого человека, но было еще слишком рано. Стандарты того, каким должен быть федеральный чиновник, были еще слишком высоки. Газета Albany Argus сказала о назначении в 1824 году: “Его [Джексона] уважают как доблестного солдата, но в умах жителей этого штата он стоит на неизмеримом расстоянии от исполнительного кресла”. Однако имя Джексона использовалось в связи с президентством на различных местных съездах в 1822 и 1823 годах; и, хотя выдвижение кандидатуры в целом было встречено с безразличием

или презрением на Севере и Востоке, вскоре стало очевидно, что он был самым опасным соперником в этой области. Кандидатуры до сих пор выдвигались собраниями членов Конгресса от обеих партий. До второго выдвижения Джефферсоном кандидатур они проводились под приличной завесой секретности. С тех пор они осуществляли все более полный и признанный контроль. Кроуфорд был отмечен за преемственность, хотя он был подвергнут некоторому дисциплинарному взысканию за то, что позволил использовать свое имя на собрании 1816 года против Монро. Противоборствующие кандидаты теперь обнаружили, что выдвижение кандидатов от кокусов было злом, и объединили силы в движении, чтобы положить им конец. Это движение получило одобрение населения на общих принципах. Когда созывалось собрание, на нем, естественно, присутствовали только друзья Кроуфорда — шестьдесят шесть из двухсот шестнадцати членов-республиканцев. Выдвижение, вероятно, задело его. С гордостью говорилось, что король Каукус теперь свергнут с престола, но никогда не было большей ошибки. Он только что достиг совершеннолетия и сбежал из-под опеки. Он собирался вступить в права наследования.

Генерал Джексон получил наибольшее количество голосов в коллегии выборщиков; и когда выборы поступили в Палату представителей, было громко выдвинуто требование, которое было слабо услышано в 1801 году, о том, что Палата должна просто выполнить “волю народа”, избрав его. Это заявление отчетливо подняло уже описанный вопрос о том, что демократия противоречит Конституции. Предусматривает ли Конституция выборы в Палату представителей при определенных непредвиденных обстоятельствах или она просто возлагает на нее обязанность превратить голосование по множественному голосованию в выборы? Большинства ни у кого не было, но Палату представителей действительно попросили отдать решающему голосованию полномочия, которые, даже по демократической теории, принадлежат большинству.

Выборы не могли не вызвать недовольства трех кандидатов и их сторонников, но партия Джексона была, безусловно, самой недовольной и шумной. Они приступили к организации и труду для следующей кампании. Это были проникательные, активные люди, которые хорошо знали арену и науку игры. Они оказали администрации Адамса безжалостное сопротивление. Серьезных партийных проблем не было; действительно, страна переживала период глубокого мира и процветания, который давал мало материала для истории и мало поводов для активной политической борьбы. Администрация была простой и деловой и вела дела правительства с той плавностью и тихим успехом, которые присущи системе во времена мира и процветания. Мистеру Адамсу было предложено консолидировать свою партию, воспользовавшись покровительством исполнительной власти, и было высказано мнение, что, если бы он сделал это, он мог бы добиться своего переизбрания. Он упорно отказывался это делать.

Правда заключалась в том, что в стране воцарился новый дух, и что кандидатура Джексона была формой, в которой она добивалась приема в федеральную администрацию. Здесь мы сталкиваемся с одной из самых больших трудностей в изучении американской политической истории. Силы, которые мы обнаруживаем в действии на федеральной арене, берут свое начало в политической борьбе и личной зависти местных политиков, то в одном штате, то в другом; и доктрины, которые выдвигаются в Вашингтоне и предстают перед нами в зрелом возрасте, действительно выросли в штатах. Ротация на посту президента начала практиковаться в Нью-Йорке и Пенсильвании в начале века. Затем федералисты потеряли власть в этих штатах, и их политическая история состоит из борьбы фракций Республиканской партии. Джефферсон и

Мэдисон преподавали демократию в Вирджинии, но им и в голову не приходило, что “белые из низов” действительно будут вмешиваться в становление политики. Они ожидали, что джентльмены-плантаторы встретятся и договорятся о распределении должностей, и что тогда массы получат привилегию избирать предложенных ими людей. Клинтон и Ливингстоны в Нью-Йорке были демократами, но они также понимали, что на практике они должны распределять должности за своими обеденными столами.

В то же время люди, подобные Дуэйну, писали эссе для фермеров и механиков, которые читались от одного конца Союза до другого, в которых они проповедовали враждебность к банкам и “власти денег”, враждебность к судебной системе и введению общего права Англии, выборам судебных чиновников, ротации на должностях и всем догмам, которым мы обычно приписываем гораздо более позднее происхождение. Эти понятия даже нашли некоторое практическое применение, как, например, при политическом импичменте судей в Пенсильвании в 1804 году — действиях, которые, к счастью, не стали прецедентами. Новые конституции, которые время от времени принимались в течение первой четверти нынешнего столетия, демонстрируют медленное действие этой закваски наряду с постепенным внедрением улучшений, гораздо менее вызывающих сомнения.

После 1810 года началась также серия великих изобретений, которые действительно открыли этот континент для человечества. Пароход был бесценен для страны, в которой были большие реки, но почти не было дорог. В 1817 году Де Витт Клинтон убедил Нью-Йорк начать строительство канала Эри, и прежде чем он был закончен, были спроектированы или начаты десятки других. В политическом и финансовом отношении система внутренних улучшений оказалась катастрофической, но эти предприятия помогли в событиях, которые мы сейчас проводим, поскольку они помогли открыть ресурсы континента для тех, у кого ничего не было. Огромная масса населения обнаружила, что неуклонно приобретает собственность и комфорт. Их независимость и уверенность в себе росли. У них появились новые черты национального характера и усилились некоторые из старых. Они были полностью уверены в своих силах, не боялись трудностей, легкомысленно относились к опыту, были готовы бесцеремонно решать любые проблемы, смеялись над собственными ошибками, презирали науку и учебу, переоценивали практичного человека и переоценивали материальные блага. Такому классу доктрины демократии казались аксиомой, и они приписывали демократии преимущества, которые достались им как первым пришельцам в новой стране. Они обычно верили, что политическая система создала их процветание; и они никогда не понимали, что само изобилие новой страны, простота жизни и общая раскованность социального организма позволили их промахам обойтись без пагубных последствий, которые последовали бы в более старом и плотном сообществе. С тех пор одни и те же причины приводили к похожим результатам.

Политический механизм также претерпел большое развитие в течение первой четверти века. В Нью-Йорке, пожалуй, было задействовано наибольшее количество талантов и навыков в этой работе, и первым использованным двигателем была установленная мощь. Противоборствующие стороны были всего лишь личными и семейными группировками, но они неукоснительно использовали власть, когда получали ее, чтобы завоевать почести и места. Возникла такая концепция должности, согласно которой она рассматривается как одолжение, оказываемое ее обладателю, а не как должность, на которой должна выполняться работа на государственной службе. Следовательно, чиновник сел наслаждаться, вместо того чтобы идти на работу, чтобы служить. Если какой-нибудь ревностный человек, придерживающийся

последней точки зрения, приходил к власти, он вскоре обнаруживал, что может рассчитывать на то, что его обвинят во всем, что пошло не так, но получит мало признания или вознаграждения, пока дела идут хорошо, и что самая безопасная политика - ничего не предпринимать. Общественность была худшим казначеем, самым требовательным и несправедливым работодателем в стране, и ей оказывали худшее обслуживание. Следствием этого стало то, что ранняя политическая история Нью-Йорка представляет собой немногим больше, чем историю объединений и ссор фракций, ежегодных выборов и списков сменяющихся должностных лиц. Клинтон и Ливингстон объединились против Берра, который был центром нетерпеливого, активного и амбициозного кружка молодых людей, которые уже угрожали применять демократические доктрины с последовательностью, к которой аристократические семьи не были готовы. Затем они начали бороться друг с другом до тех пор, пока Ливингстоны не были разлучены. Затем "мартлингмены" и клинтонцы, мэдисонцы и клинтонцы, "Бактейлы" и клинтонцы, с различными подразделениями, продолжали конфликт до тех пор, пока Конституция 1821 года не изменила условия борьбы, и партийными заголовками не стали регентство и антирегентство, или Регентство и народная партия, или Регентство и рабочая партия. Конечным результатом всего этого для национальной политики стало создание класса законченных "политиков", искусных во всей работе по "организации", которая в любой широкой демократии должна быть в первую очередь. Некоторые из этих джентльменов вышли на национальную арену в 1824 году. В то время Регентство поддерживало Кроуфорда как законного преемника. На своих собственных условиях Адамс мог выиграть бой, но этого не произошло. Не требовалось проницательности этих людей, чтобы, поразмыслив, увидеть, что Джексон был грядущим человеком. Он был в восходящей силе и принадлежал к ней. Он представлял собой новое и более строгое применение догм Джефферсона. В его манерах, вкусах и образовании не было ничего холодного или аристократического. Его никогда не учили стремиться к чему-то высокому, элегантному и утонченному, и он не был избалован общением с теми, кто развил в себе искусство жизни. Более того, у него было огромное преимущество - военная слава. Он запугивал судью, но выиграл битву при Новом Орлеане. Он повесил человека вопреки приговору военного трибунала, но этот человек был британским эmissаром. Было ясно, что поднимается волна, которая приведет его к президентскому креслу, и другим амбициозным людям надлежало цепляться за его юбки и подниматься вместе с ним.

Именно в тарифе 1828 года и вокруг него сосредоточились конфликты, в которых эти различные силы были объединены или нейтрализованы для достижения результата. Изучающий нашу экономическую или политическую историю не может уделять слишком пристальное внимание этому кризису. В течение следующих пятнадцати лет финансовые и политические вопросы неразрывно переплетаются.

Избрание Джексона знаменует новую эру в нашей политической истории. В Федеральной администрации появился новый порядок людей. Все местные сторонники новой администрации, которые работали на нее и, следовательно, имели на нее права, устремились в Вашингтон за своей наградой. Похоже, что алчность этой толпы вынудила Джексона к "реформированию" правительства. Политические обычаи, выросшие в Нью-Йорке и Пенсильвании, были перенесены в Вашингтон. Мистер Марси в речи в Сенате 24 января 1832 года по поводу назначения Ван Бюрена министром в Англии смело изложил доктрину о том, что добыча принадлежит победителям, назвав ее доктриной, которая, как ему показалось, не требует никакой деликатности со стороны политиков. На самом деле, для людей, выросших так, как вырос мистер Марси, привычка в этом отношении, должно быть, заставляла эту доктрину

казаться естественной и необходимой для политической системы. Нью-йоркские политики разработали целый кодекс политической морали для всех отделений и членов политической партийной машины. Они изучили страсти, предрассудки и прихоти человеческих тел. Они создали организацию, в которой все части были приспособлены для поддержки и помощи друг другу. Подчиненные офицеры смотрели на партийных лидеров снизу вверх и поддерживали их, внедряя партийный аппарат во все уголки государства, а партийные лидеры, в свою очередь, заботились и защищали своих подчиненных. Вся партия настаивала на организации и дисциплине как на первом политическом долге. Едва ли есть явление, более интересное для социального философа, чем наблюдать, как в условиях политической системы, замечательной своей рыхлостью и неорганизованностью, социальные связи возвращаются и подтверждают себя в форме партийной тирании, и наблюдать, как в условиях политической системы, где лояльность и преданность Государству - это всего лишь названия, усиливаются лояльность и преданность партии. Это одна из форм, при которой система представляет собой постоянную опасность, а именно, что часть может организовать, чтобы использовать целое в узких и эгоистичных целях. Идея содружества утрачена, и общественная арена кажется лишь ареной борьбы для эгоистичных клик. В особом случае с нью-йоркскими фракциями все это усугублялось тем фактом, что на карту не было поставлено никаких вопросов достоинства, никаких реальных вопросов государственной политики, а были только фракции всех мастей, борющиеся за служебные трофеи. Вполне естественно, участники думали, что трофеи принадлежат победителям — в противном случае соревнование вообще не имело смысла. Теперь в этой системе провозглашалась и насаждалась верность собранию. Побег или баллотировка против очередного выдвижения были тяжкими преступлениями, которым редко потворствовали. С другой стороны, лидеры исповедовали доктрину, согласно которой человеку, отказавшемуся от своих притязаний ради блага партии или стоявшему на стороне партии, никогда нельзя позволять страдать за это. Те же доктрины были более или менее приняты в Вашингтоне, но слабо и робко. С этого времени они переросли в твердое признание. При их действии политика превратилась в ремесло. Государственный служащий по необходимости был политиком, и работа, которой он жил, была не службой по служебному долгу, а трудом политической партии. Пребывание в должности было настолько ненадежным, а жалование таким мизерным, что можно было найти лишь немногих людей с подходящими способностями, которые не думали бы, что они могли бы легче, приятнее и достойнее зарабатывать себе на жизнь какой-нибудь другой карьерой. Государственная служба тяготела к рукам тех, кто в сложившихся обстоятельствах был готов взяться за нее. Это принесло несколько крупных призов в виде коллекционирования и т.д., вознаграждение за которые резко контрастировало с зарплатой некоторых высших и наиболее ответственных должностных лиц в правительстве; но, по большей части, государственная служба попала в руки людей, которые были подвержены искушению заставить ее оплачиваться.

После всеобщего натиска на кокус в 1824 году он вышел из употребления как средство выдвижения государственных служащих, и его место заняли съезды. На первый взгляд это казалось более полным воплощением демократической идеи. Люди должны были встретиться и действовать по своему усмотрению. Однако вскоре выяснилось, что единственное изменение заключалось в необходимости более высокой организации. В тридцатые годы действительно имело место воплощение теории, которая, кажется, сейчас ушла в прошлое; была спонтанность и готовность к объединению и организации общих действий, которых больше не существует; были общественные интересы и активность, выходящие далеко за рамки того, что сейчас

можно наблюдать. Поражает тот незначительный повод, по которому проводились собрания, возникало сильное возбуждение и начинались энергичные действия. Хорошим примером является антимасонское движение с 1826 по 1832 год. "Партия свободы" (аболиционисты), "Коренные американцы", "противники аренды жилья" - все они свидетельствуют о легкости объединения, которой, безусловно, сейчас не существует. Однако это необходимая предпосылка для чистого функционирования механизма собраний и съездов. Об усилиях объединить всех хороших людей говорилось с самого начала, но они всегда терпели неудачу из-за отсутствия между ними такой прочной связи, как узы интересов, которые объединяют фракции.

В течение десятилетия с 1830 по 1840 год был создан совершенно новый набор оборудования, соответствующий новым требованиям. Это заключалось в комитетах, собраниях и конвенциях, которые в конечном итоге распространились на районы крупных городов и направлялись проникательными и опытными людьми. Под их контролем инициатива "народа" угасла. Общественность увидела избранных людей, которых они никогда не выбирали, и принятые меры, которых они никогда не желали, и самих себя, короче говоря, ставших игрушкой системы, которая уговаривала и льстила, одновременно обманывая их. Если губернатор был избран с помощью какого-нибудь политического обмана, чуть более вопиющего, чем обычно, он был очень склонен в своей инаугурации нарисовать мрачную картину изнеженных монархий Старого Света и поздравить народ с благословением, которым они пользовались, имея возможность выбирать своих собственных правителей.

Этот период был полон новой энергии и бурной жизни. Железные дороги только начинали расширять производство, начатое парходами и каналами. Иммиграция быстро увеличивалась. Применение антрацитового угля в искусстве произвело в нем революцию. Повсюду царила величайшая активность. Литература и наука, которые до этого существовали лишь скудно, вступали в жизнь. Общественные журналы, которые раньше были органами отдельных лиц и фракций или заменяли книги, теперь начали трансформироваться в современную газету. Трудности и проблемы, связанные со всей этой новой жизнью, были действительно велики, и задачи правительства, как в том, чтобы различать, что принадлежит ему, а что нет, так и в том, чтобы делать то, что ему действительно принадлежит, были велики. Что касается общих принципов Демократической партии того времени в отношении сферы управления, то история уже вынесла вердикт, что они были здоровыми и правильными. По основным вопросам, которые разделили администрацию и оппозицию, суд должен вынести вердикт в пользу администрации. Эти вопросы действительно не были ясны, и стороны, как обычно предполагается, не приняли по ним однозначную сторону. Свободная торговля, поскольку она была представлена компромиссным тарифом, была результатом коалиции между Клеем и Кэлхуном против администрации после того, как ссора Кэлхуна с Джексонсом привела последнего к отмене соглашения, в соответствии с которым Кэлхун выбыл из конкурса 1824 года и занял второе место. Юг теперь находился в том же положении, в каком находились северо-восточные штаты в начале века. Южане считали, что тариф 1828 года подчинил их интересы интересам другой секции, которая имела большинство в правительстве штата, и что Союз использовался только как средство подчинения их таким образом. Они ухватились за резолюции Кентукки и Вирджинии 1798 года, которые Джефферсон и Мэдисон приняли, находясь в оппозиции, как за основу для сопротивления, и поставили тарифный вопрос на карту

не меньшую, чем гражданская война и разобщенность. По этому вопросу не было сторон. Южная Каролина осталась одна.

Банки с самого начала были политическим вопросом в штатах и в правительстве в целом. История Пенсильвании и Нью-Йорка полна громких скандалов на эту тему. Время от времени применяемые банковские методы вызывали осуждение со стороны наиболее консервативных и здравомыслящих людей и вызывали у некоторых менее уравновешенных людей огульную враждебность. Атака Джексона на Банк Соединенных Штатов была продиктована политическими мотивами, и он предложил вместо него банк, основанный на “кредите и доходах правительства” — предложение слишком расплывчатое, чтобы его можно было понять, но предполагавшее грандиозную бумагоделательную машину в то время, когда Банк Соединенных Штатов был в лучшем состоянии. Эта атака сразу сплотила вокруг себя все местные банки; великая победа 1832 года была победой не столько твердых денег, сколько государственных банков над национальным банком. Изъятие вкладов было опрометчивым финансовым шагом, и крах 1837 года был его прямым результатом.

Традиционная позиция Демократической партии в отношении твердых денег имеет другой источник. В 1835 году в Нью-Йорке возникла партия как фракция Таммани, которая получила название “Партия равных прав”, но вскоре получила название “партия локофоко” из-за инцидента, произошедшего в Таммани-холле, и который свидетельствует об остроте партийной тактики того времени. Эта партия была радикальным движением внутри партии администрации. Она утверждала, и достаточно справедливо, что вернулась к джефферсоновскому источнику и черпала более глубокие и чистые воды, чем джексоновские демократы. Она требовала равенства с новой энергией и в своих обличениях монополий и банков подошла очень близко к правам собственности. Он требовал, чтобы все хартии могли быть отменены, настоятельно выступал за металлическую валюту, сопротивлялся применению английских прецедентов в судах и законодательных органах и желал выборной судебной власти. Как отдельная партия она просуществовала всего пять или шесть лет, а затем была уговорена прекратить свое существование благодаря превосходной политической тактике; но недаром это название распространилось на всю партию, ибо, если отбросить некоторые экстравагантности, две или три ее основные черты вскоре были переняты демократами.

Таким образом, позиция администрации в отношении важнейших мер государственной политики не была ясной и основательной, но тенденция была в правильном направлении, особенно в отличие от политики, проводимой вигами. Что касается внутренних улучшений, администрация рано заняла позицию, которая полностью оправдывалась результатом, и в своем несогласии с распределением избыточных доходов ее позиция была неопровержимой. В ретроспективе его практическое руководство правительством имеет меньше оснований для удовлетворения. Помимо общего понижения тона, о котором упоминалось, имели место скандалы и злоупотребления, которые нет необходимости уточнять. Первый кабинет генерала Джексона внезапно распался на части в результате частного скандала и попытки президента навязать частные социальные вкусы своего кабинета, или, скорее, их жен. Он придерживался доктрины популярности, и ее естественное воздействие на человека с его характером, лишенного трезвости воспитания и культуры, заключалось в том, что она побуждала его к незаконному своеволию. Он считал себя избранным представителем всего народа, на которого, как такового, возложены особые обязанности по отношению к Конгрессу. “Воля народа” здесь получила новое расширение. Он нашел это в себе, и то, что он там нашел, он без

колебаний противопоставил воле народа, поскольку она нашла выражение через его конституционные органы. В то же время практика “инструкций” ознаменовала собой продолжение, с другой стороны, общей тенденции приблизить публичные действия к контролю меняющегося большинства.

Избрание Ван Бюрена стало триумфом собрания и конвента, которые теперь свелись к едва ли меньшей точности действий, чем старое собрание в конгрессе. Ван Бюрен, однако, проявил больше принципиальности, чем можно было ожидать от его репутации. Ему пришлось нести всю вину за пагубные плоды ошибок, допущенных за последние восемь лет. Придерживаясь радикальной тенденции, или локофоко, он попытался отделить банк от государства с помощью независимого казначейства, и при этом потерял поддержку “банковских демократов”. Это, вкуче с естественным политическим отвращением после финансового кризиса, лишило его переизбрания.

Партия вигов была богата способными людьми, что делает еще более удивительным тот факт, что в их политических доктринах нельзя найти разумной политики правительства. Вопрос о национальном банке все еще может рассматриваться как открытый, и поддержка банка не означала поддержку неконвертируемых бумажных денег; но их политика высоких тарифов для защиты, внутренних улучшений и распределения избыточного дохода была пагубной, насколько это было возможно. Они также демонстрируют тот же недостаток политической проницательности, который мы отмечали у федералистов, чьими преемниками они в целом были. Они колебались между принципом и целесообразностью таким образом, чтобы не получить преимуществ ни от того, ни от другого; и они бросали своих лучших людей ради доступных людей как раз в такие моменты, когда отказывались от всех своих преимуществ. Кампания 1840 года представляет собой жалкую историю. В ней есть черты, которые почти трагичны. Для достижения успеха был выбран человек, не имевший никаких признаков выдающегося положения и способностей для этой должности. Его выбор свидетельствует о тревожных поисках военного героя. В результате был найден тот, чья слава была извлечена из сомнительной традиции войны на границе с индейцами. Кампания была отмечена проведением массовых митингов и систематическими выступлениями в защиту пней, а также возведением “бревенчатых хижин”, которые обычно служили барами для собравшейся толпы, так что многие люди, сошедшие в могилу пьяницами двадцать или тридцать лет назад, связывали свое крушение с “кампанией за крепкий сидр”. После выборов оказалось, что голодные виги могут подражать демократам 1829 года в их стремлении к власти и, если уж на то пошло, лучше в обучении. Смерть президента была частично объяснена беспокойством и усталостью. Это оставило мистера Тайлера президентом, и тогда возник вопрос, кем был мистер Тайлер — вопрос, которому съезд в Гаррисберге, утомленный выбором между Клеем и Харрисоном, не уделил особого внимания. Оказалось, что он был таков, что победа вигов обратилась в прах. Никакой банк был невозможен, никакое распределение было невозможно, а только тариф, который был хромым и слабым с точки зрения вигов. Кабинет министров подал в отставку, оставив мистера Уэбстера одного на своем посту. Напрасно, как истинный государственный деятель, он убеждал вигов править вместе с мистером Тайлером, поскольку они заполучили его и не могли избавиться от него или заполучить кого-либо другого. Как истинный государственный деятель, он опять же оставался на своем посту, несмотря на искажение фактов, до тех пор, пока не смог завершить подписание английского договора, и еще одной особенностью этой истории было то, что из-за этого он потерял позиции в своей партии. Система не позволяла мистеру Уэбстеру получать высшую награду государственного деятеля,

планировать и формулировать меры таким образом, чтобы оставить след в истории своей страны. Это позволяло ему лишь свести к минимуму вред, который могли нанести меры других людей. В обстоятельствах того времени война с Англией была неизбежна, и были веские основания опасаться, что переговоры попадут в руки людей, которых мистер Тайлер собирал вокруг себя. Виги были сломлены и обескуражены, а поскольку их дисциплина всегда была намного слабее, чем у их противников, им, казалось, угрожал распад. Другая партия, однако, была разделена местными проблемами и разбита на фракции. Ее дисциплина пострадала, и ее старые лидеры потеряли свой пыл, в то время как новые не появились, чтобы занять их места. Западные штаты достигли таких размеров и влияния в конфедерации, что для двух или трех старых штатов стало невозможным больше контролировать национальную политику.

При таком положении вещей лидеры юга выступили вперед, чтобы придать импульс и направление национальной администрации. У них было то, что всегда было у политиков юга, - свободное время для совещаний. У них также были характер и социальное положение, а также кодекс чести, который позволял им полагаться друг на друга без каких-либо особых уз, кроме общих. У них была такая связь, общая и полная, в их доле в рабстве. Они могли рассчитывать, без сомнений и опасности, на поддержку во всем своем подразделении. У них также была фиксированная программа, что было огромным преимуществом для установления контроля над массой людей без какого-либо особого побуждения. Кроме того, у них был традиционный союз с демократами Севера — союз, который всегда был неестественным и нелогичным, а теперь превратился в извращение этой партии. Они подготовили свои принципы, доктрины и конституционные теории в соответствии со своими планами.

Трудности с Мексикой в отношении Техаса возникли во время правления Джексона. Эти трудности казались беспричинными и несправедливыми со стороны Соединенных Штатов, и казалось, что их лелеяла одна и та же сила. Дипломатическая переписка по этому делу неприятна для чтения тому, кто хотел бы видеть свою страну честной и прямолинейной, не желающей ни запугивать, ни подвергаться запугиванию. Таковой не была позиция Соединенных Штатов в этом вопросе.

Лидеры юга были полны решимости присоединить Техас к Соединенным Штатам, и с этой целью они ухватились за политический механизм и приступили к его использованию.

Избрание Полка - еще один момент, на который изучающему американскую политику следует обратить пристальное внимание. Интриги, которые его окружали, были раскрыты лишь частично, но при тщательном изучении они дают глубокое представление о природе сил, действующих во имя воли народа. Проблема рабства была здесь введена в американскую политику; и когда этот вопрос однажды был поднят, он “не мог быть решен до тех пор, пока не был решен должным образом”. В течение десяти лет предпринимались усилия, чтобы этот вопрос не касался политики и не допустить раскола партий по этому поводу. Желалось, чтобы старые партии сохранили свое название и организацию, с тем чтобы их можно было использовать, в то время как фактические цели достигались второстепенными средствами. Партия с такой организацией и дисциплиной, с такой историей, какая была у Демократической партии в 1844 году, является ценным достоянием. Это подобно хорошо обученному и послушному животному, которое будет выполнять назначенные задачи по данному сигналу. Введение новых лозунгов и отступление от рутины, чтобы использовать разум вместо привычки,

нарушает дисциплину. Следовательно, усилия сводятся к тому, чтобы свести новые и важные вопросы к второстепенным, рассматривать их как бы между прочим, в то время как старые общие вопросы скрепляют организацию. Однако можно с уверенностью сказать, что в долгосрочной перспективе истинные проблемы обязательно станут актуальными, и что промедление и обман только усиливают конфликт.

После избрания Полка независимое казначейство и сравнительная свобода торговли были закреплены в политике правительства на пятнадцать лет с такими благотворными результатами, что сделали их самыми гордыми традициями партии, которая их приняла.

Мистер Кэлхун отошел от оппозиции во время правления Ван Бюрена и начал формировать движение южан и руководить им. Его собственный разум двигался слишком быстро для его приверженцев, и он не мог заставить их поддержать его до тех позиций, которые он считал необходимым занять; но, даже несмотря на это, шаги южной программы предпринимались с быстротой и носили характер, шокировавший несовершенным подготовленным северных союзников. Демократическая партия Севера не была партией рабовладельцев. Виги и демократы Севера объединились в неодобрительном отношении к волнениям, связанным с отменой смертной казни, и в поддержании компромиссов в Конституции. Виги старой линии и демократы ханкера были единодушны в консерватизме, который сопротивлялся постановке этого вопроса; но когда в 1844 году Ван Бюрена спросили в качестве проверочного вопроса кандидату, поддержит ли он аннексию Техаса, тема рабства на территориях была выброшена на политическую арену с южной стороны. Тогда речь не шла об отмене рабства в южных штатах, который не мог обсуждаться иначе, как в безответственных газетах и на безответственных платформах. Речь не шла о распространении рабства на старые территории, поскольку Техас и индейская территория преграждали путь ко всему, что оставлял открытым Миссурийский компромисс. Теперь речь шла о захвате, покупке или завоевании новых территорий для рабства, и все хорошо знали, что главной причиной восстания Техаса было то, что Мексика отменила рабство. Юг действительно утверждал, что подвергался агрессии и посягательствам в связи с рабством с момента принятия Конституции, и теперь была предпринята попытка добиться компенсации. Форма, в которой прозвучало это предложение, была немалым шоком для тех, кто всегда был в союзе с Югом. Партийные деятели, такие как Ван Бюрен и Бентон, отступили. Южане, такие как Клей, сопротивлялись. Фактическое столкновение с оружием, вызванное обманом путем и намеренно искаженное, положило конец дискуссиям и вызвало военную лихорадку под пагубным девизом “Наша страна, права она или нет”. Если мы свободный народ и сами управляем собой, то наша страна - это мы сами, и у нас нет никаких гарантий справедливости, если мы отбросим эти стандарты в тот момент, когда натворим достаточно плохого, чтобы оказаться в состоянии войны. Более того, война закончилась приобретением территории, которое, конечно, пользовалось популярностью; и это доказало, что эта территория богата драгоценными металлами, что еще больше повысило ее оценку населением. Предыстория войны была забыта.

Однако его политические результаты были гораздо важнее. Теперь Кэлхун выступил вперед, чтобы предотвратить длительный конфликт в отношении рабства на этих территориях с помощью новой доктрины, согласно которой Конституция распространялась на все национальные владения и несла с собой рабство, — доктрины, которую его последователи в течение десяти лет после этого не осмеливались принять и строго применять и которая расколола Демократическую партию Севера. Отмена Миссурийского компромисса и введение

в действие Закона о беглых рабах были лишь шагами в конфликте, который все еще был запутанным, но который готовился к кризису. Юг, как и всякий шумный претендент, не считающийся с последствиями, добился широких уступок от противника, который стремился к миру и довольству и который ясно видел опасности борьбы за пределами конституции и закона.

* * * * *

Аболиционисты, начиная со своей первой организации, придерживались "непримиримого" курса. Они отказывались голосовать за любого рабовладельца или за любого, кто проголосовал бы за рабовладельца, и отвергали все союзы, которые предполагали какие бы то ни было уступки. Таким образом, они не раз помогали наиболее враждебной им партии и, с точки зрения рядового политика, были виновны в большой глупости. Однако они показали, какова сила организации, у которой есть принципы, нет амбиций и которая довольствуется тем, что остается в меньшинстве. Вероятно, если бы Юг был более умеренным, аболиционисты привлекли бы к себе не больше внимания, чем фанатичная религиозная секта; но по мере развития событий они стали лидерами величайшего политического движения в нашей истории. Отказ Конвента вигов 1848 года принять резолюцию против рабства и упомянутые выше важные действия, а также народная реакция против партии, которая, если бы добилась своего, никогда бы не завоевала обширные территории на Тихом океане, уничтожили партию вигов. Партийные менеджеры, разъяренные огромным иностранным элементом, который, как они видели, год от года прибавлялся к их противникам, формируя, как оказалось, когорту, особенно подверженную партийной дисциплине и диктату партийных менеджеров, присоединились к движению коренных американцев, которое существовало с тех пор, как начался большой прилив иммиграции. Усилия потерпели крах из-за очевидных экономических глупостей, связанных с этим. Как новая страна может чинить препятствия иммиграции рабочей силы? С политической точки зрения эффект был велик, подтвердив преданность натурализованных избирателей в массе своей Демократической партии как партии, которая защитит их политические привилегии от злонамеренных нападок. Формирование партии свободных земель или ее перерастание в Республиканскую партию привело к распространению рабства на территориях и расширению его влияния в управлении правительством, что отчетливо обозначилось как главный политический вопрос.

В этом вопросе Демократическая партия как политическая организация, традиционно состоящая из южан, о которых говорилось выше, из той части старой Демократической партии севера, которая не была отвергнута недавними успехами в требованиях южан, и из большого числа иммигрантов, которые рассматривали эту партию как партию бедняков и друзей иммигрантов, выпала из того места, которое она занимала как представитель великой демократической волны, которая протекает через нашу политическую историю и формирует ее. Это движение выступало за равенство. Оно разрушило все традиции и предрассудки, которые были унаследованы от Старого Света. Это стерло из нашей истории почти все воспоминания о старой федеральной партии с ее идеями социального и политического лидерства. Это подорвало престиж богатства и образования в политике. Это привело к ограничению сроков полномочий и исключению всех языковых терминов и церемониальных обрядов, имеющих тенденцию обозначать официальный ранг, ограничило уважение и авторитет, приличествующие должности. Ненависть северян к рабству в более поздние времена была

вызвана скорее ощущением того, что оно было недемократичным, чем ощущением того, что оно было аморальным. Всегда было аномалией, что виргинцы были *демократами по преимуществу* считали фермеров-йоменов Новой Англии аристократами, в то время как, согласно любым правильным определениям или стандартам, штаты Новой Англии, безусловно, были самыми демократическими государствами в мире. Рабство было очевидным препятствием для любой такой классификации; и когда рабство стало политическим вопросом, партии заняли свою последовательную и логичную позицию. Подъем и победа Республиканской партии были лишь продолжением того же грандиозного движения за равенство. Старые споры между федералистами и сторонниками Джефферсона закончились такой полной победой последних, что подрастающее поколение считало доктрины Джефферсона аксиомами или определениями американских институтов. Каждый школьник мог бы догматизировать о естественных и неотъемлемых правах, об условиях, в которых созданы люди, о правах большинства и о свободе. Тех же самых доктрин сегодня придерживаются массы людей, и они придерживаются их настолько неявно, что из них выводятся следствия с более бесстрашной логикой, чем та, которая применяется к политическим вопросам где-либо еще в мире. Даже ученые и философы, которые размышляют о них и сомневаются в них, не спешат выражать свое несогласие, настолько ревниво и быстро народ судит о покушении на них. Таким образом, Демократическая партия пятидесятых годов была неверна своему фундаментальному принципу равенства, когда она последовала за своим союзом с Югом и позволила вести себя против равенства для негров. Не действовали ли здесь тонкие принципы человеческой природы - вопрос слишком далеко идущий, чтобы его здесь рассматривать.

С подъемом Республиканской партии в американскую политику пришли новые элементы. Поставленный на карту вопрос по форме носил моральный характер. В нем были задействованы бескорыстные, моральные и религиозные мотивы. Она вышла за рамки собственно политической сферы — целесообразных мер, которые должны быть приняты для достижения целей, признанных желательными, — и включала справедливость и право в отношении этих целей. Следовательно, в нем присутствовали героические элементы: самопожертвование ради нравственного блага и преданность праву вопреки целесообразности. В то же время проблема была ясной, простой, единственной и отчетливой. Организация на нем была тесной и гармоничной не из-за партийной дисциплины, а из-за фактического согласия в мотивах и целях. Американская система была здесь представлена во многих отношениях в лучшем виде, и она в большей степени соответствовала своим теоретическим результатам при избрании Линкольна, полностью представительного человека из числа большинства, чем при любых других выборах в нашей истории. Вероятно, именно воспоминание и стандарт такого положения вещей заставляет людей, находящихся сейчас на сцене, верить, что коррупция распространяется и что политическая система деградирует. Это одна из особенностей правительства Соединенных Штатов, что оно имеет мало исторической преемственности. Если бы их было больше или если бы люди лучше разбирались в своей собственной политической истории, вышеупомянутое мнение не нашло бы под собой оснований. Изучающий историю, который возвращается в прошлое в поисках золотого века, не находит его.

Все героические элементы в политическом вопросе 1860 года были, конечно, усилены войной. Существовало сознание патриотической жертвы, заключавшейся в том, чтобы смириться с потерями, кровопролитием и налогами ради идеи, ради дальнейшего расширения политических благ, которыми давно пользовались и которые высоко ценили. После войны национальная гордость и сознание силы естественным образом усилились, но возникшие тогда

вопросы были иного порядка. По сути, это были политические вопросы. Они касались налогообложения, финансов, восстановления Юга, статуса вольноотпущенников. Военный пыл или моральный пыл политического соперничества не могли оставаться на прежнем высоком уровне. Последовала естественная реакция. Вопросы, которые касались результатов войны, вызвали быстрый и энергичный отклик. Не в человеческой природе было бы, чтобы такая реакция не была окрашена ненавистью к мятежникам и худшими страстями, которые пробуждает война. Ибо война - это в лучшем случае всего лишь варварский импровизированный инструмент для решения политических вопросов. Пусть они никогда не будут столь высоки и чисты в своих моральных аспектах, война низводит их до соприкосновения с самыми низкими страстями — жестокостью, алчностью и местью. Более того, было естественно, что люди хотели отдыха и тишины после тревог и волнений войны. Каждый домохозяин желал в мире наслаждаться политической системой, которую он защитил и установил с помощью войны; он не хотел возобновлять волнения на политической арене. Возникшие вопросы больше не были такими, которые можно было бы решить, ссылаясь на общую политическую догму, или моральный принцип, или текст Священного Писания. Они были таковы, что могли поставить в тупик самого мудрого юриста-конституционалиста, или самого способного финансиста, или самого мудрого государственного деятеля. Последовавшие за этим безразличие и апатия были замечательными, и, вероятно, у них были еще другие причины. За последние двадцать пять лет количество и разнообразие предметов, требующих определенной доли интереса и внимания интеллигентных людей, значительно возросли. Литература приобрела совершенно новое распространение и форму. Газеты ежедневно публикуют информацию о политических и социальных событиях в полудюжине цивилизованных стран. Новые науки отвечают интересам всего сообщества. Образовательные, церковные, санитарные и экономические мероприятия, в которых задействовано общественное благосостояние, требуют части времени и усилий каждого гражданина. В то же время торговля и промышленность претерпели такие изменения в форме и методах, что успех в них требует гораздо более тщательного и эксклюзивного применения, чем раньше. Социальная организация становится все более сложной, разделение труда неизбежно становится все более утонченным, а ценность экспертных способностей быстро растет.

Из всего этого следует, что, хотя общественные интересы становятся шире и весомее, способность среднестатистического избирателя справляться с ними снижается. Неудивительно, что у нас нет политической активности первой половины этого столетия. Вместо того, чтобы ухватиться за право участвовать в принятии решений, мы уклоняемся от ответственности. Мы более склонны делать здесь то, что следовало бы делать в любом другом деле, — искать компетентные руки, в которые можно было бы возложить ответственность. Частые выборы, вместо того чтобы вызывать приятный интерес у рядового избирателя, кажутся утомительными помехами. Чего он хочет, так это хорошего правительства, честной и эффективной администрации, делового постоянства и точности. Он признает в краткосрочных и непрерывных выборах не возможность для него контролировать правительство, а возможность для профессиональных прихлебателей партий зарабатывать на жизнь и постоянно повторяющуюся возможность для интриганов разного ранга войти и осуществить свои планы, когда люди слишком заняты, чтобы наблюдать за ними. Похоже, укрепляется мнение, что из-за страха перед властью мы устранили как эффективность, так и ответственность; что если власть объединить с ответственностью, она будет достаточно робкой и неохотной; и что избирателю нужно лишь сохранить за собой право надзора и вмешательства время от времени. Более

поздние конституции штатов демонстрируют реакцию на конституции первой половины столетия в отношении продолжительности сроков полномочий и общей тенденции людей брать гарантии против самих себя или своих представителей. По-видимому, также существует тенденция исследовать теорию назначений или выборов на должность как средство разработки мер, более удовлетворяющих этой цели. Ни одна система никогда не даст самоуправляющемуся народу правительство, которое лучше, чем они могут оценить; но само убеждение, на которое мы ссылались ранее, что правительство деградирует, является лучшим доказательством того, что общественные стандарты в отношении *персонала* и методов управления растут. По-видимому, считается, что план народного отбора применим к должностным лицам исполнительной и законодательной власти, но неприменим к судебной системе или административным должностным лицам. В одном случае выбор зависит от общих вопросов политики; в другом случае - от личной квалификации и технической подготовки, в отношении которых масса избирателей не может быть проинформирована и не может судить. В некоторых кругах предпринимались неудачные попытки возложить обязанность производить определенные назначения на судей, поскольку как класс они пользуются наибольшим доверием населения и поскольку ограничения, связанные с их положением, являются самыми серьезными. Однако, похоже, на это расходуются наши последние резервы. В последние годы было много критики политических движений и обстоятельств. На первый взгляд, это не кажется очень плодотворным. Люди, кажется, обращают на это так же мало внимания, как набожные католики на заявленную коррупцию Церкви; но другие, более глубокие признаки указывают на консервативное движение, медленное, какими и должны быть все народные движения, но тем не менее реальное.

Система политических партий, сложившаяся до войны, не претерпела никаких изменений в течение героического периода. Доктрины добычи и ротации на должностях действительно были осуждены, но оказалось (как и должно казаться любой новой партии, приходящей к власти), что интересы, поставленные на карту, были слишком велики, чтобы рисковать, оставляя какую-либо часть администрации в руках недовольных людей, и, с некоторыми извинениями, изменения были внесены. Судьба партии, находящейся у власти, состоит в том, чтобы привлечь к себе всех беспринципных людей, которые стремятся жить политикой, и потерять своих принципиальных приверженцев, поскольку по одному вопросу за другим они не одобряют ее действия. Моральные и героические доктрины или настроения республиканской партии были всего лишь политическими принципами, которые давали наилучшие шансы беспринципным. Человек с коррумпированным характером мог "ненавидеть рабство", когда это было линией популярности и успеха, и мог быть "лояльным", когда только лояльные люди могли получить должности. Политический механизм, рост которого прослежен, был принят новой партией как практическая необходимость, и люди "внутри политики" все еще учат старому кодексу, разработанному Таммани Холлом и регентством Олбани, не только как единственным правилам успеха для амбициозного политика, но и как единственной здоровой теории, на основе которой можно управлять Республикой. В тех кругах, где до сих пор были изобретены все усовершенствования системы, недавно появилось новое и зловещее явление в виде "Босса". Он - последний и совершенный цветок долгого развития, над которым трудились сотни умелых и коварных людей и в которое американский народ вложил, безусловно, большую часть своей политической энергии. Было замечено, что дисциплина или принуждение, которых мы опасаемся в национальных целях и при конституционных формах, проявляется в партии с силой военного деспотизма; и что концепция лояльности, для которой мы не можем найти надлежащего

объекта в нашей системе, полностью развита в партии. При этом последнем развитии событий мы также обнаруживаем лидерство, аристократическую власть наиболее способных, более того, даже монархический контроль короля партии. Он диктатор без должности. У него есть власть, без раздражения или ограничений, связанных с должностью. Он является продуктом длительного процесса естественного отбора. Он поднялся по служебной лестнице, был испытан различными тестами, прошел подготовку на подчиненных должностях и добился постоянного продвижения по службе — всех процессов, которые, как нам говорят, являются дальновидными и аристократичными, когда мы пытаемся устроить его на государственную службу. С нынешней сложной системой комитетов, восходящих по иерархии от прихода к нации, с продуманной системой праймериз, комитетов по выдвижению кандидатов, кокусов и съездов, ни один гражданин из тысячи не мог бы рассказать, каким образом избирается городской чиновник. Наблюдение за этими вещами и управление ими становится особым ремеслом, и власть, которая правит, - это не “воля народа”, а адрес, с которым составляются “списки”. Организация - это секрет, с помощью которого управляются ветви политического механизма, когда они с помощью различных приспособлений не сводятся, как в крупных городах, к простым формам. В этих случаях кольцо и “Босс” являются естественным исходом. Любой, кто получает контроль над машиной, может управлять ею для производства того, чего он желает, за исключением, возможно, того, что если он попытается заставить ее производить добро, он может обнаружить, что это влечет за собой обратное действие всего механизма, при котором он разлетится на куски. Эти события пока носят локальный характер, поскольку разграбление большого города - это награда, от которой нельзя отказаться ни перед каким соблазном, который может предложить правительство в целом. В некоторых случаях они враждебно относятся к власти федеральных чиновников там, где это наиболее опасно, так что они нейтрализуют друг друга. В то же время некоторые положения федерального законодательства в области “защиты” и субсидий предлагают высокие стимулы и широкие возможности для развращения государственной службы. Система в огромном изобилии предоставляет средства для вознаграждения приверженцев, щедрого распределения средств, сбора средств на предвыборную кампанию и оказания услуг; и она имеет тенденцию объединять людей в клики по всей службе на основе взаимной помощи, поддержки и защиты. Предположим, что кольцо и “Босс” когда-нибудь будут внедрены в эту систему!

Нельзя считать здоровым признаком то, что такое положение вещей вызывает только смех или стон отворачивания или, в лучшем случае, критическое эссе. Иногда кажется, что пророчество Кэлхуна вошло в историю: “Когда однажды придет понимание, что политика - это игра, что те, кто в ней участвует, лишь играют свою роль, и что они выбирают ту или иную профессию не из честных убеждений или намерения их реализовать, а как средство ввести людей в заблуждение и через это заблуждение получить власть, — когда такие профессии будут полностью забыты, люди потеряют всякое доверие к общественным деятелям. Все будут рассматриваться как простые фокусники, как честные и патриотичные, так и хитрые и расточительные, и люди станут безразличными и пассивными к грубейшим злоупотреблениям властью на том основании, что те, кого они могут возвысить, под какие бы то ни было обещания, вместо реформ будут лишь подражать примеру тех, кого они изгнали”.

В окончательном изложении концепции “воли народа” и позиции Конгресса по отношению к ней Конгресс стал робким и колеблющимся перед лицом трудных задач. Оно знает, как действовать, когда народ высказался, и никак иначе. Политик получает свое мнение на выборах, а законодательный орган хочет, чтобы на него давили, даже в вопросах, требующих

оперативности и энергии. Государственная мудрость не имеет положительной стороны и находится в значительном упадке. Число способных людей, которые раньше оказывали свои услуги по разработке, исправлению и противодействию законодательству и на которых можно было бы возложить ответственность за руководство сомнительными и трудными мерами, значительно сократилось. Часто замечалось отсутствие "лидеров". Факт, по-видимому, заключается в том, что способные люди заметили, что такие государственные деятели, как были описаны, несли основную тяжесть тяжелой работы и считались ответственными за то, чему они изо всех сил пытались помешать; что они всю свою жизнь лелеяли тщетные надежды и амбиции и видели, что им отдавали предпочтение низшим людям, без таланта или трудолюбия. Печально наблюдать за тоном, принятым по отношению к простому члену Конгресса как таковому. Когда кто-то размышляет о том, что он является членом высшего законодательного органа страны, не является отрадным признаком времени то, что к нему следует относиться без уважения, что оскорбление его чести должно восприниматься как самонадеянно справедливое, и что мальчики должны отпускать легкомысленные шутки в адрес должности, как будто это связано с сомнительной репутацией. Если Республика обладает властью решать свои собственные задачи, она не может слишком быстро принять меры по созданию представительного органа, который будет уважать себя и которого будут уважать без сомнений и вопросов как внутри страны, так и за рубежом; ибо времена изменились, и вопросы изменились, и мы больше не можем позволить себе управлять собой с помощью мелких людей. Интересы сейчас слишком обширны и сложны, и величайший вопрос, который сейчас назревает, - валюта, - таит в себе слишком большие возможности навредить всему этому поколению, чтобы оставить его спортом некомпетентных людей. Демократическая Республика ликует по поводу того факта, что она, вопреки ожиданиям своих врагов, провела большую гражданскую войну с успешным результатом. Гораздо более серьезная нагрузка на демократическо-республиканское самоуправление ложится на возникающие сейчас вопросы: можем ли мы предотвратить махинации с субсидиями? можем ли мы исправить административные злоупотребления? можем ли мы очистить механизм выборов? можем ли мы пересмотреть ошибочные финансовые системы и построить надежные? Война возвала к самым простым и распространенным инстинктам человеческой природы, особенно учитывая, что человеческая натура развивается в условиях демократических институтов. Стоящие перед нами вопросы требуют для своего решения высокой интеллектуальной мощи и подготовки, большой умеренности и самоконтроля и, возможно, не меньшей готовности идти на жертвы, чем сама война.

Такой обзор столетия американской политики, какой был дан здесь, должен поднять вопрос о том, был ли курс восходящим или нисходящим, и был ли эксперимент успешным или нет. По таким вопросам мнения могут сильно различаться, и я предпочитаю высказать по ним только индивидуальное мнение.

Федеральная политическая система, какой она исторически является в намерениях и действиях ее создателей, представляется мне не допускающей никаких возражений и единственной, соответствующей обстоятельствам данного дела. Я предпринял здесь суровую и точную критику его истории, как единственного курса, соответствующего стоящей передо мной задаче, и картина может показаться мрачной и неутешительной. Я не знаю политической истории, которая, если бы к ней относились таким же беспощадным образом, выглядела бы намного

лучше. Я не нахожу в нашей истории ничего, что могло бы поставить под сомнение осуществимость и практическое преимущество конституционной республики. Эта система, однако, предполагает и настоятельно требует высокого интеллекта, большого политического чутья, самоотверженной активности, умеренности и самоконтроля со стороны граждан. Это определено система для трезвомыслящих людей. Это требует той мужественности и широты взглядов, которые учитывают все факторы вопроса, не поддаются софистике, никогда не цепляются за детали, возражения или второстепенные вопросы ради упущения главного и, прежде всего, которые могут соизмерять нынешнее преимущество с будущими потерями и индивидуальный интерес с общим благом. Эти требования достаточно упомянуть только для того, чтобы показать, что они настолько высоки, что неудивительно, что мы не соответствовали им в нашей истории. Задача истории - показать нам, где и почему, чтобы в будущем мы могли добиться большего успеха.

Если приведенный выше очерк нашей политической истории был представлен с каким-либо успехом, он показывает суждение, которое сложилось в моем сознании в результате его изучения, а именно, что содержание Конституции в ходе истории претерпевало неуклонные изменения в направлении демократии. Если бы письменная конституция была защищена всеми мыслимыми интерпретациями, пока она не стала бы такой же объемной, как Талмуд, ее нельзя было бы защитить от исторического процесса, который делает ее для одного поколения отличной от того, чем она является для другого, в соответствии с использованием и потребностями каждого. Я упомянул силы, которые, как мне кажется, создают здесь демократию. Они материальны, и с ними невозможно бороться. Однако, на мой взгляд, установление догмы о том, что все люди одинаково компетентны выносить суждения по политическим вопросам, является искажением демократии; и еще худшим ее извращением является принятие практического правила, согласно которому они должны быть призваны проявлять эту способность по всем вопросам в качестве обычного процесса решения этих вопросов. Догма ложна, а практическое правило абсурдно. Собрания, перетягивание каната и все другие злоупотребления - всего лишь паразиты, которые растут на этих ошибках.

Мне кажется, реформа не заключается в ограничении избирательного права или в других произвольных мерах революционного характера. Они невозможны, если бы были желательны. Опыт - единственный учитель, авторитет которого признается в этой школе, и я надеюсь, что опыт научит всех нас тому, что право выбора должно использоваться для отбора компетентных людей для решения вопросов, а не для косвенного решения самих вопросов. Я ожидаю, что этот опыт будет очень болезненным, и я ожидаю его очень скоро.

Что касается вопроса, вырождаемся мы или нет, я уже высказал свое мнение, что мы не вырождаемся. Сетования по этому поводу никогда не смолкали. Мне кажется, что при участии всего сообщества тон повышается, а стандарты продвигаются вперед, и что это одна из главных причин, по которой система, кажется, вырождается. Существующее законодательство подпитывает и порождает несколько поразительных скандалов, которые оказывают огромное влияние на умы людей. То же самое законодательство деморализовало людей и извратило их представления о функциях правительства даже в деталях, касающихся интересов города и прихода. Политический механизм также совершенствовался до тех пор, пока полностью не подавил волю народа и не вызвал своего рода отчаяние в отношении любых попыток вернуть то, чего у народа не было отнято; но я думаю, что было бы большой ошибкой предполагать, что за всем этим не стоят такие же высокие политические стандарты и такая же здравая общественная

воля, как когда-либо прежде. Здесь необходимо проводить очевидное различие между управлением правительством или методами партийной политики и общим политическим духом народа. Громкие скандалы быстро забываются, а их было слишком много на протяжении всей нашей истории. Партийные методы, безусловно, становились все хуже и хуже. Государственная служба, безусловно, ухудшилась; но я должен судить, что политическая воля нации никогда не была более чистой, чем сегодня. Эта воля нуждается в наставлениях и руководстве. Его обучают медленно и с большими усилиями, особенно через литературные труды, потому что он научился недоверию. Ему не хватает организованности, и его усилия спазматичны и неуклюжи. Доказательства его существования не очень определенные, и любой человек, высказывая суждение, должен находиться под влиянием круга, с которым он наиболее знаком; но есть некоторые публичные признаки этого, которые являются лучшим ободрением, которое у нас есть сегодня.

АДМИНИСТРАЦИЯ ЭНДРЮ ДЖЕКSONA49 [1880]

Вы, должно быть, заметили, что социальные науки, включая политику и политэкономию, являются излюбленной ареной тех, кто хотел бы вести научную дискуссию без особых хлопот с подготовкой. Я не сомневаюсь, что вы также были поражены тем фактом, что эти науки теперь являются прибежищем тщеславного догматизма, который был изгнан из физических наук. Из этого следует, что дискуссии в социальных науках являются самыми широкими, самыми расплывчатыми, наиболее императивными по форме изложения, наиболее удовлетворительными для авторов, наименее убедительными для всех остальных; и что социальные науки добиваются очень небольшого прогресса. Не весь вред исходит от любителей и добровольцев, которые вмешиваются в эти темы. Он также исходит от ложных методов и недостатка подготовки со стороны тех, кто претендует на большее. Если, однако, методы, применявшиеся до сих пор, верны, если кто-либо способен без предварительной заботы или изучения найти решение сложной социальной проблемы, за решение которой, однако, он не может поручиться ни перед кем другим, то общественные науки отданы на откуп бесконечным и презренным пререканиям и недостойны времени и внимания трезвых людей. Однако это не так. Наука о жизни, которая учит нас, как жить вместе в человеческом обществе, и имеет больше общего с нашим счастьем здесь, чем любая другая наука, - это не просто структура *априорных* прихотей. Это не нагромождение догадок, которые угадывающий пытается сделать правдоподобными. Это не клубок догм, которые не поддаются проверке. Это не набор чувств, энтузиазма и мягкосердечных желаний, связанных воедино религиозными или нерелигиозными предрассудками. Это не куча статистического материала без логики. Независимо от того, рассматриваете ли вы социальную науку в форме права, политики, политэкономики или социальной науки в ее более узком применении, все эти отрицания применимы. Только при определенном применении научных методов и научных тестов в этом отделе, как и в других, могут быть достигнуты какие-либо результаты, заслуживающие нашего внимания.

Теперь материалы, факты и феномены социальной науки представлены нам в двух формах: во-первых, в виде последовательного ряда, а именно в истории, в которой мы видим действие социальных сил и прогрессирующую социальную эволюцию; во-вторых, в статистике, в которой современные явления представлены группами.⁵⁰ С этой точки зрения социальная наука, по крайней мере, обещает выйти из своего нынешнего состояния и добиться устойчивого прогресса, в то время как также становится очевидным, какой должна быть история и как мы должны ее использовать.

Я счел необходимым предварить настоящую лекцию этим простым предложением точки зрения, с которой я рассматриваю свой предмет. Для изучения политики, некоторых вопросов политической экономии и некоторых социальных проблем история Соединенных Штатов имеет большую ценность, чем история любой другой страны. Тем больше жаль, что его история до сих пор не написана, или тем больше унижение от того, что единственные попытки в этом направлении, которые заслуживают упоминания, были предприняты иностранными учеными, и даже не на английском языке. Кроме того, в американской истории для изучения политики и финансов нет периода, равного по интересу администрации Эндрю Джексона. Поэтому я предлагаю в то ограниченное время, которым я сейчас располагаю, указать вам на причины, по которым этот период нашей истории достоин самого внимательного изучения. Здесь я могу сказать, что профессор Фон Хольст из Фрайбурга осознал важность и интерес этого периода и опубликовал лекцию по этому поводу, которую я считаю совершенно обоснованной и правильной в своей точке зрения и критике. Его взгляды совпадают с теми, которые я привык излагать в своих лекциях по истории американской политики, и для моей настоящей цели я воспользовался некоторыми его предложениями.

Мистер Монро был последним из государственных деятелей первого поколения республики, который унаследовал президентское кресло благодаря определенному положению в глазах общественности. Во время его правления старые партии вымерли или были объединены в новую партию, что стало компромиссом между ними. Во время его второй администрации последовало то, что было названо “эпохой хороших чувств”, в течение которой не было партийных разногласий и сильных партийных настроений. Однако этот период был очень поучительным для любого, кто склонен видеть зло партийности в преувеличенном свете, поскольку появилось не менее пяти претендентов на престолонаследие, чьи интересы основывались исключительно на личных аргументах. Эти аргументы также принимали форму не перечисления заслуг избранного кандидата, а распространения скандалов о его соперниках. Газеты были завалены утомительной “корреспонденцией” об “обвинениях и встречных обвинениях” против каждого из кандидатов.

Мистер Кроуфорд из Джорджии добился выдвижения кандидатуры от демократической фракции конгресса в 1824 году, но против этого метода выдвижения кандидатов были высказаны громкие жалобы. Требовалось, чтобы народ был свободен от власти короля Кокуса и свободно выдвигал свои кандидатуры и проводил выборы. Никакого механизма для достижения этой цели еще не было под рукой, и ничего не предлагалось, но протест, который был частично оправдан пороками системы собраний в конгрессе и частично состоял из фраз, которые, несомненно, имели большой общественный эффект, сильно ранил мистера Кроуфорда. Он был министром финансов во время финансовых неурядиц послевоенных лет и в целом очень хорошо справлялся с этой неблагодарной должностью, но он не совершил невозможного. Он не привел финансы страны в нормальное состояние, позволив банкам поступать так, как они пожелают.

Он не сохранил доходы, пока торговля была в упадке, и он не разгромил Банк Соединенных Штатов, сохранив деловые интересы страны. У него было много врагов среди тех, кто, как с одной, так и с другой стороны, считал, что он должен был сделать все это. Враждебность к Банку в 1824 году была не так велика, как в 1820 году, но была большая партия, которая была настроена решительно в этой враждебности. Говорили также, что у мистера Кроуфорда было подорвано здоровье, и в это поверили настолько твердо, что это вообще вошло в историю как одна из главных причин его поражения. Фон Хольст так считает. Мистер Кроуфорд был инвалидом с сентября 1823 по сентябрь 1824 года, но он дожил до 1834 года, проведя последние годы своей жизни в качестве окружного судьи, и в 1830 году он был достаточно здоров, чтобы лишить Джона К. Калхуна шансов стать преемником генерала Джексона.

Следующим кандидатом был мистер Адамс, государственный секретарь при мистере Монро. Он пользовался поддержкой Новой Англии. Не было никаких сомнений ни в способностях мистера Адамса, ни в его больших общественных заслугах, ни в его характере; но он не был популярен. Я, конечно, не считаю это каким-то унижительным для него, но вы сами видите, что человеку трудно презирать популярность и в то же время иметь ее достаточно, чтобы быть избранным на пост президента в условиях демократии. Мистеру Адамсу действительно нравилась популярность, и он стремился к ней, и внутри него шла постоянная борьба между аристократом, который стремился к независимой и изолированной деятельности в свое удовольствие, и политиком, который должен нравиться другим. Это объясняет многое в его поведении, что казалось его современникам странным и непоследовательным.

Мистер Клей был кандидатом от Запада, а мистер Кэлхун - от части Юга.

Все эти люди занимали видные посты, трое из них были членами Кабинета министров и один спикером Палаты представителей. 20 августа 1822 года Палата представителей Теннесси представила другого кандидата в лице генерала Джексона. Этот джентльмен получил юридическое образование и был членом коллегии судей Теннесси. Он был членом Конгресса во время правления Вашингтона и проголосовал против пункта в обращении Конгресса к Вашингтону о его отставке, в котором была выражена надежда на то, что примеру Вашингтона могут последовать его преемники.⁵¹ Как член Конгресса он был замечен только по жестокости слов и действий. В Новом Орлеане он добился похвального военного успеха в конце войны, которая принесла мало славы на суше. Находясь там, он вступил в конфликт с гражданским судом из-за отказа подчиниться судебному приказу habeas corpus. Некоторые эпизоды этого события особенно характерны для этого человека. Он явился в суд 31 марта 1815 года в окружении народа и отказался отвечать на допросы. Затем, указывая на толпу, он сказал судье, ссылаясь на предыдущее судебное расследование: “Я был тогда с этими храбрыми ребятами при оружии; вы не были, сэр!” Он прервал судью, когда тот зачитывал свое решение, сказав: “Сэр, изложите факты и ограничьтесь ими, поскольку моя защита была исключена; пусть порицание не является частью этого требуемого наказания”. Судья ответил: “Я проявляю деликатность, генерал, когда говорю о вашем имени или характере. Я считаю вас спасителем страны, но за ваше неуважение к судебной власти или что-то в этом роде вы заплатите штраф в размере 1000 долларов”. Генерал выписал чек на указанную сумму и удалился. Толпа под одобрительные возгласы и размахивающие флаги потащила его экипаж к французской кофейне. Он там произнес речь.⁵² Штраф в размере 2700 долларов с процентами был возмещен Конгрессом в 1844 году.

В 1818 году он вторгся на территорию Флориды, тогда провинции Испании, с которой у нас был мир. В 1830 году он заявил, что сделал это при попустительстве мистера Монро. Во время той же кампании против семинолов он захватил в плен двух человек, которые помогали врагу и, как говорили, были британскими подданными. Военный трибунал приговорил одного из них к смертной казни, а другого к меньшему наказанию. Он приказал казнить обоих, тем самым отменив приговор в пользу суровости.

Согласно мнению Джексона, высказанному в 1822 году, людей можно было разделить на два больших класса. Более трезвые и умные люди считали его жестоким, своевольным, невежественным и необученным человеком. Они думали, что он, возможно, обладал солдатскими добродетелями и что он сослужил стране хорошую службу как солдат, но они сомневались, обладал ли он первым качеством правителя, а именно умением подчиняться. Они считали его сварливым, тщеславным, неискушенным в формах цивилизованной жизни, которые учат людей на многое не обращать внимания, еще больше терпеть и оставлять личные чувства и личную борьбу на самый крайний случай. Напротив, они поняли, что он никогда не отличал великого от малого, особенно там, где была затронута его собственная гордость, и что у него совсем не было стеснения втягивать свою личность в неприличные споры, которых он никогда не избегал, но, казалось, любил. Я уже говорил, что подобные личные обвинения были обычным явлением в то время; мистер Вебстер - единственный видный общественный деятель того времени, которому удалось избежать газетных скандалов, и он не совсем избежал препирательств в Сенате. Общественные люди постоянно чуяли нападки на свой характер и энергично принимались за дело, чтобы оправдать то же самое, не понимая, что такие оправдания всегда унижают человека, который их высказывает. Все это следовало бы сказать в оправдание генерала Джексона, если бы этот недостаток был в нем особенно заметен. Вы можете себе представить, насколько невероятным казалось людям, сформировавшим такую оценку Джексона, что кто-либо мог трезво предложить его на кресло, которое до сих пор занимали Вашингтон, Адамс, Джефферсон, Мэдисон и Монро. Федералисты Новой Англии не испытывали особой привязанности или восхищения к трем последним президентам, но они никогда не стыдились их как общественных деятелей.

Другой из двух великих классов, о которых я говорил, придерживался совершенно противоположного мнения о генерале Джексоне. Для них он был военным героем и популярным идиолом. Он больше понравился им за то, что захватил Пенсаколу вопреки международному праву. Он понравился им за то, что осудил судью, который хотел обеспечить соблюдение хабеас корпус. Они думали, что с его стороны было смелостью повесить двух англичан, чтобы разрешить сомнения. Я не имею в виду, что они много рассуждали по этому поводу, потому что они этого не делали; в глубине души ими двигал инстинкт товарищества. Они узнали человека с тем же диапазоном идей и чувств, с тем же презрением к истории, закону, формам Старого Света и традициям, которыми руководствовались они сами. Его прямота, его бесшабашные, неукротимые манеры, его аргументы типа "попади или промахнись", его уважение к народной прихоти или эмоциям как к единственному контролю, который он признавал, его полное невежество, которое своей смелостью превосходило всеведение, - все это льстило населению и завоевывало его расположение. Это был герой из их среды, использующий их методы, презирующий ограничения культурных и образованных людей, виртуоз в небрежности и беззаботности манер, стремящийся к грубости и прямоте как к тому, что стоит развивать, и превращающий недостаток культуры в квалификацию для величия и почетный титул.

Чтобы понять всю важность этого, вы должны взглянуть на некоторые факты социального и политического развития, которые непосредственно предшествовали этому. При принятии Конституции имущественные цензы, ограничивающие избирательное право, были общими, но они снимались неуклонно и постепенно, пока к 1820 году избирательное право не стало всеобщим почти во всех штатах. Джефферсоновские идеи управления и политики также неуклонно и быстро распространялись и получали все более расширенное толкование. Они были ошибочными и в лучшем случае правдивы лишь наполовину, то есть относились к самому вредному порядку утверждений, возможному в политике; но в популярном употреблении и интерпретации они превратились в своего рода политический кант, в котором доля истины исчезла, а остатки лжи стали высшей политической истиной и символом политической ортодоксальности. Использование избирательного бюллетеня считалось синонимом свободы; правило численного большинства было приравнено к республике; "воля народа" была признана первостепенной по отношению к Конституции, что является не чем иным, как утверждением, что поступать так, как ты выбираешь, выше, чем поступать так, как ты согласился. И это стало политической догмой, что, если вас будет достаточно вместе, когда вы будете делать то, что задумали, вы обязательно поступите правильно.

Я использую здесь прошлый смысл, но вы сразу поймете, что я описываю то, что все еще сильно среди нас.

Конечно, помимо этих двух классов существовала большая группа людей, разбросанных по своим политическим взглядам на всем пути между двумя крайностями; но второй класс был многочисленным и очень быстро рос по социальным и производственным причинам, которые еще предстоит уточнить.

Во время европейских войн жители штатов Новой Англии получили большие выгоды от торговли. В средних штатах производство началось под защитой эмбарго и войны. На Юге было меньше богатства, но обладание землей и рабами создало аристократию, обладавшую большим политическим влиянием на более бедных соседей. В Нью-Йорке существовало нечто в том же роде: две или три знатных семьи боролись друг с другом за политический контроль над штатом. Все они были демократами особого типа, достойными изучения. Они исповедовали популярные принципы, в то же время презирая население и возглавляя когорты необразованных людей, с которыми они обращались и распоряжались по своему усмотрению. После войны торговля и промышленность страны пережили тяжелый спад, от которого она оправилась только в 1820 или 1821 году; но затем появилось влияние паровозов, как первого из великих изобретений, вместе с фабричной системой и некоторыми значительными усовершенствованиями в технике, и положение ремесленника, несмотря на политику защиты, которой результат обычно приписывался как причина, претерпевало неуклонное и очень значительное улучшение. В 1825 году был открыт канал Эри, который вместе с применением пара для озерного и речного судоходства привел к беспрецедентному развитию к западу от Аллегани. В юго-западных штатах огромные прибыли от выращивания хлопка привели к быстрому заселению и развитию. Уже в 1816 году волна иммиграции стала заметной. Она была прервана в трудные времена, но снова продолжила неуклонно увеличиваться. Таким образом, вы видите, что материальное процветание этой страны только начиналось в начале двадцатых годов. Естественным следствием этого стало то, что здесь собралось большое количество

людей, которые привыкли к стесненным обстоятельствам, но теперь почувствовали себя преуспевающими, с каждым годом улучшая свое положение. Такое положение вещей, конечно, в высшей степени желательно. Экономисты и государственные деятели постоянно пытаются добиться этого. Обратите внимание, однако, на некоторые неизбежные социальные, политические и моральные последствия. Этот класс расширил под солнцем процветания как свои добродетели, так и пороки. Он стал самостоятельным и независимым. Он не боялся неудач. Он шел на безрассудный риск. Оно смеялось над благоразумием. Оно преодолело так много трудностей, что не задумывалось ни о каких грядущих. Оно любило напор, браваду и высокий дух. Оно восхищалось энергией и предприимчивостью как одними из высших человеческих добродетелей. Оно особенно презирало теорию или философию и исповедовало преувеличенную веру в практического человека. Оно никогда не ценило науку очень высоко, пока наука не начала приводить к созданию патентных смесей для различных целей и горной инженерии. Затем для распространения того же самого потребовались бизнес-колледжи и технические школы. Особенно этот класс презирал любые исторические или научные доктрины, пришедшие с другого берега. Это была общая предпосылка, что новой стране нужны новые системы во всей социальной и политической структуре, и что то, что было навязано европейским опытом, здесь, безусловно, неприменимо. По сравнению с Англией это предположение считалось особенно сильным. В трудах некоторых людей, оказавших большое влияние на общественное мнение с 1820 по 1830 год, это доходило почти до фанатизма. “Домашняя промышленность” и “Внутренние усовершенствования” во многом были обязаны своим успехом в умах нации усердному использованию этого предрассудка. Эти темы не были политическими до 1830 года.

Конечно, я не имею никакого отношения к вопросу, который многим здесь показался бы единственно важным, а именно, не являются ли эти черты благородными и достойными похвалы и не делают ли американцев первой нацией в мире. Это праздные вопросы. Политические институты созданы не для того, чтобы воспитывать благородных и достойных похвалы людей. Если какие-либо из них и планируются с этой целью, они всегда терпят неудачу. Но политические институты следуют социальным и производственным условиям, если люди приспосабливаются к фактам дела. Так было и здесь; и, хотя я использовал прошедшее время в этом описании последствий быстрого процветания, вы заметите, что эти черты все еще отличают наше американское общество в целом. Я просто должен принять во внимание эти эффекты как факты, неотделимые от условий данного общества.

Итак, здесь я подхожу к утверждению, на которое я хотел бы особенно обратить ваше внимание в рамках моей нынешней темы: личная популярность генерала Джексона и его политическое влияние были созданы вовсе не им, а были просто результатом того факта, что он точно вписывался в качестве лидера в растущий класс лиц с небольшой собственностью, низким образованием и грубыми представлениями о политике и финансах. В этом классе он был лидером до тех пор, пока жил. Вы увидите в этом иллюстрацию более широкого исторического обобщения, согласно которому выдающийся человек и его окружение всегда действуют и реагируют друг на друга, и старый вопрос о том, какие “причины” у другого, остается праздным.

При таких обстоятельствах в 1822 году, когда имя Джексона впервые было упомянуто в связи с президентством, класс людей, которых я сначала охарактеризовал как считающих это плохой шуткой, вскоре обнаружил свою ошибку. В следующем году жители округа Блаунт, штат Теннесси, провели собрание, на котором приняли решительные резолюции в его поддержку,⁵³

и вскоре претендентам в Вашингтоне стало очевидно, что он был самым опасным конкурентом из всех. Кэлхун поспешил уйти на второе место, понимая, что он должен был добиться успеха через четыре года, поскольку Джексон был избран только на один срок. В ожидании конкурса, в 1823 году Джексон был избран сенатором Соединенных Штатов от Теннесси. Результатом выборов 1824 года стало то, что Джексон получил 99 голосов в коллегии выборщиков, Адамс 84, Кроуфорд 41 и Клей 37. Таким образом, Клей был исключен из конкурса в Палате представителей. Его друзья проголосовали за Адамса, который получил 13 штатов, Джексона 7 и Кроуфорда 4. Штатами, проголосовавшими за Джексона, были Нью-Джерси, Пенсильвания, Южная Каролина, Теннесси, Индиана, Алабама и Миссисипи. Эти выборы были во многих отношениях важны для истории политики в стране. Я оставляю в стороне все, кроме отношения к Джексону и политическому движению, которое он представлял. Его друзья отнюдь не были довольны, и они не скрывали своего недовольства. Они обвинили Клея в том, что он передал свои голоса Адамсу путем коррупционной сделки, согласно которой он должен был стать госсекретарем в новом кабинете министров. Для этого обвинения было меньше оснований, чем для почти любой другой личной клеветы, которую можно найти в нашей политической истории, но оно преследовало мистера Клея всю его жизнь.

Однако наиболее важной особенностью политического движения того времени было следующее: сторонники генерала Джексона утверждали, что, поскольку у него было множество голосов Коллегии выборщиков, было продемонстрировано, что он должен быть президентом по воле народа, и что Палата представителей должна была просто выполнить выраженную таким образом волю народа. Вы видите всю значимость утвержденной таким образом доктрины. Конституция предусматривает, что Палата представителей избирает президента, когда Коллегия выборщиков не может предоставить какому-либо кандидату большинство голосов. Это предоставляет Палате представителей независимый выбор между тремя кандидатами с самым высоким рейтингом. Независимый выбор, который Конституция намеревалась предоставить Коллегии выборщиков, уже был отменен выдвижением кандидатур от фракции Конгресса и объявленными выборами. Теперь утверждалось, что Палата представителей должна просто повысить число самых высокопоставленных кандидатов в Колледже до большинства в Палате представителей. Таким образом, резко обозначился антагонизм между постоянным определением Конституции и сиюминутной волей народа. Это был антагонизм между общим законом и сиюминутным импульсом, между трезвым бесстрастным суждением о том, что в целом разумно, и особым неудобством или разочарованием. Я стараюсь перевести это на повседневный язык, потому что это феномен человеческой жизни, который одинаков независимо от того, проявляется ли он в характере человека, стремящегося контролировать свои своиравные импульсы с помощью общих принципов, или в политической истории великой демократической республики, стремящейся обрести достоинство, стабильность и императорское величие, связывая текущие желания широкими и священными конституционными положениями. Это было открытие того вопроса, который жизненно важен для этого республиканского вопроса, который пронизывает всю нашу политическую и социальную структуру, вопроса, к которому партии должны когда—либо вернуться и вокруг которого они всегда будут формироваться, пока длится этот эксперимент, а именно вопроса о конституционализме *против* демократии, закона *против* своеволия; вопроса о том, являемся ли мы конституционной республикой, конечной связью которой является лояльность отдельного гражданина Конституции и законам, или демократией, в которой в любой момент законы и Конституция могут уступить место тому, что должно казаться, хотя и не выражено

конституционно, быть волеизъявлением народа. Генерал Джексон со времени этих выборов был сторонником последней теории.

Я не хочу сказать, что этот вопрос был четко определен в то время или что стороны подходили к нему с логической последовательностью. Любой изучающий историю знает, что политические партии никогда этого не делают. Еще меньше я хочу сказать, что партии с тех пор строго придерживались той или иной позиции по этому вопросу, которой требовали их традиции. Политическая история и политическая традиция не имеют у нас большой преемственности, и факт заключается в том, что джексонианская доктрина слишком глубоко проникла во все наше сообщество. У нас были те, кто просто копался глазами крота в букве Конституции, как, собственно, поступали Джексон и его товарищи, и у нас были другие, которые были и остаются недовольными любым обращением к Конституции. Однако истинный конституционализм, великая концепция закона, свободы в рамках закона, свободного повиновения разумных граждан - это то, что сейчас нуждается в объяснении и обеспечении соблюдения в качестве ключа к любому истинному решению великих проблем, которые, как нам говорят со всех сторон, окружают республику.

Сейчас я не могу подробно проследить историю, чтобы показать движения партий в течение следующих четырех лет. Администрация мистера Адамса потерпела неудачу в своих попытках урегулировать старое недоразумение с Англией по поводу вест-индской торговли. Это завело этот вопрос в один из тех неловких углов, из которых ни одна из сторон не может сначала найти выход, чего дипломат должен избегать как худшей формы дипломатического провала. В своей внутренней политике оно в самой преувеличенной степени выступало за внутренние улучшения и защиту. Но администрация была достойной, простой и деловой. В этом отношении это была модель того, какой должна быть администрация в рамках нашей системы. В нем не было никакого героизма, ни достижений, ни скандалов, и, следовательно, он приближался к той тысячелетней форме общества, в которой время проходит в мире и процветании, без каких-либо признаков существования правительства или истории.

Тем не менее эта администрация не получила справедливости от своих современников. Мистер Адамс, казалось, всегда испытывал определенную робость, которую он выразил в своем письме в Палату представителей по случаю своего избрания, потому что он вступил в должность без народного большинства. В Конгрессе ему приходилось иметь дело с оппозицией, которая была фракционной, разочарованной и злобной, решившей извлечь максимум пользы из всего, что он делал, и на каждом шагу наживать капитал для генерала Джексона. Эта кампания длилась четыре года, и ее проводил новый класс политиков, которые пренебрегали принципами и гордились утонченностью. Конец старой системы семейного руководства в Нью-Йорке и уверенность в том, что другого собрания в Конгрессе никогда не будет, привели к появлению новых форм механизма манипулирования народной властью. Они были созданы под громкие обвинения династий, аристократий, семей, под диктовку и так далее. Самым замечательным и могущественным из этих новых органов было регентство Олбани, которое определило нашу политическую историю на следующие десять-пятнадцать лет. Интриги того периода достигли кульминации в законе о тарифах 1828 года, в котором Пенсильвания и Юг были объединены в странную коалицию для поддержки Джексона и высоких тарифов, что лишило Новую Англию золотого дождя из созданного тарифами богатства, поскольку она держалась в стороне от поддержки популярного идола. Я сожалею, что сейчас не могу остановиться на анализе и

разоблачении этого выдающегося образца законодательства, в котором тарифы и политика были научно переплетены.

Что касается политических принципов, то в состязании ничего не было поставлено на карту и никто не оспаривал их. Борьба была безжалостно личной. За месяц до выборов редакционная статья в Niles's Register использовала следующие формулировки: “Мы имели непосредственное отношение к двум великим сражениям партий с 1797 по 1804 год и с 1808 по 1815 год, и мы рады, что мы не так вовлечены в это, более суровое и безжалостное, чем любое из других, и, мы должны сказать, унижительное для нашей страны и наносящее ущерб ее свободным институтам и избирательному праву, с более общим нападением на выдающихся личностей, чем мы когда-либо прежде были свидетелями”.

Джексон был избран 178 голосами против 83 за Адамса. Критические замечания, высказанные в адрес администрации Адамса, теперь использовались в качестве основы для представления всего правительства как нуждающегося в реформе. Эта реформа приняла форму отстранения от должности всех должностных лиц и замены их друзьями нового президента. До этого времени срок пребывания на государственной службе определялся эффективностью или хорошим поведением, хотя случаев увольнения по политическим причинам не было, и с приходом Джефферсона к власти произошло много изменений. Я лишь мимоходом замечу, что жалобы на неэффективность в управлении и коррупцию во время правления Джексона неуклонно и справедливо возрастали. Согласно отчету госсекретаря Юинга, в 1841 году в период с 1829 по 1841 год правительство потеряло более двух с половиной миллионов долларов в результате нерасчетов государственных чиновников. Кабинет, выбранный Джексонем с самого начала, состоял из малоизвестных людей, примечательных только своей лояльностью к личности президента. В целом о новых назначениях на низшие должности можно сказать, что они представляли собой ухудшение состояния государственной службы. Теперь в качестве демократических принципов были утверждены две доктрины, которые, если бы их приняли как таковые, стали бы осуждением демократии для всех трезвомыслящих людей. Первым был принцип ротации на должностях, который, если это демократический принцип, превращает неэффективность и продажность в постоянные черты государственной службы. Вы заметите, что его исторический эффект заключался в том, что тысячи людей в отчаянии верили, что эти вещи неотделимы от государственной службы и что выборы только определяют, кто из них получит эту возможность. Другая доктрина, или демократический принцип, заключалась в том, что добыча принадлежит победителям. Это было четко изложено Уильямом Л. Марси в выступлении в Сенате. Он сказал, что без колебаний признал принцип как принцип. Благодаря этому принципу коррупция на государственной службе становится само собой разумеющимся явлением. Я думаю, что эти два “принципа” прогнили в силу их собственной внутренней низости. Если кто-то сейчас склонен отчаиваться в республике, он должен помнить, что было время, когда люди бесстыдно исповедовали эти доктрины как принципы. Я сомневаюсь, что у кого-нибудь хватило бы смелости сделать это сегодня.

Вступил ли генерал Джексон в должность с намерением развязать войну против Банка Соединенных Штатов - это вопрос, который до сих пор не нашел решения, но ход свидетельств свидетельствует в пользу отрицательного. Летом 1829 года некоторые нью-гэмпширские политики новой школы пытались добиться отстранения мистера Джереми Мейсона от должности президента Портсмутского отделения Банка Соединенных Штатов. Они не выдвинули против него никаких обвинений, за исключением того, что он был другом мистера

Вебстера, и настаивали на том, что какой-нибудь друг администрации мог бы быть полезен Филиалу в его работе. Министр финансов (Ингхэм) пытался убедить президента Банка (Биддла) отстранить мистера Мейсона. Биддл отказался это сделать. В этом споре представители администрации были на позиции стремления привлечь Банк к участию в политике на своей стороне, а Банк был на позиции стремления сохранять нейтралитет в политике. С этого, однако, начинается великий конфликт администрации Джексона. Вы сильно ошибетесь, пытаясь составить какое-либо суждение по этому вопросу, если будете сомневаться в *добросовестности* генерала Джексона. Там, где его личная ценность не была поставлена на карту, он был добродушным и щедрым. В вопросах политики его легко подводили к тому, что у него формировалось собственное мнение. Однако его мнение могло выкристаллизоваться внезапно, в результате самых причудливых соображений или по самым непредсказуемым мотивам. Когда он сформировал то, что для него было мнением, он цеплялся за него с поразительным упорством. Это встало перед его мысленным взором как факт самой неоспоримой достоверности. Эхо этого, которое вернулось к нему благодаря его популярности, казалось ему санкционированным высшим авторитетом. Тот, кто отрицал это, был бесстыден и непростителен, тот, кто сопротивлялся этому, заслуживал любого наказания, которое допускала мода того времени. Вы узнаете описание сильного и изначально могущественного ума, лишенного тренировки.

С самого начала Банк был виновен только в нейтралитете там, где он требовал поддержки. К этому времени он изжил большую часть ненависти, которую справедливо навлек на себя с самого начала, но возродить ее было нетрудно. Банк никогда не был в более сильном состоянии, чем в 1829 году, и пользовался высоким кредитом как внутри страны, так и за рубежом. Однако распространился слух, что Банк является монополией, владением денежной аристократии, недемократичным и враждебным свободе. Первый удар, несмотря на некоторые смутные предчувствия, обрушился с большой внезапностью. В ежегодное послание от декабря 1829 года Джексон включил короткий абзац, ставящий под сомнение конституционность Банка и предлагающий создать Банк на основе кредита и доходов правительства. Возникшая таким образом тревога была двоякой: во-первых, из-за Банка, которому угрожали, и, во-вторых, из-за нового учреждения, которое звучало как государственный банк бумажных денег. Стороны пока не пришли к единому мнению по этому вопросу. Самые решительные сторонники Джексона подхватили призыв против Банка, но пока не энергично; более разумные сторонники администрации все еще поддерживали его. В 1830 году сообщение было гораздо мягче в отношении Банка, и отчет Казначейства был даже благоприятным для него. Однако в 1831 году сообщение было еще более резко враждебным.

Тем временем президент наложил вето на законопроект о внутренних улучшениях и занял враждебную позицию по отношению к политике улучшений. Тариф 1828 года провоцировал Юг на все более энергичные протесты, пока Южная Каролина не приняла доктрину и политику аннулирования. Никогда не было большей политической ошибки, поскольку она оттолкнула огромную часть нации, даже на Юге, которая могла бы выступить против защиты, но не поддержала бы аннулирование как средство ее уничтожения. Именно в этой связи черты Джексона помогли ему в его собственное время снискать одобрение таких людей, как Вебстер, и помогли занять ему место среди наших политических героев и в сердцах людей, которые сегодня знают о нем немногим больше, чем то, что он предотвратил аннулирование. Он, безусловно, действовал с весьма похвальной твердостью, давая понять, что аннулирование означает восстание и войну. Его позиция и, что гораздо важнее, законодательство сессии 1832-

1833 годов, включая компромиссный тариф от 2 марта 1833 года, предотвратили гражданскую войну. Трудно сказать, какую роль во всей этой драме сыграла его враждебность к мистеру Кэлхуну. Теперь они были заклятыми врагами, генерал Джексон был проинформирован (мистером Кроуфордом), что мистер Кэлхун, вместо того чтобы быть его другом в кабинете мистера Монро, был одним из тех, кто не одобрял его действия во время семинольской войны 1878 года. Генерал Джексон после этого отказался от наследования престола мистером Кэлхуном и, после того как сам переизбрался на второй срок, передал престолонаследие Мартину Ван Бюрену, слабому и непопулярному кандидату, который в силу своего положения в регентстве Олбани передал Нью-Йорк Джексону. Мистер Ван Бюрен был государственным секретарем в первом кабинете Джексона, который внезапно взорвался в 1831 году из-за вопроса о светском этикете. Следующим он был назначен в английскую миссию и выбыл, но не получил подтверждения, и этот инцидент заслуживает упоминания только потому, что самые горячие сторонники Джексона предложили упразднить Сенат за отклонение одной из его кандидатур.

Все эти и другие личности, которые невозможно каким-либо образом сгруппировать и за которыми я не могу проследить в деталях, сыграли свою роль в открывавшейся великой драме. Народно-демократическая партия с каждым днем набирала силу. Сознание власти, желание взять на себя общественные обязанности, от которых они до сих пор держались в стороне, все сильнее овладевали ими. С другой стороны, формировалась оппозиция под названием Национально-республиканской партии, которая имела определенную смутную легитимность происхождения от старой Федеральной партии. Он принял в качестве своих принципов защиту, внутреннее благоустройство, распределение государственных земель и Национальный банк. Эта партия впервые стала называться вигами в Коннектикуте в 1834 году.⁵⁴ Ей всегда казалось странным отсутствие политической проницательности. Она предлагала своим врагам самые веские аргументы против себя. Ей удалось встать на сторону, которая войдет в историю как изнанка, по крайней мере, трех великих вопросов и, возможно, также четвертого. Это поставило администрацию в неприступное положение в отношении свободной торговли, твердых денег и противодействия распределению земли или доходов; и в конце концов ей удалось недвусмысленно поставить себя неправой, а противоположную сторону - правой в отношении субфинансирования и государственных финансов.

Он начал свою партийную карьеру с большой ошибки — поступка, который был признан таковым сразу же после этого, — и это была попытка повторно зафрахтовать Банк в 1832 году. Самым решительным ответом Банка на ранние нападки Джексона было то, что срок действия его устава истекал только 3 марта 1836 года, что он вынудил страну пересмотреть устав за шесть с половиной лет до назначенного срока и что он не имел никакого отношения к изменению устава, если только не предполагал, что его переизберут. Национальный съезд республиканцев состоялся в Балтиморе 12 декабря 1831 года. Мистер Клей был выдвинут кандидатом в президенты. Петиция о пересмотре устава была представлена 9 января 1832 года в качестве маневра в кампании. Сразу же обвинение в предвосхищении волнующего вопроса было обращено против оппозиции. Их обвинили в вовлечении Банка в политику, и Банк был вынужден участвовать в политической кампании, чтобы защитить свое существование. Изменение устава было принято 4 июля 1832 года и отменено 10 июля. До этого времени в администрации было много людей, которые поддерживали Банк. Этот вопрос, таким образом навязанный оппозицией накануне выборов и, таким образом, принятый президентом лично, стал испытанием политической ортодоксальности "Банка на антибанке", и, выражаясь

политическим языком того времени, многие были вынуждены “повернуть за крутой угол”. Теперь проблема была также в том, что Джексон *против* Банка, и тогда впервые стало очевидно, до какой степени партия Джексона выиграла и насколько основательной была ее преданность. Нынешние названия партий были Джексон и Анти-Джексон, и кандидаты были назначены так, вплоть до низших городских чиновников. Виги тщетно протестовали против этого безумия. Они спорили с людьми, которые не желали спорить, и предполагали силу мотивов, бессилие которых доказывалось тем фактом, что люди могли заявлять о такой личной политической преданности. Они по-настоящему не ценили демократию, в которой жили. Они позволили изолировать себя как единое целое и потеряли надлежащую консервативную силу оппозиции, не сумев согласиться с настроениями огромной энергичной, растущей (если вы предпочитаете так это называть) вульгарной демократии. Это опасность, которая всегда подстерегает здесь консервативную партию, члены которой всегда будут в меньшинстве и всегда найдут много такого, что оскорбит их утонченность в таком новом сообществе, как это. У них всегда будет искушение отказаться от контакта с ним и удовлетворить свое тщеславие за счет всего общественного влияния.

Следствием проблемы в том виде, в каком она была вынесена в 1832 году, стало то, что Джексон получил 219, а Клей 49 голосов в Коллегии выборщиков.⁵⁵ Теперь дело вступило в новую стадию. Низший класс, который я до сих пор пытался охарактеризовать справедливо, но без робости, теперь приобрел характер подлинного пролетариата. Лишь в редкие периоды какое-либо развитие низших слоев нашего населения приводило к тому, что можно было бы правильно назвать этим именем. Период второй администрации Джексона был наиболее заметным из них. В крупных городах возникали профсоюзы, и в определенных слоях населения пропагандировались аграрные доктрины, в то время как в целом распространялись социалистические идеи. В 1836 году произошли официальные бунты и общественные беспорядки меньшего масштаба. Отчасти это произошло из-за высокомерия, вызванного классовым успехом, отчасти из-за лести демагогов, а отчасти из-за изменений в промышленности и валютных потрясений, о которых мы сейчас упомянем.

Поскольку Национальный банк был обречен, если Джексона переизберут, в партию администрации был вовлечен большой денежный класс, а именно те, кто хотел основать местные банки. Таким образом, административная партия включала в себя эти две ветви, первой или низшей из которых было дано прозвище Локофоко.

Генерал Джексон рассматривал свое переизбрание как одобрение всего, что он сделал или предложил. Согласно его принципам, вопрос о мудрости в банковском деле и валюте исходил не из истории или науки, а из большинства голосов народа. Однако следует отметить, что люди просто соглашались со всем, что он предлагал, и одобряли все, что он делал, потому что именно он это делал. В результате сложилось положение вещей, параллельное в нашей истории только случаю с мистером Джефферсоном, то есть действия и реакция между исполнительной властью и народным большинством, при которых каждый стимулировал другого готовым сочувствием и взаимной поддержкой. Президент шел своим путем, не испытывая никаких опасений, и оппозиция в Конгрессе, видя, что число ее членов сокращается, а большинство становится все более подавляющим, могла только выразить свое удивление внезапными действиями и нерегулярными методами работы исполнительной власти.

Подчиненное большинство, состоящее в основном из профессиональных политиков нового типа, признало, что на какое-то время их занятие составлением заговоров и контролем ушло в прошлое. Их надежды заключались не в самостоятельных действиях, а в верности вождю.

Я чувствую, что говорю то, что при других обстоятельствах потребовало бы доказательств, но доказательства лежат перед каждым, кто отбросит Бентона и Партона и заглянет в дебаты в Конгрессе и газеты того времени.

Президент теперь настаивал на своей враждебности к Банку, будучи вдвойне взбешен усилиями, которые он прилагал, чтобы вести собственную борьбу против него во время предвыборной кампании. Он заявил о своей решимости провести "эксперимент" по использованию местных банков в качестве фискальных агентов правительства. Вполне естественно, что банковский и коммерческий мир был напуган экспериментами, проводимыми без навыков и знаний и идущими вразрез с финансовыми и деловыми интересами страны. Вы должны помнить, что до этого времени администрация вообще не высказывалась в пользу твердой валюты, но предполагалось, что президент отдает предпочтение государственному бумажному банку. В своем сообщении о наложении банковского вето он сказал, что устав Банка, который не вызывал бы возражений, можно было бы получить, обратившись к нему заранее. В своем первом послании после своего переизбрания он поднял вопрос о том, в безопасности ли государственные вклады в Банке и не следует ли продать государственные акции Банка. Несмотря на все, что было до этого, это были поразительные вопросы. Большинство членов Комитета путей и средств сочли депозиты в безопасности. Меньшинство выдвинуло несколько сильных и неоспоримых аргументов против Банка.

Летом 1833 года Амос Кендалл был назначен агентом для выяснения, какие банки можно привлечь для приема государственных депозитов. 19 августа того же года пять правительственных директоров Банка составили отчет, показывающий сумму, затраченную Банком на печать в ходе кампании, а 18 сентября 1833 года президент зачитал своему кабинету документ, в котором излагались причины, по которым государственные депозиты должны быть изъяты из Банка Соединенных Штатов. Министр финансов мистер Дуэйн отказался отдать приказ о высылке и был уволен. Мистер Тейни был назначен секретарем, и он распорядился, чтобы коллекторы или другие лица больше не вносили суммы в Банк. 3 декабря 1833 года он доложил Конгрессу о причинах, побудивших его сделать это. 9 декабря правительственные директора направили в Конгресс меморандум, в котором говорилось, что они были закрыты от ознакомления с делами Банка. 28 марта 1834 года Сенат, после тщетных попыток вынести более конкретное порицание, постановил, что президент "взял на себя полномочия, не предусмотренные Конституцией и законами". 15 апреля президент направил протест против этой резолюции, заявив, что, если бы он был виновен в нарушении Конституции, ему следовало бы объявить импичмент, а не порицать резолюцией. Этот протест Сенат отказался регистрировать. Они не могли объявить ему импичмент, а Палата представителей была далека от мысли о подобном. На самом деле, вопрос о статусе министра финансов является деликатным. Согласно законам 1789 и 1800 годов, на него возложена определенная независимая ответственность, но, поскольку он может быть уволен президентом, он не может нести независимую ответственность. Резолюция о порицании была "вычеркнута" 16 января 1837 года. В Палате представителей 4 апреля 1834 года было решено, что Банк не должен быть повторно зафрахтован, что депозиты не должны быть восстановлены, что государственные банки должны стать хранилищами государственных средств и что следует создать специальный

комитет по банку. 22 мая большинство членов этого комитета сообщило, что Банк отказался участвовать в расследовании, в то время как меньшинство (Эверетт и Эллсворт) сообщило, что большинство выдвинуло необоснованные требования. 4 февраля 1834 года Сенат передал Финансовому комитету запрос в отношении Банка; и на следующем заседании, 18 декабря 1834 года, Комитет представил отчет Джона Тайлера, благоприятствующий Банку во всех отношениях. В послании от декабря 1834 года президент рассмотрел всю войну против Банка и подытожил выдвинутые против него обвинения. На этом политическая война и война конгресса за старый банк завершились полной победой администрации.

Самое раннее объявление политики администрации в пользу металлической валюты было сделано в ответе президента [56](#) в феврале 1834 года депутации из Филадельфии, которая прибыла пожаловаться на тяжелые времена. Согласно отчету, который они предоставили, президент был очень груб и вспыльчив. Он приписал все проблемы “монстру”, как он снова и снова называл Банк. Он заявил, что введет звонкую монету и что правительство не должно использовать никакой другой. Он, очевидно, мало знал о законах денег и финансов, и, хотя многое из того, что он и его сторонники впоследствии выдвигали в поддержку этой политики, было столь же истинным и здравомыслящим, как любые положения физической науки, все же это было смешано с ошибками, которые нейтрализовали это, и это выродилось в своего рода фанатизм по отношению к драгоценным металлам. Мера распределения депозитов между местными банками и, таким образом, стимулирования банковского кредитования, была разрушительной для другой меры по введению звонкой монеты. Распределение избыточного дохода, накопившегося в банках, между штатами было мерой противодействия, которая была принята из-за глупой веры, которая так часто вводит наших политиков в заблуждение, что в этом был политический капитал. Джексон подписал законопроект, но раскритиковал его в своем следующем послании, приведя простые и присущие государственному деятелю доводы против него.

Я должен упомянуть еще об одном учреждении, которое возникло в этот период, и это национальный съезд. Я уже упоминал съезд национальных республиканцев в Балтиморе в 1831 году. Люди Джексона провели его в Балтиморе 21 мая 1832 года. С этим изобретением наши политические институты вступили в новую фазу, и слово “политик” приобрело новое значение. Власть партии, обязательная сила соглашений о собраниях, концепция регулярного выдвижения кандидатур в качестве высшего политического преступления были впервые разработаны в рядах партии Джексона, но оппозиция быстро последовала им в меру своих возможностей. Нью-Йоркский клуб “Таммани” был школой, в которой эти политические искусства культивировались на высочайшем уровне для подражания в других местах. Раздавались громкие крики по поводу падения “Королевского кокуса”, когда в 1824 году кандидат от кокуса конгресса потерпел поражение, но факт оставался фактом: Кинг Кокус только что достиг совершеннолетия и вступал в права наследования. За конвентом быстро возник класс политиков, вульгарно известных как проволочники, которые проводили свое время между выборами в интригах, заговорах и распространении информации. Регентство Олбани обнаружило, что его власть перешла в руки этих более тайных агентов. Появились люди, которых не интересовали должности, которые жили неизвестно как, или которые занимали должности, которые для них были синекурой, в то время как они обладали реальной политической властью. Convention зарекомендовал себя как двигатель, хорошо приспособленный для целей этого класса. В нем были все формы свободы, гласности и народной инициативы, в то время как настоящая манипуляция была удивительно легкой для

двух-трех проницательных и опытных людей. Я снова использую прошедшее время ради приличия. Я хотел бы, чтобы я мог это сделать, потому что то, что я описываю, действительно имело историческое значение.

Теперь вы видите, что я здесь абсолютно ничего не пощадил: ни национальной гордости, ни партийных предрассудков, ни наследственных семейных чувств. Мое дело просто стремиться к исторической правде, насколько это возможно, и насколько я в состоянии достоверно изложить ее. Сейчас было бы очень легко сказать, что Эндрю Джексон деморализовал американскую политику, и возложить на его память вину за все политические неприятности, позор и проблемы, о которых нам напоминают каждый день. Такое, однако, было бы очень далеко от того вывода, который я хочу сделать. Я попытался подчеркнуть тот факт, что сам Джексон был лишь типичным и представительным человеком в свое время, что часто трудно сказать, руководил ли он или его продвигали вперед. Его правление, с точки зрения, которую я попытался представить, было лишь временем, когда определенная тенденция привела к победе. Это был всего лишь пример конфликта, который представляет собой великие политические партии при любых правительствах, конфликта между радикальными и консервативными тенденциями. Радикальная тенденция одержала одну победу при Джефферсоне и, придя к власти, стала консервативной. С возвышением Джексона новая радикальная тенденция, более чрезмерная, чем первая, одержала победу. Я также показал в своей критике партии вигов, как она перестала сочувствовать великому движению, которое продолжалось и которое неизбежно было обусловлено социальными и экономическими условиями страны.

Эта тенденция сохранилась до наших дней. Партия, организовавшаяся при Джексоне, оказалась вовлеченной в проблему рабства с помощью комбинаций, которые было бы наиболее интересно изучить; но это будет лишь проходящей фазой, временной проблемой в нашей политической жизни и лишь особенностью истории конкретной Демократической партии, а не великой демократической тенденции. Доктрины джексонианской демократии распространились почти по всей стране. В народе они стали рассматриваться как постулаты или аксиомы гражданской свободы. Те, кто отрицает их, - это ученые, историки, философы, книгопродавцы всех мастей; и они отрицают их про себя, под страхом пожертвовать всем своим участием в общественной жизни. Несомненно, однако, что проблема должна вернуться к своей постоянной форме и что политическая борьба должна вестись между консервативными и радикальными теориями политики — между теми, кто придает большее значение закону, и теми, кто придает большее значение свободе, между теми, кто видит политическое здоровье главным образом в социальном принципе, и теми, кто видит его главным образом в личности, между конституционализмом и демократией.

К этому не приведут никакие мои критические размышления или размышления любого другого политического философа. Это произойдет скорее на опыте и инстинктивно, чем путем размышлений. Ибо зло и коррупция, на которые мы ежедневно жалуемся, проистекают из демократических политических теорий, разработанных и применяемых без привязки к фактическим обстоятельствам дела и исходя из ложных предположений. Опыт убедил почти всех нас, кто готов задуматься над этим вопросом, что ротация на должностях вредит общественным интересам и деморализует людей, поступающих на государственную службу. Опыт уже давно убедил нас в постыдности доктрины о том, что добыча принадлежит победителям. Опыт показал нам пагубность частых выборов и коротких сроков полномочий, и

это постоянно открывает глаза все большему числу из нас на пагубность избрания большого числа административных должностных лиц и придания им независимости друг от друга. Опыт показал нам неприменимость принципа выборности к отбору судей. Опыт показывает, что понятие ответственности партии - это заблуждение, а понятие ответственности перед народом - всего лишь набор слов; и по мере формирования новых конституций мы обнаруживаем, что они постоянно требуют от людей все больше гарантий против самих себя.

Напротив, путь реформ лежит в направлении усиления конституционных гарантий и большего уважения к закону как закону. Любая консервативная партия, которая выполняет свои функции в этой стране, должна будет занять свою позицию на этой платформе. Ее реформы должны быть историческими, а не спекулятивными. Они должны основываться на гении и истории страны. Демократия здесь, в смысле широчайшего участия населения в государственных делах, неизбежна до тех пор, пока земля не будет занята и население не начнет нуждаться в средствах к существованию, то есть до тех пор, пока будущее не выйдет далеко за рамки того, что нам нужно принимать во внимание. Вся наша история показывает это, и та часть, которую я обсуждал, убедительно показывает то, что мы все также можем видеть в наших собственных повседневных наблюдениях — что люди, партии, теории, которые противопоставляют себя этой тенденции, сметаются, как семена перед наводнением. Бесполезно спрашивать, хорошая ли это тенденция. Это факт — факт, причины которого проистекают из глубочайших и широчайших социальных и экономических условий страны. Но основа истинного конституционализма заложена в традициях нашей расы и в наших унаследованных институтах — в нашем унаследованном уважении к закону, которое является единственным, что удерживает нас от того, чтобы пойти по пути Мексики и Перу.

Философам и книжникам не уготована большая роль в новой стране. Они всегда будут в меньшинстве, они всегда будут сдерживаться в интересах закона, порядка, традиций, истории, и им редко будет доверяться ведение дел; но, поскольку их жребий брошен здесь, если они отказываются от функций, которые выпадают на их долю в этом обществе, таком, каково оно есть, они делают это, жертвуя не только долгом, но и всем, что делает отечество ценным для них самих или для их потомства. Вина, которую они совершают, является дополнением к той, которую совершают их оппоненты. Ибо понятие, лежащее в основе демократии, - это понятие прав, упорства в отношении прав, жестокой борьбы за место для себя и, еще более конкретно, *заравные* права, коренным принципом которых является зависть. Это было в изобилии проиллюстрировано во времена Джексона. Оппозиция его сторонников банкам и тарифам не имела более глубоких корней, чем это, и название, которое они выбрали для себя в качестве описания своих целей, было “Партия равных прав”. Но принцип политической жизни заключается не в правах, а в обязанностях. Борьба за права - это в лучшем случае война. Подчинение долгу достигает той же цели, достигает ее гораздо лучше, и достигает ее через мир. Еще меньше в идее *равенства* прав заложен какой-либо принцип политического здоровья, хотя некоторые люди, похоже, верят в обратное. В политической истории меланхоличная провинция Франции показала нам, что если вы подчеркиваете равенство, вы низводите все до мертвого уровня рабства с чередой революций, приводящих к смене хозяев.

Если, таким образом, консервативные по образованию и положению классы уходят от общественной деятельности, гордятся своей чистотой от политической грязи и довольствуются в лучшем случае негативным и разрушительным вмешательством в выборы время от времени, то представление о политическом долге у них должно быть таким же низким, как и у их

противников; и я добавлю, что они в лучшем случае перейдут от одной группы хозяев к другой при общем и неуклонном ухудшении политического настроения в стране. Если сегодня у нас есть общество, в котором мы идем своим путем в мире, свободе и безопасности, общество, с высоты которого мы с содроганием оглядываемся на жизнь шестнадцатого и семнадцатого веков, то мы обязаны этим не тому классу людей, которые писали сатирические эссе о современной политике и говорили друг другу: “Какой в этом смысл?” Эллиот, Хэмпден, Сидней и эти революционные герои, чью похвалу мы только что воспевали, не принесли нам всех политических благ, которыми мы обязаны им, благодаря подобной политике. Насколько кто-либо мог видеть, в их делах не было никакой пользы. Они рисковали подвергнуться преследованиям, тюремному заключению, топору и эшафоту, и их жалкие усилия казались смешными перед лицом задачи, которую они взяли на себя; но они никогда не переставали думать об этом. Они увидели, что тогда было бы правильно заговорить или сопротивляться, и они сделали это, позволив концу позаботиться о себе самому.

Сегодня нам, американцам, нечего совершать героические поступки. Мы не боимся кола или топора по политическим мотивам. Мы не призваны совершать никаких великих подвигов. Возможно, было бы легче, если бы мы были призваны. Если бы у нас в Вашингтоне был цезарь, я бы гарантировал ему его Брута в течение двух недель. Но нам нужно то же чувство долга, которое вдохновляло всех героев конституционного правительства и гражданской свободы, и я не уверен, что нам также нужна часть их храбрости, поскольку для того, чтобы противостоять королевскому большинству, требуется по меньшей мере столько же морального мужества, сколько когда-либо требовалось, чтобы противостоять королю Цезарю. Не что иное, как эксперимент самоуправления, поставлен на карту в вопросе о том, способны ли тысячи граждан выполнять ту форму обязанностей, которая заставляет человека работать безрезультатно и без вознаграждения, даже, может быть, перед лицом искажения фактов и злоупотреблений, просто потому, что он видит определенное направление, в котором следует направить свои усилия.

Однако я считаю, что таково призвание консервативных классов этой страны, по крайней мере, для нынешнего поколения. Мы взяли на себя обязательство управлять сами, и мы только сейчас обнаруживаем, что страна заполняется, а ее города становятся большими, что это великая задача, что она требует времени и размышлений, что нам нужны все без исключения научные ресурсы и опыт, которые мы можем призвать себе на помощь; и особенно мы обнаруживаем, что формы закона и Конституции с каждым годом становятся все более необходимыми, а неукротимые силы общества - все более опасными. Никакое сверхъестественное вмешательство не придет нам на помощь. Ни один человек, ни один комитет, ни одна партия, ни одна централизованная организация общего управления не могут избавить нас от наших трудностей и при этом оставить нам самоуправление. Мы также не можем изобрести какой-либо механизм выборов или правления, который выполнял бы эту работу за нас. Мы должны решать проблемы как мужчины, воодушевленные патриотизмом, действующие с деловой энергией, стоящие вместе на общее благо. Всякий раз, когда мы делаем это, мы не можем не добиться успеха в получении того, чего хотим; пока мы этого не делаем, наши жалобы на политическую коррупцию являются самыми праздными и презрительными выражениями, которые могут произнести взрослые люди.

КОММЕРЧЕСКИЙ КРИЗИС 1837 ГОДА [1877-1878]

Десятилетие с 1830 по 1840 год является самым важным и интересным в истории Соединенных Штатов. Действовавшие политические, социальные и промышленные силы были грандиозны, и их взаимодействие приводило к таким сложным результатам, что трудно получить справедливое и всеобъемлющее представление об их взаимоотношениях и влияниях. Во-первых, Соединенные Штаты продвинулись в период между второй войной с Англией и 1830 годом к полному и высокому положению в семье наций. Безопасность и стабильность правительства были признаны установленными. Англия и Франция, с другой стороны, незадолго до и после 1830 года были вовлечены в социальные и политические проблемы тревожного характера. Напротив, Соединенные Штаты с быстро растущим населением, расширяющимся производством и торговлей, довольными людьми и избыточными доходами были очень привлекательны как для рабочих, так и для капитала. В то же время гордость американцев за свою страну порождала уверенность в себе, энергию и предприимчивость, которые смеялись над трудностями. Новые средства передвижения - пароходы и каналы - открывали страну и обеспечивали населению преимущества нового и безграничного континента. Таким образом, производство обеспечивало высокую отдачу как от труда, так и от капитала.

Преимущества новой страны приписывались политическим институтам демократии, а растущее процветание благодаря появлению в пределах досягаемости новых ресурсов считалось доказательством истинности политических догм, которых придерживались рабочие. Своего рода мальчишеский задор, смешанный с неопытностью, невежеством и бесстрашной предприимчивостью, был присущ как политике, так и промышленности. Избрание Джексона в 1828 году привело к власти партию, которая была создана этими обстоятельствами.

Военный долг 1812 года стал выплачиваться в последующие годы после 1824 года и был распределен на период вплоть до 1835 года. С ростом и повышением благосостояния доходы увеличивались с такой быстротой, что долг можно было выплатить почти так же быстро, как он становился подлежащим выплате. Главными целями, для которых Банк Соединенных Штатов был основан в 1816 году, были обеспечение надежной и единообразной бумажной валюты, конвертируемой в звонкую монету, одинаковой стоимости по всему Союзу, и выполнение функций налогового агента правительства, удерживающего доходы, где бы они ни были собраны, и распределяющего расходы, где бы они ни были произведены. Мотивом были интересы правительства и народа, а устав банка представлял собой контракт с Банком на оказание услуг по определенным соображениям. Одним из соображений было право Банка использовать депозиты в качестве ссудного капитала. Правительство не было обязано соблюдать какой-либо баланс в расходах, но доходы были настолько велики, что Банк стал держать ежегодно увеличивающиеся депозиты в среднем на сумму от пяти до восьми или девяти миллионов государственных денег, которые он использовал для получения прибыли. Из этого порочного соглашения вытекали два следствия: во-первых, внимание общественности было направлено на депозиты, существующие не для государственной службы, а для получения прибыли Банком; и, во-вторых, общественность сочла себя вправе требовать от Банка чего-либо, помимо настоящего коммерческого кредита, в вопросе скидок.

Джексон публично объявил войну Банку в своем первом сообщении. Между министром финансов и Банком уже велась острая переписка, которая достигла такой степени, что министр ссылаясь на изъятие депозитов как на имеющуюся в его руках силу для принуждения Банка. Вообще говоря, состояние Банка и валюты в 1830 году были удовлетворительными, но в 1827 году Банк начал выпускать банковские векселя, которые стимулировали кредитование и вскоре привели к беспорядкам. О войне на Берегу нет необходимости говорить подробно. В декабре 1831 года Национальные республиканцы выдвинули Клэя кандидатом в президенты, и он и его друзья решили поднять вопрос о пересмотре устава Банка в качестве вопроса предвыборной кампании. Изменение устава было принято Конгрессом и ветоировано президентом в 1832 году. Таким образом, вопрос кампании решался между личной популярностью Джексона и Банка. Первый одержал ошеломляющую победу, которую он истолковал как означающую, что люди взвесили вопрос о повторном зафрахтовании Банка и приняли решение против этого.

В сентябре 1833 года он под свою личную ответственность забрал депозиты из Национального банка и разместил их в избранных банках штата, которые согласились хранить треть своего денежного обращения в монетах, погашать все банкноты по первому требованию и не выпускать банкнот номиналом менее пяти долларов. Это должен был быть эксперимент. Тем временем администрация настойчиво добивалась погашения государственного долга. Последствия были таковы, что доказали: какой бы популярной ни была подобная политика, она легко может зайти слишком далеко. Государственные депозиты ссужались Банком коммерсантам, затем отзывались и выплачивались государственным кредиторам, а затем реинвестировались ими, так что денежный рынок подвергался повторяющимся и внезапным потрясениям. Изъятие и перевод вкладов представляли собой другую, более жесткую операцию того же рода, так что весной 1834 года разразились кризис и паника. Восемь или девять миллионов государственных депозитов были постоянным источником проблем для денежного рынка. Благодаря ограничению Банка Соединенных Штатов выплачивать депозиты и ограничению банков штатов соблюдать правила получения таких же депозитов, валюта летом 1834 года была, возможно, лучше, чем когда-либо прежде. Закон о чеканке монет от июня 1834 года изменил стандарт с серебряного на золотой.

Депозитным банкам было настоятельно рекомендовано свободно дисконтировать, чтобы удовлетворить общественность изменениями. Банки были организованы в огромном количестве по всей стране, чтобы занять место великого банка и получать долю в прибылях от обращения с государственными деньгами. 1 января 1835 года весь долг был выплачен, и правительство больше не могло использовать свои избыточные доходы. В таком случае был только один правильный и прямолинейный курс, и он заключался в снижении налогов, чтобы не собирать излишки, но это запрещал Закон о компромиссах. Избыточный доход был наибольшим раздражением протекционистов, которые хотели сохранить высокие пошлины для “случайной защиты”, и они предлагали схему за схемой распределения земель, или доходов от земель, или, наконец, самих избыточных доходов, чтобы сократить доходы без снижения импортных пошлин.

С увеличением числа банков и банковских эмиссий начались спекуляции. Они стали заметными весной 1835 года и продолжали расти в течение двух лет. Хлопок дорожал, поскольку новое оборудование и новые транспортные средства в Англии вместе с расширением там акционерных банков дали большой стимул производителям хлопка. Возрастал спрос на сырье. Из этого следовало, что города, в которых осуществлялся обмен и банковское дело всей

этой промышленности, также пользовались большим процветанием. Железные дороги только вводились, и для перевозки продукции требовались корабли. Таким образом, по естественным причинам этот период был периодом огромного промышленного развития. Большой потребностью в его продолжении был капитал, и политические инциденты, которые привели к расширению банка или поощряли его, можно рассматривать как случайность. Однако сочетание этих двух факторов на самом деле породило дикие предположения. Банки предоставляли кредиты, а не капитал, и, поскольку законы о ростовщичестве не позволяли им с помощью учетной ставки должным образом сдерживать раздутый или спекулятивный рынок, они вместе с деловым сообществом встали на путь, на котором вскоре были потеряны все ориентиры.

Однако не успело это состояние коммерческого и банковского сообщества прочно закрепиться, как очередное политическое вмешательство вызвало новый шок. Теперь администрация дошла до того, что пожелала ввести в стране звонкую монету. Цель была похвальной, а принятые средства - надлежащими, но, следуя в русле уже упомянутых событий, они вызвали новую путаницу. В 1836 году были приняты различные законы о введении звонкой монеты, а в июле того же года министр финансов приказал получателям государственных денег брать за земли только золото и серебро. Обстоятельства оправдывали этот приказ. Продажи земель выросли с двух или трех до двадцати четырех миллионов долларов в год, и эта сумма выплачивалась банкнотами “банков”⁵⁷, которые не заслуживали никакого кредита. Если нация не хотела быть обманом вытесненной с земель, эта мера была необходима. Затем покупателям земли стало необходимо перевозить наличные деньги на Запад, и огромные суммы их скапливались в офисах получателей или с большими трудностями и затратами переводились в депозитные банки. Наличные деньги поступали с восточных банков, и поскольку вся существующая система довела их экспансию до предельного предела, эти требования к денежным средствам были затруднительными. Здесь заслуживают внимания два момента. Странно видеть, какое суеверие по поводу “денег” овладело общественным сознанием. Считалось, что их хорошо иметь, но слишком хорошо использовать. Звонкий доллар рассматривался как предлог для его владельца напечатать и распространить от трех до двадцати бумажных монет, но не рассматривался как имеющий какое-либо другое применение. Изъятие денежной основы из дутых бумаг, без сомнения, было серьезным ударом по всей ткани, но, если бы бумага не была избыточной, перевод денег на Запад мог бы только вынудить импортировать гораздо больше. Это суеверие относительно наличных денег также препятствовало любому требованию к банкам наличных денег для каких-либо целей. Такое требование рассматривалось как своего рода социальное или коммерческое преступление. Следовательно, “конвертируемость” банкнот была вежливой фикцией. Вторым моментом, на который стоит обратить внимание, заключается в том, что защитники банков постоянно говорили о “кредитной системе”, когда они имели в виду систему выпуска кредитных банкнот; и они становились все более красноречивыми по поводу преимуществ кредита, как будто эти преимущества можно было получить, только используя ничего не стоящие банкноты, а не ссужая золото, серебро или капитал в любой форме.

Однако мы еще не подошли к концу политических действий, которые повергли денежный рынок в конвульсии. Летом 1836 года, в год президентских выборов, оппозиции удалось принять закон *о депонировании* в штатах излишка, превышающего пятимиллионный баланс Казначейства на 1 января 1837 года. Сумма составляла тридцать семь миллионов. Эта сумма была рассредоточена по восьмидесяти девяти депозитным банкам по всей стране. Таким образом, его распределение

контролировалось местным давлением и политическим фаворитизмом, а не потребностями правительства (поскольку оно вообще не нуждалось в деньгах) или спросом и предложением капитала. Банки рассматривали их как постоянный депозит и ссужали их в помощь различным государственным и частным предприятиям, которые продвигались со всех сторон с такой скоростью, что, как говорили, рабочая сила отвлекалась от сельского хозяйства, так что страна импортировала хлебные продукты. Теперь они должны были быть изъяты и переведены еще раз, и на этот раз было сказано, что, если эти “депозиты” являются таким преимуществом, они должны быть у штатов, и тогда их можно было бы призвать, так же как и банки, возвращать деньги всякий раз, когда в них может возникнуть необходимость. Депозит был внесен в 1837 году тремя платежами, в январе, апреле и июле, и составил двадцать восемь миллионов. Четвертый платеж так и не был выплачен. Все деньги были растрочены или того хуже.

Срок действия устава Банка Соединенных Штатов истек 3 марта 1836 года. За год до этого директора приказали “биржевому комитету” ссудить капитал, как только он будет высвобожден, под акции, чтобы подготовиться к закрытию. С этого постановления начинается последующая история Банка, поскольку биржевой комитет состоял из Президента и двух выбранных им директоров, в руки которых настоящим было передано все дело Банка. Филиалы были проданы, и капитал постепенно высвобождался в течение 1835 года, но в феврале 1836 года законодательное собрание Пенсильвании внезапно приняло закон о создании United States Bank of Pennsylvania, продолжающего работу старого банка. Утверждалось, что акт был получен путем подкупа, но следствию не удалось доказать это. На первый взгляд, это был самый открытый подкуп, поскольку он предусматривал несколько любимых местных программ улучшения общественного положения, премиальные и кредиты государству со стороны Банка, а также отмену налогов — положения, которые обеспечивали необходимую поддержку для его осуществления.

В течение 1836 года денежный рынок был очень жестким. Предприятия, спекуляции и внутренние улучшения требовали постоянных притоков капитала. Количество экспортируемых ценных бумаг росло все больше и больше, что приводило к падению валютных курсов. Американские компании-импортеры имели все большие и более длительные долги перед иностранными агентами. Денежный рынок в Англии также стал очень жестким, и использовать эти длинные кредиты становилось все труднее и труднее. Три английских дома, Уиллсон, Уайлдс и Уиггинс, были особенно заинтересованы в этих американских кредитах, которые они сочли необходимым сократить. Зима выдалась суровой, усугубленной народным недовольством, бунтами и профсоюзными беспорядками, вызванными высокими ценами и арендной платой. Неудачи начались четвертого марта 1837 года, в день инаугурации Ван Бюрена, в Миссисипи и Луизиане. Компания Hermann, Briggs & Co. из Нового Орлеана обанкротилась, заявив, что ее обязательства составляют от четырех до восьми миллионов долларов. Как только об этом стало известно в Нью-Йорке, их корреспонденты, J. L. & S. Joseph & Co., потерпели неудачу. Таким образом, первый прорыв в расширенной системе кредитования произошел в связи с хлопком. За последние три-четыре года цена выросла настолько, что в производство хлопка были вовлечены многие тысячи людей, у которых не было капитала, но прибыль была настолько велика, что один-два хороших урожая окупали бы весь капитал. Плантаторы Миссисипи, в частности, соответственно организовались в банковские корпорации и выпустили банкноты как самый простой способ занять необходимый им капитал. С 1830 по 1839 год банковский капитал Миссисипи увеличился с трех до семидесяти пяти миллионов, что, конечно, представляло собой один кредит, построенный на другом, на возобновляемом и

растянутом долге, поскольку старые плантаторы покупали больше рабов и занимали больше земли вместо того, чтобы платить за старых, или по мере прихода новых поселенцев. Таким образом, Миссисипи была в долгу перед Северо-Востоком за погашение их огромного банковского долга или за капитал, купленный на него. Высокие курсы денег в Англии и этой стране, наконец, остановили рост цен на хлопок в 1836 году. Неурожаи и высокие цены на продовольствие сопровождалась избытком промышленного хлопка, и когда хлопок начал падать, разорение было неизбежным. Как только наступило отвращение, оно охватило всю спекулятивную систему. Новые пригороды, которые были заложены в каждом городе и деревне, так ни к чему и не привели. Западные земли потеряли всякую спекулятивную ценность, а акции железных дорог и каналов стремительно падали.

Первым, кто обратился за помощью, был мистер Биддл. Бедствием, которого больше всего опасались, была поставка наличных денег, и попытка состояла в том, чтобы добиться продления кредита или замены более выгодного кредита на менее известный. Банк Соединенных Штатов имел высокий кредит в Европе, да и во всем мире. В конечном итоге оплата должна производиться урожаем, который еще не произведен или не отправлен. Биддл заключил соглашение с нью-йоркскими банками, которое, похоже, было выполнено лишь частично, но он продал почтовые банкноты с погашением через год в Barmy's в Лондоне. Он получил за них сто двенадцать с половиной фунтов стерлингов, при этом денежная единица составляла сто семь. Облигации были дисконтированы в Англии по пятипроцентной ставке. Акции банка Соединенных Штатов находились на уровне ста двадцати.

Ситуация в Англии была настолько серьезной, что, казалось, все зависело от денежных переводов из Соединенных Штатов. Банк Англии предоставил помощь “трем W” в размере пятисот тысяч фунтов стерлингов под гарантию, выданную в сити, и открыл кредит в размере двух миллионов фунтов стерлингов для Банка Соединенных Штатов, если половина суммы будет отправлена наличными. Банк Соединенных Штатов не согласился с этим условием. Предложение приписывало Банку Соединенных Штатов силу, которой он не обладал. Руководство Банка Англии в этот и два последующих года было плохим и во многом способствовало усилению беспорядков в обеих странах. Франция участвовала в катастрофе, хотя никаких спекуляций там не было.

Делегация нью-йоркских коммерсантов была направлена в Вашингтон 3 мая с просьбой к президенту отозвать циркуляр о продаже ценных бумаг, отложить взимание таможенных обязательств и созвать дополнительную сессию Конгресса. В своем обращении к нему они резюмируют ситуацию: за шесть месяцев в Нью-Йорке недвижимость сократилась на сорок миллионов; за два месяца обанкротились двести пятьдесят фирм, а запасы сократились на двадцать миллионов; товары упали на тридцать процентов, и в течение нескольких недель двадцать тысяч человек были уволены с работы.

В начале мая обанкротились три банка в Буффало. 8 мая обанкротился банк Dry Dock Bank (Нью-Йорк). Десятого числа приостановили работу все банки Нью-Йорка. Ополченцы были вооружены, и существовали опасения беспорядков. Одиннадцатого филадельфийские банки приостановили работу, потому что это сделали нью-йоркские банки, и потому что, хотя у них было много наличных денег для себя, у них не было достаточно для всего “атлантического побережья”. Однако они заявили, что являются должниками перед Нью-Йорком. Когда новость распространилась по стране, банки, за редким исключением, приостановили свою

деятельность. Это было одно из представлений, рожденных банковской войной, согласно которому Банк Соединенных Штатов был виновен в притеснении, когда он обращался к банкам штатов за их балансами, а банки штатов практиковали "снисхождение" друг к другу. Банковские выписки за этот период показывают огромные суммы, причитающиеся как в других банках, так и от них. Это было то, что объединяло их всех, потому что никто не мог существовать в одиночку, если его дебетовые и кредитные счета не были в одних и тех же банках.

Летом губернаторы нескольких штатов созвали дополнительные сессии законодательных органов. Президент отказался отозвать денежный циркуляр или созвать дополнительную сессию Конгресса, но затруднения с Казначейством вынудили его сделать последнее. Взыскание долговых обязательств было отложено, и таким образом доходы были сокращены. Государственные деньги находились в приостановленных банках, и Казначейству, номинально обладавшему сорока миллионами, в то самое время, когда часть этой суммы выплачивалась штатам, приходилось изо дня в день тянуть время, используя векселя для своих инкассаторов на небольшие суммы, полученные или случайно оставшиеся в их руках после приостановления. Поскольку банкноты достоинством менее пяти долларов были запрещены почти во всех штатах, а наличность облагалась десятипроцентной надбавкой, все мелкие монеты исчезли, и города были наводнены банкнотами и билетами на небольшие суммы, выпущенными муниципалитетами, корпорациями и частными лицами.

Наиболее интересным фактом, связанным с этим коммерческим кредитом, является то, что Нью-Йорк и Филадельфия придерживались противоположной политики в отношении него и, таким образом, предложили, исходя из своего различного опыта, экспериментальную проверку этой политики. Законодательный орган Нью-Йорка принял закон, разрешающий приостановление на один год. В то время политика Нью-Йорка заключалась в том, чтобы брать на себя обязательства и готовиться к возобновлению в установленный срок. Политика Филадельфии, лидером которой был мистер Биддл, заключалась в том, чтобы без активных усилий ждать улучшения ситуации. В своем письме Адамсу от 13 мая Биддл сказал, что Банк мог бы продолжать работу без проблем, но соображения относительно остального вынудили его пойти с ними. Что особенно тронуло его, так это то, что, если бы деятельность пенсильванских банков не приостановилась, пенсильванцам пришлось бы вести бизнес в более выгодной валюте, чем жителям Нью-Йорка, что было бы несправедливо. Мистер Биддл прекрасно знал, что биржи все это устроят. Он был мастером писать правдоподобные письма. Правда, о которой стало известно только четыре года спустя, заключалась в том, что капитал Банка так и не был выведен за счет биржевых займов, что высшие должностные лица Банка грабили его, и что приостановление деятельности не приветствовалось ни одним учреждением в стране больше, чем великим банком. В то время ревность между Нью-Йорком и Филадельфией была очень велика. Личное тщеславие мистера Биддла, по-видимому, было сильно польщено, когда в марте жители Нью-Йорка обратились к нему с просьбой помочь им. Он по-прежнему был ведущим финансистом страны. Бизнесмены не смогли бы пощадить его, даже если бы правительство отстранило его от должности. Похоже, также есть некоторые свидетельства того, что он надеялся, что великое и всеобщее отвращение заставит правительство штата повторно зафрахтовать его Банк. Успех его почтовых билетов в Англии и Франции был для него еще одним источником удовлетворения тщеславия. В своей теории банковского дела он был одним из тех, кто верил, что погашение банкноты осуществляется товаром. Следовательно, банковское дело было для него искусством, с помощью которого банкир регулировал торговлю посредством

расширения и сокращения оборота в соответствии с обстоятельствами, которые он мог наблюдать на рынке.

Первое влияние противоположных курсов, взятых Нью-Йорком и Филадельфией, было очень благоприятным для его взглядов. Торговля на юге была перенесена из Нью-Йорка в Филадельфию. Южные банкноты продавались со скидкой в двадцать или двадцать пять процентов. Получая эти банкноты от торговцев, Банк использовал их через Бевана и Хамфриса для закупки хлопка. Эта операция началась в июле и была направлена на транспортировку хлопка в Европу, чтобы оплатить почтовые векселя Банка, когда наступит срок их погашения. Фирма "Биддл и Хамфриз" также была создана в Ливерпуле в качестве агента этой операции. В рамках расширения сделки хлопок был куплен и оплачен чек-листами Bevan and Humphreys из Филадельфии, которые были дисконтированы Банком. Биддл и Хамфриз, продав хлопок, перечислили вырученные средства мистеру Джандону, бывшему кассиру Банка, отправленному в Англию в качестве его агента в июле. Ко всему этому следует добавить, что Банк взял на себя функцию обеспечения для своих производителей хорошей или справедливой цены на хлопок. Инструкции Джандона заключались в защите интересов банка и "страны в целом".

Если бы Банк был просто сильным, состоятельным банком, нацеленным на получение прибыли, он отправил бы два или три миллиона в Европу, продавая валюту по сто двенадцать долларов, и не приостанавливал бы работу. Остальная часть истории тогда была бы совсем другой для всех заинтересованных сторон. Прибытия в июне в Англию корабля со ста тысячами долларов наличными было достаточно для поддержания американского кредита и оживления американских ценных бумаг. Когда кредит должника подмочен, ничто так не оживляет его, как платеж.

Дополнительная сессия Конгресса состоялась 4 сентября. Четвертый взнос Государственного депозитного фонда был отложен до 1 января 1839 года, но он был заблокирован в банках с приостановленной деятельностью, и, поскольку предыдущие взносы были взяты из лучших банков, весь остаток должен был быть в худших банках страны, в банках юго-западных штатов. Поскольку они одалживали его своим клиентам, на самом деле он находился среди жителей этих штатов. Был принят закон о возбуждении судебных исков против этих банков, если только они не произведут оплату по первому требованию или не предоставят облигации для этого тремя платежами до 1 июля 1839 года. В то время было всего шесть депозитных банков, выплачивавших наличные; один был новым, четыре не приостановили свою деятельность и один возобновил ее. Полномочия обращаться к штатам за "депонированными" у них средствами были отобраны у министра финансов и переданы Конгрессу. Процентные казначейские векселя были предоставлены сроком на один год для покрытия расходов, а по долговым облигациям срок был продлен на девять месяцев. На этой сессии в качестве административной меры была предложена субказначейская система. Это раскололо партию. "Банковские демократы" (представители государственного банка, которые присоединились к партии Джексона в 1832 году, чтобы разрушить Банк Соединенных Штатов) перешли в оппозицию. Сторонники "кредитной системы" говорили, что схема субфинансирования, предоставляя правительству контроль над денежной массой в стране, даст ему контроль над всеми кредитами. Тем временем Бентон сказал, что восемьдесят миллионов монет в стране - это ее защита от невзгод, а Локофокос заявил, что любой, кто экспортирует монеты, является британским наемником. Так что возникла изрядная путаница в финансовых понятиях.

Осенью английскому денежному рынку стало намного легче, и та же тенденция проявилась и здесь. Цена на наличные в Нью-Йорке была примерно на семь процентов выше, но неуклонно снижалась. Цены на хлебные коржи оставались очень высокими (мука в Нью-Йорке стоила от девяти до девяти с половиной долларов), а стагнация промышленности была полной. Миграция на Запад была большой.

18 августа банки Нью-Йорка созвали собрание банков для обсуждения вопроса о возобновлении. Банки Филадельфии сорвали предложение, отказавшись. Съезд собрался в октябре, но был отложен без принятия решения до апреля. 7 апреля активы нью-йоркских банков в два с половиной раза превышали их обязательства, за исключением недвижимости, и они были кредиторами филадельфийских банков на сумму 1 200 000 долларов. Они сократили свои обязательства с 25 400 000 долларов на 1 января 1837 года до 12 900 000 долларов на 1 января 1838 года, и иностранные валюты были благоприятными.

Банковское собрание собралось 1 апреля 1838 года, и штаты проголосовали за возобновление 1 января 1839 года, не исключая более раннего дня. Только Нью-Йорк и Миссисипи проголосовали против: первый - потому, что дата была слишком отдаленной; второй - потому, что было слишком рано. Позже Новая Англия присоединилась к Филадельфии и Балтимору. Мистер Биддл опубликовал еще одно письмо, в котором он обвинил в жестокости сокращения в Нью-Йорке; он хотел оставаться "готовым к возобновлению, но не к возобновлению", и надеялся, что Конгресс выполнит эту работу. Курс обмена между Нью-Йорком и Филадельфией тогда составлял четыре с половиной процента по отношению к последнему. На юго-западных биржах ситуация ухудшалась. 1 мая банки Филадельфии приняли решение выплачивать наличные по требованиям ниже одного доллара. Банк Англии обязался направить миллион фунтов стерлингов наличными для поддержки возобновления работы и действительно отправил сто тысяч фунтов, но затем отказался от этого предприятия; его запас наличных денег теперь был очень велик и увеличивался. Банки Нью-Йорка возобновили работу в первую неделю мая, банки Бостона и Новой Англии, как правило, в одно и то же время. В Нью-Йорк поступали наличные. 31 мая Конгресс отменил специальный циркуляр, после чего мистер Биддл опубликовал еще одно письмо, в котором говорилось, что, поскольку Конгресс начал действовать, он видит свой путь к возобновлению и будет "сотрудничать". В то время у Банка было более тринадцати миллионов ссуд под "векселя к получению", то есть под ценные бумаги, положенные в ящик кассира в качестве наличных взамен снятых.

После перерыва в работе Конгресса 9 июля настроение стало намного лучше, особенно в связи с поражением субфедеральных казначейских векселей, и 10 июля губернатор Пенсильвании Ритнер опубликовал прокламацию, требующую от банков возобновить работу 13 августа, а также оплатить и отозвать все банкноты номиналом менее пяти долларов. 23 июля в Филадельфии собрался банковский съезд, состоящий из делегатов из средних штатов. Было решено возобновить его 13 августа. Банки Филадельфии были вынуждены сокращаться очень внезапно, а деньги там были очень дороги. Как только они возобновились, к ним были предъявлены требования из Нью-Йорка, биржа выступила против них. Это вызвало волнение и возмущение. Банки обычно объявляли дивиденды, как только они возобновлялись. В других местах, здесь и в Англии, деньги были легки, а времена быстро улучшались. Однако рынок хлопка был лихорадочным и нестабильным. У Биддла и Хамфриса были огромные запасы, и покупатели и продавцы расходились в ценах.

10 декабря 1838 года Биддл опубликовал еще одно письмо Адамсу, в котором пересмотрел свою политику последних двух лет и отозвал Банк из всей его прежней общественной деятельности. Он говорит: “Это лишает его произвольной силы”. Он защищал спекуляции хлопком, говоря, что спас главный продукт нашей страны от жертвоприношения, введя на рынок нового конкурента. Итак, перед нами был покупатель, который пришел на рынок специально, чтобы “продать” чужую собственность. В его судьбе можно было не сомневаться. В это же время ливерпульский рынок был очень скучным, и прядильщики сокращали свои запросы, потому что предложение находилось под контролем спекулянтов. Как и утверждалось, урожай был невелик, но покупатели приняли это за рассказ спекулянтов и, предвидя перелом в цене, отказались покупать. Спекуляция, без сомнения, неоправданно снизила цену. Юго-западные агенты Банка Соединенных Штатов предлагали авансы на сумму от двух до пяти центов выше рыночной, чтобы обеспечить доставку грузов Биддлу и Хамфрису, а мистер Джандон, поскольку он потерял доверие, вместо того чтобы завоевать его, платил разорительные проценты за деньги для продолжения своих операций.

В течение зимы большинство южных и западных банков возобновили работу, по крайней мере номинально, но с приближением весны 1839 года южные биржи снова закрылись, и многие банки снова приостановили свою деятельность. 29 марта Биддл подал в отставку с поста президента Банка, заявив, что оставил его сильным и процветающим. Акции упали со ста шестнадцати до ста двенадцати, но вскоре восстановились. Денежный рынок снова стал жестким под влиянием опасений по поводу Юга.

В марте из-за спекулятивных распродаж, сокращения запасов и реального дефицита урожая хлопок в Ливерпуле подорожал на один и одну четвертую пенса, и Биддл и Хамфриз распродали все свои запасы. Чистая прибыль составила шестьсот тысяч долларов. Это было расценено как большой триумф и как полное подтверждение политики Биддла. В июле 1839 года Банк Соединенных Штатов выплатил полугодовой дивиденд в размере четырех процентов - свой последний.

Успех спекуляции хлопком привел к разработке плана его возобновления в более крупных масштабах. 6 июня в Нью-Йорке был опубликован неподписанный циркуляр, в котором предлагалась схема авансирования трех четвертей стоимости в размере четырнадцати центов на весь хлопок, поставляемый Биддлу и Хамфрису. Они должны были “держаться до тех пор, пока цены не начнут энергично расти”. Агент, мистер Уайлдер, заявил, что, насколько ему известно, это не имеет никакого отношения к Банку Соединенных Штатов. Однако это была схема Банка. Юго-западные банкноты падали все ниже и ниже, а почтовые банкноты, выпущенные на Юго-Западе годом ранее, теперь подлежали погашению и не были оплачены. Давление из-за этого пало на Филадельфию, где количество денег выросло до пятнадцати процентов, а банки сокращали деятельность. Новости из Англии также были плохими. Хлопок подешевел на два цента. Наличность Банка Англии быстро сокращалась, и наличность составляла пять процентов. Договоренности с этой стороны в 1837 году заключались просто в возобновлении или продлении сроков, и до сих пор было произведено мало платежей. Были отправлены акции и т.д., Но они попали на перенасыщенный и жесткий рынок, и цены снизились. Таким образом, эти ценные бумаги не представляли собой средства платежа, и были признаны необходимыми поставки в денежной форме. Банк Соединенных Штатов предотвратил любую отправку наличных, предложив все требуемые векселя по сто девять с половиной, и мистер Джандон был вынужден прибегнуть к самым безрассудным средствам для оплаты этих

векселей. В августе он написал Биддлу и Хамфрису с просьбой снабдить его деньгами при любой потере хлопка. “Вопрос жизни или смерти Банка Соединенных Штатов”. Здешний Банк призвал Бивана и Хамфриса направить своих агентов удовлетворить требования Джандона, и Банк взял на себя убытки. В августе Банк отправил агента в Нью-Йорк, чтобы тот оформил все векселя, которые он мог продать на Хоттингера в Париже, чтобы получить выручку наличными из нью-йоркских банков и отправить ее для оплаты векселей, цель которых состояла в том, чтобы заставить нью-йоркские банки приостановить работу, чтобы снова можно было привести их пример. Банк также продавал свои почтовые банкноты со скидкой в восемнадцать процентов годовых в Бостоне, Нью-Йорке, Балтиморе и других местах поменьше и собрал капитал для покрытия чрезвычайной ситуации в Филадельфии, вызванной прекращением денежных переводов с Юга. Денежные рынки во всех этих городах были очень жесткими до октября. Девятого числа того же месяца Банк Соединенных Штатов обанкротился по векселям из Нью-Йорка, а десятого числа было получено известие, что векселя на Хоттингера были опротестованы. Он уведомил, что не будет платить, пока не получит страховку, и чеки поступили раньше, чем деньги. Джандону удалось уговорить Ротшильда принять счета. Сумма составляла семь миллионов франков.

Работа банков к югу и западу от Нью-Йорка, а также некоторых банков Род-Айленда снова приостановлена. Наличные в Филадельфии составляли от ста семи до ста семи с половиной. Акции банка Соединенных Штатов - семьдесят. 15 октября она стоила восемьдесят и продавалась в Нью-Йорке с надбавкой в одну четвертую. В обращении почти не было банкнот Нью-Йорка.

Это приостановление стало настоящей катастрофой предшествовавшего спекулятивного периода. Теперь началась масштабная и всеобщая ликвидация. Возможно, около двухсот из этих банков так и не возобновили работу. Стагнация промышленности длилась три или четыре года. Общественные улучшения, столь опрометчиво начатые, были приостановлены или прекращены. Штаты боролись с накопившимися долгами. Некоторые отказались; некоторые приостановили выплату процентов. Штаты Новая Англия и Нью-Йорк избежали всех более суровых черт этой депрессии и вышли из нее первыми. По мере того, как мы продвигаемся дальше на юг и запад, мы обнаруживаем, что бедствие становится все более интенсивным и продолжительным. Выздоровление никогда не было отмечено каким-либо определенным моментом времени, оно наступало постепенно и незаметно.

Кредит Банка Соединенных Штатов чудесным образом выстоял после шока, вызванного его второй приостановкой. Его друзья были готовы приписать его несчастья заговорам, ревности или любой другой причине, кроме его собственных ошибок. На самом деле они не знали его внутренней истории. Он мог бы восстановиться, если бы не был разрушен изнутри. Спекуляции хлопком привели к убыткам летом 1840 года, после того как спекулянты взвалили на Банк все возможные расходы, в размере 630 000 долларов. Законодательный орган Пенсильвании обязал банки возобновить работу 15 января 1841 года. Первого января 1841 года был составлен отчет об активах Банка, когда выяснилось, что они состояли из массы сомнительных и ничего не стоящих ценных бумаг. Согласно отчету директоров, убытки на сегодняшний день составили более пяти миллионов, но с учетом рыночной стоимости акций - более семнадцати миллионов. Банк возобновил работу 15 января вместе с другими банками Филадельфии, и великий банк ссудил штату четыреста тысяч долларов, согласившись ссудить еще столько же. За двадцать дней банки Филадельфии потеряли одиннадцать миллионов наличными, из которых шесть

миллионов были изъяты из Банка Соединенных Штатов. 4 февраля Банк обанкротился в третий и последний раз. Говорили, что его окончательный провал произошел из-за биржевых спекулянтов. Иски были немедленно начаты в таком количестве, что от всякой надежды когда-либо реанимировать его пришлось отказаться. На момент банкротства его депозиты составляли один миллион сто тысяч долларов, а банкноты в обращении - два миллиона восьмьсот тысяч долларов. Двадцать семь миллионов из тридцати пяти его капитала находились в Европе. В марте 1841 года акции находились на уровне семнадцати. В апреле комитет акционеров отчитался, показав внутреннюю историю Банка за пять лет. Это вызвало у мистера Биддла шесть писем с объяснениями, защитой и взаимными обвинениями, которые ценны главным образом для дальнейшего понимания истории, которое они дают. Что касается ликвидации Банка, то получить информацию очень сложно. Частные запросы приводят к следующим результатам. Были учреждены три траста: один для городских банков, которым Банк был должен пять или шесть миллионов; один для держателей банкнот и вкладчиков; и один для других кредиторов. Городские банки, держатели банкнот и вкладчики в конечном итоге получили выплаты в полном объеме. Остальные требования были выкуплены одним или двумя лицами, которые завладели активами. То, что они из них сделали, не имеет отношения к истории.

Попытка пенсильванских банков возобновить работу в январе 1841 года послужила сигналом к аналогичным попыткам в других штатах. Банки на побережье вплоть до Южной Каролины в целом возобновили работу, а в Западных штатах и штатах Персидского залива некоторые предприняли тот же шаг. Все они были в долгу перед Северо-Востоком, и их попросили заплатить, как только они сказали, что готовы заплатить. Как и банки Филадельфии, они уступили этому требованию. Банки Вирджинии продержались до апреля, когда приостановка была вновь повсеместной к югу от Нью-Йорка.

Все штаты, за исключением Нью-Гэмпшира, Вермонта, Род-Айленда, Коннектикута и Делавэра, имели долги, в общей сложности составлявшие почти двести миллионов. Южные штаты, как правило, списывали эти долги перед основанными банками. Средние и Западные штаты задолжали за общественные работы. В первом случае ожидалось, что прибыль банков покроет проценты по долгу. В последнем случае ожидалось, что работы принесут прибыль в течение короткого времени, а проценты тем временем обеспечивались банковскими дивидендами (по акциям, принадлежащим государству, которые представляли собой всего лишь еще один долг), налогами на банки и авторскими отчислениями. Обе схемы были правдоподобны и могли бы увенчаться успехом, если бы ими управляли здраво и умеренно. В реальных обстоятельствах они находились под политическим контролем, методы которого были безрассудными и невежественными. Следствием этого стало то, что, когда кредитный коллапс прекратился и английский рынок больше не поглощал государственные акции с жадностью, штаты оказались в большом долгу, вынуждены были выплачивать большие проценты и не имели ожидаемого дохода. Государственные банки Юга предоставили свой заемный капитал законодателям и политикам и не имели никаких активов, кроме "приостановленного долга". Улучшающиеся штаты оказались в большом долгу перед собственными банками и зависели от банковских дивидендов для выплаты процентов. Все государственные банки держали государственные акции в качестве активов, и когда их стоимость упала, банки стали неплатежеспособными. Таким образом, банковская система была взаимосвязана с государственными финансами и манией к неразумно планируемому и предпринимаемому улучшению без привязки к имеющемуся в распоряжении капиталу. Неприятие налогообложения было очень сильным, и по мере того, как налогообложение откладывалось, один штат за другим объявлял дефолт по своим

процентам. Неплатежеспособными штатами были Пенсильвания (которая ввела налоги в 1840 году, но недостаточные для покрытия дефицита), Мичиган (из которых Банк Соединенных Штатов держал облигации на два миллиона, не оплаченные после банкротства), Миссисипи (из которых тот же банк держал облигации на пять миллионов, обязательства по которым были оспорены и так и не были выполнены), Индиана (долг которой составлял одну пятую от общей оценки), Иллинойс, Луизиана, Мэриленд и Арканзас, а также территория Флорида — общая сумма сто одиннадцать миллионов. За пять лет Банк Соединенных Штатов предоставил Пенсильвании три миллиона долларов, выделил почти полмиллиона на общественные улучшения, проводимые корпорациями, и ссудил штату восемь с половиной миллионов. В 1857-1858 годах в Пенсильвании ее работы, стоившие тридцать пять миллионов, были проданы за одиннадцать миллионов. Облигации, депонированные в Нью-Йорке для обеспечения обращения, имели номинальную стоимость в четыре и шесть десятых миллиона, но на первое января 1843 года стоили всего один и шесть десятых миллиона. Уже в марте 1841 года это снижение вызвало панику среди банкнот "Безопасного фонда" и "Свободного банка" в Нью-Йорке.

Теперь Пенсильвания приступила к другому эксперименту, который угрожал разорением ее оставшихся банков, поскольку безрассудные требования к Банку Соединенных Штатов помогли разорить это учреждение. 3 мая 1841 года законодательный орган, преодолев вето, принял "Закон о помощи". Целью было получение кредита в размере трех миллионов долларов в банках. Закон разрешал им выпускать эту сумму мелкими банкнотами, которые они должны были подписывать на пятипроцентный заем. Они должны были выкупать банкноты с пятипроцентным запасом по первому требованию на сумму более ста долларов. Акции тогда стоили восемьдесят долларов, а звонкая монета - семь процентов с наценкой.

Лучший финансовый обозреватель в стране того времени (Гоудж) сказал об этом Акте: Пенсильвания, "после того, как она старомодным способом заняла столько, сколько могла, у банков и брокеров, отечественных и иностранных капиталистов, решила вымогать ссуду по доллару с человека укаждой прачки, лесопильщика и всех остальных в пределах ее компетенции, у кого был доллар, чтобы одолжить. Но поскольку прачки, лесопильщики и другие долларовые люди не могут долго обходиться без использования своих средств, было необходимо выдавать эти кредитные сертификаты в форме обращения, чтобы бремя можно было перекладывать с одного на другого изо дня в день или, при необходимости, два-три раза в день".

Лето 1841 года было отмечено сильными волнениями в Пенсильвании. Таблица лучших инвестиционных акций Филадельфии показывает сокращение с августа 1838 по август 1841 года с шестидесяти миллионов до трех с половиной миллионов. Класс наемных работников столкнулся с жесточайшей нищетой и бедствиями. Жители Пенсильвании объясняли проблему отсутствием защитного тарифа. Какое-то время осенью казалось, что облегченные банкноты действуют благотворно. Банки приняли их, и они обращались наравне с остальной государственной валютой. В январе 1842 года обанкротился банк Джирарда, и примерно в то же время Пенсильванский и три других, менее важных, а к марту разразился кризис, худший, чем все предшествовавшие. Законодательный орган неожиданно принял законопроект, предписывающий немедленное возобновление. Была предложена поправка, согласно которой банки больше не должны быть обязаны получать векселя с облегчением, хотя государство должно это делать. Впоследствии поправка была отменена, но облегченные банкноты были

испорчены. Они подешевели, некоторые до семидесяти пяти, а некоторые до пятидесяти в государственной валюте, а затем стали товаром после шести месяцев и трех дней использования. Теперь нельзя было привлекать капитал под четыре процента в месяц, но это банкротство прояснило ситуацию. Одиннадцать банков, которые не обанкротились, согласились возобновить работу 18 марта. Биржи с Нью-Йорком повернулись в пользу Филадельфии. 1842 и 1843 годы были годами великой депрессии. Банки по всему западу и югу ликвидировались, после чего они либо исчезли, либо возобновились. С 1843 года началось новое здоровое развитие промышленности и кредита. Восстановление, однако, было очень медленным, и банки снова возникли раньше и быстрее, чем что-либо другое.

Общая сумма банкнот, выпущенных в Пенсильвании, составила два и одну десятую миллиона. В январе 1843 года непогашенная сумма составляла из обесцененных 639 834 долларов США в звонкой монете (выпущенной банками, которые возобновили работу) 240 801 доллар. Репортер Бикнелла сказал: “Если кто-то сможет разработать немедленный план, с помощью которого люди смогут избавиться от бумажного мусора стоимостью около 700 000 долларов, он будет иметь право называться общественным благотворителем”. В феврале 1843 года Законодательный орган приказал казначею аннулировать банкноты на сумму 100 000 долларов сразу и по 100 000 долларов ежемесячно, пока все они не будут уничтожены, но в июне 1843 года все еще оставалось 684 521 доллар.

Это, безусловно, печальная история о том, как люди, пользующиеся самыми исключительными шансами на богатство и процветание, могут упустить их из-за незнания политической экономии и безрассудства в политическом управлении. Банки рассматривались как средства заимствования капитала, а не как учреждения для его предоставления в долг. Если где-нибудь была группа нуждающихся спекулянтов, они оформляли банковский устав, избирали себя директорами, обменивали свои векселя на акции, печатали много банкнот, давали себе займы эти векселя, и выходили и на эти векселя покупали капитал, который они хотели. Банк за банком терпел крах с огромным тиражом на плаву и без каких-либо активов, кроме банкнот его директоров, которые тоже потерпели крах. Когда в Соединенных Штатах было тридцать или сорок миллионов излишков на руках, и эти банки могли взять их на хранение и управлять ими в течение неопределенного периода, потому что страна в них не нуждалась, легко понять, почему банки множились. Банкам было предложено свободно ссужать этот депозит населению, что они отнюдь не испытывали отвращения, поскольку это был единственный способ получить на нем прибыль. Они одолжили его не один, а два или три раза подряд. Уполномоченные банка Нью-Йорка указали на опасность системы, при которой заемщик напрямую контактирует с банком, выпустившим валюту. Если человек стремился занять и платить высокие проценты, а банку оставалось только напечатать банкноты, чтобы удовлетворить его потребности, были все стимулы для чрезмерной эмиссии. Если заемщик занимался каким-либо предприятием, он повышал цену на все, что покупал. Когда он занялся своим предприятием и ему понадобился большой капитал, он вернулся в банк с большим рвением и готовностью платить высокие проценты, чем когда-либо, и операция повторилась. В 1836 году, на пике инфляции, ставки обращения денег составляли двенадцать-пятнадцать процентов в течение года при очень ограниченном денежном рынке. Банки и деловые круги не могли перекладывать вину друг на друга. Они стимулировали друг друга и рука об руку продолжали свое безумие. Однако штрафы были распределены несправедливо. Банки “приостановили”, как они это называли; то есть, когда их попросили выплатить их долги, они сказали, что не будут; и они пользовались полным

иммунитетом в этом отношении, в то время как люди снаружи, которые не могли заплатить, должны были потерпеть неудачу.

Я попытался, в пределах, которыми я ограничен, показать, сколько элементов было объединено в этот период и как все они были переплетены. Есть политические элементы, элемент тарифов, перемещение населения на новые земли, фискальные операции правительства общей юрисдикции, революция в чеканке монет, мания общественных улучшений, безрассудное создание государственных долгов и война с Банком Соединенных Штатов. Любой из них мог бы стать причиной финансового кризиса в старой стране, и тот факт, что катастрофа, вызванная всеми вместе взятыми, здесь была не большей, является поразительным доказательством жизнеспособности страны и тех замечательных преимуществ, которые она растрачивала.

За четыремь или пятью годами чрезмерного процветания последовали четыре или пять лет самого медленного и изматывающего кризиса. 1843 год - год самых низких цен в нашей истории и год жесточайших ограничений в промышленности. В 1842 году Казначейство Соединенных Штатов подверглось протесту и фактически обанкротилось, а американский кредит был настолько низким, что агент государственного управления, посланный в Европу, чтобы попытаться предоставить там заем всего в двенадцать миллионов долларов, вообще не смог этого сделать. Однако в том же году из того дохода, который у него был, правительство штата распределило шестьсот тысяч долларов, полученных от продажи земли, между штатами. Что же касается возврата чего-либо из двадцати восьми миллионов, депонированных в штатах, то никаких усилий подобного рода никогда не предпринималось. Штаты жаловались, что четвертый взнос, на который они имели право, им так и не был выплачен. Иногда возникает вопрос, является ли государственный долг проклятием или благословением. Не может быть никаких сомнений в том, что национальный избыток - это проклятие.

В годы, предшествовавшие 1837 году, было потрачено много красноречия на "кредитную систему". После 1837 года этот вопрос был снят. Под кредитной системой они подразумевали увеличение количества банкнот, которые были ложными обещаниями. Идея заключалась в том, что система их использования в бизнесе давала бедным людям более легкий шанс разбогатеть. Сначала их легко одалживали по низким ставкам. Затем, по мере роста цен и активизации спекуляций, проценты выросли. "Бедняки" оказались вынуждены соглашаться на все более и более разорительные переоформления, тем более тяжелые из-за закона о ростовщичестве, пока не потеряли все, чем когда-либо действительно владели. Таким образом, вопрос заключается в том, насколько лучше, чем они были, были бы бедняки 1830 года в 1845 году, если бы они продолжали медленно зарабатывать и копить капитал и вообще не пользовались кредитом. Как бы то ни было, бедняки 1830 года, после того как в 1836 году они считали себя богатыми, все были банкротами в 1845 году. Таков ход любой инфляции валюты. Это доказано сотнями примеров; и нет такого заблуждения, которое, кажется, так трудно искоренить из умов людей, как то, что в бизнесе мы можем сделать что-то из ничего, хотя мы не можем в химии или механике. Ничто так не соблазняет человека, не имеющего капитала, и не ведет его к разорению, как легкий кредит, сопровождающий первые стадии инфляции.

Стоит также ненадолго задуматься о результатах реализации двух планов по преодолению кризиса: Нью-Йоркского плана и Филадельфийского плана. Когда в этом мире совершается ошибка, мы всегда должны нести за нее наказание. Если нам не нравятся полосы с одной стороны, мы можем повернуться и взять их с другой, но когда природа налагает наказания за

свои нарушенные законы, мы никогда не сможем уклониться в сторону. Таким образом, в данном случае, когда была совершена глупость, наказание должно было быть понесено. Единственный выбор заключался в том, принять ли его быстро и тяжело, или легко и долго. Жители Нью-Йорка выбрали первый путь. Схватка была сильной и болезненной, пока длилась, но вскоре она закончилась. С мая 1838 года нью-йоркские банки возобновили работу и держались без дальнейших дефолтов, а нью-йоркский бизнес восстановился и с того времени вступил на новый курс роста. Филадельфийцы пошли другим путем. Они облегчили задачу должникам и подождали, пока утихнет буря. Следствием этого стало то, что долги увеличились еще больше. Преимущество в торговле над Нью-Йорком оказалось недолговечным и ужасно дорогостоящим, поскольку товары не были оплачены. Неразбериха и бедствие длились на четыре года дольше, чем в Нью-Йорке, и общие потери были намного больше. В течение последних пяти лет мы находились в условиях той же необходимости, что и та, которая угнетала страну в 1837 году. Мы следовали Филадельфийскому плану, и я могу высказать вам свое мнение, что мы поступили неразумно. Я думаю, что три года назад мы могли бы спастись с гораздо меньшими потерями и пройти еще три года по пути к новому процветанию.

В заключение позвольте мне обратить ваше внимание на урок этой истории в отношении возобновления. Видите ли, возобновления не было до тех пор, пока курс валюты не был снижен до пределов фактической потребности страны в звонкой монете или даже ниже ее. Либо добровольно, либо в результате банкротства ненужные бумаги должны были быть изъяты. Так было во всех других известных мне случаях возобновления, которые были реальными и постоянными. Применяя это к нашим собственным нынешним обстоятельствам, я спрашиваю себя, превышает ли количество бумаги, находящейся сейчас в обращении, потребности страны, и, как мне кажется, есть все основания полагать, что это так. Если это так, возобновление не может быть реальным и постоянным до тех пор, пока его часть не будет погашена и отозвана. Интерес к возобновлению со стороны огромного числа трудолюбивых, трезвых и бережливых граждан невозможно преувеличить. Возобновление процветания на прочной основе невозможно до тех пор, пока не произойдет полного возврата к денежной стоимости. Однако есть те, кто хочет жить чем угодно, только не честным трудом, кто находит свой лучший шанс, когда цены колеблются, а стоимость валюты постоянно меняется. У них есть схемы и интересы, возобновление которых должно разрушить. Они сделали все, что могли, чтобы это провалилось, и они бдительны и горят желанием увидеть, как это провалится. Если она потерпит неудачу, это будет великим национальным бедствием из-за авторитета, который она предоставит этим пророкам зла, если не по какой-либо другой причине. Возобновление отношений с нами сейчас находится как раз на том этапе, когда малейший перевес сил может повернуть его в ту или иную сторону — обеспечить его успех или вызвать его провал. Это большое достижение - повернуть наши лица в правильном направлении. Это пробуждает национальную гордость за успех возобновления. Это заставляет замолчать оппозицию и злонамеренные усилия против нее. Это значительно облегчает принятие необходимых мер для обеспечения успеха, поскольку они не влекут за собой никаких неприятностей, ничего, кроме экономии и осмотрительности в отношении национальных финансов; избежание ненужных расходов и отсрочка на время определенных расходов, необходимых самих по себе. Если стране нужно шестьсот миллионов долларов для ведения своего бизнеса, то изъятие части бумаги просто ввело бы золото в обращение, и возобновление было бы вне всяких сомнений. Если страна не хочет использовать шестьсот миллионов долларов для ведения своего бизнеса,

тогда мы не сможем поддерживать платежи в денежной форме с такой суммой на плаву, и у нас впереди еще многое из опыта 1842 и 1843 годов.

НАУКА СОЦИОЛОГИЯ⁵⁸

При нынешнем состоянии социологической науки человек, который вообще ее изучал, наверняка почувствует большое недоверие к себе, пытаясь говорить об этом. Самое большее, что один из нас может сделать в настоящее время, - это оценить перспективы, которые предлагает нам наука, и понять направления, в которых она, кажется, вот-вот откроется. Что касается философии предмета, то нам все еще нужен учитель, который показал бы нам, как обращаться с его самыми фундаментальными доктринами и применять их на практике. Изучая и преподавая социологию, я все время испытываю чувство, что я еще не овладел ею настолько, чтобы быть в состоянии продвигаться в ней с полной уверенностью в своих собственных шагах. Я зашел так далеко, что проникся почти непреодолимой убежденностью в необходимости и ценности изучения этой науки.

В начале своей литературной карьеры мистер Спенсер обратился к темам социологии. В поисках этих тем он оказался вынужден (насколько я понимаю) постоянно искать более фундаментальные и широкие философские доктрины. Наконец он подошел к фундаментальным принципам философии эволюции. Затем он расширил, проверил, подтвердил и скорректировал эти принципы с помощью выводов из других наук и, таким образом, в конце концов снова обратился к социологии, вооружившись приобретенным им научным методом. Победить с помощью мощного и правильного метода - это, как мы все знаем, выиграть больше, чем половину сражения. Когда так много обеспечено, вопрос о совершении открытий, решении проблем, устранении ошибок и тестировании результатов становится только вопросом времени и сил для сбора и обработки данных.

Теперь мы овладели методом научного изучения социологии, позволяющим достигать гарантированных результатов. Мы овладели им не слишком быстро. Потребность в науке о жизни в обществе является острой, и она возрастает с каждым годом. Это факт, который обычно упускается из виду, что огромный прогресс в науках и искусствах, произошедший за последнее столетие, имеет социальные последствия и порождает социальные проблемы. Мы привыкли останавливаться на научных открытиях и развитии искусств как на простых событиях, завершенных самих по себе, которые дают только основания для поздравлений. Но достигнутые успехи ни в коем случае не являются простыми событиями. Каждое из них имеет последствия, которые выходят за рамки физической силы и затрагивают социальные и моральные отношения, и эти эффекты умножаются и воспроизводятся в сочетании друг с другом. Великие открытия и изобретения перераспределяют население. Они реконструируют отрасли промышленности и стимулируют новую организацию торговли и финансов. Они создают новые сферы деятельности и делают другие устаревшими, в то время как они меняют относительную ценность многих других. Они ниспровергают старый общественный порядок,

разоряя одни классы и обогащая другие. Они превращают старые политические традиции в гротеск и нелепость и обесценивают старые принципы управления государством. Они дают старым порокам человеческой натуры шанс предстать в новых масках, так что для обнаружения тех же самых старых врагов требуются новые навыки. Они создают своего рода социальный хаос, в котором противоречивые социальные и экономические явления возникают бок о бок, сбивая с толку и вводя в заблуждение студента, который не во всеоружии, чтобы справиться с ними. Возникают новые интересы, в умах людей зарождаются новые веры, идеи и надежды. Некоторые из них, несомненно, хороши и обоснованны; другие вводят в заблуждение; в каждом случае компетентная критика является первоочередной необходимостью. В ходе происходящих в обществе потрясений классы и группы противостоят друг другу таким образом, что порождают классовую ненависть и враждебность. По мере того как старая национальная зависть, которая раньше была линией, по которой велась война, теряет свою отчетливость, классовая зависть угрожает занять их место. Политические и социальные события, происходящие на одной стороне земного шара, теперь затрагивают интересы населения на другой стороне земного шара. Силы, которые вступают в действие в одной части человеческого общества, не успокоятся, пока не охватят все человеческое общество. Братство людей становится реальностью такого отчетливого и позитивного характера, что мы считаем практическим вопросом первостепенной важности, что за существа некоторые из этих до сих пор забытых братьев. Вторичные и отдаленные эффекты промышленных изменений, которые раньше рассеивались и терялись из-за задержек и трений в коммуникации, теперь благодаря нашему быстрому и тонкому механизму коммуникации улавливаются и передаются через общество.

Очевидно, что наша социальная наука находится не на том уровне задач, которые ставятся перед ней обширными и внезапными изменениями во всем механизме, с помощью которого человек делает доступными ресурсы земного шара для удовлетворения своих потребностей, и новыми идеями, которые рождаются из новых аспектов, которые предстают перед нашими глазами в результате развития науки и искусства. Наши традиции в отношении науки и искусства жить явно неадекватны. Они разбиваются вдребезги в наших руках, когда мы пытаемся применить их к новым случаям. Человек доброй воли может прийти к печальному убеждению, но он должен прийти к убеждению честно, что традиционные доктрины и объяснения человеческой жизни ничего не стоят.

Прогресс, который не является симметричным, не является истинным; иными словами, каждая отрасль человеческих интересов должна развиваться пропорционально всем остальным отраслям, иначе та, которая остается с задержкой, будет измерять прогресс, который может быть достигнут всем. Таким образом, если мы не сможем создать науку о жизни в обществе, достаточно широкую, чтобы решать все новые социальные проблемы, которые сейчас ставит перед нами развитие науки и искусства, мы обнаружим, что достижения науки и искусства будут подавлены социальными реакциями и потрясениями.

У нас нет недостатка в попытках того или иного рода удовлетворить потребность, которую я описал. Наша дискуссия превосходит наши рассуждения, а наши рассуждения превышают нашу информацию. Наши журналы, платформы, кафедры и парламенты полны разговоров и статей на темы социологии. Единственный результат, однако, всего этого обсуждения - показать, что существует полдюжины произвольных моральных кодексов, разнородный клубок экономических доктрин, множество религиозных вероучений и церковных традиций, а также запутанная мешанина гуманитарных и сентиментальных представлений, которые теснят друг

друга в мозгах людей нынешнего поколения. Удивительно наблюдать за дискуссией и видеть, как спорящий, отталкиваясь от заданной точки зрения, будет придерживаться одной линии мысли, пока не наткнется на какой-нибудь фрагмент другого кодекса или доктрины, который он почерпнул из какого-то другого источника образования; после чего он поворачивает под углом и идет новым курсом, пока не окажется лицом к лицу с другим своим старым предубеждением. Что нам нужно, так это адекватные критерии, с помощью которых можно проводить необходимые тесты и классификации, а также соответствующие процедурные каноны или адаптацию универсальных канонов к специальным задачам социологии.

Несомненно, что именно к великой философии, которая в настоящее время основана на такой обширной индукции в экспериментальных науках и которая предлагает человеку такое новое понимание всех жизненных отношений, мы должны обратиться за установлением руководящих линий в изучении социологии. Я не вижу границ для сферы применения философии эволюции. Эта философия, несомненно, охватывает все интересы человека на этой земле. Это будет одним из его главных триумфов - внести свет и порядок в социальные проблемы, которые имеют универсальное значение для всего человечества. Мистер Спенсер прокладывает нам путь в эту область. Мы горим желанием последовать за ним в этом и рассматриваем его работу по социологии как великий шаг в истории науки. Поэтому, когда мы выражаем нашу искреннюю надежду на то, что мистер Спенсер обретет здоровье и силы для скорейшего завершения своей работы, мы выражаем не только наше личное уважение и доброжелательность к нему, но и наше сочувствие к тому, что, я не сомневаюсь, является самым теплым желанием его собственного сердца, и нашу признательность за его великие заслуги перед истинной наукой и благосостоянием человечества.

ЧЕСТНОСТЬ В ОБРАЗОВАНИИ⁵⁹

Обращаясь к вам по данному случаю, я, естественно, вынужден говорить о вопросах, связанных с образованием. Мы встречаемся здесь в обстановке, которая для подавляющего большинства из нас незнакома, но мы собрались в атмосфере наших школьных дней и под впечатлением школьных воспоминаний. Некоторые из нас стремительно приближаются, если еще не достигли, к тому времени, когда наш интерес к образованию возродится ради следующего поколения. Многие из нас заняты преподавательской работой. Другие только что завершили определенный этап своего образования. Поэтому я предлагаю несколько минут поговорить о честности в образовании, полагая, что в настоящее время это тема огромной важности, которая по праву может вызвать у вас интерес.

Под честностью в образовании я подразумеваю противоположность всем сенсациям и надувательству в образовании. Я бы включил в него в качестве целей, на которые должно быть направлено образование, не только стремление к подлинной и точной информации и широким знаниям в какой-либо технической области, но и настоящую дисциплину в использовании умственных способностей, безупречный характер, хорошие манеры и высокое воспитание.

Современная сенсационность завоевывает для себя широкое поле деятельности. Это своего рода паразит на высокой цивилизации. Ее девиз гласит, что казаться так же хорошо, как и быть. Его неотъемлемым недостатком является его пустота, неискренность и фальшь. Он занимается броском, расцветом и пустым притворством. Оно пребывает в форме, а не в веществе; во внешнем проявлении, а не в реальности. Оно вызывает отвращение всякий раз, когда его воспринимают; но хуже всего то, что его формы настолько разнообразны, его проявления иногда настолько деликатны, и оно часто лежит так близко к реальному и истинному, что его трудно отличить. Жизнь проносится мимо нас очень быстро. Интересы, требующие нашего внимания, очень многочисленны и важны. У нас нет времени тщательно изучать их все. Кроме того, публичность всего происходящего в наши дни не позволяет считать скромный выход на пенсию признаком заслуг. Мы исходим из принципа, что если что-то и хорошо, то только для общества. Публичность - это почетное и должное признание, и у тех, кто руководит общественными трубами, нет времени, если у них и есть возможность, проводить очень тщательную дискриминацию и критику.

Эти размышления в достаточной степени объясняют рост сенсационности в целом. Вероятно, каждый видит вред, который она приносит в его собственном кругу или профессии, более отчетливо, чем где-либо еще. Я, безусловно, был поражен его влиянием на образование. Я вижу это как в общеобразовательных школах, так и в университетах. Это касается как методов, так и предметов. Это развивает собственный догматизм. Люди без образования или опыта работы в качестве учителей часто берут на себя жалкую роль представителей другого класса, который стал называться "воспитателями". Они начинают с одной-двух причуд, которые они превращают в теории образования. Они с большой серьезностью излагают их в устной и письменной форме, проводя долгие дискуссии относительно планов и методов. Они постоянно ищут запатентованный метод обучения или королевскую дорогу к познанию, когда, на самом деле, единственный способ учиться - это труд ума по наблюдению, сравнению и обобщению, и любой запатентованный метод, который позволяет избежать этого утомительного труда, дает ложные результаты и не способствует развитию умственной силы и дисциплины, из которых состоит образование.

Люди этого класса обычно нетерпеливы до тех пор, пока им не представится возможность применить свои идеи на практике, и тогда с любым учреждением, которое становится объектом их дикого эмпиризма, будет покончено.

Самые печальные результаты таких разбирательств проявляются, конечно, в отношении учеников. То, что определенная школа теряет своих учеников, или влезает в долги, или закрывается, - сравнительно незначительное событие. Настоящее зло заключается в том, что должны быть созданы люди, у которых нет настоящего образования, а только извращенная подготовка к созданию правдоподобных и фальшивых видимостей. Такое образование соответствует внешним явлениям эпохи сенсаций и усиливает впечатления, которые молодой и неопытный наблюдатель получает от нашего современного общества, о том, что смелость - главный из талантов, что успех или неудача - единственное мерило добра или зла, что человек, достойный восхищения, - это тот, кто изобретает хитроумные уловки, чтобы обойти соперника или противоположницу или переступить через неприятный принцип. Молодые люди более проницательны в своих наблюдениях, они делают выводы и формируют обобщения более логично и последовательно, чем их старшие товарищи. Они еще не научились уважать догмы, традиции и условности, и их "образование" продолжается тихо, но верно, развивая философию

жизни того или иного рода. Таким образом, если у вас образовательная система, состоящая из формальной зубрежки для декламации или экзамена, если вы просматриваете учебники, пустое усвоение терминов, заучивание только результатов, вы можете заниматься высокопрофессиональными исследованиями и “охватывать большую территорию”, у вас может быть сложная учебная программа и хвастаться своим мастерством в сложных областях, но у вас не будет образования. Вы можете произвести на свет людей, которые могут потратить всю жизнь, бездельничая по пустякам, или людей, которые всегда растрачивают свои силы, когда пытаются думать, но у вас не будет умных людей с хорошо дисциплинированным и хорошо контролируемым умом, которые способны приложить всю свою силу к любой новой необходимости или любой новой проблеме, схватить ее и победить.

Ошибка здесь достаточно очевидна. Люди забывают или не осознают, что простота и скромность являются первыми требованиями в научных занятиях. Мы должны начинать смиренно и с малого, если хотим продвинуться далеко. Раздувание и притворство ведут только к тщеславию и дилетантизму, а не к силе и плодотворной деятельности. Если мы с нетерпением продвигаемся вперед, мы обманываем себя мыслью, что добиваемся грандиозного прогресса. Мы лишь оставляем многое незавершенным, к чему нам придется вернуться и исправить. Если, с другой стороны, мы продвигаемся медленно и кропотливо, каждый шаг продвижения будет уверенным и подлинным. Это создает отличную почву для следующего шага. Это укрепляет и подтверждает умственные способности. Они начинают действовать с уверенностью благодаря научным процессам, а не догадкам, и эта ментальная дисциплина позволяет нам применять наши силы везде, где они нам нужны. Новая задача - это не глухая стена, которую мы не можем преодолеть, потому что мы никогда раньше не видели ничего подобного. Это всего лишь новый пример применения старых и знакомых процессов. Я никогда не видел ничего более жалкого, чем беспомощное барахтанье в новом предмете молодого человека, далеко продвинувшегося в своем образовании, который так и не научился пользоваться своим умом.

В том, что я уже говорил о жизненной философии, которую молодой человек формирует в процессе образования, я предположил, что образование должно оказывать большое влияние на характер. Иногда утверждается, что образование должно формировать характер — должно иметь эту цель и стремиться к ней, к поставленной цели. Я не отрицаю этого, но прошу вас заметить, что это затемняет истину. Истина в том, что образование неизбежно формирует характер, так или иначе. Ошибка заключается в том, что говорят так, как будто академическое обучение может продолжаться без воспитания характера, если только не преследуется поставленная цель. Можно прочитать много книг по математике и естественным наукам, не имея какой-либо прямой моральной культуры, но все, что мы узнаем об этом мире, в котором мы живем, реагирует на какой-то принцип, регулирующий наше поведение здесь. Это, однако, не самое важное. Школа - это общество в миниатюре. Разве мы все не знаем, как оно формирует свою собственную атмосферу, как участники вырабатывают собственный кодекс поведения и собственное общественное мнение? И потом, какое положение занимает учитель в этом маленьком сообществе. Какое опасное и ответственное положение он занимает. Какой критике он подвергается. Какой авторитет имеет его пример. Итак, в этом маленьком обществе бессознательно формируются общие представления о поведении, усваиваются принципы, вырабатываются привычки. Каждый член на своем месте отдает и берет от общей жизни. Можно усомниться в том, существует ли какое-либо жизненное объединение, оказывающее

большее влияние на характер, чем школа, и это влияние также проявляется в период становления, когда впечатления воспринимаются легче всего и глубже всего запоминаются.

Таким образом, именно здесь стремление к сенсациям может нанести наибольший вред и где целостность метода наиболее важна. Неправдивость сенсуализма здесь становится зародышевым принципом, который развивается в разнообразные формы неправдивости по своему характеру. Молодые люди не могут практиковать шоу и притворство, и в то же время их учат верить, что единственное важное - это то, кто ты есть, а вовсе не то, что люди думают о тебе. Они не могут практиковать приемы, которые создают видимость обучения, и в то же время их учат верить, что обман позорен и что откровенная честность, признающая худшее, является благородной чертой характера. Они могут научиться стыдиться, когда их ловят на лживом обмане, но они не научатся стыдиться обмана. Я не говорю, что они будут лгать или воровать, но это жалкий кодекс, который определяет честность как воздержание от захвата чужой собственности. Честность - гораздо более широкая добродетель, чем отказ от воровства. Она включает в себя правильность мотивов и целей, полноту и последовательность принципов, а также деликатность ответственности. Правдивость - это краеугольный камень характера, и инстинктивная неприязнь ко всему ложному или надуманному является одним из чувств, которые должно прививать любое разумное образование. Однако она не сможет этого сделать, если ее *персонал* и ее методы не будут руководствоваться непоколебимой честностью.

Я также упомянул с самого начала среди тех вещей, которые используются в образовании и к которым я хотел бы применять принцип честности, хорошие манеры. Некоторые люди демонстративно демонстрируют пренебрежение к хорошим манерам. Они считают, что небрежность в этом отношении демократична или является признаком хорошего общения. Они думают, что можно хвастаться тем, что у них нет воспитания. Некоторые другие считают, что манеры заменяют образование, выучку и даже характер. Именно последнее заблуждение чаще всего вторгается в сферу образования. Мы знакомы с его формами. Это дает нам мнимого джентльмена из гостиной под одним пальто с хулиганом из бара. Когда эта система торжествует, она снабжает нашу молодежь несколькими модными фразами, которых достаточно для оживления гостиной, когда случайно заходит речь о научной теме. Девочки становятся жертвами этой системы гораздо чаще, чем мальчики, но в "культурных кругах" нередки случаи подобного рода, когда о культуре танцевальной школы было написано небольшое количество книг. Молодые мужчины и девушки, которые соединили воедино несколько разнородных фраз, распространенных среди ученых, подробно изложат вам свое мнение по самым серьезным проблемам философии и науки. Фразы, которые долгие годы запоминаются, - это эпиграмматические и парадоксальные, независимо от того, правдивы они или нет. На самом деле, они не смогли бы анализировать или критиковать свой склад ума, даже если бы попытались. Они так и не научились рассматривать предмет и формировать мнение.

Из этого, однако, не следует, что грубость - это эрудиция или что обучение хорошим манерам, которые хороши просто потому, что они являются спонтанным выражением здорового сердца и хорошо тренированного ума, не относится к сфере образования. Зависть, злоба и эгоизм - обычные источники дурных манер. Они присущи необученному и грубому человеку, и искоренить их - задача истинного образования. Следовательно, там, где не хватает настоящего образования, мы часто можем обнаружить наихудшие манеры при огромном социальном опыте и истинную вежливость там, где была подлинная дисциплина, но мало знакомых с социальными формами.

Я начал этот ход мыслей не для того, чтобы сказать вам сейчас, что мы наслаждались истинным методом образования, а другие - нет, но есть некоторые вещи, связанные с этим учебным заведением, которые мы можем вспомнить с удовольствием в свете представленных мною размышлений.

Эта школа была основана так давно, что у нее уже есть группа выпускников, которые являются полезными и влиятельными людьми в этом городе, и многие другие разбросаны по всей стране, полезные и почетные, если не знаменитые граждане. Он был основан не без некоторой борьбы, но более просвещенные взгляды возобладали, и результаты подтвердили эти взгляды, я полагаю, ко всеобщему удовлетворению. С самого начала предприятие пользовалось покровительством группы людей с удивительно широкими взглядами и здоровым общественным духом. Мы, которые воспользовались его наставлениями в наше время, можем должным образом вспомнить этих людей по этому случаю с благодарностью и уважением. Один из них, которого никто не превзошел в рвении к работе и интеллекте для планирования такого учреждения, только что скончался. Вашему городу повезло с такими гражданами.

План, по которому была основана школа, был удивительно мудрым и дальновидным. Благодаря ему высшее образование стало доступным каждому мальчику в вашем городе, у которого хватило трудолюбия и самоотречения, чтобы получить его. Многие из вас сейчас находятся в положении активных и ответственных граждан. Вы должны рассматривать это учреждение как одну из гордостей вашего города. Хорошо охраняйте его. Вы можете не хвастаться только этим. Вы в долгу перед этим, и вы должны заплатить. Каждый мальчик и девочка, окончившие здесь школу, в долгу перед общей школьной системой Америки. Каждый человек, для которого эта школа открыла карьеру, которая в противном случае была бы ему недоступна, в десятикратном долгу как перед обычной школьной системой, так и перед классом, в котором он родился. Сектантские интересы, интересы частных школ, имущественные интересы и некоторые клики "культуры", ложно так называемые, объединяются против системы - силы, которую люди пока недооценивают. Никто не знает, как скоро может начаться борьба, и вас могут призвать к присяге, которой вы обязаны.

Этой школе также удивительно повезло с выбором учителей, которые руководили ею. Мы не можем преувеличивать ценность этого выбора. Именно благодаря незаметному влиянию характера и примера учителя создается атмосфера школы. Именно из этого ученики узнают, чем восхищаться, а что ненавидеть, к чему стремиться, а чего избегать. Именно из этого они узнают, какие методы действий почетны, а какие недостойны. Всему этому они учатся из методов дисциплины, а также из методов обучения. Они могут научиться хитрости и интриганству, а могут научиться прямоте и искренности. Они могут научиться добиваться успеха любой ценой или с достоинством принимать неудачи, когда успеха можно добиться только бесчестьем.

Вы хорошо знаете, какой тон всегда придавали этому учебному заведению наши преподаватели. У нас было много преподавателей, как джентльменов, так и леди, которых мы вспоминаем с уважением и привязанностью. Наш более поздний опыт знакомства с миром и жизнью только помог нам более отчетливо, оглядываясь назад, увидеть, насколько возвышенным был их тон, насколько искренней была их преданность, насколько простыми и честными были их методы обращения с нами. Они не были для нас надсмотрщиками, и их работа не была для них суровой и неблагодарной рутинной.

Когда будут произнесены эти слова, перед умами всех неизбежно возникнет одна фигура - фигура того, кто умер в сбруе. По моему опыту, я никогда и нигде не видел человека более простого и бессознательного высокого происхождения, человека, который более основательно сочетал достоинство официального авторитета с учтивостью в безудержном общении со своими учениками. То, что так много молодых людей здесь пользовались его личным влиянием, является частью удачи, которая пришла к нам и в этот город благодаря этому учреждению.

Из этих фактов естественным образом следует, что мы в высокой степени наслаждались тем, что я назвал честностью в образовании. Сенсационность любого рода всегда была чужда здешней системе. Она должна погибнуть в такой атмосфере. У нас было реальное и основательное обучение, в котором ничего не было выставлено напоказ и ничем не жертвовалось ради аплодисментов. Мы научились терпеливо работать для достижения реальных и долговременных результатов. Мы научились верить в то, что подлинное должно выжить и превалировать над фальшивым. Мы научились презирать пустую показуху. У нас также была дисциплина, которая была полной и достаточной, но которая достигалась без тренировок. Не было ни сентиментальности, ни ласки, ни наигранности в свободных манерах. Дисциплина существовала, потому что это было необходимо, и она была гладкой, потому что это было разумно.

Сейчас нет ничего, к чему люди с возрастом относятся с более суровой критикой, чем к своему образованию. Они сталкиваются с необходимостью в этом каждый день, и им приходится спрашивать, было ли этого достаточно и соответствовало ли поставленной цели или нет. Я думаю, именно потому, что мы обнаруживаем, что наше образование здесь действительно выдерживает это испытание, мы можем встретиться здесь по такому случаю с неподдельным интересом и сочувствием. Годы их бегства рассеяли нас и принесли нам тяжелые заботы и новые интересы. Мы не могли бы отложить все это в сторону и вернуться сюда просто ради сантиментов или для того, чтобы повторить общепринятые фразы. Мы встречаемся на почве благодарного воспоминания о полученных благах, о благах, которые мы можем конкретизировать, взвесить и измерить.

Эту школу следует рассматривать как местное учебное заведение. Она принадлежит этому городу, и ее преимущества предоставляются молодым людям, которые здесь растут. Я упомянул об исключительной мудрости и просвещении, которые руководили его основанием и питали его рост. В заключение позвольте мне обратиться к тому, что касается его настоящего и будущего. Все, что мы видим здесь, напоминает нам о том, что его здание и оборудование намного лучше, чем в наши дни. Его процветание свидетельствует о его нынешнем хорошем управлении. Но, джентльмены, эти хорошие вещи не могут быть сохранены без бдительности и труда. Та же мудрость и просвещение должны господствовать над будущим, что и над прошлым. Я не сомневаюсь, что ценность этого учреждения для вашего города настолько высоко оценена, а методы, с помощью которых оно было разработано, настолько хорошо поняты, что любая опасность для него или для них побудит вас приложить серьезные усилия для его защиты. Оставьте все как было, посвятив себя исправлению объектов надежными методами. Ничем не жертвуйте ради *эклетики* поспешного и ложного успеха. Ничем не уступайте современному шарлатанству в сфере образования. Сопровитесь изощренным схемам безрассудных спекулянтов теориями образования. Не следует ожидать, что вы сможете избежать этих опасностей в большей степени, чем другие люди, и вы должны быть настороже в отношении них. Вы хотите создать здесь образовательное учреждение, которое в своей мере будет обучать

ваших детей лучшим наукам и идеям того времени. Вы хотите, чтобы оно сделало их хозяевами самих себя и своих способностей. Вы хотите, чтобы это сделало их практичными в лучшем и единственно верном смысле этого слова, сделав их эффективными в разумном решении всех жизненных проблем. Сегодня стране нужны такие граждане. Они нужны государству. Они нужны вашему городу. Они нужны во всех профессиях. Вы должны обращаться к таким учреждениям, как это, чтобы обеспечить их, и вы должны оставаться верными своим методам и целям, если хотите, чтобы из них вышли люди морального мужества, высоких принципов и преданности долгу.

ДИСЦИПЛИНА

Человеку, связанному как преподаватель с большим опытом обучения, очень часто приходится встречаться с людьми, которые, пройдя курс обучения и проведя несколько лет в активной жизни, задумываются о своей академической карьере. В комментариях, которые делаются таким образом, насколько я их слышал, наблюдается большое единообразие, и они укрепляют меня в определенных убеждениях. Я наблюдаю, что академическая жизнь ведется в сообществе, которое в определенной степени закрыто, изолировано и своеобразно. У него есть свой собственный кодекс как для работы, так и для морали. Она формирует своеобразную точку зрения, и жизнь, если смотреть с нее, приобретает своеобразные формы и своеобразные краски. Едва ли нужно добавлять, что полученные таким образом взгляды на жизнь искажены и неверны.

Я не ожидал бы большого успеха, если бы взялся исправить эти взгляды, описав их словами. Только в самой жизни, то есть на опыте, люди исправляют свои ошибки. Они настаивают на том, чтобы испытать это на себе. Они обманывают себя надеждами, что они необычны по своим личностям и характерам или что их обстоятельства необычны, и поэтому тем или иным способом они могут совершать старые ошибки и все же избежать старых наказаний. Только когда проходит жизнь, эти иллюзии рассеиваются, и тогда исчезают сила и возможность применить приобретенную мудрость на практике. Таким образом, старики постоянно предупреждают и проповедуют, а молодые постоянно пренебрегают и страдают.

Хотя я не мог бы рассчитывать на лучшую судьбу, чем другие, если бы проповедовал таким образом, все же есть некоторые вещи, которые, как мне часто приходило в голову, молодые люди в вашем положении могли бы понять с большой практической выгодой, и которые, если бы вы поняли их и действовали в соответствии с ними, спасли бы вас от глубочайшего самобичевания и сожаления, которые я так часто слышу от пожилых людей; и нынешний случай кажется лучшим, чем я могу получить иным способом, для изложения этих вещей. Я ссылаюсь на некоторые более широкие объяснения значения и цели академических занятий. Я не имею в виду теории образования, о которых люди спорят, но я имею в виду цели, которые имеет в виду любое истинное образование, и ответственность, которую оно с собой несет. Конечно, не рекомендуется, чтобы мужчины вашего возраста занимались вашим образованием просто по заведенному порядку, заучивая предписанные уроки, выполняя вынужденные задания,

сопротивляясь, будучи неразумными и незаинтересованными. Такой опыт с вашей стороны не будет представлять собой никакого истинного образования. Он не будет включать в себя никакого развития ваших способностей. Это могло бы только сделать вас скучным, любящим увиливать, неряшливым в своей работе и поверхностным в своих достижениях. Если я не сильно ошибаюсь, некоторого противодействия такой низкой и недостойной концепции академической жизни можно добиться, показав ее связь с реальной жизнью и связав то, что преследуется здесь, с практической и долговременной пользой. Я знал людей, которые получали эти преимущества, не подозревая об этом; и я верю, что вы получили бы их лучше, если бы получали их разумно, и что вы ценили бы их лучше, если бы получали их сознательно.

Во-первых, будет полезно рассмотреть одно или два представления о цели образования, которые не кажутся обоснованными. Во-первых, целью образования является развитие специальных технических навыков или ловкости и подготовка человека к тому, чтобы он мог зарабатывать на жизнь. Мы можем сразу признать, что целью обучения является получение полезных знаний. Действительно, ошибкой некоторых старых систем академических занятий было то, что они давали лишь особую ловкость, и то в таком направлении, как сочинение греческих и латинских стихов, что является простым достижением, и притом не очень хорошим. Это должно быть наравне с танцами и фехтованием; это не так высоко, как рисование, раскрашивание или музыка. Более того, есть область, в которой необходима специальная техническая подготовка. Это область промышленной школы, предназначенная для получения определенных теоретических знаний людьми, которые будут всю жизнь заниматься механическим искусством. Однако с этим ограничением мы сразу же обозначили границы, которые не позволяют этому понятию охватить истинную концепцию академической карьеры. Это не просто техническая подготовка к более высокому классу искусств, которые требуют более длительной подготовки. Вы знаете, что эта концепция широко распространена в нашем американском сообществе и что она с большой догматической строгостью излагается людьми, которые иногда, к сожалению, в состоянии превратить свое мнение в закон. Это одно из величайших препятствий, с которым приходится бороться всем нашим усилиям по получению высшего образования.

Однако я перехожу к другому мнению, которое сейчас гораздо более модно и которого придерживаются люди, во всяком случае, гораздо более элегантно, чем сторонники только что упомянутой точки зрения, а именно к мнению, что то, чего мы ожидаем от образования, и есть "культура". Культура - это слово, которое служит нам иллюстрацией вырождения языка. Если я могу дать определение культуре, я не возражаю против признания того, что целью образования является ее создание; но с тех пор, как это слово вошло в моду, оно было украдено дилетантами и использовано для обозначения их собственных любимых форм и объемов достижений. Мистер Арнольд, великий апостол, если не первооткрыватель культуры, попытался проанализировать ее и обнаружил, что она состоит из сладости и света. На мой взгляд, это все равно, что сказать, что кофе состоит из молока и сахара. Культурные ценности в нем отсутствуют. Таким образом, в практике тех, кто принимает это понятие, культура начинает представлять собой лишь внешнюю гладкость и округлость очертаний без учета внутренних качеств.

Сейчас мы зашли так далеко, что начинаем различать различные виды культуры. Есть хромовая культура, о которой мы совсем недавно много слышали, и есть культура буффе, которая только-только зародилась. Если бы мне это мешало, я бы хотел добавить еще один класс, который можно было бы назвать культурой саполио, потому что он заключается в придании высокого блеска покрытой посуде. Представляется большой опасностью, что этот вид может стать тем, на что нацелены те, кто считает культуру целью образования.

Более верная идея культуры - это та, которая рассматривает ее как эквивалент обучения или результата обучения, который привносит в разумную деятельность все лучшие силы ума и тела. Такой культуры нельзя достичь, написав о ней эссе или сформировав хотя бы четкое литературное высказывание или ментальную концепцию того, что это такое. Этого нельзя добиться, желая этого или подражая внешним проявлениям этого. Мы, мужчины, можем достичь этого только усердным и тщательным применением сил, которые мы хотим развить. Мы не уверены, что достигнем этого, прочитав какое-либо количество книг. Это требует постоянного применения литературных приобретений на практике и постоянной коррекции ментальных концепций путем наблюдения за вещами такими, какие они есть. Чтобы провести четкое различие между истинной идеей культуры и ложной, я подумал, что лучше называть истинную культуру дисциплиной - словом, которое, возможно, несколько лучше раскрывает ее сущностный характер.

Здесь позвольте мне привлечь ваше внимание к одному очень широкому обобщению человеческой жизни, которое люди постоянно упускают из виду и иллюстрацией которого является культура. Великие и героические поступки, которые поражают наше воображение, никогда не достижимы прямыми усилиями. Это верно в отношении мудрости, славы, известности, добродетели, культуры, общественного блага или любой другой великой цели, к достижению которой стремятся люди. Мы не можем достичь ничего из этого прямым усилием. Они приходят как утонченный результат, вторичным и отдаленным образом, тысяч действий, которые преследуют другую и более близкую цель. Если человек стремится непосредственно к мудрости, он наверняка будет делать из этого видимость. Он достигнет лишь смехотворной глубины в банальностях. Мудрость - это результат больших знаний, опыта и наблюдений, после того как все они были просеяны и усовершенствованы до трезвой осторожности, натренированного суждения, умения приспособливать средства к целям.

Подобным же образом тот, кто стремится к славе непосредственно, завоюет только ту жалкую карикатуру, которую мы называем дурной славой. Слава и известность, поскольку они желанны, являются отдаленными результатами, которые приходят сами по себе в результате долгих, повторяющихся и умелых усилий.

То же самое справедливо и в отношении общественного блага, или "дела", или как там еще мы должны называть ту цель, которая разжигает рвение филантропов и мучеников. Когда это преследуется непосредственно как сиюминутное благо, возникают сумасбродства, фанатизм и всякого рода отклонения. В социальной жизни имеют место решительные действия и реакции, но не упорядоченный рост и выгода. Первое впечатление, без сомнения, создается о благородном рвении и самопожертвовании, но это не тот вид работы, от которого выигрывает общество. Прогресс общества - это не что иное, как медленный и весьма отдаленный результат неуклонного, кропотливого роста индивидов. Человек, который максимально использует себя и делает все возможное в своей сфере, делает гораздо больше для

общественного блага, чем филантроп, который работает с планом, который исправил бы мир, если бы только все его приняли.

Этот взгляд во многом преуменьшает героизм, которым наполнена столь значительная часть нашей поэзии, но, я думаю, наводит нас на несколько очень обнадеживающих размышлений. Первый заключается в том, что не обязательно быть героем, чтобы иметь какое-то значение в мире. Герои ушли в прошлое. Сейчас нам нужен хороший запас работоспособных людей, способных стоять каждый на своем месте и хорошо выполнять свою работу. Второе размышление, к которому нас подводят, заключается в том, что нам не нужно постоянно напрягать зрение к горизонту, чтобы увидеть, куда мы направляемся, или, другими словами, нам не нужно утруждать себя грандиозными теориями и целями. Достаточно решимости делать именно то, что нам предстоит. Отличные результаты придут сами собой и позаботятся о себе. Мы можем избавить себя от всех грандиозных эмоций и героизма, потому что чем проще и непосредственнее мы относимся к делу жизни, тем лучше будет результат. Третий вывод, который, по-видимому, заслуживает упоминания, заключается в том, что мы начинаем понимать ценность мелочей.

Все, что я сказал здесь о мудрости, известности, почести, "общественном благе" как целях, к которым следует стремиться, относится и к культуре. Это становится притворством, когда мы ставим перед собой немедленную цель, и проявляется в своей истинной форме только как отдаленный и утонченный результат длительного труда и дисциплины.

Однако, прежде чем я заговорю об этом в его прямом отношении к образованию, позвольте мне представить еще одно наблюдение по поводу изложенной мною доктрины о том, что мы не можем напрямую стремиться к большим результатам. Вот что: мотивом всех непосредственных усилий является либо личный интерес, либо желание удовлетворить свои вкусы и естественные склонности. Я говорю, что все грандиозные результаты, составляющие то, что мы называем социальным прогрессом, являются результатом миллионов усилий миллионов людей, и что мотивом каждого усилия в сердце человека, который его предпринимал, было удовлетворение потребности или склонности его натуры. Я знаю, что некоторые могут счесть это эгоистичной доктриной, исключающей всякое самопожертвование, мученический или миссионерский дух, но для меня приятно наблюдать, что мы не находимся в состоянии войны с самими собой и что разумное стремление к нашему наилучшему благу как личности является самым надежным средством на благо общества. Более того, неужели вы воображаете, что если вы вознамеритесь максимально использовать себя в любом положении, в которое вас поставят, то у вас не будет ни малейшего шанса на самопожертвование и вам не представится никакой возможности принять мученическую смерть? Неужели вы думаете, что человек, который тщательно использует все имеющиеся у него средства, чтобы сделать свою единственную единицу человечества как можно более совершенной, может сделать это, не отдавая и не получая в каждый момент вместе с другими единицами вокруг себя? Как вы думаете, сможет ли он далеко продвинуться, не остановившись перед вопросом, идут ли его товарищи в том же направлении или нет? Не окажется ли он, безусловно, вынужденным противостоять течению, которое течет в другом направлении? Это, безусловно, будет так. Настоящими мучениками всегда были люди, которые были вынуждены идти одним путем, в то время как остальная часть сообщества, в котором они жили, шла другим, и их унесло течением. Я обещаю вам, что если вы стремитесь к тому, что хорошо для вас самих, вам не нужно заботиться о благе общества; Я предупреждаю вас, что если вы стремитесь к тому, что хорошо, вы обнаружите, что ограничены глупостью,

невежеством и безрассудством общества, в котором вы живете; и я обещаю вам также, что если вы продолжите свой путь сквозь толпу или попытаетесь заставить их идти с вами, у вас будет достаточный опыт самопожертвования и столько мученичества, сколько вам захочется.

Теперь, если я не слишком глубоко завел вас в социальную философию, давайте снова обратимся к культуре. Мы обнаруживаем, что культура проистекает из мышления, учебы, наблюдения, литературной и научной деятельности, и мы обнаруживаем, что люди практикуют это ради выгоды, профессионального успеха, сиюминутного удовольствия или для удовлетворения своих вкусов. Великий мотив интереса дает энергию, и эта культура - всего лишь вторичный результат. Важно отметить, что когда мотив интереса устраняется, культура становится вялой и впадает в дилетантизм.

Я думаю, что теперь у нас есть точка зрения, с которой мы можем изучать студенческую жизнь и делать над ней наблюдения, имеющие даже научную ценность. В течение студенческой карьеры мотивом интереса к каждому последующему шагу является желание. В уроке, который нужно выучить следующим, нет непосредственного объекта удовольствия или выгоды. Только в исключительных случаях верно, что усвоение урока удовлетворит вкус или исполнит желание. Университетские почести - это всего лишь искусственное средство возбуждения того же великого мотива, который в социальном теле является тем же, чем гравитация в физике. Наказания, которых здесь следует опасаться, - это всего лишь имитация жизненных наказаний. Я думаю, что многие из тех, кто брался давать советы, обличать и предостерегать молодых людей в состоянии ученичества, потерпели неудачу, потому что они не полностью проанализировали или правильно осознали тот факт, что академический мир - это маленькое сообщество само по себе, в котором великие природные силы, которые привязывают пожилых людей к трезвости и мудрости, действуют лишь несовершенно. Жизнь гораздо менее интересна, когда последовательные шаги предпринимаются по принуждению или ради отдаленного блага, о котором известно только понаслышке, чем когда каждый шаг предпринимается ради немедленной выгоды. Я очень сомневаюсь, что надежда на культуру или самоотверженное рвение к общественному благу заставили бы пожилых людей трудиться в адвокатских конторах и конторах, если бы не было такой немедленной награды, как богатство и профессиональный успех. В реальной жизни это правда, что людям приходится делать очень много неприятных вещей, которые они не хотят делать, но и там неприятные вещи переносятся легче. Неприятности академической жизни кажутся произвольными неприятностями, создаваемыми с помощью глупых или злонамеренных людей. Неприятности такого рода всегда вызывают у людей гнев и терзают их сердца. Но нет защиты от тех жизненных невзгод, которые заложены в устройстве вещей. Над человеком, который ругается на них, смеются. Таким образом, человек, только что освободившийся от академической жизни, оказывается свободным от общепринятых правил, но подвергнут наказанию за праздность, расточительность и безрассудство, бесконечно более тяжелому, чем все, к чему он привык, и применяемому без предупреждения, милосердия или отсрочки. С другой стороны, он обнаруживает, что жизнь предоставляет ему возможности и привлекательность для работы, где в работе есть изюминка, которая проистекает из контакта с живыми существами. Его академическое оружие и доспехи поначалу жесткие и неуклюжие, и он, весьма вероятно, начнет их презирать, но более длительный опыт покажет, что его образование, если оно было хорошим, дало ему скорее силу использовать любое оружие, чем особые навыки в использовании конкретного. Специальные технические навыки всегда тяготеют к рутинности. Хотя это само по себе является преимуществом, при определенных обстоятельствах это может

стать ограничением. Единственная истинная концепция “либерального” образования состоит в том, что оно дает широкую дисциплину всему человеку, который использует рутину, не будучи побежденным ею, и может менять ее направление и применение, когда того требует случай.

Это подводит меня к тому, чтобы поговорить о реальных масштабах и преимуществах дисциплинарного образования. Человек, получивший такое образование, просто развил свои природные силы и свел их к управлению, и он обрел для себя разумный контроль над ними. Перед академической аудиторией мне нет необходимости останавливаться, чтобы развеять популярные представления о необразованных силах и людях, сделавших все своими руками. Достаточно сказать, что “человек, сделавший себя сам” - это, по определению, первое неуклюжее эссе плохого работника. Неразвитый человеческий разум - это просто набор возможностей. Его может быть много или мало. Если она хорошо натренирована годами терпеливых упражнений, разумно применена, она становится способной к строгим и методичным действиям. Ее можно использовать для решения любой из сотен задач, которые предлагаются нам, мужчинам, здесь, на земле. Возможно, он изучил эту дисциплину в той или иной конкретной науке, и у него может быть специальное техническое знакомство с одной из них больше, чем с другой. Так почти наверняка и будет, но нет более ошибочного, одностороннего и вредного спора, чем спор *othe* науке, которая должна быть положена в основу образования. Каждая наука имеет для дисциплинарных целей свои преимущества и свои ограничения. Человек, обученный химии, станет строгим аналитиком и будет расщеплять гетерогенные соединения всех видов, но он, вероятно, также будет довольствоваться этой разрушительной работой и оставит позитивную работу по конструированию или синтезу другим. Человек, знакомый с историей, быстро распознает преемственность силы или закона в различных фазах, но он будет довольствоваться широкими фазами и разнородными комбинациями, которые предлагает история, и не будет строгим аналитиком. Человек, обученный математике, будет обладать большой способностью схватывать чисто концептуальные отношения или абстрактные идеи, которые, однако, наиболее четко определены; но он, вероятно, будет цепляться за второстепенный фактор в задаче какого-либо другого рода, особенно если этот фактор допускает более полную абстракцию, чем любой из других. Человек, знакомый с наукой о языке, подходит к непрерывности и развитию истории с путеводной нитью в руке, и его сравнения, служащие ступеньками то справа, то слева, ведут его по курсу, где индукция и дедукция идут так близко друг к другу, что их с трудом можно разделить; но повторное изучение языка всегда угрожает выродиться в зубрежку грамматических тонкостей и придирчивость к выражению, при которой забывается содержание. Теперь, в личных делах, семейных, общественных и политических, все эти силы ума находят повод для проявления. Они необходимы в бизнесе, в профессиях, в технических занятиях; и человек, наилучшим образом приспособленный к требованиям жизни, был бы человеком, чьи умственные способности всех этих разнообразных порядков и видов были бы гармонично развиты. Насколько же поверхностна идея о том, что образование предназначено для того, чтобы давать или может давать массу монополизированной информации, и насколько важно, чтобы учащийся понимал, чего он может ожидать, а чего не может ожидать от своего образования. По мере продолжения вашего образования вы должны наращивать свою способность к наблюдательности. Природные происшествия, политические происшествия, общественные события должны представить вам новые иллюстрации общих принципов, с которыми вы познакомились в ходе учебы. Вы должны обрести способность анализировать и сравнивать, чтобы все заблуждения, заключающиеся в представлении вещей как похожих, так

и непохожих на них, не могли затуманить ваш разум. Вы должны научиться распознавать и проверять обобщения, а также различать истинные обобщения и догмы, с одной стороны, или общие места, с другой, или причудливые спекуляции, с другой. Вы должны знать, когда вы имеете дело с истинным законом, которому вы можете следовать до конца; когда у вас есть только общая истина; когда у вас есть гипотетическая теория; когда у вас есть возможная гипотеза; и когда у вас есть только остроумное предположение. Это наиболее важные различия с обеих сторон. Некоторые люди подвержены влиянию модного сейчас представления о том, что в культуре никогда не заходить слишком далеко. Мистер Брук в “Мидлмарче”, как вы помните, является представителем этой культуры. До определенного момента он верил во что угодно и всегда боялся зайти слишком далеко. В наши дни у нас немало искателей культуры, чей капитал состоит из поверхностной литературной традиции и такого же страха зайти слишком далеко. Они бы сделали исключение в таблице умножения и сделали оговорки в правиле трех. С другой стороны, у нас есть люди, которые никогда не могут выразить то, с чем они склонны соглашаться, без того, чтобы не разразиться бурными речами. Простое мнение должно быть изложено в стремительном темпе, чтобы утвердить великую научную истину. Одно из них является таким же признаком несовершенного воспитания, как и другое, и вы встречаетесь с обоими, как показывает мое описание, у людей, которые гордятся своей культурой. Я не стану отрицать, что они образованны; я только скажу, что они недостаточно дисциплинированы, то есть недостаточно образованны.

Ваше образование, если оно носит дисциплинарный характер, также должно научить вас ценности ясного мышления, то есть точных определений, четких предложений, хорошо обдуманных мнений. Какой поток свободной риторики, искаженных фактов и неясного мышления обрушивается на нас всякий раз, когда трудный вопрос становится предметом народного обсуждения! Вы не можете обнаружить, что люди, которые предполагают принять участие в обсуждении, имеют в своем сознании четкое определение даже того, что, по их мнению, означают основные термины в обсуждении. Они, по-видимому, не способны сформулировать предложение, с которым можно было бы разобраться, чтобы понять, что это такое и истинно ли оно или нет. Они не могут проанализировать даже те факты, которые они собрали, и, следовательно, не могут сделать обоснованных выводов. Не требуется большого обсуждения какого-либо важного политического или социального вопроса, чтобы показать примеры этого и огромную важность наличия в обществе людей с тренированным и дисциплинированным интеллектом, которые могут мыслить с некоторой ясностью и противостоять явному смешению терминов и идей. Например, на днях я был свидетелем долгого спора на важную общественную тему, который касался утверждения и веры автора в то, что математическое соотношение и субъективное мнение - вещи одинаковой природы и ценности. Возможно, когда он учился в школе, его отец считал, что нет смысла изучать алгебру и геометрию. Было бы не так уж много разницы, если бы он сейчас не вмешивался в дела, к которым сам себя не готовил, но именно такие люди являются вредителями любой науки, вторгаясь в нее со своими прихотями и спекуляциями; и, возможно, я сильнее ощущаю важность этого момента, потому что политические, экономические и социальные науки страдают от недостатка высокой дисциплины больше, чем какие-либо другие.

Я не должен был бы здесь не упомянуть о вреде, который причиняют любой науке ее недисциплинированные защитники, которые, будучи допущенными в ее внутренний круг, тормозят ее прогресс и ввергают в замешательство пренебрежением строгими принципами, неправильным анализом или классификацией или дрогнувшими перед лицом ошибок. Они

нарушают равновесие в рядах и задерживают марш, и причина в том, что у них никогда не было строгой дисциплины ни до, ни после зачисления в армию.

Если ваше образование носит дисциплинарный характер, оно также должно научить вас организованности. Я добавляю этот момент особенно потому, что считаю его важным и на него редко обращают внимание. Это действительно высокий уровень дисциплины, который позволяет мужчинам добровольно организовываться. Если мужчины начинают учиться и думать, они отходят от традиций и авторитета. Первым результатом является разрушение их унаследованных и традиционных мнений относительно религии, политики и общества. Это необходимый процесс перехода от формальной и традиционной догмы к разумному убеждению. Это применимо ко всем понятиям религии, как часто замечалось, но тем не менее это применимо к политике и к чьим-либо представлениям о жизни. Общие места патриотизма, лозунги партий и традиций, бойкие и затасканные фразы и термины должны быть проанализированы заново, и в ходе этого процесса большая часть их достоинства и святости улетучивается. Точно так же меняются взгляды человека на жизнь, на значение социальных явлений и на общие правила, по которым люди должны общаться друг с другом. Теперь, в ходе этого процесса, мужчины расходятся и расстаются. Они не согласны. Они отличаются меньше или больше, а также различными рекомбинациями факторов, которые они создают. Гордость, тщеславие и своекорыстие усиливают это расхождение, которое рассматривается как признак независимости мышления.

Не будет преувеличением сказать, что до тех пор, пока существует это расхождение, оно является признаком низкого и несовершенного развития науки. Если гордость и тщеславие смешиваются, они показывают, что дисциплина еще не выполнила свою работу в совершенстве. Только на более высокой ступени культуры или дисциплины "я" настолько переполняется рвением к научному благу, что мнения сходятся и организация становится возможной. Но вы хорошо знаете, что без организации мы, мужчины, можем добиться очень немногого. Мы хотим не свободы варвара, который предпочел бы жить в одиночестве, чем подвергаться неизбежному принуждению со стороны окружающих. Мы хотим только свободной и добровольной координации, но сама дисциплина должна учить нас тому, что мы должны обладать согласованностью, чтобы достичь какой-либо высокой формы добра.

Сейчас я попытался показать вам масштабы, преимущества и потребности дисциплинарного образования. У меня есть еще одно замечание в этой связи. Человек с хорошо дисциплинированным умом обладает инструментом, который он может использовать для любой цели, которой ему нужно служить. Я не считаю важным вопрос, изучая какие науки, он овладеет этой дисциплиной, поскольку, если он овладеет ею, приобретение информации в любой новой области обучения будет для него легким, и он будет сильным, бдительным и хорошо подготовленным к любым жизненным ситуациям.

Прежде чем оставить эту тему, я хотел бы указать на ее связь с одним другим вопросом, то есть с моралью, или манерами. Распространено мнение, что чем выше человек поднимается, тем свободнее он становится. Минутное размышление покажет, что это не так — скорее, совсем наоборот. У хулигана гораздо меньше ограничений, о которых нужно думать, чем у джентльмена. "Благородство обязывает", возможно, было извращено в своем применении до революции, но оно содержит здравый принцип и великую истину. Чем выше вы поднимаетесь в социальных достижениях, тем сильнее будут давить на вас ограничения. Походка, голос,

манеры, грубая независимость, присущие одной категории людей, неуместны для другой. Образование прежде всего налагает эту ответственность. Дисциплина в манерах и морали не относится к специфическому предмету образования, но она сама собой вытекает из истинного образования. Образованный человек должен работать сам по себе, без какого-либо надсмотрщика над ним. Он находит свое принуждение в самом себе, и оно удерживает его при выполнении своей задачи дольше и теснее, чем любое внешнее принуждение.

Эту ответственность перед самим собой мы называем честью, и это один из высших плодов дисциплины, когда дисциплина, проявленная через интеллект, переходит в характер. Честь подпадает под правило, о котором я упоминал в начале этой лекции. Вы не можете достичь ее, потому что вы этого хотите. Вы не можете достичь этого прямым усилием. Этому нельзя научить вас как литературной теории. Истинная честь может вырасти в людях только благодаря длительной практике хорошего и благородного поведения, руководствуясь чистыми мотивами. Мы смеемся над искусственной честью Средневековья и презираем дуэльный кодекс, но давайте не будем выбрасывать ядро вместе с оболочкой. Честь - это трибунал внутри человека, кодекс которого - просто лучшая истина, которую он знает. Здесь нет ни адвокатов, ни свидетелей, ни технических деталей. Чувствовать, что ты осужден этим трибуналом, - значит испытывать разлад с самим собой и терпеть рану, которая мучает дольше и жалит глубже, чем любая рана на теле. Это высшее достижение образовательной дисциплины - сформировать в умах молодых людей такое чувство чести, которое дает им ориентир посреди искушений и в то время, когда все кодексы и стандарты, кажется, зависят от мнения. Я уже говорил кое-что об отсутствии дисциплины в мыслях и дискуссиях, но это ничто по сравнению с отсутствием дисциплины в поведении, которое вы видите у человека, который никогда не знал, что такое честь, вся моральная конституция которого настолько бесформенна и вялая, что не может выполнять ни одной из своих функций, и который постоянно ищет какую-то особую мольбу, или софистику, или обманчивый прием, чтобы воздать должное правоте, в то время как сам совершает зло. Образование должно действовать вопреки всему этому и в пользу высокого кодекса чести, причем не просто обучение в школах и академиях, но и образование дома и в семье. Наши великие образовательные учреждения должны иметь собственную атмосферу и навязывать собственные традиции, поскольку сила, которая контролирует академическое сообщество, - это не голос авторитета, а голос академического общественного мнения. Это могло бы искоренить ложь, насилие и подлость любого рода, которых никогда не смогли бы достичь никакие наказания со стороны власти имущих; и я утверждаю, что такое общественное мнение принесло бы пользу группе молодых людей с хорошими семьями и лучшими образовательными возможностями, которые предоставляет страна. Называйте это высокой подготовкой, или культурой, или дисциплиной, или высоким воспитанием, или как вам угодно, это всего лишь осознание того, чем мы обязаны самим себе, и оно становится все больше и больше в соответствии с нашими возможностями.

СОДРУЖЕСТВО СОТРУДНИЧЕСТВА

Примечание редактора

Среди бумаг профессора Самнера обнаружился курьез, который я не хотел бы совсем упускать из виду, хотя, возможно, он более соответствует целям биографа. Очевидно, в семидесятые или в начале восьмидесятых Самнер развлекался тем, что представлял себе состояние мира при социалистическом режиме, который он всегда высмеивал и выступал против него. Он сделал это, представив содержание социалистической газеты "*Новая эра*" от 4 июля 1950 года, состоящей из передовиц, новостных заметок, публичных объявлений, уголовных дел и даже рецензии на книгу. Вся эта карикатура в ярких красках изображает явления, сопутствующие такому режиму в период его расцвета. "Ниже, - пишет он, - приводится полная и дословная копия газеты [Нью-Йорк Сити] за указанную дату. Она напечатана на маленькой четверти листа грубой бумаги. Шрифт настолько плохой, что его трудно читать, а типографские ошибки, все из которых были исправлены, непростительны".

Девиз газеты: "Пусть богатые платят! Пусть бедные наслаждаются!" Ответственный редактор - Ласалл Смит и владельцы Маркс Джонс, председатель Совета по этическому контролю города Нью-Йорка, Кабет Джонсон, председатель Арбитражного совета по заработной плате и ценам, Бабуф Браун, председатель Совета по контролю за арендной платой и займами, и Руссо Питерс, президент Кооперативного банка. Уведомление предупреждает читателей, что "Эта статья публикуется строго в соответствии с правилами сотрудничества, установленными Типографским союзом в нашем офисе и под руководством того же совета. Комитет по рассмотрению жалоб дает свое согласие на каждый номер перед его публикацией. Все подписки оплачиваются ежемесячно авансом казначею Союза типографов. Типографский союз, являясь членом организованного Кооперативного Содружества, обладает полицейскими полномочиями для взыскания всех причитающихся ему сумм".

* * * * *

Специальное уведомление гласит следующее:

Мы рассылает копии этого выпуска нашей статьи большому количеству лиц, которые до сих пор не сотрудничали в нашем предприятии, но которых мы зарегистрировали, до тех пор, пока они не заявят о своем отказе. Мы обращаем особое внимание на имена и положение в Содружестве владельцев этого журнала. Мы верим, что многие из тех, кого мы сейчас приглашаем к сотрудничеству и кого подозревали в том, что они монополисты, капиталисты, непокорные и реакционеры, увидят, что они не могут лучше утвердить свой авторитет в гражданственности, чем приняв наше приглашение.

* * * * *

Следующие выдержки взяты из редакционной статьи:

Наши отчеты Этического трибунала показывают, что наш благородный Совет по этическому контролю должен усердно защищать наши интересы. Еще один чумной проповедник приговорен к тюремному заключению. По крайней мере, мы заботимся о том, чтобы наши улицы были убраны - задача, к выполнению которой нельзя было бы привлечь никого из соучастников, поскольку все древние юристы, профессора и проповедники теперь обречены на

это занятие. Упорство и неисправимость этих классов по отношению к Содружеству поразительны.

Совет по этическому контролю объявляет в результате референдума, состоявшегося 1 апреля прошлого года, что 5319 голосами против 782 Содружество проголосовало за сохранение нынешнего состава Совета по этическому контролю на десять лет, вместо того, чтобы ежегодно переизбирать его, как это было ранее. Так и должно быть. Зачем нарушать спокойствие нашего счастливого государства постоянными выборами, когда наши дела вверены в такие компетентные руки?

Агенты Совета по этическому контролю сообщили о 213 людях, найденных мертвыми на улицах на рассвете, из них 174 со следами насилия; остальные, у которых не было билетов кооператива, были старыми монополистами, которые, очевидно, умерли от нужды. Главный кооператор сказал, что ему следует обратиться в Совет по этическому контролю с вопросом, полезно ли продолжать эти отчеты.

* * * * *

Далее следуют выдержки из церемонии инаугурации Г. Р. М. С.60 Ласалль Браун, которые начинаются словами:

В древности вы были поработаны теми, кто говорил: работайте! Экономьте! Учитесь! Мы освобождаем вас, говоря: наслаждайтесь! Наслаждайтесь! Наслаждайтесь!

Первое право каждого, рожденного на этой земле, - это право пользоваться. Содружество, основанное на сотрудничестве, гарантирует это право всем своим членам.

Мы не отменили частную собственность. Мы лишь считаем, что считается, что каждый человек посвятил свою собственность общественному использованию. Мы не упразднили землевладельцев, капиталистов, работодателей или капитанов промышленности. Мы сохраняем и используем их. Такие члены общества полезны и необходимы, если только их жестко контролировать и заставлять вносить свой вклад в общественное благо.

Нам нужны “история” и “статистика”, чтобы разрушить всю старую систему, но мы были бы обмануты нашими собственными процессами, если бы использовали их против самих себя. Все разумные партнеры должны знать, что история и статистика - гораздо большее мошенничество, чем наука.

В Содружестве сотрудничества существуют опасности, которые требуют бдительности. Существует опасность зависти и раскола среди участников сотрудничества. Гармония необходима для Содружества Сотрудничества, и мы должны добиться ее любой ценой.

Некоторые говорят, что наше Содружество слабо. Это самое сильное государство, которое когда-либо существовало. Никто до нашего времени не знал силы “толпы”, как ее раньше называли. По звонку в колокольчик каждый участник оказывается рядом. Наша единственная опасность - фракционное разделение этой власти. Пусть у каждого соучастника будут награды за гармонию и наказания для фракции — строгие, надежные и тяжелые!

Опасность исходит от науки. Ересь эволюции - худший враг сотрудничества, чем старая христианская догма. Уничтожьте это!

Вирус старого анархизма представляет опасность — худшую из всех, потому что он часто достаточно похож на правду, чтобы обмануть избранных. Это означает свободу и индивидуализм. Уничтожьте это!

* * * * *

В рубрике “Отечественные новости” происходит следующее:

Эмиграционные комиссары обнаружили нескольких человек, пытавшихся уехать из города на Лонг-Айленд с золотом. Хорошо известно, что многие богатые люди, движимые эгоизмом и пренебрегающие своими обязанностями доверителей своего состояния обществу, бежали в дебри Лонг-Айленда за пределы Бруклинской коммуны, прихватив с собой все золото, которое смогли добыть. Следовательно, Эмиграционные комиссары организовали патрулирование Ист-Ривер галерами Содружества и ограничили паромные переправы паромной переправой Фултон с 8 до 9 утра и с 5 до 6 вечера. Любые лица, обнаруженные уносящими золото, будут отправлены на галеры, а золото конфисковано. Золото необходимо для закупки припасов для Содружества.

Уже две недели не поступало никаких сообщений из Филадельфии. Пароход грузоподъемностью 100 тонн курсирует по реке Гудзон, взимая пошлину со всех товаров, перевозимых через реку. Сообщения расходятся относительно личности людей на этом судне. Некоторые утверждают, что в нем работают кооператоры, которые, будучи бедными, реализуют этические требования в отношении материальных благ. Другие утверждают, что им управляет банда негодяев-монополистов и бродяг, которые, доведенные до отчаяния бойкотом и планом кампании, ищут эти средства, чтобы продлить свое существование. Совету по этическому контролю надлежит выяснить, какое из этих сообщений соответствует действительности, прежде чем предпринимать действия.

С Запада приходит сообщение, что индейцы захватили Иллинойс, убивая белых и заставляя улучшениями. Они впитали в себя древние капиталистические представления и невосприимчивы к этическим доктринам и принципам сотрудничества. Их численность быстро увеличивается, как это ни странно, поскольку мы читали в древних книгах, что они вымирали столетие назад. Предполагается, что сейчас их численность увеличивается, потому что они завоевывают, и что они будут продолжать делать это до тех пор, пока не истребят всех белых с континента. В отсутствие личной почты мы смиренно предлагаем нашему Совету по этическому контролю связаться с аналогичными советами коммун на западе.

* * * * *

В рубрике “Промышленные”:

Совет по выравниванию производства установил количество различных товаров, которые могут быть произведены в течение предстоящего осеннего сезона. Те, кого это касается, должны немедленно позвонить в офис Правления, оплатить сборы и получить их инструкции. Штраф за перепроизводство установлен в размере 100 единиц сотрудничества за единицу продукции, половина - информатору.

Арбитражный совет по контрактам будет ежедневно заседать в своем офисе в Зале сотрудничества с 10 до 12 часов утра для утверждения контрактов. Плата составляет 1000 единиц сотрудничества с каждой стороны. Обращаем ваше внимание на постановление Совета

по этическому контролю: “Если два или более лица заключают контракт без присутствия и одобрения Арбитражного совета или иным образом, не в соответствии с регламентом указанного Совета, они могут быть оштрафованы в зависимости от обстоятельств дела”.

Совместная железнодорожная комиссия, найдя механика для ремонта локомотива, объявляет, что они возобновят регулярные еженедельные поездки в Йонкерс в следующий понедельник. Поезд отправляется в 9 утра или как можно скорее после этого. Размещение для двадцати пяти пассажиров. Паспорта можно получить до полудня субботы. Они должны быть посещены Железнодорожной комиссией и Совместными Блюстителями общественной морали в их офисе в Совместном Рабочем доме не позднее двух часов дня в одно и то же время. Стоимость проезда до Йонкерса составит 10 000 кооперативных единиц. В соответствии с законом о торговле между округами все грузы и пассажиры будут переваливаться в Йонкерсе. Чтобы предотвратить досадные расспросы, Комиссия настоящим объявляет, что они не проинформированы о том, будут ли отправлены поезда в пункты за пределами.

Как известно нашим читателям, с момента основания Содружества кооператоры отказывались работать в угольных шахтах. Большого вреда от этого не произошло, поскольку фабрики и оборудование были упразднены, а железные дороги и пароходы почти вышли из употребления. Однако немного угля - это удобно, и наши читатели с удовольствием увидят, что на эти шахты в значительном количестве отправляются правонарушители в соответствии с соглашением нашего Совета по этическому контролю с аналогичным органом коммуны Лихай в древнем штате Пенсильвания.

Нам сообщили, что ряд старых капиталистов и монополистов, находясь в голодном состоянии, недавно обратились в Правление упомянутой коммуны с просьбой разрешить им отправиться в заброшенную угольную шахту и работать там для собственного пропитания.

Неделю назад, вчера, Кооперативная ассоциация 2391, А. Р. Д., каменщики 7824, М. Х. Н., штукатуры 4823 Н. К. J., hodcarriers, F. L. М. 8296, столяры, встретились, чтобы обсудить состояние строительных профессий. Из-за сокращения численности населения, из-за которого большое количество домов пустует, в последние годы строительство прекратилось, и эти некогда великие объединения пришли в упадок. Совет по этическому контролю распорядился построить общественные здания, чтобы обеспечить их работой, и приказал арендодателям произвести ремонт с той же целью. Конференция, состоявшаяся в пятницу, неделю назад, должна была рассмотреть дальнейшие меры по оказанию помощи. Было решено, что нельзя допустить, чтобы пустующие дома стояли. Некоторые утверждали, что вообще не следует допускать ремонта, чтобы возникла необходимость в новых домах, но другие думали, что это отнимет то небольшое, что есть сейчас. Г. К. Маркс Роджерс, бывший профессор политической экономии, выступил с речью, в которой предложил уничтожить все пустующие сейчас дома и все стоящие сейчас руины, которые дают приют незарегистрированным бродягам и бойотируемым лицам; также следует назначить комитет для проверки всех существующих домов, отметить те, которые не подлежат ремонту и непригодны для совместного проживания, и что эти последние затем должны быть снесены до основания. земля. Это вызвало бы немедленный спрос на новые дома. Это предложение было принято единогласно.

В прошлую среду вышеупомянутые ассоциации сотрудничества собрались, чтобы заслушать отчет комитета. Тысяча двести сорок семь домов были признаны непригодными для

проживания. Объединенные ассоциации для начала приняли указ против указанных домов и приказали комитету полного состава приступить к его исполнению.

Они прошли маршем до Бликер-стрит, самой северной границы разрушенных домов, и полностью разрушили их. Затем они двинулись на юг, разрушая все свободные дома. Постепенно собралось несколько человек, чтобы посмотреть на происходящее. Агенты этического надзора держали эту толпу на расстоянии и обеспечили объединенным ассоциациям сотрудничества полную независимость в исполнении своего указа.

На Ист-Канал-стрит нонконформист Джонатан Мерритт, арендатор многоквартирного дома, пытался отговорить или предотвратить разрушение своих зданий. С ним грубо обошлись, сотрудники раскроили ему череп и сломали руку. Агенты этического надзора задержали его по обвинению в нарушении общественного порядка.

Когда дело дошло до разрушения занимаемых зданий, жильцы возразили. Постановлением Совета по жилью и арендной плате каждому было выделено свое место жительства, и, разумеется, он был обязан сохранять его до тех пор, пока не разрешат сменить место жительства. Были также опасения, что не удастся найти жилье. Совет по жилью и арендной плате немедленно собрался и выделил новое место жительства. Подозреваемых, нонконформистов, непокорных и реакционеров отправляли на ночлег в древние церкви, а соучастников распределяли по их квартирам.

Возрождение и процветание строительной отрасли теперь гарантированы.

* * * * *

В разделе “Мелкие правонарушения”:

Из всех форм нецивилизованности наиболее предосудительной является накопление золота. Все добросовестные партнеры, которым известно о случаях такого преступного эгоизма, обязаны сообщить об этом в Бюро этического надзора под страхом наказания за нецивилизованность, с одной стороны, и вознаграждения в размере десяти процентов от суммы - с другой. Все золото должно быть обменено в банке G. C. Cabet Rogers на кооперативные единицы.

В каком-то секретном издательстве был напечатан дерзкий пасквиль, авторы которого должны быть обнаружены любой ценой. Это кощунственная пародия на Совместный Катехизис. Комиссия по этическому расследованию направила весь свой мощный механизм на выявление авторов этого безобразия. Пусть каждый участник сотрудничества назначит себе детектива для оказания помощи. Обыщите каждый дом в вашем районе! Никому не доверяйте! Каждый, у кого будет обнаружен экземпляр этой брошюры, будет в срочном порядке выдворен за пределы Содружества.

Запасы картофеля, который является основным продуктом питания массы нашего населения, поступают из северной части коммуны, на территории бывшего округа Вестчестер. Огромные поля там возделываются правонарушителями из-за налогов и штрафов, неисправимыми монополистами, капиталистами-выживальщиками и другими лицами, приговоренными судом, под руководством Совета по этическому контролю. Осужденные работают от восхода до заката,

чтобы подчеркнуть разницу между ними и почетными сотрудниками, которые работают всего пять часов в день. Продукция с полей по пути в город облагается пошлиной свободными кооперативными ассоциациями пригородов. Следовательно, ее всегда может быть недостаточно. Добрые сотрудники не могут лучше послужить Содружеству, чем выслеживая нарушителей постановлений и других лиц, виновных в нецивилизованности.

Карл Маркс Джонс, агент Совета по выравниванию распределения, исчез. Считается, что он направился в сторону Бостона. Следует помнить, что две недели назад он доложил Совету о случае накопления золота. Его послали забрать его и назначили хранителем. Оно исчезло. Правление рассчитывает на помощь коммун на востоке, чтобы вернуть золото, но не очень уверенно. Он оставил все свои кооперативные подразделения позади.

* * * * *

Постановления Следственного комитета выглядят следующим образом:

Бойкот объявлен Роберту Дорру за то, что он сказал, что Кооперативное содружество - это всего лишь схема, позволяющая немногим эксплуатировать всех остальных; Мэтью Брауну за то, что он сказал, что честь женщины стоит того, чтобы появиться на улице Кооперативного Содружества, даже под густой вуалью, поскольку она рискует привлечь внимание кого-то, от кого никто не может ее защитить; Джеймсу Роу за отказ помочь агентам общества забрать из ее дома без публичного скандала женщину, обвиняемую в инцивилизме; Джону Уайту за то, что он спрятал золотую монету; Уильяму Роу за то, что он отказался помочь агентам общества забрать из ее дома женщину, обвиняемую в инцивилизме. Пек, за то, что сказал, что Крупный кооператор Ласалль Браун добился бойкота Элайху Сноу, чтобы отобрать у него его собственность; Эдвард Грант, за то, что сказал, что Кооперативное Содружество - это всего лишь замаскированное рабство, а обращение с лицами, осужденными за инцивилизм, - это рабство без маскировки; Питер Мун, за то, что сказал, что План кампании - это всего лишь схема, позволяющая должникам человека отнять у него небольшую часть их долгов, если они позволяют некоторым Крупным кооператорам отнять у него все остальное.

* * * * *

Большое количество мелких правонарушений рассматривается Главным кооператором Родбертусом Пизом, членом Совета по этическому контролю:

Шестидесятилетний Джордж Вуд был привлечен к ответственности за ношение пистолета по ночам, поскольку не являлся членом какого-либо кооперативного клуба и, следовательно, не имел на это права. Он заявил, что ночью на улицах небезопасно и что он никогда не выходил на улицу после наступления темноты, если это было в его силах, но что он был вынужден пойти за врачом для своего больного внука и взял пистолет для подстраховки. Его встретили двое сотрудников, которые попросили его внести свой вклад в Приют престарелых сотрудников. Когда он заявил, что у него ничего нет, они обыскали его и нашли пистолет. Затем они потребовали у него служебный билет. Поскольку у него его не было, они отвезли его в Бюро этического надзора, где его продержали до утра. Против него выступили двое заявителей. Они

заявили, что они бедняки. При допросе выяснилось, что он был неисправимым приверженцем древнего монополизма. Он был оштрафован на 10 000 единиц сотрудничества, половина - доносчикам. Он начал сокрушаться по этому поводу, говоря, что он очень беден — беднее жалобщиков; но Главный Кооператор заявил, что ни один человек не может быть бедняком, если сам не сотрудничает.

Уполномоченные по эмиграции, единственной обязанностью которых является предотвращение въезда любых иммигрантов в нашу коммуну, привлекли к суду Фрица Мейера, обвиняемого в иммиграции. Он притворился матросом на *"Фердинанде Ласалле"*, но не вернулся на борт до того, как она отплыла. В свою защиту он утверждал, что его бросили случайно. Он был приговорен служить на яхте Совета по этическому контролю с согласия указанного Совета.

Улисс Перкинс и другие, некоторые из которых сотрудничали, а некоторые нет, жаловались, что их соседство раздражает Кооперативное братство, которое проводит свои вечерние фестивали в Кооперативном зале. Они заявили, что слышались крики и пение и что окна были разбиты, несмотря на тяжелые ставни. Их жалоба была отклонена как попытка угнетения организованного труда, а тем, кто сотрудничал с ними, был вынесен особый выговор. Главный кооператор отметил, что предубеждение против пива, которое проявлялось в древних запретительных и лицензионных законах, не соблюдалось этическими суждениями нашего времени.

В прошлый понедельник несколько человек пожаловались на то, что дороги за пределами города кишат грабителями. Они были задержаны, и Совет по этическому контролю направил делегатов для расследования. Они сообщили об этом вчера, когда заявители предстали перед судом для заслушивания их отчета. Они отрицали, что имело место какое-либо ограбление, поскольку ограбление означает неправомерное взимание арендной платы или работы за заработную плату. Заявители использовали это слово в древнем капиталистическом смысле. Делегаты обнаружили, что многие кооператоры наслаждаются отдыхом в полях и на обочине дороги. Некоторые из них были игривы и возмущались замкнутостью прохожих, которые не занимались спортом. Они просили угощения и создали комитет для сбора средств на их игры. Сообщалось, что некоторые банды изгнанных монополистов наводняют леса, живут случайным образом или обрабатывают небольшие поля, которые им не были отведены, и строят заговоры против Содружества. Главный кооператор сказал, что с такими людьми будут незамедлительно разбираться, и направил против них отряд стражей Этического порядка. Заявители были уволены с порицанием за искажение информации о невинном времяпрепровождении кооператоров в пригороде.

Уильяму Джонсону, работодателю, было предъявлено обвинение в неповиновении. Арбитражный совет обязал его выплачивать 1000 единиц сотрудничества за шестичасовой рабочий день. Он закрыл свои работы. Главный кооператор предъявил ему второе обвинение в злонамеренной локауте и оштрафовал на 10 000 единиц сотрудничества в день до тех пор, пока он не возобновит свои работы.

26-летней актрисе Элизе Марси, повару, было предъявлено обвинение в клевете на сотрудничающую швею Эмили Уилсон. Обвиняемый предъявил свидетельство о покровительстве от Г.М. К. Бриссо Робинсона и был освобожден из-под стражи, а рескрипт

обвинения был передан Г. М. К. Робинсону для принятия таких мер, которые он сочтет надлежащими.

Мария Уотерс, привлеченная к ответственности за работу в типографии по расценкам ниже мужских, сослалась на бедность и бедственное положение в качестве оправдания. Она дочь древнего монополиста, от которого она унаследовала 100 000 долларов до отмены наследования. Поэтому ей было отказано в приеме в какое-либо общество сотрудничества. Ее оштрафовали на 1000 единиц сотрудничества и отправили в Этический рабочий дом, чтобы она во всем разобралась.

Патрик Бойл, каменщик-кооператор, за то, что починил свой стол, не являясь членом профсоюза мебельщиков, был привлечен к ответственности как паршивец и приговорен к лишению лицензии на сотрудничество, признанию нонконформистом и выплате штрафа в размере 1000 единиц вознаграждения за сотрудничество. Поскольку он был не в состоянии заплатить, его передали в ведение Г. М. С. Scroggs, чтобы он во всем разобрался.

* * * * *

В разделе “Преимущества и развлечения”:

В дополнение к трем обычным рабочим дням июля, 10, 20 и 30-му, Совет по этическому контролю объявил дополнительный 18-го числа с полной оплатой труда. Галеры Содружества будут готовы доставить участников сотрудничества и их семьи на остров Блэквелл, где для их развлечения будут оборудованы танцевальные залы и столовые в древних тюрьмах деспотизма. В 15:00 состоится бесплатный цирк, а вечером - бесплатное эстрадное представление. Два последних мероприятия были организованы благодаря щедрости Г. Р. М. С. Lasalle Brown.

Арендная плата переведена за июнь и вся задолженность до 1 января.

Все добросовестные кооператоры имеют право на пенсию в размере 100 кооперативных единиц в неделю и паек кооперативного хлеба и пива.

Агенты Совета по выравниванию распределения начнут в следующий понедельник распределение пенсий за июль всем сотрудникам, имеющим хорошую и регулярную репутацию. Агенты нанесут визит в резиденции партнеров. Произошла некоторая задержка, которая вызвала лишь ропот. Это произошло из-за просрочек налогоплательщиков, среди которых сохранилось немало старого капиталистического вируса.

Бал-маскарад проводится каждое воскресенье вечером в древней церкви Святой Троицы. Ассоциация совместного наслаждения. Вход 100 у. е. Все участники должны иметь выставленные медали за сотрудничество.

* * * * *

“Зарубежные новости” сообщают о следующем происшествии:

Следует помнить, что около трех лет назад последние остатки английских землевладельцев были сосланы в Гвиану. Лондонская коммуна предоставила им корабль, огромное количество которого перегородило Темзу, не имея занятия, и им было разрешено управлять им, если они

могли. У них забрали детей, чтобы они воспитывались на принципах сотрудничества. Эта ошибочная покладистость привела к ряду пагубных последствий.

Некоторые из изгнанников имели опыт плавания на яхте, и большинство из них, обученные древним атлетическим видам спорта, умели управлять кораблем. Вместо того, чтобы подчиниться закону, они отплыли в Гибралтар и захватили древнюю крепость. Там они раздобыли оружие и пушки, некоторое количество которых поместили на борт своего корабля и вернулись в Лондон. Их первым шагом было захватить *Колумб*, прекрасный пароход водоизмещением 1000 тонн, один из новейших и в лучшем ремонте из тех, что стояли на реке. Затем они заполнили ее бункеры углем и древесиной, которые силой забрали с барж Содружества на реке. Затем они захватили арсеналы в Гринвиче и Норвиче, унесли большое количество одноразовых винтовок и боеприпасов, а все остальное уничтожили. Кооператоры Лондона, застигнутые врасплох и готовые иметь дело только с городскими монополистами, которые были разоружены, не смогли вмешаться.

Пираты пришвартовали свое судно напротив города и передали через захваченного в плен сотрудника сообщение о том, что они подвергнут город бомбардировке, если все их дети не будут доставлены к ним. Сотня из них высадилась с автоматами и револьверами и двинулась маршем к кооперативным заводам, где они освободили всех, кто пожелал присоединиться к ним. Короче говоря, они ушли, захватив своих детей, огромное количество инструментов и механизмов, оружие, припасы и боеприпасы. К ним присоединилось большое количество лакеев и снобов, достаточное для укомплектования одного или двух других судов.

Теперь кажется, что они завладели островом Сицилия и превратили его в базу концентрации грандиозной политической реакции. Они провозгласили, насколько это было возможно, что их остров является убежищем для землевладельцев, монополистов и капиталистов, а дороги Европы переполнены бродягами, стремящимися добраться до этого пиратского гнезда. Пиратское государство растет. Это республика, подобная одному из наших древних государств. У нее есть армия из 5000 человек, которые хвастаются, что с оружием, которым они обладают, они могут пройти от одного конца Европы до другого. Они контролируют Средиземное море и все его побережья. Они уведомили государства Континента, что отомстят за любое принуждение, применяемое против любых лиц, которые попытаются присоединиться к ним, и шесть месяцев назад они послали отряд в 6000 человек в Лион, чтобы освободить группу аристократов, которые были заключены там в тюрьму и которым угрожала гильотина.

Говорят, что сейчас нет ремесленников, способных изготовить повторяющиеся винтовки, подобные тем, которыми владеют эти грабители, за исключением самих себя — они наняли механиков для восстановления этого предмета. Даже оружие, которое еще осталось на Континенте, не может быть использовано, потому что искусство изготовления боеприпасов утрачено. Было большой ошибкой выпустить на свободу этих мерзких негодяев. Их состояние угрожает всему кооперативному движению. Его существование значительно укрепило коллективистов среди кооператоров, поскольку говорят, что большие империи должны быть восстановлены (на принципах сотрудничества), чтобы справиться с ними.

* * * * *

В разделе “Личные вещи” указано следующее:

Джи Пи Эм Си Ласалл Браун вчера вечером устроил грандиозный бал и новоселье в своем новом доме на Пятой авеню. В результате сноса неприглядных разрушенных домов по соседству к этому прекрасному многоквартирному дому были пристроены красивый парк и сад. Вчера вечером он был освещен тысячами ламп и факелов, которые несли осужденные, находящиеся под дисциплинарным надзором в доме ГПУ. Гостями были члены Совета поэтическому контролю и их семьи, некоторые из которых, помня свое прошлое, с интересом наблюдали среди осужденных сыновей и дочерей древних монополистов, а в некоторых случаях и седовласых пережитков эпохи банкиров, железнодорожных королей и принцев торговли. Таковы возмездия истории!

Только что прибыла сотня новых экипажей для Совета по этическому контролю. Они превосходнейшей работы и стоят 5000 золотых долларов каждая. Они, разумеется, принадлежат Содружеству и могут быть использованы только с разрешения Совета по этическому контролю. Они были переданы, по одному, на попечение отдельных членов Правления, поскольку ни одному частному лицу не разрешается нарушать равенство, владея экипажем. Вчера мы с удовольствием заметили семьи Великих Кооператоров в этих экипажах в парке.

Нонконформисты и им подобные за пределами Содружества в последние годы, когда они находили свое положение неприятным, принимали план добровольного присоединения в качестве вассалов к соучастникам, особенно к ведущим членам Совета по этическому контролю. Таким образом, они получают некоторые преимущества сотрудничества. Чтобы показать свое положение и отношения, они носят специальные жетоны или знаки отличия. Клиенты недавно созданного G. P. M. C. только что были облачены в форму или ливреи. Они всем скопом сопровождали его во время недавнего визита в его загородное поместье в Ривердейле, где несли службу охраны. Добавленные к его личной охране из соратников и друзей, они представляли собой внушительную группу. Кстати, это загородное поместье только что обнесли высокой каменной стеной.

* * * * *

Далее приводится некролог одного из ведущих представителей сообщества:

Г. К. Бриссо Каннингем скончался в доме 01 по Пятой авеню в прошлую среду. Он родился 16 мая 1905 года и получил образование юриста. В 1930 году, поставив себя в авангард кооперативного движения и отождествив себя с наиболее радикальной секцией, он был принят в коллегия адвокатов. Из-за отмены права наследования, после смерти своего отца в следующем году, он оказался полностью предоставлен своим собственным ресурсам. Затем он пережил несколько лет безвестности и великой бедности, которые научили его сочувствовать бедным.

Объединившись с благородной группой, которая поддерживала наш нынешний G. P. M. C., он помог основать кооперацию в 1940 году и был избран членом Совета по этическому контролю. В Правлении он занимал многие наиболее важные и ответственные должности в нескольких комитетах и регулярно переизбирался. Он посвятил себя обеспечению безопасности Содружества, не отступая ни перед какими мерами по его созданию. Он свято верил в девиз "Наслаждайся". После того, как он стал членом Совета по этическому контролю, ему был выделен бывший особняк the -s на Пятой авеню, обставленный мебелью из хранилища

конфискованного имущества Содружества. Там он оказывал щедрое гостеприимство, руководствуясь самыми альтруистическими принципами. Его не интересовало, откуда берутся его доходы и куда они уходят. В духе истинного кооператора, все, что принадлежало Содружеству, принадлежало ему, а все, что принадлежало ему, было свободно для любого кооператора. Его популярность в массах была продемонстрирована вчера, когда они все скопом пришли на его похороны. Те, кто не сотрудничал с ним, почувствовав его бедствие, естественно, отсутствовали. Некоторые из них, которые не могли скрыть своей радости по поводу его смерти, были быстро исправлены сотрудниками. С его смертью в раннем возрасте сорока пяти лет наше Содружество потеряло ценного сторонника.

[Согласно постановлению, принятому Советом по этическому контролю 10 февраля 1945 года, поскольку он умер в качестве члена Совета, его семья будет получать пенсию в размере 15 000 долларов золотом в год в течение двадцати пяти лет и пользоваться его домом в течение того же времени. Правление заполнит вакансию на следующей неделе.—Редактор этого документа.]

* * * * *

В *Учебнике сотрудничества*, утвержденном Советом по этическому контролю школ, приводится следующий обзор:

Эта книга является авторитетным изложением Кооперативного содружества в форме коммуны. Она должна заменить все другие книги, за исключением букваря, тетради и элементарной арифметики. Мы покончили со всем древним хламом. Все книги, которые не были уничтожены, находятся под контролем Совета по этическому контролю. Особенно сейчас, когда мы избавились от всего вредного мусора об истории, праве и политической экономии. В настоящей книге содержится все, что необходимо знать хорошему сотруднику. Ее тон строго этичен. Отделяя всех детей неисправимых и выживших от их родителей и обучая их по этой книге, мы, возможно, надеемся вскоре положить конец всем капиталистическим традициям.

Здесь ясно доказано, что первейшим правом каждого мужчины и женщины является право на капитал. Это право действует до того момента, пока он или она не получит капитал, когда на него с этической точки зрения распространяется аналогичное право кого-либо другого, у кого пока нет капитала, иметь его. Этот реализуемый принцип является гарантией справедливости и равенства и основополагающим принципом Кооперативного содружества в середине двадцатого века.

В учебнике описывается организация нашего Содружества с обязанностями сотрудников и приводится список постановлений Контрольного совета.

В настоящее время в Совете по этическому контролю насчитывается 1000 членов и 10 000 агентов, которых ежемесячно выбирают по жребию от всех партнеров. Правление разделено на десять Советов по 100 человек в каждом для различных сфер деятельности. Члены не получают жалованья, но получают вознаграждение в виде гонораров. Они не пользуются никакими привилегиями или правами в Содружестве, но обязаны регулировать все дела сотрудничества в соответствии со своими добросовестными убеждениями в справедливости. Десять председателей Советов директоров образуют эксклюзивную комиссию, которая объявляет бойкоты и разрабатывает планы кампании. В системе нет законов или юристов, а также судов или коллегий присяжных древнего типа, ныне, к счастью, почти забытых. Здесь нет ни полиции, ни детективов, ни армии, ни ополчения, ни тюрем. Древняя тюрьма в Синг-Синге, которая

сейчас находится в пределах этой коммуны, превращена в Убежище для кооператоров. При таком счастливом режиме ни один кооператор не может поступить неправильно. Наши единственные виновники - это непокорные, подозреваемые, неисправимые, выжившие и другие потенциальные продолжатели старого режима монополии и капиталистического вымогательства. Такие люди вынуждены искупать свой эгоизм и нецивилизованность тяжелым трудом, но с этой целью их забирают в дома или на фабрики членов Совета по этическому контролю, где они подчиняются этической дисциплине и производят то, что важно для общества и на поставку чего Совет по этическому контролю заключает контракты. Это такие виды занятости, которые свободные кооператоры считают неприятными, нездоровыми или унижающими достоинство.

Комитет по расследованию инцивилизма является комитетом Совета по этическому контролю, на который возложена высокая и важная обязанность по наблюдению за выполнением обязанностей по сотрудничеству. Его количество и члены неизвестны, чтобы они не стали объектами злого умысла. Его заседания и процедура являются секретными. В компанииработают 100 агентов, но она имеет право в любое время воспользоваться услугами всех партнеров. Жалобы на инцивилизм могут быть поданы днем или ночью любым сотрудником львиной пасти в суде Кооперативного зала (старинное почтовое отделение Соединенных Штатов).

Комитет проводит бойкоты против лиц, виновных в инцивилизме, главным образом. Эта мера выводит преступника за пределы Государства, которое он оклеветал или в котором он отказался принять свою долю участия. Такие люди становятся бродягами и исчезают или погибают навсегда.

Глава о совместной религии составлена в форме катехизиса и должна быть тщательно выучена наизусть всеми учениками. Она внедряет доктрины нашего общественного кредо, согласно которым каждый обязан служить здоровью, богатству и счастью друг друга. Те, у кого есть средства для материальных наслаждений, должны предоставить их в распоряжение тех, у кого их нет. Прежде всего, это впечатляет великим долгом гражданственности, или соответствием организации сотрудничества и подчинением Совету по этическому контролю.

В Содружестве Сотрудничества существует полное равенство и нет классовых различий. Каждый мужчина, женщина и ребенок имеют право быть членами Совета по этическому контролю. Единственное отличие - заслуги и служение Содружеству. В этом члены Совета по этическому контролю стоят на первом месте. Вторых нет. Вне Комитета сотрудничества, в порядке поощрения и отвращения, находятся испытуемые (кооператоры, которые лишились своих билетов на сотрудничество за провинность, но которые могут быть восстановлены в членстве), выжившие (работодатели, капиталисты, землевладельцы, ростовщики, подчиняющиеся Содружеству и продолжающие древние функции таких лиц), неконформисты (упрямые люди, которые отказываются подчиняться новому порядку), непокорные (любой из первых, кто подвергся дисциплинарному взысканию пять раз), неисправимые (после двадцати случаев дисциплинарного взыскания), подозреваемые (приговор выносится таким образом, если им предъявлено обвинение, но они не осуждены за инакомыслие), реакционеры (когда-то сотрудничавшие, но осужденные за дезорганизацию) и осужденные (по бойкоту или плану кампании). Каждый человек должен быть зарегистрирован и всегда иметь при себе медную медаль, подвешенную на цепочке на шею, с его именем и номером, с буквами,

обозначающими его группу, место жительства, а также район, приход и окружение. Это составляет его социальное обозначение. Эти медали выдаются Советом по надзору за соблюдением этических норм. Плата составляет 1000 совместных единиц, которая повторяется каждый раз, когда человек переклассифицируется и выдается новая медаль.

* * * * *

Включены рекламные объявления, например:

Джон Мун, имеющий лицензию на продажу пистолетов и боеприпасов. Несколько револьверов, недавно привезенных из коммуны Хартфорд с большими трудностями и затратами. Блисс , корп .

Генри Блэк, пистолеты и ножи боуи. Продажи строго в рамках предписаний. Каждый покупатель обязан предъявить билет кооператора и зарегистрировать продажу. Бульвар Фелисити, 268.

Элиас Израэль, ломбардный брокер, предоставляет кредиты под 10% в месяц только под совместную частную собственность. Распродажа конфискованных товаров каждое воскресенье. Джой-авеню, 618.

* * * * *

Редактор не испытывает угрызений совести по поводу публикации этих выдержек, хотя могут возразить, что они могут представлять максимум исторический или личный интерес. Возможно, в свете выходов большевиков даже такая пародия, как вышеизложенная, может показаться менее широкой по сравнению с возможностями социалистической системы. В любом случае, если современный социализм отказался от некоторых безумных мечтаний своего прошлого, то во многом благодаря критике и насмешкам, обрушившимся на него со стороны ярых противников типа Самнера. Говорит известный американец, написавший редактору после публикации одного из предыдущих томов этой серии: “Я в течение многих лет публично и в частном порядке призывал социалистов читать — *действительно* читать — Самнера как самого отважного и компетентного врага, с которым им приходится считаться”.

ЗАБЫТЫЙ ЧЕЛОВЕК [1883]

Я предлагаю в этой лекции обсудить одно из самых тонких и широко распространенных социальных заблуждений. Она заключается в впечатлении, производимом на ум в данный момент определенным фактом или интересами определенной группы лиц, на которые направлено внимание, в то время как другие факты или интересы других лиц полностью упускаются из виду. Сейчас я приведу несколько примеров и иллюстраций этого, и я не могу ожидать, что вы поймете, что подразумевается под абстрактным утверждением, пока эти иллюстрации не будут перед вами, но просто в качестве общей иллюстрации я приведу один или два случая.

Всякий раз, когда в каком-либо городе вспыхивает эпидемия, подобная желтой лихорадке, наше внимание особенно приковано к ней, и мы выражаем сочувствие пострадавшим. Если требуется внести свой вклад, мы с готовностью откликаемся. Тем не менее, число людей, которые ежегодно преждевременно умирают от чахотки, значительно превышает смертность от желтой лихорадки или любого подобного заболевания, когда оно возникает, и страдания, связанные с чахоткой, намного больше. Однако страдания от потребления никогда не являются общественным вопросом или предметом общественного обсуждения. Если где-либо происходит наводнение, представляющее собой общественное бедствие (а наводнения происходят где-нибудь в цивилизованном мире почти каждый год), привлекается общественное внимание и делаются публичные обращения, но потери от крупных наводнений должны быть незначительными по сравнению с потерями от сбежавших лошадей, которые, взятые по отдельности, едва ли упоминаются в местной газете. В трудные времена неплатежеспособные должники составляют большой класс. Они представляют интерес и способны привлечь внимание общественности, так что социальные философы обсуждают их проблемы, а законодательные органы планируют меры по их облегчению. Несостоятельные должники, однако, представляют собой незначительную группу по сравнению с жертвами банального несчастия или несчастного случая, которые изолированы, рассеяны, не сгруппированы и не обобщены, и поэтому никогда не становятся объектом обсуждения или помощи. В периоды обычного процветания люди, ставшие неплатежеспособными, вынуждены выпутываться из своих проблем, как только могут. У них нет надежды на помощь со стороны законодательных органов. Число неплатежеспособных в течение ряда лет всеобщего процветания и их убытки значительно превышают число и убытки в течение особого периода бедствия.

Эти иллюстрации раскрывают только одну сторону моей темы, и то лишь частично. Именно тогда, когда мы переходим к предлагаемым мерам по борьбе со злом, привлечшим внимание общественности, мы переходим к реальной теме, заслуживающей нашего внимания. Как только А замечает что-то, что кажется ему неправильным, от чего страдает Х, А обсуждает это с В, а затем А и В предлагают принять закон, чтобы исправить зло и помочь Х. Их закон всегда предлагает определить, что С должен делать для Х или, в лучшем случае, что А, В и С должны делать для Х. Что касается А и В, которые получают закон, заставляющий их делать для Х то, что они готовы сделать для него, нам нечего сказать, кроме того, что им было бы лучше сделать это без какого-либо закона, но что я хочу сделать, так это посмотреть С. Я хочу показать вам, что это за человек. Я называю его Забытым человеком. Возможно, это название не совсем корректно. Это человек, о котором никогда не думают. Он - жертва реформатора, социального спекулянта и филантропа, и я надеюсь показать вам, прежде чем закончу, что он заслуживает вашего внимания как из-за своего характера, так и из-за множества возложенных на него забот.

Несомненно, одной из главных причин явления, на которое я обращаю ваше внимание, является страсть к размышлениям и обобщениям, характерная для нашего периода. С тех пор как печатный станок вошел в такое широкое употребление, всех нас поощряли философствовать о вещах таким образом, который был неизвестен нашим предкам. Они прожили свою жизнь в позитивном контакте с реальными случаями по мере их возникновения. У них было мало того анализа, самоанализа, размышлений и спекуляций, которые у нас превратились в привычку и почти в болезнь. Из всего, что побуждает к обобщениям и философствованию, социальные темы стоят на первом месте. Каждый из нас получает

некоторый опыт общения с социальными силами. У каждого есть определенная возможность понаблюдать за социальными явлениями. Безусловно, нет области, в которой обобщение было бы легче. Нет ничего, в отношении чего люди более свободно догматизировали бы. Даже люди с научной подготовкой в какой-нибудь области, в которой они вообще не потерпели бы догматизма, без колебаний будут самым безрассудным образом догматизировать социальные темы. Однако истина заключается в том, что наука пока добилась меньшего контроля над социальными явлениями, чем над любым другим классом явлений. Самый сложный предмет, который нам сейчас предстоит изучить, - это устройство человеческого общества, силы, действующие в нем, и законы, по которым они действуют, и мы знаем об этих вещах меньше, чем о любых других, требующих нашего внимания. При таком положении вещей чрезмерно поспешное обобщение, несомненно, будет крайне пагубным. Вы не можете взять в руки журнал или газету, не поразившись лихорадочному интересу, с которым обсуждаются социальные темы и проблемы, и если бы вы изучали социальные науки, то почти во всех этих дискуссиях вы обнаружили бы свидетельства не только того, что отсутствует необходимая подготовка к дискуссии, но и того, что спорящие даже не подозревают о том, что нужно как-то готовиться. Следовательно, мы сбиты с толку противоречивым догматизированием. Во всех этих дискуссиях мы находим только применение любимых понятий и столкновение противоречивых "взглядов". Уверенно предлагаются средства правовой защиты, в отношении которых нет никакой гарантии, за исключением того, что человек, назначающий средство, говорит, что он уверен, что оно подействует. Мы постоянно слышим о "реформах", а реформаторы оказываются людьми, которым не нравятся вещи такими, какие они есть, и которые хотели бы, чтобы их можно было сделать лучше. Мы слышим огромное количество призывов к прогрессу от людей, которые не знают, в каком направлении они хотят двигаться. Следовательно, социальная реформа - самая бесплодная и утомительная тема для обсуждения среди нас, за исключением эстетики.

Я полагаю, что первые химики казались очень жестокосердными и непоэтичными людьми, когда они отвергли славную мечту алхимиков о том, что должен существовать какой-то процесс превращения неблагородных металлов в золото. Я полагаю, что люди, которые первыми прямо и холодно заявили, что нет источника вечной молодости, казались самыми жестокими и бессердечными противниками человеческого счастья. Я знаю, что экономисты, которые говорят, что если бы мы могли превращать свинец в золото, это, безусловно, не принесло бы нам никакой пользы и могло бы нанести большой вред, по-прежнему считаются недостойными веры. Разве статьи о деньгах в газетах все еще не перекликаются с доктриной о том, что мы становимся богаче, когда отдаем хлопок и пшеницу за золото, а не когда мы отдаем хлопок и пшеницу за железо?

Давайте теперь отбросим холодный, суровый факт и посмотрим на него таким, какой он есть. Невозможно изобрести никакого средства для обеспечения счастья без трудолюбия, экономии и добродетели. Мы все еще находимся на эмпирической стадии в отношении всех наших социальных устройств. Мы кое-что сделали в науке и искусстве в области производства, транспортировки и обмена. Но когда вы переходите к законам общественного устройства, мы знаем о них очень мало. Наши законы и институты, с помощью которых мы пытаемся регулировать нашу жизнь в соответствии с законами природы, управляющими обществом, являются всего лишь серией случайных экспериментов. Мы сталкиваемся с законами и недостаточно умны, чтобы понять, в чем мы ошибаемся и как исправить наши ошибки. Мы упорствуем в наших экспериментах вместо того, чтобы терпеливо приступить к изучению

законов и фактов, чтобы увидеть, где мы ошибаемся. Традиции и формулы господствуют над нами в законодательстве и социальных обычаях, которые мы, кажется, не в состоянии нарушить или даже изменить.

Для моей нынешней цели я прошу вас обратить внимание на несколько мгновений на понятие свободы, потому что Забытый Человек больше не был бы забыт там, где существовала истинная свобода. Вы скажете, что знаете, что такое свобода. Нет более распространенного и гордого термина. Ни один из них не является более актуальным, как будто он совершенно не нуждается в определении. Однако, даже когда я пишу, я нахожу в передовом обзоре новое определение гражданской свободы. Гражданская свобода, по словам автора, является “результатом ограничений, применяемых суверенным народом к более могущественным индивидам и классам общества, не позволяя им использовать превышение своей власти в ущерб другим классам”. Вы заметили здесь использование слов “суверенный народ” для обозначения класса населения, а не нации как политического и гражданского целого. Везде, где “народ” используется в таком смысле, всегда присутствует ошибка. Более того, вы узнаете в этом определении очень поверхностную и ошибочную конструкцию английской конституционной истории. Автор продолжает развивать эту конструкцию и, наконец, приходит к выводу, что “правительство народа ни в коем случае не может стать отеческим правительством, поскольку его законодатели являются его мандатариями и слугами, исполняющими его волю, а не его отцами или хозяевами”. Таким образом, это точка, к которой он желает прийти, и он следовал знакомому приему при составлении определения для начала, которое в конце привело бы к желаемому выводу.

В определении слово “народ” использовалось для обозначения класса или части населения. Теперь утверждается, что если правит *этот* раздел, то не может быть отеческого, то есть неправомерного, правления. Однако эта доктрина прямо противоположна свободе и содержит самую порочную ошибку, возможную в политике. Истина в том, что алчность, эгоизм, зависть, злоба, вожделие, мстительность являются постоянными пороками человеческой природы. Они не ограничиваются классами, нациями или определенными эпохами мира. Они присутствуют во дворце, в парламенте, в академии, в церкви, в мастерской и в лачуге. Они проявляются в автократиях, теократиях, аристократиях, демократиях и охлократиях одинаково. Они несколько меняют свои маски от эпохи к эпохе и от одной формы общества к другой. Вся история - это всего лишь одна длинная история с таким результатом: люди боролись за власть над своими братьями, чтобы они могли завоевывать земные радости за счет других и могли переложить бремя жизни со своих плеч на плечи других. Это правда, что до этого времени пролетариат, основная масса человечества, редко обладала властью, и они не делали таких записей, какие делали короли, знать и священники, о злоупотреблениях, которые они совершали по отношению к своим братьям, когда могли и осмеливались. Но какая глупость думать, что порок и страсть ограничены классами, что свобода состоит только в том, чтобы отобрать власть у дворян и священников и передать ее ремесленникам и крестьянам, и что эти последние никогда не будут злоупотреблять ею! Они будут злоупотреблять этим точно так же, как это делали все остальные, если их не контролировать и не давать гарантий, и нигде не может быть гражданской свободы, если не будут гарантированы права от всех злоупотреблений, как со стороны пролетариев, так и со стороны генералов, аристократов и духовенства.

Итак, что же было не так во всех старых порядках? Зло старых военных и аристократических правительств заключалось в том, что одни люди наслаждались плодами труда других людей; что жизни, права, интересы и счастье одних людей приносились в жертву алчности и похоти других людей. К чему стремились наши предки под именем гражданской свободы последние пятьсот лет? Они стремились добиться того, чтобы каждый мужчина и женщина могли прожить свою жизнь в соответствии со своими собственными представлениями о счастье и в меру своей собственной добродетели и мудрости. Как они стремились достичь этого? Они стремились достичь этого, отбросив все произвольные личные или классовые элементы и введя верховенство закона и конституционных институтов, таких как суд присяжных, хабеас корпус, независимая судебная система, отделение церкви от государства и голосование. Обратите внимание прямо здесь на один момент, который будет важен и ценен, когда я подробнее остановлюсь на случае с Забытым Человеком: всякий раз, когда вы говорите о свободе, вы должны иметь в виду двух мужчин. Сфера прав одного из этих людей вторгается в сферу прав другого, и всякий раз, когда вы устанавливаете свободу для одного, вы подавляете другого. Всякий раз, когда абсолютные монархи подвергаются конституционным ограничениям, вы всегда слышите, как они протестуют против ограничения их свободы. Так оно и есть, в том смысле, что их полномочия определять, что должно быть сделано в государстве, ограничены ниже того, что было раньше, и аналогичные полномочия других органов государства расширены. Всякий раз, когда привилегии аристократии урезаются, раздаются подобные жалобы. Истина заключается в том, что линия границы или демаркации между классами в том, что касается гражданской власти, была сдвинута, и то, что было отнято у одного класса, передано другому.

Таким образом, теперь мы можем продвинуться на шаг вперед в нашей концепции гражданской свободы. Это состояние, в котором мы находим истинное согласование прав между классами и индивидами. Исторически концепция гражданской свободы постоянно менялась. Понятие прав меняется от поколения к поколению, и концепция гражданской свободы меняется вместе с этим. Если мы попытаемся сформулировать истинное определение гражданской свободы как идеала, к которому постоянно стремится развитие политических институтов, то оно будет таким: Гражданская свобода - это статус человека, которому законом и гражданскими институтами гарантировано исключительное использование всех своих полномочий для собственного блага.

Видите ли, это определение свободы или гражданской свободы имеет дело только с конкретными и действительными отношениями гражданского порядка. В умах людей витает своего рода поэтическое и метафизическое представление о свободе, о котором некоторые люди мечтают, но которому никто не может дать определения. На популярном языке это означает, что человек может поступать так, как ему вздумается. Когда люди вбивают себе в голову это понятие свободы и сочетают с ним представление о том, что они живут в свободной стране и должны иметь свободу, они иногда предъявляют к государству странные требования. Если свобода означает иметь возможность поступать так, как тебе хочется, то в этом мире такой вещи нет. Может ли российский царь поступать так, как ему хочется? Может ли Папа поступать так, как ему вздумается? Может ли президент Соединенных Штатов поступать так, как ему вздумается? Может ли Ротшильд поступать так, как ему вздумается? Мог ли Гумбольдт или Фарадей поступить так, как ему вздумалось? Могли ли Шекспир или Рафаэль поступить так, как ему вздумалось? Может ли бродяга поступать так, как ему вздумается? Где человек, независимо от его положения, имущества или талантов, который может получить подобную свободу? Ее нет. В нашей литературе ходит учение о том, что мы рождены для наследования определенных прав.

Это еще одна восхитительная мечта, поскольку она означала бы, что в этом мире есть что-то, что мы получили даром. Но что такое истина? Мы рождаемся ни с каким правом, кроме того, что имеет эквивалентный и соответствующий долг прямо рядом с ним. На этой земле нет такой вещи, как "что-то даром". Все, что мы унаследовали из богатства, знаний или институтов прошлого, было оплачено трудом и жертвами предыдущих поколений; и тот факт, что эти завоевания продолжаются, что раса жива и что раса может, по крайней мере в течение некоторого цикла, накапливать свои достижения, является одним из фактов, на которых зиждется цивилизация. Закон сохранения энергии - это не просто закон физики; это закон всей моральной вселенной, и от него зависят порядок и истина всех мыслимых человеком вещей. Если бы существовала какая-либо такая свобода, как поступать так, как вы задумали, человеческая раса была бы обречена на вечную анархию и войну, поскольку эти неустойчивые воли пересекались и сталкивались друг с другом. Истинная свобода заключается в равновесии прав и обязанностей, создающем мир, порядок и гармонию. Как я это определил, это означает, что право человека извлекать власть и богатство из общественного продукта измеряется энергией и мудростью, которые он внес в общественные усилия.

Теперь, если я изложил вам эту идею с какой-либо отчетливостью и успехом, вы видите, что гражданская свобода состоит из набора гражданских институтов и законов, которые устроены так, чтобы действовать как можно более обезличенно. Оно не заключается в правлении большинства, или во всеобщем избирательном праве, или в выборных системах вообще. Это устройства, которые хороши или даже лучше только в той степени, в которой они обеспечивают свободу. Институты гражданской свободы позволяют каждому человеку строить свою карьеру по-своему, гарантируя ему только то, что все, что он делает в области промышленности, экономики, благоразумия, здравого суждения и т.д., будет способствовать его собственному благополучию и не будет направлено на благо кого-либо другого. Конечно, это необходимое следствие того, что каждый человек также должен понести наказание за свои собственные пороки и ошибки. Если я хочу быть свободной от диктата любого другого мужчины, я должна понимать, что ни один другой мужчина не может находиться под моим контролем.

Теперь, имея в виду эти определения и общие концепции, давайте обратимся к особому классу фактов, на которые, как я сказал вначале, я предлагаю вашему вниманию. Мы видим, что при режиме свободы и равенства перед законом мы получаем максимально возможное развитие независимости, уверенности в себе, индивидуальной энергии и предприимчивости, но мы получаем эти высокие социальные добродетели за счет старых сентиментальных уз, которые раньше объединяли барона и слугу, хозяина и слугу, мудреца и ученика, товарища и компаньонку. Мы согласны с тем, что сын не должен быть опозорен даже преступлением отца, не говоря уже о преступлении более дальнего родственника. Это гуманный и рациональный взгляд на вещи, согласно которому жизнь каждого должна быть самостоятельной и не отягощаться ошибками другого, но бесполезно отрицать, что такой взгляд на вещи возможен только в обществе, где родственные узы утратили почти всю интенсивность поэзии и романтики, которые когда-то их характеризовали. Узы чувства и симпатии также исчезли. При режиме свободы и равенства перед законом мы пришли к форме общества, основанной не на статусе, а на свободном договоре. Итак, общество, основанное на статусе, - это общество, в котором классы, ранги, интересы, отрасли промышленности, гильдии, ассоциации и т.д. Поддерживают людей в постоянных отношениях друг с другом. Обычай и предписания создают в соответствии со статусом узы, сила которых заключается в чувствах. Слабые остатки этого можно увидеть в некоторых наших академических обществах сегодня, и, несомненно, это

большая привилегия и преимущество для любого человека в нашем обществе - испытать чувства, которые принадлежат сильной и тесной ассоциации, просто потому, что шансы на такой опыт в наши дни очень редки. В обществе, основанном на свободном договоре, люди объединяются как свободные и независимые стороны для заключения взаимовыгодного соглашения. Отношения рациональны, даже рационалистичны. В них нет поэзии. Оно существует не из-за использования и обычая, а по указанным причинам, и оно не действует по предписанию, но прекращается, когда исчезает причина для него. В нем вообще нет чувства. Дело в том, что при режиме свободы и равенства перед законом чувствам нет места в торговле или политике в качестве общественных интересов. Сантименты возвращаются в частную жизнь, в личные отношения, и если когда-либо они затрагивают публичное обсуждение безличного и общеобщественного вопроса, это всегда приносит вред.

Теперь вы знаете, что "бедные и немощные" постоянно выдвигаются в качестве объектов общественного интереса и общественных обязательств. В обращениях, которые делаются, термины "бедный" и "слабый" используются так, как если бы они были терминами с точным определением. За исключением нищего, то есть человека, который не может заработать себе на жизнь или оплатить свой путь, нет никакого возможного определения бедного человека. За исключением человека, выведенного из строя пороком или физической немощью, нет определения слабого человека. Нищие и физически неполноценные являются неизбежным бременем для общества. О них больше не нужно говорить. Но слабые, которые постоянно вызывают жалость гуманитариев и филантропов, - это бездельники, неосмотрительные, небрежные, непрактичные и неэффективные, или же они праздные, невоздержанные, экстравагантные и порочные. Теперь проблемы этих людей постоянно привлекаются к общественному вниманию, как будто они и их интересы заслуживают особого внимания, и значительная часть всех организованных и неорганизованных усилий во имя общего блага состоит в попытках облегчить участь этих классов людей. Я не хочу, чтобы меня поняли сейчас так, будто я говорю, что те, кто сильнее и мудрее, ничего не должны делать для этих людей. Это не моя точка зрения. Что я хочу сделать, так это указать на то, что упускается из виду, и на ошибку, которая допущена во всех этих благотворительных усилиях. Идея принимается так, как будто не подлежит никакому сомнению, что, помогая неэффективным и порочным, вы можете что-то получить для общества, а можете и нет, но вы ничего не теряете. Это абсолютная ошибка. Какой бы капитал вы ни направили на содержание неработающего и ни на что не годного человека, он в значительной степени отвлекается от какой-то другой работы, а это значит, от кого-то другого. Я потратил бы любое мыслимое количество рвения и красноречия, если бы обладал ими, чтобы попытаться заставить людей осознать эту идею. Капитал - это сила. Если все идет одним путем, оно не может пойти другим. Если вы даете буханку бедняку, вы не можете дать такую же буханку рабочему. Теперь этот другой человек, который получил бы его, если бы не милосердное чувство, подарившее его никчемному члену общества, - Забытый Человек. У филантропов и гуманитариев все мысли заняты несчастными, чей случай вызывает к состраданию, вызывает сочувствие, овладевает воображением и будоражит эмоции. Они стремятся к самым быстрым и легким средствам правовой защиты и забывают о настоящей жертве.

Итак, кто же этот Забытый человек? Он простой, честный труженик, готовый зарабатывать себе на жизнь производительным трудом. Мы проходим мимо него, потому что он независим, сам себя поддерживает и не просит одолжений. Он не вызывает к эмоциям и не возбуждает чувства. Он всего лишь хочет заключить контракт и выполнить его с уважением с обеих сторон и

благосклонностью ни с одной из сторон. Он должен зарабатывать на жизнь за пределами столицы страны. Чем больше капитал, тем лучше он может жить. Каждая частица капитала, растроченная на порочных, праздных и неработающих, в значительной степени отнимается от имеющегося капитала для вознаграждения независимого и производительного работника. Но мы все время стоим спиной к независимому и производительному работнику. Мы не помним его, потому что он не поднимает шума; но я взываю к вам, не тот ли это человек, которого следует помнить в первую очередь, и не должны ли мы, согласно какой-либо здоровой социальной теории, защищать его от бремени ни на что не годных. За эти последние годы я прочитал сотни статей и услышал десятки проповедей и речей, которые на самом деле были прославлением ни на что не годных, как если бы это было обязанностью общества, рекомендованной здравым смыслом для его опеки и защиты. К нам все время обращаются так, как будто те, кто респектабелен, виноваты в том, что некоторые таковыми не являются, и как будто у тех, кто выполнил свой долг, есть обязательства по отношению к тем, кто не выполнил свой долг. Каждый мужчина обязан заботиться о себе и своей семье и вносить свой вклад в работу общества. Совершенно неверно, что тот, кто сделал это, обязан нести заботу и попечение о тех, кто несчастен из-за того, что они этого не сделали. Глупое популярное представление состоит в том, что нищие живут за счет богатых, но правда в том, что те, кто ест, а не производит, живут за счет тех, кто трудится и производит. В следующий раз, когда у вас возникнет искушение пожертвовать доллар на благотворительность, я не говорю вам не делать этого, потому что после того, как вы честно обдумаете этот вопрос, вы, возможно, сочтете это правильным, но я прошу вас остановиться и вспомнить Забытого Человека и понять, что если вы положите свой доллар в сберегательный банк, он пойдет на увеличение капитала страны, который можно разделить между теми, кто, пока они его зарабатывают, будет воспроизводить его с приростом.

Давайте теперь перейдем к другому классу случаев. Выдвигается великое множество схем "улучшения положения трудящихся классов". Я уже показал, что свободный человек не может принять одолжение. Тот, кто принимает одолжение или подчиняется покровительству, унижает себя. Он попадает под обязательства. Он не может быть свободным и не может претендовать на равенство с человеком, который оказывает ему эту услугу. Единственное исключение составляют случаи, когда существуют исключительные узы привязанности или дружбы, то есть когда сентиментальные отношения вытесняют свободные отношения. Следовательно, в стране, которая является свободной демократией, все предложения сделать что-либо для трудящихся классов носят характер покровительства и превосходства, что является дерзким и неуместным. Никто не может ничего сделать для кого-то другого, если у него нет избытка энергии, которой он мог бы распорядиться после того, как позаботился о себе. В Соединенных Штатах рабочий класс, технически так называемый, - самый сильный класс. Именно у них есть излишки, которыми можно распорядиться, если у кого-то они есть. Почему кто-то другой должен предлагать заботиться о них или обслуживать их? Они могут получить все, что сочтут нужным, и, в любом случае, если они свободные люди в свободном государстве, то вводить здесь моду покровительства и фаворитизма постыдно и неприлично. Человек, который благодаря превосходному образованию и опыту ведения бизнеса в состоянии давать советы беднякам из наемного класса, безусловно, обязан это делать и, я полагаю, всегда будет готов и рад это делать; но такого рода деятельность лежит в сфере частных отношений.

Однако сейчас я хочу обратить внимание на публичные, общие и безличностные схемы и указать на тот факт, что, если вы беретесь кого-то поднять, у вас должна быть точка опоры или

точка сопротивления. Все возвышения, которые вы даете кому-либо, должны быть достигнуты за счет эквивалентного понижения для кого-то другого. Вопрос о выгоде для общества зависит от баланса счета в том, что касается положения людей, которые подвергаются соответствующим операциям. Но почти все схемы “улучшения положения рабочего человека” предполагают возвышение одних рабочих за счет других. Когда вы тратите капитал или труд на возвышение некоторых людей, которые попадают в сферу вашего влияния, вы вмешиваетесь в условия конкуренции. Преимущество одних достигается за счет эквивалентной потери других. Разница возникает не благодаря энергии и усилиям самих людей. Если бы это было так, то об этом нечего было бы говорить, потому что мы постоянно видим, как люди превосходят других в жизненном соперничестве и забирают призы, без которых другие вынуждены обходиться. В случаях, которые я обсуждаю, разница вызвана вмешательством, которое должно быть частичным, произвольным, случайным, контролируемым фаворитизмом и личными предпочтениями. В данном случае я также не говорю, что мы не должны выполнять работу такого рода. Напротив, я считаю, что аргументы “за” это во многих случаях значительно перевешивают аргументы “против”. Чего я хочу, опять же, так это выявить забытый элемент, о котором нам всегда нужно помнить, чтобы принять мудрое решение относительно любой схемы подобного рода. Я хочу вспомнить Забытого Человека, потому что и в этом случае, если мы вспомним о нем и отправимся на его поиски, мы обнаружим, что он терпеливо и настойчиво, мужественно и независимо борется с неблагоприятными обстоятельствами, не жалуясь и не прося милостыню. Таким образом, если мы будем вынуждены прислушиваться к стенаниям и жалобам других и принимать меры для оказания помощи этим другим, мы, прежде чем успеем оглянуться, столкнем этого человека, который пытается помочь себе.

Давайте рассмотрим другой класс случаев. До сих пор мы ничего не сказали о злоупотреблении законодательством. Похоже, все мы пребываем в заблуждении, что богатые платят налоги. Налоги не возлагаются на потребителей с такой прямотой и полнотой, как иногда предполагается; но то, что при обычном состоянии рынка налоги на дома ложатся, по большей части, на арендаторов, а налоги на товары ложатся, по большей части, на потребителей, не подлежит сомнению. Сейчас государство и муниципалитет тратят огромные средства на поддержку полицейских, шерифов и судебных чиновников, на защиту людей от самих себя, то есть от результатов их собственной глупости, порока и безрассудства. Кто за это платит? Несомненно, люди, которые не были виновны в глупости, пороке или безрассудстве. Из ничего не возникает ничего. Мы не можем собирать налоги с людей, которые ничего не производят и ничего не сберегают. Люди, которым есть что облагать налогом, должны быть теми, кто произвел и сберег.

Когда вы видите пьяницу в канаве, вы испытываете отвращение, но вам жаль его. Когда приходит полицейский и забирает его, вы довольны. Вы говорите, что “общество” вмешалось, чтобы спасти пьяницу от гибели. Общество - прекрасное слово, и оно избавляет нас от необходимости думать, говоря, что общество действует. Правда в том, что полицейскому кто-то платит, и когда мы говорим об обществе, мы забываем, кто именно платит. Это снова Забытый Человек. Это трудолюбивый рабочий, возвращающийся домой после тяжелого трудового дня, мимо которого вы проходите, не замечая, которому платят процент от его дневного заработка, чтобы он нанял полицейского спасти пьяницу от самого себя. Все государственные расходы на предотвращение порока приводят к тому же результату. Порок сам по себе является проклятием. Если мы оставим природу в покое, она излечит порок самыми страшными карами. Возможно, вас шокируют мои слова, но когда вы оправитесь от шока, вам будет полезно

подумать об этом: пьяница в канаве - это именно то, где он должен быть. Природа работает над ним, чтобы убрать его с дороги, точно так же, как она запускает свои процессы растворения, чтобы устранить все, что является ошибкой в ее линии. Азартные игры и менее упоминаемые пороки излечивают себя за счет разорения своих жертв. Девять десятых наших мер по предотвращению порока на самом деле являются защитными по отношению к нему, потому что они предотвращают наказание. “Защити”, - говорю я, и это обычный взгляд на это; но действительно ли наказание отменено? Ни в коем случае. Это превращается в полицейские и судебные издержки и распространяется на тех, кто сопротивлялся пороку. Это снова Забытый Человек, который был подвергнут наказанию, в то время как наши умы были полны пьяницами, расточителями, игроками и другими жертвами распутства. Кто же тогда Забытый Человек? Он чистый, тихий, добродетельный, домашний гражданин, который платит свои долги и налоги, и о нем никогда не слышно вне его узкого круга. И все же, кто в обществе цивилизованного государства заслуживает того, чтобы его помнили и рассматривали законодатели и государственные деятели раньше, чем этот человек?

С последним тесно связан другой класс случаев. В умах людей существует, по-видимому, непреодолимое предубеждение в пользу государственного регулирования. Весь опыт направлен против государственного регулирования и в пользу свободы. Чем свободнее гражданские институты, тем слабее или вреднее государственное регулирование. Прусская бюрократия может сделать для гражданина множество вещей, которых не может сделать ни один правительственный орган в Соединенных Штатах; и, наоборот, если мы хотим, чтобы о нас заботились так, как заботятся пруссаки и французы, мы должны поступиться частью нашей личной свободы.

Сейчас среди нас очень много людей с благими намерениями, которые верят, что служат своей стране, когда обсуждают планы регулирования отношений работодателя и работника, или санитарные нормы в жилых помещениях, или строительство заводов, или то, как вести себя в воскресенье, или что людям не следует есть, пить или курить. Все это достаточно безвредно и хорошо как основа взаимного поощрения и миссионерской предприимчивости, но почти всегда делается основой законодательства. Реформаторы хотят получить большинство, то есть получить власть в государстве и таким образом заставить других людей делать то, что реформаторы считают правильным и мудрым. А и В соглашаются провести воскресенье определенным образом. Они добиваются принятия закона, чтобы С принял его по-своему. Они решают стать трезвенниками и добиваются принятия закона, заставляющего С быть трезвенником ради D, который, вероятно, слишком много пьет. Фабричные законы в интересах женщин и детей правильны, потому что женщины и дети не находятся в равных условиях с мужчинами и, следовательно, не могут должным образом заключать контракты. Взрослые мужчины в свободном государстве должны сами заключать контракты и защищать себя. Не стоит говорить, что некоторые мужчины слабы и не способны заключать контракты лучше, чем женщины. Наши гражданские институты предполагают, что все мужчины равны в политических способностях и всем предоставлена равная мера политической власти и прав, чего нельзя сказать о женщинах и детях. Таким образом, если мы измеряем политические права одной теорией, а социальную ответственность - другой, мы создаем аморальное и порочное отношение. А и В, однако, принимают фабричные акты и другие акты, регулирующие отношения работодателей и работников, и назначают армии комиссаров и инспекторов, разъезжающих по стране, чтобы следить за порядком, вместо того, чтобы использовать их усилия, если таковые необходимы, чтобы побудить свободных людей устанавливать свои собственные условия

относительно того, в каких заводских зданиях они будут работать, сколько часов они будут работать, что они будут делать в воскресенье и так далее. Следствием этого является то, что мужчины теряют истинное образование в области свободы, которое необходимо для поддержки свободных институтов. Их учат полагаться на государственных служащих и инспекторов. Вся система государственных инспекторов разлагает свободные институты. В Англии либералы всегда относились к государственному регулированию с подозрением, но с тех пор, как они пришли к власти, они явно верят, что государственное регулирование — это хорошо, если *они* регулируют, потому что, конечно, они хотят добиться хороших результатов. В этой стране каждая сторона по очереди, в зависимости от того, входит она или нет, поддерживает или осуждает теорию невмешательства.

Итак, если у нас есть государственное регулирование, то всегда забывается следующее: кто за это платит? Кто является жертвой этого? Жертва есть всегда. Рабочие, которые не защищают себя, должны платить инспекторам, которые защищают их. Вся система социального регулирования со стороны советов директоров, комиссаров и инспекторов состоит в том, чтобы избавить нерадивых людей от последствий их халатности и, таким образом, оставить их продолжать проявлять небрежность без исправления. Эта система также отворачивается от агентств, которые близки, непосредственны и имеют отношение к поставленной цели, и ищет другие. Теперь, если вы избавите нерадивых людей от последствий их халатности, вы можете переложить эти последствия только на тех людей, которые не были небрежны. Если вы отвернетесь от агентств, которые являются прямыми и связаны с вашей целью, вы сможете нанять только другие агентства. Итак, перед вами снова ваш Забытый человек. Человека, который был осторожен и предусмотрителен и который хочет продолжать пожинать плоды для себя и своих детей, арестовывают как раз в этот момент, и ему говорят, что он должен пойти и позаботиться о некоторых нерадивых служащих на фабрике или железной дороге, которые не предусмотрели меры предосторожности для себя или не заставили своих работодателей принять меры предосторожности, или о нерадивых арендаторах, которые сами не позаботились о своих санитарных условиях, или о нерадивых домовладельцах, которые не позаботились о пожаре, или о нерадивых родителях, которые не отправили своих детей в школу. Если Забытый Человек не уходит, он должен нанять инспектора, чтобы тот ушел. Без сомнения, часто ему стоит пойти или отослать, а не оставлять дело незавершенным из-за его отдаленных интересов; но я хочу показать, что все это несправедливо по отношению к Забытому Человеку, и что реформаторы и философы совершенно упускают суть, когда проповедуют, что выполнять всю эту работу - его долг. Пусть они поучают нерадивых, как научиться заботиться о себе. Всякий раз, когда А и В объединяют свои усилия и решают, что А, В и С должны сделать для D, на А и В. никогда не оказывается никакого давления. Они соглашаются на это, и им это нравится. На D редко оказывается какое-либо давление, потому что ему это не нравится, и он ухитряется уклоняться от этого. Все давление оказывается на С. Итак, кто такой С? Это всегда тот человек, который, если оставить его в покое, разумно использовал бы свою свободу, не злоупотребляя ею. Он вообще не представлял бы никакой социальной проблемы и не нуждался бы в каком-либо регулировании. Он снова Забытый Человек, и как только он выходит из своего мрака, вы видите, что он именно тот среди нас, кем мы все должны быть.

Давайте рассмотрим другой случай. Я снова и снова перечитываю аргументы, доказывающие, что у преступников есть претензии и права к обществу. Не так давно я прочитал отчет о дорогостоящем учреждении, занимающемся исправлением преступников, и мне сказали, что мы должны исправлять преступников, а не просто мстительно их наказывать. Когда я был

молодым человеком, я прочитал великое множество романов Эжена Сю, Виктора Гюго и других французов школы 48-го, в которых дурность плохого человека представлена не как его вина, а как вина общества. Теперь, поскольку общество состоит из плохих людей плюс хорошие люди, и поскольку целью этого заявления было показать, что дурность плохих людей не была виной плохих людей, остается, что дурность плохих людей должна быть виной хороших людей. Без сомнения, для плохих людей гораздо большее утешение, чем даже для их друзей, дойти до сути этой демонстрации.

Давайте теперь на мгновение зададимся вопросом, в чем смысл наказания, поскольку многие люди, похоже, пребывают в полном замешательстве по этому поводу. Каждый человек в обществе по природе и разуму обязан вносить свой вклад в укрепление и благосостояние общества. Он должен работать, быть миролюбивым, честным, справедливым и добродетельным. Преступник - это человек, который вместо того, чтобы работать с обществом и на его благо, тем или иным образом обращает свои усилия против общего блага. Он нарушает порядок, нарушает гармонию, посягает на безопасность и счастье других, растрчивает и разрушает капитал. Если его приговаривают к смерти, то только на том основании, что он утратил всякое право на существование в обществе из-за масштабов своих преступлений против его благосостояния. Если его сажают в тюрьму, это просто осуждение общества за то, что он настолько вреден для общества, что его следует изолировать от него. Его наказание - это предупреждение ему исправиться, точно такое же, как наказания, налагаемые Богом и природой на порок. Следовательно, человек, совершивший преступление, является бременем для общества и наносит ему вред. Он является разрушительной, а не производительной силой, и каждому от его существования хуже, чем если бы его не существовало. Откуда же тогда он получает право на обучение или реформирование за государственный счет? Весь вопрос о том, что с ним делать, сводится к целесообразности, и он охватывает весь спектр возможных стратегий - от казни до образования и реформирования, но когда обсуждается целесообразность попыток реформирования, мы всегда забываем о труде и расходах, а также о том, кто должен платить. Все, что государство делает для преступника, помимо принуждения его зарабатывать себе на жизнь, делается за счет трудолюбивого члена общества, который никогда ничего не стоит государству за исправление и дисциплину. Если сбившегося с пути человека можно каким-либо образом вернуть, никто не будет препятствовать такой работе, но люди, чьи умы полны сочувствия и интереса к преступникам и которые желают принять какие-то систематические планы исправительных работ, лишь в очередной раз попирают Забытого Человека.

Давайте рассмотрим другой случай. Если есть государственная должность, подлежащая заполнению, конечно, большое количество людей выдвигаются в качестве кандидатов на нее. Многие из этих людей выдвигаются в качестве кандидатов на том основании, что они плохо обеспечены, или что они не могут прокормить себя, или что они хотят зарабатывать на жизнь, получая образование, или что у них есть родственники, находящиеся на иждивении, или по какой-либо другой причине подобного рода. В других случаях кандидатов представляют и поощряют на основании их родства с кем-либо или из-за службы, это может быть достойная служба, в какой-либо другой области, отличной от той, которую необходимо выполнить. Мужчины предлагаются на должности клерков на основании службы в армии двадцать лет назад или на должности таможенных инспекторов на основании государственной службы в организации политических партий. Если общественные должности назначаются на основании этих чувств или фаворитизма, злоупотребление должно быть осуждено на основании вреда,

нанесенного общественным интересам; но сейчас я хочу указать на еще одну вещь, о которой постоянно забывают. Если вы даете должность А, вы не можете передать ее Б. Если А является объектом сентиментальности или фаворитизма, а не человеком, подходящим и компетентным для выполнения своих обязанностей, то кто такой Б? Это тот, за кем нет ничего, кроме заслуг, кто-то, у кого нет ни могущественных друзей, ни политического влияния, какой-то тихий, ненавязчивый человек, который не знал другого способа обеспечить себе шансы на жизнь, кроме как просто заслужить их. Перед нами снова Забытый Человек, и мы снова находим его достойным всякого уважения, но проходящим мимо в угоду шумным, напористым и некомпетентным. Кто когда-нибудь помнит, что если вы даете место человеку, который для этого непригоден, вы не допускаете к нему кого-то, где-то, кто подходит для этого?

Возьмем другой случай. Профсоюз - это объединение подмастерьев определенной профессии, одной из главных целей которого является повышение заработной платы в этой профессии. Эта цель может быть достигнута только путем привлечения большего капитала в торговлю или путем уменьшения предложения рабочей силы в ней. Для достижения последнего профсоюзы ограничивают количество учеников, которые могут быть допущены к профессии. Обсуждая этот механизм, люди обычно сосредотачивают свое внимание на выгодах от этого механизма. Все желают, чтобы заработная плата была настолько высокой, насколько это возможно в условиях промышленности. Факты данного дела направляют наши мысли к людям, которые уже работают в этой отрасли и ищут собственной выгоды. Иногда люди продолжают замечать влияние тред-юнионизма на работодателей, но, хотя работодателей это постоянно раздражает, видно, что вскоре они учитывают это как риски своего бизнеса и относятся к этому философски. Иногда люди идут дальше и видят, что, если работодатель добавляет риск профсоюзов и забастовки к другим рискам, он соглашается с этим, потому что он переложил его на общественность, и что общественное богатство уменьшается из-за профсоюзного движения, что, несомненно, имеет место. Однако я не помню, чтобы я когда-либо видел в печати какой-либо анализ и наблюдение за профсоюзным движением, которые учитывали бы его влияние в другом направлении. Воздействие на работодателей или общественность не привело бы к повышению заработной платы. Население платит больше за дома и товары, но это не повышает заработную плату. Излишек, выплачиваемый населением, является чистым убытком, поскольку он выплачивается только для покрытия дополнительных деловых рисков работодателя. Если их профсоюзы повышают заработную плату, как они это делают? Они делают это, уменьшая предложение рабочей силы в профессии, и делают это, ограничивая количество подмастерьев. Таким образом, все, что выигрывается для тех, кто занимается этим ремеслом, выигрывается за счет тех людей того же класса в жизни, которые хотят заниматься этим ремеслом, но им это запрещено. Как и любая другая монополия, эта обеспечивает преимущества тем, кто в ней участвует, только в еще больших потерях для тех, кого не пускают. Кто же тогда те, кого не пускают и о ком всегда забывают во всех обсуждениях? Это снова Забытые Люди; и что же это за люди? Это те молодые люди, которые хотят зарабатывать себе на жизнь данным ремеслом. Поскольку они выбирают эту профессию, справедливо предположить, что они подходят для нее, преуспеют в ней и принесут пользу обществу, практикуя ее; но они произвольно исключены из нее и, возможно, низведены до класса неквалифицированных рабочих. Когда люди говорят об успехах профсоюзов в повышении заработной платы, они забывают о тех людях, которые действительно, в некотором смысле, оплатили это повышение.

Позвольте мне теперь обратить ваше внимание на другой класс случаев. Я показал, что в прошлом история государств была историей эгоизма, алчности и грабежа, и я подтвердил, что

сейчас и всегда проблемы правительства заключаются в том, как бороться с теми же пороками человеческой природы. Люди всегда склонны верить, что в гражданских делах есть что-то метафизическое и сентиментальное, но это не так. Гражданские институты созданы для защиты, прямо или косвенно, собственности мужчин и чести женщин от пороков и страстей человеческой природы. В наши дни и в нашей стране проблема проявляется в новых фазах, но она остается такой же, какой была всегда, и проблема становится для нас только более сложной из-за своей новой фазы, которая мешает нам распознать ее. На самом деле, наш народ бредит и борется с этим в некотором роде вслепую, еще не придя к осознанию этого. В настоящее время более половины их ударов направлены не туда и не достигают цели, но со временем они будут нацелены лучше. Раздается много шума по поводу истощения запасов и силы объединенного капитала, который не очень умен и хорошо управляется. Зло и злоупотребления, которые люди ищут во всех этих доносах, - это джоббер.

Под работой я подразумеваю постоянные очевидные попытки разбогатеть не путем честного и независимого производства, а с помощью какой-либо схемы вымогательства у других людей продукта. Значительная часть нашего законодательства заключается в создании рабочих мест для кого-либо. Общественные здания - это рабочие места, не всегда, но в большинстве случаев. Здания вообще не нужны или стоят намного дороже того, что является полезным или даже прилично роскошным. Внутренние улучшения - это работа. Они осуществляются не потому, что они необходимы сами по себе, а потому, что они послужат в свою очередь каким-то частным интересам, часто случайно интересам тех самых законодателей, которые выделяют на них ассигнования. Человек, который хочет иметь ферму, вместо того чтобы отправиться туда, где для этого есть много свободной земли, спускается вниз по течению Миссисипи, чтобы построить ферму, а затем хочет, чтобы его сограждане облагались налогом за перекрытие реки дамбой, чтобы не допустить этого к его ферме. Калифорнийские шахтеры с гидравлическим приводом вымыли золото со склонов холмов и смыли грязь в долины, разрушив реки и фермы. Они хотят, чтобы федеральное правительство убрало эту грязь за государственный счет. Добытчики серебра, обнаружив, что их продукция теряет ценность на рынке, заставляют правительство выйти на рынок в качестве выгодного покупателя в надежде сохранить цену. Национальное правительство призвано покупать или нанимать непригодные для продажи суда; рыть каналы, которые не окупятся; обучать неграмотных в штатах, которые не выполнили свой долг в области образования, за счет штатов, которые выполнили свой долг в области образования; скупать телеграфы, которые больше не окупаются; и предоставлять капитал для предприятий, прибыль от которых должны получать частные лица. Нас призывают потратить двадцать миллионов на болота и ручьи; от двадцати до шестидесяти шести миллионов - на реку Миссисипи; сто миллионов — на пенсии - и теперь требуется еще сто миллионов сверх этого. Это великий план всех, живущих друг за счет друга. Пенсии в Англии раньше выдавались аристократам, обладавшим политической властью, с целью их развращения. Здесь пенсии выплачиваются огромной демократической массе, обладающей политической властью, с целью их развращения. У нас сто тысяч федеральных чиновников, и я не знаю, сколько чиновников штатов и муниципалитетов. Конечно, государственные служащие необходимы, и это экономическая организация общества - выделять некоторых его членов для выполнения гражданских функций, но если число людей, оторванных от производства и поддерживаемых производителями во время выполнения гражданских функций, чрезмерно пропорционально общей численности населения, возникают экономические потери. Если к государственным

должностям относятся как к добыче, пособиям или синекурам, то это рабочие места, которые составляют лишь часть добычи.

Самая большая работа из всех - это защитный тариф. Этот прием заключается в том, чтобы отдать каждого человека на разграбление его соседу и научить его верить, что это хорошо для него и его страны, потому что он может в свою очередь разграбить остальных. Мистер Келли сказал, что если внутренние налоговые налоги на виски и табак, которые выплачиваются правительству Соединенных Штатов, не будут отменены, произойдет восстание. Как раз тогда было обнаружено, что табак с Суматры импортируется, и табачники Коннектикута поспешили в Конгресс, чтобы добиться введения налога на него в своих интересах. Таким образом, получается, что если ввести налог на табак, подлежащий уплате Соединенным Штатам, произойдет восстание, но если ввести налог на табак, подлежащий уплате фермерам долины Коннектикута, восстания вообще не будет. Фермеры, выращивающие табак, которые были облагаемы налогом за защищенное производство, теперь должны быть включены в систему, а рабочие на фабриках должны облагаться налогом на свой табак, чтобы защитить фермеров. Таким образом, система становится более полной и всесторонней.

На каждом шагу вы находите такую работу. Правительство должно назначать каждому человеку пенсию, и каждому человеку должность, и каждому человеку налог, повышающий цену его продукции, и очищать для него ручей каждого человека, и покупать все его имущество, не подлежащее продаже, и обеспечивать его достаточным количеством валюты, чтобы выплачивать его долги, и давать образование его детям, и предоставлять ему в пользование библиотеку, и парк, и музей, и картинную галерею. Со всех сторон открыты двери расточительства; а тратить, проматывать, грабить и хапать - вот лозунги. Мы немного ворчим по этому поводу и говорим о жадности корпораций, могуществе капитала и порочности биржевых игр. И все же мы избираем законодателей, которые выполняют всю эту работу. Конечно, нам никогда не следует винить себя за то, что мы выбрали людей представлять нас и управлять нами, которые, если можно так выразиться, предают нас. Какой человек когда-либо винил себя в своем несчастье? Мы стенаем по поводу монополий и говорим о новых законах, призванных предотвратить зло, совершаемое зарегистрированными корпорациями. Кто составил уставы? Наши представители. Кто избрал таких представителей? Мы избрали. Как мы можем заставить плохих законодателей принять закон, который помешает плохим законодателям принять плохой закон? Это, действительно, то, что мы пытаемся сделать. Если мы свободный, самоуправляющийся народ, то во всех наших несчастьях виноваты только мы сами, и мы не можем винить никого другого. Удивляется ли кто-нибудь, обнаружив, что люди жадны, независимо от того, зарегистрированы они или нет? Является ли откровением тот факт, что в наших гражданских делах нам необходимо разработать гарантии против эгоизма, жадности и мошенничества? Я осмелился утверждать, что правительству никогда не приходилось заниматься ничем другим.

Итак, я сказал, что эта работа означает расточительство, грабеж и убытки, и я с самого начала определил ее как систему использования шанса вымогать часть своего продукта у кого-то другого. Теперь возникает вопрос: кто за все это платит? Система взаимного грабежа вскоре разрушает все, с чем она имеет дело. Она ничего не производит. Богатство приходит только от производства, и все, с чем приходится иметь дело хапугам, бездельникам и спекулянтам, происходит благодаря чьему-то труду и самопожертвованию. Кто же тогда тот, кто обеспечивает все это? Идите и найдите его, и вы снова увидите перед собой Забытого Человека. Вы найдете

его усердным в работе, потому что ему нужно содержать очень многих. Природа многое сделала для него, подарив плодородную почву и превосходный климат, и он задается вопросом, почему, в конце концов, его уровень комфорта такой умеренный. Он должен добыть из земли достаточно, чтобы заплатить все свои налоги, а это означает стоимость всех рабочих мест и средств для всего награбленного. Забытый Человек погружается в терпеливую работу, содержит свою семью, платит налоги, отдает свой голос, поддерживает церковь и школу, читает свою газету и болеет за политика, которым восхищается, но он единственный, для кого нет ничего в великой борьбе и большом расколе.

Таков Забытый Человек. Он работает, он голосует, обычно он молится — но он всегда платит — да, прежде всего, он платит. Ему не нужен офис; его имя никогда не появляется в газетах, за исключением случаев, когда он женится или умирает. Он поддерживает производство. Он способствует укреплению партий. Перед выборами ему льстят. Он убежденный патриот. Он востребован всякий раз, когда в его маленьком кругу нужно выполнить работу или дать совет. Он может время от времени ворчать на свою жену и семью, но он не посещает бакалейные лавки и не обсуждает политику в таверне. Следовательно, о нем забывают. Он обычный человек. Он не доставляет хлопот. Он не вызывает никакого восхищения. Он ни в коем случае не герой (как популярный оратор); и не проблема (как бродяги и изгои); и не печально известный (как преступники); и не объект сентиментальности (как бедные и слабые); и не обуза (как нищие и бездельники); и не объект, на котором можно сколотить социальный капитал (как получатели церковной и государственной благотворительности); и не объект благотворительной помощи и защиты (как животные, с которыми жестоко обращаются); и не объект работы (как невежественные и неграмотные); и не тот, над кем можно властно работать. сентиментальные экономисты и государственные деятели могут выставлять напоказ свои прекрасные чувства (подобно неэффективным рабочим и неумелым ремесленникам). Следовательно, он забыт. Все бремя ложится на него или на нее, ибо пришло время вспомнить, что Забытый Мужчина нередко оказывается женщиной.

Когда вы отправитесь в Willimantic, они с большой гордостью покажут вам тамошние великолепные нитяные фабрики. Мне говорили, что есть швеи, которые могут заработать всего пятьдесят центов за двенадцать часов и обеспечить нас нитками. Из стоимости каждой катушки ниток более одного цента составляет налог. Это платно не за то, чтобы получить нить, потому что вы могли бы получить нить и без нее. Платят за то, чтобы приобрести компанию Willimantic linen company, которая не стоит того, чтобы ее иметь, и которая, по сути, является неприятностью, потому что из-за нее достать нитки труднее, чем было бы, если бы такой проблемы не было. Если женщина зарабатывает пятьдесят центов за двенадцать часов, она зарабатывает на катушку ниток столько, сколько может быть за час, а если она использует катушку ниток в день, она работает четверть часа в день, чтобы прокормить компанию Willimantic linen company, которая в 1882 году выплатила своим акционерам 95-процентные дивиденды. Если вы пойдете и посмотрите на мельницу, она поразит ваше воображение до тех пор, пока вы не вспомните всех женщин на всех чердаках, жен и детей всех ремесленников и чернорабочих, которые тратят свои часы труда не на то, чтобы получить товары, в которых они нуждаются, а на оплату промышленной системы, которая только стоит у них на пути и затрудняет их получение.

Достаточно очевидно, что Забытые Мужчина и Забытая Женщина — это сама жизнь и сущность общества. Это те, о ком следует помнить в первую очередь и всегда. О них всегда забывают

сентименталисты, филантропы, реформаторы, энтузиасты и все, кого описывают спекулянтами в социологии, политической экономии или политологии. Если изучающий любую из этих наук когда-нибудь поймет положение Забытого Человека и оценит его истинную ценность, вы обнаружите в нем бескомпромиссного сторонника строжайшего научного мышления по всем социальным темам и холодного и жестокосердного скептика по отношению ко всем искусственным схемам улучшения общества. Если вы хотите добиться социальных улучшений, предложите нам план освобождения Забытого Человека от части его бремени. Он - наша производительная сила, которую мы растрачиваем впустую. Давайте перестанем растрачивать его силу. Тогда мы получим чистую и простую выгоду для всего общества. Забытый Человек отягощен издержками и бременем схем, направленных на то, чтобы сделать всех счастливыми, издержками общественного блага, поддержкой всех бездельников, потерей всего экономического шарлатанства, потерей всех рабочих мест. Давайте немного вспомним о нем. Давайте снимем с него часть бремени. Давайте обратим нашу жалость к нему, а не к ни на что не годному. Это будет только справедливо по отношению к нему, и общество от этого сильно выиграет. Почему бы нам также не получить удовлетворение, подумав и позаботившись некоторое время о чистых, честных, трудолюбивых, независимых, обеспечивающих себя мужчинах и женщинах, которые не унаследовали многого, что сделало бы их жизнь роскошной, но которые делают все возможное, чтобы преуспеть в мире, ни у кого не прося милостыню, тем более что все, чего они хотят, - это чтобы их оставили в покое, с хорошей дружбой и искренним уважением. Конечно, филантропы и сентименталисты долгое время удерживали наше внимание на мерзких, ленивых, преступных, скулящих, пресмыкающихся и ни на что не годных людях, как будто они одни заслуживали нашего внимания.

Забытый Человек никогда не бывает нищим. У него почти всегда есть небольшой капитал, потому что в характере человека заложено что-то откладывать. У него никогда не бывает больше, чем немного. Следовательно, он беден в общепринятом смысле этого слова, хотя в правильном смысле он таковым не является. Я уже говорил, что если вы научитесь искать Забытого Человека и заботиться о нем, вы будете очень скептически относиться ко всем филантропическим и гуманистическим схемам. Теперь ясно, что интересы Забытого Человека и интересы "бедных", "слабых" и других обласканных классов находятся в антагонизме. Фактически, предупреждение вам искать Забытого Человека приходит в ту минуту, когда оратор или писатель начинает говорить о бедняге. В эту минуту Забытому Человеку грозит новое нападение, и если вы вообще намерены вмешиваться в это дело, то именно сейчас вам следует поискать его и оказать ему свою помощь. Следовательно, если вы заботитесь о Забытом Человеке, вас наверняка обвинят в том, что вы *не* заботитесь о бедных. Что бы вы ни делали для любого из обласканных классов, это пустая трата капитала. Если вы делаете что-либо для Забытого Человека, вы должны обеспечить ему его заработок и сбережения, то есть вы издаете законы о безопасности капитала и его свободном использовании; вы должны выступать против бумажных денег, диких банковских операций и ростовщических законов, и вы должны поддерживать нерушимость контрактов. Следовательно, вы должны быть готовы к тому, что вам скажут, что вы поддерживаете класс капиталистов, врага бедняков.

Чего на самом деле хочет Забытый Человек, так это истинной свободы. Большая часть его ошибок и горестей проистекает из того факта, что в наших институтах все еще смешаны вместе старые средневековые теории защиты и личной зависимости и современные теории независимости и индивидуальной свободы. Следствием этого является то, что люди, достаточно умные, чтобы занять руководящие посты, измеряют свои собственные права теорией отцовства,

а свои обязанности теорией независимой свободы. Отсюда следует, что Забытый Человек, который усердно работает дома, должен платить обоими способами. Его права измеряются теорией свободы, то есть у него есть только то, что он может завоевать. Его обязанности измеряются отцовской теорией, то есть он должен выполнять все, что на него возложено, как это всегда бывает с родителями. Люди говорят об отцовской теории правления так, как будто это очень простая вещь. Однако проанализируйте это, и вы увидите, что в каждом отцовских отношениях должны быть две стороны, родитель и ребенок, и, если говорить метафорически, в мире совершенно неважно, кто родитель, а кто ребенок. Теперь, поскольку мы, народ, являемся государством, всякий раз, когда нужно выполнить какую-либо работу или оплатить расходы, и поскольку обласканные классы, преступники и дельцы стоят и не платят, именно они находятся в положении ребенка, а Забытый Человек является родителем. Следовательно, что нужно Забытому Человеку, так это то, чтобы мы пришли к более ясному пониманию свободы и к более полному ее осознанию. Каждый шаг, который мы добьемся в свободе, освободит Забытого Человека от части его бремени и позволит ему использовать свои силы для себя и для содружества.

БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Приводимая ниже библиография является настолько исчерпывающей, насколько мы смогли это сделать. Несомненно, есть и другие статьи, которые не попали в поле нашего зрения; и, безусловно, есть ряд материалов для прессы, подписанных и неподписанных, о которых мы не имеем ни малейшего представления. Распределение тех, которые мы нашли, укажет на задачу любого, кто должен стремиться к исчерпанности.

Нам показалось лучшим включить названия некоторых неопубликованных работ, особенно в тех случаях, когда они должны быть доступны студентам путем передачи рукописей на хранение в библиотеку Йельского университета (в собственность Самнера). У Самнера была манера очень тщательно записывать что-либо, возможно, в виде лекции, а затем откладывать это в сторону, явно не думая о публикации; ряд таких рукописей были напечатаны впервые в этой серии томов. Есть также несколько печатных высказываний Самнера, которыми мы располагали в виде вырезок, но не смогли найти; названия таких высказываний были включены в список доступных в Йельской библиотеке.

В отчетах Совета по образованию штата Коннектикут много написано Самнером. Нам сообщили, что его служба в этом Правлении, длившаяся более двадцати лет, включала большую работу в комитете и множество тщательно составленных отчетов. Поскольку они носят несколько особый характер, мы просто ссылаемся на документы Правления.

Издатели намерены сделать из томов, которые сейчас печатаются в едином стиле, набор из четырех, которые будут пронумерованы в порядке их появления. Таким образом, для краткости

"Война" и другие очерки упоминаются ниже как том. I; "Земной голод" и другие очерки - как том. II; "Вызов фактам" и другие эссе, как том. III; и "Забытый человек" и другие эссе, как том. IV.

В этих томах есть несколько номеров, написанных не Самнером, но посвященных ему, например, Памятные обращения в томе III.

А. Г. К.
М. Р. Д.

1872. Книги царей, К. К. В. Ф. Бэр. Переведено, дополнено и отредактировано ... Книга 2, У. Г. Самнера, в издании Ланге, Дж. П. "Комментарий к Священному Писанию" ... Нью-Йорк, Scribner, Armstrong & Co., 1866-1882, 26 т., VI, 312 стр.
Закон Церкви об истолковании Священного Писания. Неопубликованная рукопись о научной критике Библии. 3 апреля. 61 стр. (Поместье Самнер.)
Обращение ко Дню памяти. Доставлено в Морристаун 30 мая. Печатается впервые в Vol. III, стр. 347-362.
1873. Солидарность человеческого рода. Неопубликованная рукопись выступления о влиянии идей и событий в одной стране на условия в других странах, прочитанного в Научной школе Шеффилда 11 января. 40 стр. (Поместье Самнер.)
Отношение физического к моральному благу. Адрес. Неопубликованная рукопись, вероятно, этой даты, 35 стр. (Поместье Самнер.)
Вводная лекция к курсам политических и социальных наук. Впервые напечатано в Vol. III, стр. 391-403.
История бумажных денег. Бумажные деньги в Китае, Англии, Австрии, России и американских колониях. Неопубликованная рукопись, 109 стр. (Поместье Самнера.)
Социализм. Три неопубликованные рукописи, написанные между 1873 и 1880 годами, которые, по-видимому, являются предварительными набросками к эссе под названием "Вызов фактам". 38, 12 и 31 стр. соответственно.
1874. История американской валюты с главами, посвященными английским банковским ограничениям и австрийским бумажным деньгам, к которым прилагается "Отчет о слитках". Нью-Йорк, Н. Holt & Co., iv, 391 стр., двойная диаграмма.
Урок паники (1873). Неопубликованная рукопись, выступающая за возврат к надежной валюте, 20 стр. (Самнер Эстейт.)
Хватит ли с нас? Неопубликованная рукопись о зле бумажных денег, написанная вскоре после паники 1873 года, 15 стр. (Поместье Самнер.)
Политическая экономия. От 300 до 400 стр. конспектов лекций для использования в классе. (Поместье Самнер.)
Налогообложение. Что это такое, каково его отношение к другим разделам политической экономии и каковы общие принципы, по которым им следует управлять. Неопубликованная рукопись, вероятно, датированная этим годом, 24 стр. (Поместье Самнер.)
1875. Американские финансы. Бостон, Уильямс.
Валютный вопрос. Примерно в это же время прозвучало обращение, выступающее

против выпуска невозвратных бумажных денег. Неопубликованная рукопись, 96 стр. (Поместье Самнер.)

- 1876г. Развитие денежной системы. (В книге Вулси, Т. Д. и других, "Первое столетие республики". Нью-Йорк, Harper & Bros.)

Политика в Америке, 1776-1876. Североамериканское обозрение, январь, том. CXXII, номер столетия, стр. 47-87. Перепечатано в Vol. IV, стр. 285-333.

Будут ли "Трудные времена" продолжаться? Обзор выступления профессора Самнера перед Торговой палатой Нью-Хейвена. "Вунсокет Пэтриот", 19 мая.

Бурбонизм. "Реальные проблемы дня". "Нью-Йорк Уорлд", 19 мая.

Бесплатный чугун. Письмо в New York Mercantile Journal, 3 июня.

В президенты? "Нью-Хейвен Палладиум", 12 сентября. Перепечатано в т. III, стр. 365-379.

Война закончилась? "Актуальные проблемы дня". "Нью-Йорк Уорлд", 9 октября.

Опасения по поводу сильного Юга. "Актуальные проблемы дня". "Нью-Йорк Уорлд", 10 октября.

Политический статус Южных штатов. Письмо в "Нью-Йорк Уорлд", 16 октября.

Что стало с Реформой? "Актуальные проблемы дня". "Нью-Йорк Уорлд", 23 октября.

Демократический ответ. Республиканцам, приехавшим с визитом в Новый Орлеан, которые отказались участвовать в конференции по вопросу подсчета результатов выборов. "Нью-Йорк Трибюн", 17 ноября.

"Профессор Самнер о Луизиане". Письмо в "Нью-Йорк Уорлд", 21 ноября, в ответ на просьбу губернатора Ингерсолла высказать свое мнение о политической ситуации в этом штате после его визита в Новый Орлеан.

Впечатления в Новом Орлеане. Письмо в "Нью-Йорк Геральд", 22 ноября.

- 1877 г. Лекции по истории протекционизма в Соединенных Штатах. Прочитаны перед Международным альянсом за свободную торговлю. Перепечатано из "Нового века". Опубликовано для Международного альянса за свободную торговлю издательством G. P. Putnam's Sons, Нью-Йорк, 64 стр. Содержание: Национальная идея и американская система, Общие принципы, лежащие в основе Тарифных споров, Происхождение Протекционизма в этой Стране, Установление Протекционизма в этой Стране, Колебания Протекционистской политики в этой Стране.

Республиканское правительство. "Чикаго Трибюн", 1 января. Перепечатано в т. III, стр. 223-240.

Защита и чугун. Письмо курьеру, 12 февраля.

Демократия и ответственное правительство. Выступление в Провиденсе, Р.И., 20 июня, перед Обществом Фи Бета Каппа Университета Брауна. The Providence Evening Press, 21 июня. Перепечатано в Vol. III, стр. 243-286.

Серебро. Выступление перед выпускным классом Йельского университета. Профсоюз Нью-Хейвена, 12 декабря.

Серебряный вопрос. Что это такое и как с ним следует обращаться. "Нью-Йорк Уорлд", 12 декабря.

Коммерческий кризис 1837 года. Написано в 1877 или 1878 году. (В рукописи есть указания на то, что она когда-то была напечатана, но попытки найти, где именно, не увенчались успехом.) Опубликовано, вероятно, впервые, в Vol. IV, стр. 371-398.

1878. Наша система доходов, А. Л. Эрл. Предисловие У. Г. Самнера. Нью-Йорк, опубликовано для Нью-Йоркского клуба свободной торговли издательством G. P. Putnam's Sons, 47 стр. (Экономическая монография № V.)
- Деньги и их законы. Международное обозрение, январь и февраль, том V, стр. 75-81.
- Что такое Свободная торговля? Чикагские новости, 7 января.
- Сильвер. Выступление в Чикаго. The Chicago Tribune, 9 января.
- Серебряный вопрос. Лекция в Манхэттенском клубе Нью-Йорка, 25 января, о катастрофическом результате ремонетизации. "Нью-Йорк Уорлд", 26 января.
- Несколько простых ответов. Письмо в the New Haven Register от 28 февраля о тарифе.
- Защита и доход в 1877 году. Лекция, прочитанная в Нью-Йоркском клубе свободной торговли 18 апреля. Нью-Йорк, опубликована для Нью-Йоркского клуба свободной торговли G. P. Putnam's Sons. (Экономическая монография № VIII.)
- Социализм. Ежемесячник Скрибнера, октябрь, том. XVI, № 6, стр. 887-893.
- Связь законодательства с валютой. Неопубликованная рукопись, написанная примерно в это время, посвящена природе денег, чеканке монет, бумажным деньгам, законам о законных платежных средствах, денежному опыту Англии и Франции и т.д., А также противодействию злоупотреблениям законодательства в отношении валюты. 45 стр. (Самнер Эстейт.)
- Одновременный тираж золота и серебра. Впервые напечатано в Vol. IV, стр. 183-210.
1879. Биметаллизм. Princeton Review, ноябрь, стр. 546-578.
- Погашение государственных долгов. Неопубликованная рукопись, в основном историческая, написана примерно в это время. 35 стр. (Поместье Самнер.)
- Влияние торговых кризисов на мнения об экономических доктринах. Обращение, вероятно, датировано этой датой. Впервые напечатано в Vol. IV, стр. 213-235.
- Кооперативное содружество. Написано в семидесятых или восьмидесятых годах. Выдержки впервые напечатаны в т. IV, стр. 441-462.
1880. Что читают наши мальчики. Объединено с "Книгами и чтением для молодежи" Дж. Х. Смарта. Часть. Сыновья Скрибнера. Перепечатано в Vol. II, стр. 367-377.
- Истинная цель жизни. Обращение к выпускникам Йельского университета. The New Haven Register, 1 февраля. (Форма не для перепечатки.)
- Теория и практика выборов. Princeton Review, март, стр. 262-286, и июль, стр. 24-41.
- Два письма в "Нью-Йорк таймс", 3 и 4 апреля, в которых он объясняет причины использования "Изучения социологии" Спенсера в качестве учебника.
- Администрация Эндрю Джексона. Выступление перед Кентским клубом Йельской школы права, краткое сообщение в New York Tribune, 29 апреля. Печатается полностью впервые в т. IV, стр. 337-367.
- Возрождение океанской торговли. Письмо о свободной торговле в American Railroad Journal, 10 сентября.

Взгляды профессора Самнера на вопрос о тарифах. Письма в "Нью-Хейвен Реджистер", 9, 12 и 14 октября.

Финансовые вопросы, стоящие сейчас перед Нами. Неопубликованная рукопись, написанная примерно в это время, 8 стр. (Поместье Самнер.)

- 1881г. Выборы и реформа государственной службы. Princeton Review, январь, стр. 129-148.
- Паниковать без причины. Лекция в Бразерс-Холле, Нью-Хейвен, о недавней панике на Уолл-стрит. New Haven Register, 14 января.
- Аргумент против защитных налогов. Princeton Review, март, стр. 241-259.
- Будут ли американцы владеть кораблями? Североамериканское обозрение, июнь, том 132, № CCXCV, стр. 559-566. Перепечатано в томе. IV, стр. 273-282.
- Состояния, нажитые на нитках. Письмо в "Нью-Йорк Таймс", 5 июня, об особой защите, предоставляемой производителям ниток.
- Социология. Princeton Review, ноябрь, стр. 303-323. Перепечатано в Vol. I, стр. 167-192.
1882. Эндрю Джексон как общественный деятель. Кем он был, какие у него были шансы и что он с ними делал. Бостон, Нью-Йорк, Houghton Mifflin Company, vi, 402 стр. (Серия американских государственных деятелей.)
- Политическая экономия и политология. Сост. У. Г. Самнера, Д. А. Уэллса, У. Э. Фостера, Р. Л. Дагдейла и Г. Х. Патнэма. Нью-Йоркское общество политического образования. Титульный лист, 36 стр. Экономические трактаты № 2.
- Защитные налоги и заработная плата. Тарифная комиссия Филадельфии, 21 стр.
- Заголовок подписи.
- Банковские чеки и одеяла. Письмо о свободной торговле в New Haven Register, 2 июня.
- “Американская система”. Письмо в Американскую лигу свободной торговли, июнь.
- Почему мужчины Айовы должны взимать с себя налоги в пользу Пенсильвании? Глава штата Айова, 4 сентября.
- Свободная игра Экономических сил. Письмо к нации по поводу “Положения Джевонса в отношении труда”, 30 сентября.
- Цены на пиломатериалы. Письмо северо-Западному лесорубу, 14 октября.
- Речь профессора Самнера перед Тарифной комиссией, рецензия Джорджа Бэзила Диксвелла, Кембридж, J. Wilson & Son, 43 стр.
- “Аргумент профессора Самнера против защитных налогов”, рецензия Джорджа Бэзила Диксвелла, Кембридж, J. Wilson & Son, 13 стр.
- Заработная плата. Princeton Review, ноябрь, стр. 241-262.
1883. Забытый человек. Оригинальная лекция по этому предмету, прочитанная в Нью-Хейвене 8 или 9 февраля. 28 машинописных стр. Печатается впервые в Vol. IV, стр. 465-495.
- Чем Социальные классы обязаны друг другу. Впервые опубликовано в Harper's Weekly, февраль-май, т. XXVII, Nos. 1366–1376. Нью-Йорк, Harper & Brothers, 169 стр.
- По делу некоего человека, о котором никто никогда не вспоминал. Перепечатано в Vol. I, стр. 247-253, из книги “Чем социальные классы обязаны друг другу”, стр. 123-133.

Дальнейшее рассмотрение дела забытого человека. Перепечатано в Vol. I, стр. 257-268, из книги "Чем социальные классы обязаны друг другу", стр. 134-152.

Лучшее общественное мнение. Письмо в "Газетт энд Фри Пресс", 12 января, в ответ Т. К. Бичеру.

Оставим в покое коммерческие отношения. Письмо У. Х. Найту в "Газетт энд Фри Пресс", 16 января.

Письмо мистеру Эрлу из Американской лиги свободной торговли по поводу выступления мистера Эвартса. Напечатано в "Нью-Йорк таймс", 6 февраля.

"Профессор Самнер по денежно-кредитной науке". Письмо редактору Bradstreet's, в котором он не согласен с теорией Х. К. Адамса о том, что денежные законы в экономике зависят от настроений нации, выраженных в ее законодательных актах. 10 февраля.

"Профессор Самнер отвечает". Письмо в "Нью-Хейвен Реджистер" от 10 февраля, касающееся его замечаний о защитном налоге на нитки в его лекции о "Забытом человеке".

"Презумпция профессора Самнера". Защита его письма мистеру Эрлу относительно речи мистера Эвартса. "Нью-Йорк Таймс", 14 февраля.

Willimantic Linen Mills. Письмо в "Нью-Йорк Таймс", 16 февраля, в защиту своей позиции, принятой против защитного налога на нитки.

Некоторые факты о нитях. Неопубликованная рукопись, 14 стр., относящаяся к спору с Willimantic Linen Co. (Самнер Эстейт).

Ответил теоретик. Письмо о свободной торговле в New Haven Register, 26 февраля, в ответ на письмо, подписанное "Хардпан".

Выгода для страны от защиты. Письмо в "Нью-Йорк Таймс", 27 февраля.

"Профессор Самнер инструктирует своих критиков". Письмо о свободной торговле в "Нью-Йорк таймс", 1 марта.

Эта головоломка с переписью населения. "Нью-Йорк таймс", 2 марта.

Защитные налоги и заработная плата. Североамериканское обозрение, март, том 136, № CCCXVI, стр. 270-276.

Курс чтения по политической экономии. Подготовлено для журнала "Критик", март, 4 стр.

Тариф на резьбу. Письмо в "Нью-Йорк таймс", 8 марта.

Нитки. Письмо в "Бостон Транскрипт", 25 апреля, по поводу компании Willimantic Linen Co.

Нитки по три цента за катушку. Письмо в "Нью-Йорк таймс", 28 апреля.

Прибыль "Виллимантик Миллс". Письмо в Boston Transcript, 30 апреля.

Письмо в the Palladium (Нью-Хейвен), 30 апреля, по поводу разногласий с Willimantic Linen Co.

"Взгляды профессора Самнера". Письмо в "Нью-Хейвен Реджистер", 26 мая, в ответ мистеру Бэрроузу из Willimantic Linen Co.

Философия забастовок. Harper's Weekly, 15 сентября, том. XXVII, № 1395, стр. 586.

Перепечатано в Vol. IV, стр. 239-246.

Письмо в New Haven Register от 18 октября, касающееся развития нашей промышленности.

“Мнение профессора Самнера относительно вопроса о тарифах”. "Нью-Хейвен Реджистер", 19 октября.

“Мистер Шелдон перепутал”. Письмо в "Нью-Хейвен Реджистер" от 30 октября, свидетельствующее о незнании мистером Шелдоном законов о тарифах.

Наука социология. Речь на прощальном банкете в честь Герберта Спенсера.

Произнесена 9 ноября 1882 г., опубликована в “Герберт Спенсер об американцах и американцы о Герберте Спенсере”, стр. 35-40. Нью-Йорк, D. Appleton & Company, 96 стр. Перепечатано в т. IV, стр. 401-405.

Предложения по социальным вопросам. Отрывки, выбранные из “Чем социальные классы обязаны друг другу”, в ежемесячнике "Популярная наука", декабрь, том. XXIV, стр. 160-169.

Американская критика британских протекционистских теорий. Критика доктрины профессора Сиджвика о том, что защитные налоги исходят от иностранца. Лондонский экономист, 1 декабря, Т. XLI, № 2, 101, стр. 1397-1398.

Демократическая теория государственных должностей. Выступление перед Ассоциацией реформирования государственной службы, Рочестер, Нью-Йорк.

Причины реформы порядка отбора государственных служащих. Что выиграло бы это изменение. Напечатано в газетах Рочестера того времени. (Поместье Самнера.)

1884. Проблемы политической экономии. Нью-Йорк, 12 мес., 125 стр. Х. Холт и Ко.

Наши колледжи впереди страны. Princeton Review, март, стр. 127-140. Перепечатано в т. I, стр. 355-373.

Социологические ошибки. Североамериканское обозрение, июнь, том 138, № CCCXXXI, стр. 574-579. Перепечатано в Vol. II, стр. 357-364.

Пороки тарифной системы. Североамериканское обозрение, сентябрь, том 139, № CCCXXXIV, стр. 293-299.

1885. Протекционизм. Теория, которая учит, что расточительство создает богатство. Нью-Йорк, H. Holt & Company, октябрь, 12 ноября, 170 стр. Перепечатано в Vol. IV, стр. 9-111.

Сборник эссе по политическим и социальным наукам. Нью-Йорк, Х. Холт и компания, 173 стр. Содержание: Биметаллизм, Заработная плата, Аргумент против защитных налогов, Социология, Теория и практика выборов, Президентские выборы и реформа государственной службы, Наши колледжи перед страной.

Наша валюта за последние двадцать пять лет. Harper's Weekly, 10 января-7 февраля, Вып. XXIX, Nos. 1464-1468.

Следует ли демонетизировать Серебро? Североамериканское обозрение, июнь, том 140, № CCCXLIII, стр. 485-489.

1886. Регулирование контрактов. Насколько современные усовершенствования в производстве и транспортировке изменили принцип, согласно которому мужчинам следует предоставить свободу заключать свои собственные сделки? Наука, 5 марта, Том ii. VII, № 161, с. 225-228.

Что такое Свободная торговля? В хорошем настроении перед апрелем, стр. 7.
Перепечатано в т. IV, стр. 123-127.

Может ли защита увеличить богатство страны? The Tax-gatherer, 22 мая, № 19.

Промышленная война. Форум, сентябрь, том. II, стр. 1-8. Перепечатано в Vol. III, стр. 93-102.

Мистер Блейн о тарифе. Североамериканское обозрение, октябрь, том 143, № CCCLIX, стр. 398-405.

Что такое “пролетариат”? The Independent, 28 октября. Перепечатано в т. III, стр. 161–165.

Кто выигрывает благодаря прогрессу? The Independent, 25 ноября. Перепечатано в т. III, стр. 169-174.

Новый социальный выпуск. The Independent, 23 декабря. Перепечатано в т. III, стр. 207-212.

Темы для дипломных работ и сочинений. Подготовлено с примечаниями и ссылками, приложенными к предметам для старших и младших классов Йельского колледжа. I. Дипломные работы по политологии. II. Темы для обязательных сочинений. 9 стр. (Поместье Самнер.)

История Соединенных Штатов Америки, 1824-1876. Заметки, сделанные Дж. К. Швабом, 1886-1887. MS 17½ × 25½ см. Библиотека Йельского университета.

Политическая экономия. Конспекты лекций И. К. Шваба, 1886-1887. MS 17½ × 25½ см. Библиотека Йельского университета.

1887. Что делает богатых богаче, а бедных беднее? Ежемесячник научно-популярных изданий, январь, том. XXX, стр. 289-296. Перепечатано в т. III, стр. 65-77.

Социализм. Речь перед Массачусетским реформ-клубом, Бостон, 8 января. Boston Sunday Record, 9 января.

Федеральное законодательство о железных дорогах. The Independent, 20 января. Перепечатано в т. III, стр. 177-182.

Законодательство, основанное на шумихе. The Independent, 24 февраля. Перепечатано в т. III, стр. 185-190.

Перекладывание ответственности. The Independent, 24 марта. Перепечатано в т. III, стр. 193-198.

Некоторые моменты Нового социального Кредо. The Independent, 21 апреля. Перепечатано в т. II, стр. 207-211.

Индейцы в 1887 году. Форум, май, том. III, стр. 254-262.

Спекулятивное законодательство. The Independent, 19 мая. Перепечатано в т. III, стр. 215-219.

Неограниченная коммерция. Чаутокуан, июнь.

Банкет жизни. The Independent, 23 июня. Перепечатано в Vol. II, стр. 217-221.

Некоторые естественные права. The Independent, 28 июля. Перепечатано в Vol. II, стр. 222-227.

Забастовки и промышленная организация. Научно-популярные новости, июль, том. XXI, № 7, с. 93-94. Перепечатано в т. IV, с. 249-253.

Вмешательство государства. Североамериканское обозрение, август, том 145, № CCCLXIX, стр. 109-119. Перепечатано в томе. I, стр. 213-226.

Искоренение бедности. The Independent, 25 августа. Перепечатано в т. II, стр. 228-232.

Государство как “этичная личность”. The Independent, 6 октября. Перепечатано в т. III, стр. 201-204.

Благо природы. The Independent, 27 октября. Перепечатано в т. II, стр. 233-238.

Реформа государственной службы. Чаутокуан, ноябрь, стр. 78-80.

Является ли свобода утраченным благословением? The Independent, 24 ноября. Перепечатано в т. II, стр. 131-135.

Преимущества свободной торговли. Секретарь-христианин. (Поместье Самнер.)

1888 год. Земельная монополия. The Independent, 12 января. Перепечатано в т. II, стр. 239-244.

Группа естественных монополий. The Independent, 16 февраля. Перепечатано в т. II, стр. 245-248.

Завоевание серебра и международные соревнования. Ежемесячник банкира Рэнда Макнелли, февраль, стр. 47-48.

Первые шаги на пути к тысячелетию. Cosmopolitan, март, стр. 32-36. Перепечатано в т. II, стр. 93-105.

Еще одна глава о монополии. The Independent, 15 марта. Перепечатано в т. II, стр. 249-253.

Тресты и профсоюзы. The Independent, 19 апреля. Перепечатано в т. IV, стр. 257-262.

Семейная монополия. The Independent, 10 мая. Перепечатано в т. II, стр. 254-258.

Семья и собственность. The Independent, 14 июня и 19 июля. Перепечатано в т. II, стр. 259-269.

Тарифная реформа. The Independent, 16 августа. Перепечатано в т. IV, стр. 115-120.

Государство и монополия. The Independent, 13 сентября и 11 октября. Перепечатано в т. II, стр. 270-279.

“Условие, а не теория”. Свободная торговля. Ежемесячный журнал Белфорда, октябрь, том. I, № 5.

Демократия и плутократия. The Independent, 15 ноября. Перепечатано в т. II, стр. 283-289.

Определения демократии и плутократии. The Independent, 20 декабря. Перепечатано в т. II, стр. 290-295.

1889. Конфликт плутократии и демократии. The Independent, 10 января. Перепечатано в Vol. II, стр. 296-300.

Крестьянская эмансипация в Дании. На основе обзора Stavnsbaands-løsningen og landboreformerne. Set fra nationaløkonomiens Standpunkt. А.Ф. Против Фальбе Хансена, Копенгаген: Гад. 1888. The Nation, 7 февраля, № 1232, стр. 123-124.

Крестьяне и землевладение в Скандинавии. Неопубликованная рукопись, 20 машинописных страниц, написана в 1889 году или позже, охватывает период с древнейших времен до восемнадцатого века. (Поместье Самнер.)

Разделение государства и рынка. The Independent, 14 февраля. Перепечатано в т. II, стр. 306-311.

Демократия и современные проблемы. The Independent, 28 марта. Перепечатано в т. II, стр. 301-305.

Социальная война в демократии. The Independent, 11 апреля. Перепечатано в т. II, стр. 312-317.

Исследование благородного чувства. The Independent, 16 мая. Перепечатано в т. II, стр. 212-216.

Очерк Уильяма Грэма Самнера. Ежемесячник "Популярная наука", июнь, том. XXXV, стр. 261-268. Перепечатано в т. III, стр. 3-13.

Старое "Доверие". The Independent, 13 июня. Перепечатано в т. IV, стр. 265-269.

Что такое гражданская свобода? Ежемесячник "Популярная наука", июль, том. XXXV, стр. 289-303. Перепечатано в т. II, стр. 109-130.

Кто Свободен? Это дикарь? The Independent, 18 июля. Перепечатано в т. II, стр. 136-140.

Кто свободен? Это цивилизованный человек? The Independent, 15 августа. Перепечатано в т. II, стр. 140-145.

Кто свободен? Это миллионер? The Independent, 12 сентября. Перепечатано в Vol. II, стр. 145-150.

Кто свободен? Это бродяга? The Independent, 17 октября. Перепечатано в т. II, стр. 150-155.

Свобода и ответственность. The Independent, 21 ноября. Перепечатано в т. II, стр. 156-160.

Свобода и закон. The Independent, 26 декабря. Перепечатано в т. II, стр. 161-166.

Хотим ли мы индустриального мира? Форум, декабрь, том ii. VIII, стр. 406-416. Перепечатано в т. I, стр. 229-243.

Свободная торговля. Неопубликованная рукопись примерно этой даты. I. Определения защиты и протекционизма. II. Средневековая доктрина торговли. III. Шестнадцатый век. IV. Династические государства. V. Меркантилизм и колониальная система. VI. Новая доктрина. VII. Смитианизм. VIII. Защита в Соединенных Штатах. IX. Протекционизм девятнадцатого века. X. Нынешняя ситуация. Около 64 машинописных страниц. (Поместье Самнера.)

Забастовки. Неопубликованная рукопись, написанная где-то в восьмидесятих годах, 21 машинописная страница. Общий обзор "трудового вопроса". (Поместье Самнер.)

Притча. Написано в восьмидесятих. Впервые напечатано в Vol. III, стр. 105-107.

Сфера академического обучения. Обращение, произнесенное на праздновании годовщины школы. Судить, "что такое академия, что она должна делать и как она должна это делать; и судить о ее достижениях по истинным стандартам".

Неопубликованная рукопись восьмидесятих годов, 27 страниц. (Поместье Самнер.)

Честность в образовании. Обращение, произнесенное в Хартфорде, вероятно, в восьмидесятых годах. Впервые напечатано в Vol. IV, стр. 409-419.

Дисциплина. Вероятно, в восьмидесятых. Впервые напечатано в Vol. IV, стр. 423-438.

Вызов фактам. Написано где-то в восьмидесятых. Первоначальное название было "Социализм". Впервые напечатано в т. III, стр. 17-52.

1890. Александр Гамильтон. ("Создатели Америки".) Нью-Йорк, 12 июня, 280 стр., Додд, Мид и Ко.

Свобода и дисциплина. The Independent, 16 января. Перепечатано в т. II, стр. 166-171.

Является ли труд Жестокий? The Independent, 20 февраля. Перепечатано в т. II, стр. 187-193.

Свобода и собственность. The Independent, 27 марта. Перепечатано в т. II, стр. 171-176.

Свобода и возможности. The Independent, 24 апреля. Перепечатано в т. II, стр. 176-181.

Почему я Свободный Торговец. Двадцатый век, 24 апреля, стр. 8-10.

Можем ли мы получить больше денег? Иллюстрированная газета Фрэнка Лесли, 3 мая, т. LXX, № 1807.

Свобода и труд. The Independent, 22 мая. Перепечатано в Vol. II, стр. 181-187.

Предлагаемое серебряное законодательство. Иллюстрированная газета Фрэнка Лесли, 24 мая, т. LXX, № 1810, стр. 330.

Свобода и механизмы. The Independent, 12 июня. Перепечатано в Vol. II, стр. 193-198.

Разочарование в свободе. The Independent, 17 июля. Перепечатано в Vol. II, стр. 198-203.

Что освобождает. The Independent, 14 августа. Перепечатано в Vol. III, стр. 137-142.

Спрос на мужчин. The Independent, 11 сентября. Перепечатано в Vol. III, стр. 111-116.

Значение спроса на мужчин. The Independent, 16 октября. Перепечатано в Vol. III, стр. 119-123.

Что такое "Социальный вопрос". The Independent, 20 ноября. Перепечатано в Vol. III, стр. 127-133.

1891. Финансист и финансы американской революции. Нью-Йорк, 2 тома, 8 об., 309 и 330 стр.

Liberté des Échanges. Nouveau Dictionnaire d'Économie Politique, vol. 2, pp. 138-166, Guillaumin et Cie., Paris.

Власть и прогресс. The Independent, 15 января. Перепечатано в т. III, стр. 145-150.

Последствия усиления социальной власти. The Independent, 13 августа. Перепечатано в Vol. III, стр. 153-158.

1892. Роберт Моррис ("Создатели Америки"). Нью-Йорк, 12 июня., 172 стр.

1893. Предлагаемая классификация социальных наук. Таблица, напечатанная для распространения на занятиях по обществознанию в Йельском университете. "Не опубликовано".

- 1894 год. Абсурдная попытка перевернуть мир. Форум, март, том. XVII, стр. 92-102. Перепечатано в Vol. I, стр. 195-210.

1895. Послание Венесуэлы. Письмо в "Нью-Йорк Таймс", 18 декабря.
1896. История банковского дела в Соединенных Штатах. XV, 485 стр. Т. I об истории банковского дела во всех ведущих странах.
- “Профессор Самнер в Йеле”. Письмо в "Йель Ньюс", 20 января. Сейчас здесь больше ценят образование, чем тридцать лет назад.
- Валютный кризис. Курс из шести лекций, прочитанных в доме мистера Джона Э. Парсонса, 30 East 36th St., Нью-Йорк, 13 и 27 февраля и 5, 12, 19 и 26 марта. То, что сказал лектор, а также вопросы и ответы в конце его лекций были стенографированы и напечатаны на машинке. У мистера Герберта Парсонса есть стенограмма в переплете, а в библиотеке Йельского университета также есть копия. (Поместье Самнера.)
- Казначейство как эмиссионный банк и склад серебра. Отчет об облигациях, март, том. IV, № 2, стр. 87-89.
- Ответ на письмо мистера Тая об отношении Йельского университета к Венесуэле. Письмо еженедельнику "Выпускники Йельского университета", 20 мая, том. V, № 30, с. 1-2.
- Ошибочность территориального расширения. Форум, июнь, том 1. XXI, стр. 416-419. Перепечатано в т. I, стр. 285-293.
- Несколько слов. Краткое выступление члена Государственного совета по образованию на выпускных экзаменах в нормальной школе Нью-Хейвена, 18 июня. (Поместье Самнер.)
- Политика унижения. “Битва стандартов”. "Нью-Йорк Джорнэл", 29 июля.
- Предлагаемая двойная организация человечества. Ежемесячник популярной науки, август, том. XLIX, стр. 433-439. Перепечатано в Vol. I, стр. 271-281.
- Процветание, задущенное золотом. Еженедельник Лесли, 20 августа. Перепечатано в Vol. IV, стр. 141-145.
- Причина и лекарство трудных времен. Leslie's Weekly, 3 сентября. Перепечатано в Vol. IV, стр. 149-153.
- Схема свободной чеканки непрактична на каждом этапе. Еженедельник Лесли, 10 сентября. Перепечатано в т. IV, стр. 157-162.
- Заблуждение должников. Еженедельник Лесли, 17 сентября. Перепечатано в т. IV, стр. 165-170.
- Преступление 1873 года. Еженедельник Лесли, 24 сентября. Перепечатано в т. IV, стр. 173-180.
- Единый золотой стандарт. Чаутокуан, октябрь, том. XXIV, стр. 72-77.
- Эмиссионные банки в Соединенных Штатах. Форум, октябрь, том. XXII, стр. 182-191.
- Земной голод, или философия захвата земли. Впервые напечатано в т. II, стр. 31-64.
- Катехизис свободной чеканки. Перепечатано из "Ивнинг Пост", издательство "Ивнинг Пост Паблишинг Ко.", Нью-Йорк, 16 стр.
- Лекции по американской истории, Йельский университет, 1896-1897. Заметки Дж. К. Шваба. Ср. 13 × 21 см. Библиотека Йельского университета.
- Развитие социальной и политической организации в Соединенных Штатах. 1896 или

1897. Впервые напечатано в Vol. III, стр. 289-344.

1897. Неосознанный успех учителя. Речь, произнесенная на обеде в честь мистера Генри Барнарда в Джуэл-Холле, Хартфорд, 25 января. Впервые напечатано в т. II, стр. 9-13.
- Деньги и валюта. Курс из четырех лекций, прочитанных в Бостоне. I. Беспокойство о том, что денег не хватит. II. Как мы возобновили выплаты в денежной форме в 1879 году. Чего мы не сделали. III. Единый золотой стандарт — благотворный и свершившийся факт. IV. Где мы сейчас находимся и что нам нужно делать. Учебный план.
- Социология. Курс из шести лекций, прочитанных в Олбани 27 февраля, 6, 13, 20, 27 марта и 3 апреля. Введение. Индивидуальность и социальность. Собственность. Индустриализм и милитаризм. Население. Ментальная реакция на опыт. Предлагаемые книги для курса чтения. Учебная программа.
- Происхождение доллара. Доклад, прочитанный на заседании Британской ассоциации содействия развитию науки в Торонто, 19-25 августа. (Поместье Самнер.)
- Схема предлагаемой учебной программы (для Йельского колледжа). Рукопись на 4 страницах машинописного текста. (Поместье Самнер.)
1898. Испанский доллар и колониальный шиллинг. Американское историческое обозрение, том. III, № 4, стр. 607-619.
- Программа из шести лекций, прочитанных в январе и феврале в Плейнфилде. Нью-Джерси i. Что такое свободный человек и свободное государство? II. Что такое демократия? III. Скопления богатства и плутократия. IV. Богатые и бедные. Против женщины. VI. Иммиграция.
- Лейтер был Героем. Письмо миру, Нью-Йорк, 15 июня, о сделке Джозефа Лейтера.
- Монетный шиллинг Массачусетского залива. Yale Review, ноябрь, том. VII, стр. 247-264, и февраль 1899, том. VII, стр. 405-420.
1899. Завоевание Соединенных Штатов Испанией. Лекция перед Обществом Фи Бета Каппа Йельского университета, 16 января. Йельский юридический журнал, том. VIII, № 4, стр. 168-193. Бостон, D. Estes & Co., 32 стр. 23 см. Перепечатано в Vol. I, стр. 297-334.
- Сила и благодеяние капитала. Материалы Шестого ежегодного съезда Ассоциации сберегательных банков штата Нью-Йорк, состоявшегося в помещениях Торговой палаты по адресу Нассау-стрит, 32, Нью-Йорк, 10 мая; стр. 77-95. Дж. С. Бэбкок, Нью-Йорк, печатник. Перепечатано в т. II, стр. 337-353.
1900. Первые плоды расширения. "Нью-Йорк Ивнинг Пост", 14 апреля, стр. 13.
- Затруднительное положение социологического исследования. Впервые напечатано в Vol. III, стр. 415-425. Первоначальное название рукописи было "Социология".
- Написано около 1900 года.
- Цели и последствия. Впервые напечатано в т. II, стр. 67-75. Написано где-то между 1900 и 1906 годами.
- Права. Впервые напечатано в т. II, стр. 79-83. Написано где-то между 1900 и 1906 годами.
- Равенство. Впервые напечатано в т. II, стр. 87-89. Написано где-то между 1900 и 1906 годами.
1901. Антрацитовая угольная промышленность, Питер Робертс. Введение У. Г. Самнера. Нью-

Йорк, Лондон, Macmillan Co., 261 стр. Перепечатано в Vol. III, стр. 387-388.

Образцы инвестиционных ценных бумаг для использования в классной комнате. Нью-Хейвен, E. P. Judd Co., 32 стр., 27 × 35½ см. Дословные перепечатки большого количества акций, сертификатов, облигаций и других свидетельств владения долговыми обязательствами без независимого текста или комментариев: собраны для использования в учебном процессе колледжа.

Трасты. Коммерческий журнал, 24 июня.

Преобладающая проблема. Берлингтон, Vt. Перепечатано из Международного ежемесячника, ноябрь, том 2, стр. 496-509. Перепечатано в Vol. I, стр. 337-352.

Якуты. Сокращено от русского Серошевского. Журнал Антропологического института Великобритании и Ирландии, Том 31, стр. 65-110.

1902. Фанатизм самоубийц в России. Научно-популярный ежемесячник, март, том. LX, стр. 442-447.

Концентрация богатства: ее экономическое обоснование. The Independent, апрель-июнь. Перепечатано в Vol. III, стр. 81-90.

1903. Автобиографический очерк Уильяма Грэма Самнера. История класса 1863 года, Йельский колледж, стр. 165-167. Нью-Хейвен, The Tuttle, Morehouse & Taylor Co., 1905. Перепечатано в Vol. II, стр. 3-5.

Война. Впервые напечатано в т. I, стр. 3-40.

1904. Ответ социалисту (Ошибки социализма). Collier's Weekly, 29 октября, стр. 12-13. Перепечатано в т. III, стр. 55-62.

1905. Закон Линча, Джеймс Элберт Катлер. Предисловие У. Г. Самнера. Нью-Йорк, Longmans, Green, and Co., v, 287 стр. Перепечатано в Vol. III, стр. 383-384.

Экономика и политика. Впервые напечатано в Vol. II, стр. 318-333.

Научный подход к Мышлению. Обращение к посвященным Общества "Сигма Xi", Йельский университет, 4 марта. Впервые напечатано в Vol. II, стр. 17-28.

1906. Протекционизм двадцать лет спустя. (Название дано редактором.) Выступление на обеде Комитета по тарифной реформе Клуба реформаторов тарифов в городе Нью-Йорк, 2 июня. Опубликовано Комитетом Клуба реформ по тарифной реформе, 42 Бродвей, Нью-Йорк, Нью-Йорк, Нью-Йорк, серия 1906, № 4, 7 стр., 15 августа. Перепечатано в т. IV, стр. 131-138.

1907. Народные обычаи: исследование социологической значимости обычаев, манер, устоев и морали. Бостон, Джинн и Ко., v, 692 стр.

Социология как предмет в колледже. Американский журнал социологии, март, том 12, № 5, стр. 597-599. Перепечатано в Vol. III, стр. 407-411.

1908. Упадок доверия. Ежегодный финансовый и коммерческий обзор, Нью-Йорк Геральд, 2 января.

1909. Что такое разумная тарифная реформа? Ежегодный финансовый и коммерческий обзор, "Нью-Йорк Геральд", 4 января.

Семейные и социальные перемены. Американский журнал социологии, март, том 14, № 5, стр. 577-591. Перепечатано в т. I, стр. 43-61.

Колдовство. Форум, май, т. XLI, стр. 410-423. Перепечатано в т. I, стр. 105-126.

Автобиография и Список опубликованных книг. Факсимиле письма и фотографии в "Йельском куранте", май, том. XLV, № 7, по случаю выхода Самнера на пенсию.

Положение женщин в Халдее, Египте, Индии, Иудее и Греции до времен Христа. Форум, август, Вып. XLII, стр. 113-136. Перепечатано в т. I, стр. 65-102.

Нравы настоящего и будущего. Yale Review, ноябрь, том. XVIII, стр. 233-245. Перепечатано в Vol. I, стр. 149-164.

1910. Религия и нравы. Американский журнал социологии, март, том 15, № 5, стр. 577-591. Перепечатано в т. I, стр. 129-146.

Прокомментируйте Уильяма Грэма Самнера. (Умер 12 апреля.) Пионер Генри В. Фарман. Учитель Дж. К. Шваб. Вдохновитель Ирвинг Фишер. Идеалист Клайв Дэй. Алан Альберт Г. Келлер. Ветеран Ричард Т. Эли. Yale Review, май, том. XIX, стр. 1-12.

Памятные речи. Произнесены 19 июня в лицее Лэмпсона Йельского университета Отто Т. Баннард, Генри Де Форест Болдуин и Альберт Галлоуэй Келлер. Напечатано в Vol. III, стр. 429-450.

ПОСМЕРТНЫЙ

- 1911 год. Война. "Йельское обозрение" (Новая серия), октябрь, том. I, № 1, стр. 1-27. Напечатано в томе. I, стр. 3-40.

Война и другие очерки. Нью-Хейвен, издательство Йельского университета, 381 стр.

1913. Земной голод или философия захвата земли. "Йельское обозрение" (Новая серия), октябрь, том. III, № 1, стр. 3-32. Напечатано в томе. II, стр. 31-64.

Голод на земле и другие очерки. Нью-Хейвен, издательство Йельского университета, 377 стр.

1914. Вызов фактам и другие эссе. Нью-Хейвен, издательство Йельского университета, 450 стр.

1918. Забытый человек и другие эссе. Нью-Хейвен, издательство Йельского университета, 559 стр.

СНОСКИ

1 4 февраля 1884 года мистер робинсон из Нью-Йорка предложил в палате представителей поправку к Конституции, позволяющую Конгрессу устанавливать экспортную пошлину на хлопок для поощрения отечественного производства. (Запись, 862.)

2Американская филадельфия, 7 августа 1884 г.

3Тауссиг: "История существующего тарифа", 78 и далее.

4 Производители шерсти провели съезд в Сент-луисе 28 мая 1885 года, на котором они оценили свои потери от снижения налога на шерсть в 1883 году, или *разницу* между тем, что они получили от этого налога до этой даты и после, в девяносто миллионов долларов (New York

Times, 29 мая). Если эта сумма - то, что они потеряли, то это то, что выиграли потребители. Они очень разгневаны и не будут голосовать ни за кого, кто не поможет вернуть потребителям эту дань уважения к ним.

5 Бродерик, “Английская земля и английские землевладельцы”, стр. 194.

6 С тех пор, как вышеприведенное было напечатано, я впервые увидел аргумент протекциониста о том, что тариф между нашими государствами является или может стать желательным. Оно взято из Чикагского *Межокеанского* канала и обозначает крайний предел, достигнутый к настоящему времени протекционистским фанатизмом и безумием, хотя оно полностью последовательное и справедливо раскрывает дух и сущность протекционизма:

“В Соединенных Штатах нынешняя зловещая забастовка в металлургической отрасли, в результате которой от 75 000 до 100 000 человек остались без работы, является ярким примером тенденции этой страны также к такому состоянию торговли, которое вынудит отдельные штаты и определенные районы страны обратиться за законодательными актами, чтобы защитить их от более дешевой рабочей силы и превосходящих естественных преимуществ других”. Средство от вреда, наносимого налогами нашей внешней торговле, состоит в том, чтобы обложить налогами нашу внутреннюю торговлю. (См. §§26, 95.)

7Поскольку вышеуказанное было введено в действие, приказом казначейства все товары из Канады облагаются теми же налогами, что и импортируемые товары, хотя они могут направляться из миннесоты в Англию. Природа создала человека слишком обеспеченным. Жители Северной Америки не просто используют свои шансы, но они разделяются на два искусственных тела, чтобы попытаться причинить вред друг другу. Миллионы тратятся на то, чтобы прорубить перешеек там, где природа оставила его, и еще миллионы на то, чтобы установить налоговый барьер там, где природа проложила шоссе.

862, “Реестр” Найлза, 132.

9 Journal des Economistes, March, 1885, page 496.

10Парижский корреспондент "Нью-Йорк ивнинг пост", 9 февраля 1884 г.

11economist, Коммерческое обозрение, 1884, стр. 15.

12Венский корреспондент the economist пишет 15 июня 1885 г.: “Представители сахарной торговли обратились с петицией к министру финансов, прося, прежде всего, сохранить экспортную надбавку, без которой, по их словам, они не могут продолжать существовать и которая предоставляется во всех странах, где производится свекловичный сахар”.

Брэдстрит, 13, 25 июля 1885 года.

14economist, 1884, стр. 1052.

15Один друг прислал мне отчет ("Сельскохозяйственный отчет Барбадоса", 24 апреля 1885 г.) о митинге негодования в Бриджтауне в знак протеста против того, что английское правительство отказалось ратифицировать торговый договор с Соединенными Штатами. Островитяне ощущают конкуренцию сахара “щедрого откорма” на английском рынке; новое осложнение, новое зло.

16economist, коммерческое приложение, 14 февраля 1885 г., стр. 7.

17Поскольку вышеуказанное было напечатано, был получен и опубликован отчет "южноамериканской комиссии". Эта Комиссия представила определенные предложения президенту Чили от имени Соединенных Штатов. В отчете говорится:

“Второе предложение включало идею взаимного торгового договора между двумя странами, в соответствии с которым особые товары каждой из них должны беспошлинно ввозиться на территорию другой страны при перевозке под флагом любой из стран. Это не вызвало большей симпатии у президента Санта-Марии, который не был расположен заключать договоры о взаимности. Его люди были вольны продавать там, где они могли получить лучшие цены, и покупать там, где товары были самыми дешевыми. По его мнению, коммерции не способствовали торговые договоры, и Чили не просила другие страны об особых одолжениях и не оказывала их им. Торговля будет регулироваться сама по себе, и нет никакой пользы в том, чтобы пытаться направить ее в ту или иную сторону. Что касается Соединенных Штатов, то торговля с Чили могла быть очень незначительной из-за того факта, что продукты двух стран были почти идентичны. Чили производил очень мало того, что нам было нужно, и хотя в Чили использовалось много промышленной продукции Соединенных Штатов, торговцам последней страны должно быть разрешено покупать там, где они продавали и где они могли торговать с наибольшей выгодой. Ссылаясь на положение о том, что пониженные пошлины должны быть разрешены только в отношении товаров, перевозимых чилийскими или американскими судами, он сказал, что Чили не хочет никаких подобных средств для поощрения своей торговли: ее порты открыты для всех судов мира на равных условиях, и ни у кого не должно быть особых привилегий”. — (Нью-Йорк Таймс, 3 июля 1885 г.)

Если это прекрасный образец политического и экономического просвещения, царящего на другом конце Американского континента, то очень жаль, что “Комиссия” не намного больше. Они похожи на неграмотных миссионеров, которые неожиданно оказались в теологической семинарии. Мы бы поступили правильно, отправив туда весь наш Конгресс.

18Это тот случай, в отношении которого Inter-Осеан предложила средство правовой защиты, описанное в71 примечании.

19Я исключаю работы мистера Кэрролла Райта. Он достаточно заявил о том, насколько ничтожна его ценность.

20Вк. V, гл. 10, § 1.

21Он был математически разработан французским математиком (Journal des Economistes, август и сентябрь 1873 г., стр. 285 и 464).

22Смотрите ошибочность под этим заголовком: Каннингем, “Рост английской промышленности”, 410, примечание.

23

ИММИГРАЦИЯ В 1884 ГОДУ

	Мужчины	Женщины	Всего
Профессиональные занятия	2,184	100	2,284

Квалифицированные профессии	50,905	4,156	55,061
Профессии не указаны	19,778	11,887	31,665
Нет занятий	75,483	169,904	245,387
Разные профессии	160,159	24,036	184,195
Всего	308,509	210,083	518,592

В категории "Разное" числилось 106 478 чернорабочих и 42 050 фермеров.

[24](#)Усматриваю ошибочность в этом пункте: Каннингем, “Рост английской промышленности”, примечание 410.

[25](#)Посмотрите интересную подборку иллюстраций в статье о “Властелинах индустрии” в North American Review за июнь 1884 года. Бесполезная критика в конце статьи не влияет на ценность собранных фактов.

[26](#)Каннингем, “Рост английской промышленности и торговли”, 316, примечание 2. (См. также §§[114](#), [134](#).)

[27](#)Милль, “Политическая экономия”, Б.К. I, гл. 5, §[5](#). Кэрнс, “Ведущие принципы”, гл. I, §[5](#).

[28](#)“Политическая экономия”, 491-492.

[29](#)Я опубликовал критику этого случая в лондонском журнале economist от 1 декабря 1883 года.

[30](#)Цитируется Тауссигом: “История существующего тарифа”, 73.

[31](#)Иллюстрации к этому представлены без числа. Вот самое последнее из них: “Мастера [по шелку] [из Лиона, Франция] обращаются к правительству за помощью в виде снижения пошлины на хлопчатобумажную пряжу или права беспошлинно ввозить все количество пряжи для экспорта после изготовления. При нынешних тарифах они утверждали, и это, несомненно, правда, что они не могут конкурировать сшвейцарскими и немецкими производителями. Но руанские хлопкопрядильщицы выступают против требований лионских производителей шелка и заявляют, что они разорятся, если последним будет позволено закупать материал из-за границы. Лионские ткачи утверждают, что они разоряются, потому что не могут этого сделать” (Economist, 1885, стр. 815). Хлопкоробы победили в Палате депутатов 23 июля 1885 года.

[32](#)independent, 16 августа 1888 г.

[33](#)В "Хорошем настроении" за апрель 1886 г., стр. 7.

[34](#)Выступление на обеде комитета по тарифной реформе Реформ-клуба в городе Нью-Йорк, 2 июня 1906 г.

[35](#)Еженедельник Лесли, 20 августа 1896г.

[36](#)Еженедельника Лесли, 3 сентября 1896г.

[37](#)Еженедельник Лесли, 10 сентября 1896г.

[38](#)Еженедельник Лесли, 17 сентября 1896г.

39С. 161-162.

40Еженедельник Лесли, 24 сентября 1896г.

41Harper's Weekly, 15 сентября 1883 г.

42Научно-популярные новости, июль 1887г.

43The independent, 19 апреля 1888 г.

44“Земной голод и другие очерки”, стр. 217-270.

45The independent, 13 июня 1889 г.

46 Falke, “August von Sacheen.”

47Североамериканское обозрение, том. CXXXII, стр. 559-566. (Июнь 1881 г.)

48 The North American Review, том. cxhii, стр. 47-87. (Январь 1876 г.)

49Выступление перед Кентским клубом Йельской школы права.

50 Статистика означает здесь то, что она должна означать, гораздо больше, чем таблицы с цифрами.

51Найлс, XLVI, 407.

52Найлс, VIII, 246.

53Найлс, XXIV, 247.

54Найлс, XLVI, 101.

55Для Клэя, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Делавер, Мэриленд.

56Найлз, 1 марта 1834 года.

57Несколько фальшивомонетчиков были арестованы в Нью-Йорке на чердаке, где у них было 20 000 долларов банкнотами “оттавского банка” и 800 долларов наличными. Они были очень возмущены — сказали, что являются “банком” и печатают свои банкноты в Нью-Йорке в целях экономии. В то время они были настолько близки к определению “банковского” течения, что сбежали под этим предлогом.

58Речь на прощальном банкете в честь Герберта Спенсера, состоявшемся 9 ноября 1882 г.

59Адрес доставлен в хартфорде.

60Эти инициалы, как будет видно ниже, означают прошедшего Гран-при мастера-кооператора, в то время как Г. С. указывает на более низкую степень Великого Кооператора.

Примечание переписчика

Пунктуация, переносы и орфография были приведены в соответствие, когда в оригинальной книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись.

Были исправлены простые типографские ошибки.

Были удалены избыточные заголовки глав.

Сноски, первоначально расположенные в конце страниц, были перенумерованы в единую последовательность, собраны и размещены после списка литературы.

Указатель содержит ссылки на другие книги в дополнение к этой, поэтому версии этой книги, поддерживающие гиперссылки, не содержат гиперссылок на эти другие книги.

Указатель систематически не проверялся на правильность расположения в алфавитном порядке или ссылок на страницы.

В Википедии есть краткая биография Уильяма Грэма Самнера:

https://en.wikipedia.org/wiki/William_Graham_Sumner

Обложка создана автором и размещена в общественном достоянии.

Страница 355: Войны семинолов велись в 1817-1818 годах, а не в 1878 году.

Сноска 46: “Август фон Саксен” может быть опечаткой при написании “Август фон Заксен”.